

СТИВЕН КИНГ

Мертвая зона

Впервые — полный перевод романа
«Мертвая зона», с которого
началась знаменитая
российская читательная
с Кингом.

Столкновение на льду обернулось для Джона Смита сотрясением мозга. С тех пор его неизменно преследуют страшные видения. А еще после катастрофы он приобрел сверхъестественные способности, превосходящие дар любого ясновидящего. Теперь Джон раскрывает самые запутанные преступления. Помогает попавшим в беду людям. И однажды понимает, что он — единственный, кто в силах остановить рвущегося к власти политика, готового ввергнуть в хаос и ужас миллионы людей...

Но чем ему придется за это заплатить?

- [Стивен Кинг](#)
 - [От автора](#)
 - [Пролог](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Часть I](#)
 - [Глава первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Глава третья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [Глава шестая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [Глава седьмая](#)
- [Глава восьмая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Глава девятая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Глава десятая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
- [Глава двенадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Глава тринадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Глава четырнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
- [Глава пятнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава шестнадцатая](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [Часть II](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [Глава двадцать шестая](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [Глава двадцать седьмая](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [Часть III](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [notes](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
-

Стивен Кинг
Мёртвая зона

События, изложенные в романе, вымышлены. Все персонажи — тоже плод авторской фантазии. Поскольку действие происходит в исторических условиях минувшего десятилетия^[1], читателю могут встретиться имена реальных людей, известных в семидесятых годах. Надеюсь, портрет ни одного из этих лиц не искажен.

В штате Нью-Хэмпшир нет третьего избирательного округа, как нет и города Касл-Рок в штате Мэн.

Приемы уроков чтения Чака Четсворта заимствованы из книги Макса Брэнда «Живой мозг», впервые опубликованной издательством «Додд, Мид энд компани».

*Посвящается Оуэну
Я люблю тебя, старый увалень*

К окончанию колледжа Джон Смит уже не помнил, что в январе 1953 года сильно ударился головой и растянулся на льду. Вообще-то воспоминания о том злополучном падении стерлись из его памяти к концу школы. А родители об этом вообще ничего не знали.

Они катались на расчищенном от снега пяточке Круглого пруда в Дареме. Мальчишки постарше играли в хоккей старыми клюшками, обмотанными изоляционной лентой, а воротами служили старые корзины из-под картофеля. Мальшня, как водится, крутилась тут же, смешно вихляя коленками и выпуская клубы пара на двадцатиградусном морозе. На углу расчищенной площадки чадил две горящие автомобильные покрывки, возле которых устроились родители, наблюдавшие за детьми. Снегоходы еще не изобрели, и зимние развлечения по-прежнему сводились к физической нагрузке, а не к испытанию на прочность бензиновых двигателей.

Джонни жил на окраине Паунала и пришел на каток с коньками, перекинутыми через плечо. Для шестилетнего мальчугана он катался очень неплохо. Конечно, не так хорошо, чтобы играть в хоккей с ребятами постарше, но вполне прилично, поэтому и описывал круги вокруг других малышей, которые судорожно взмахивали руками, стараясь сохранить равновесие, и все равно плюхались на лед мягким местом.

Сейчас Джонни медленно катился по краю расчищенного пяточка, мечтая научиться скользить задом наперед, как Тимми Бенедикс, и прислушиваясь к потрескиванию льда, крикам хоккеистов, обрывкам разговоров взрослых и урчанию грузовика, везущего через мост сырье на гипсовую фабрику в Лисбон-Фоллс. Он всю радулся жизни в этот отличный, по-зимнему холодный день. Ничто не омрачало его чудесного настроения, и ни о чем не мечталось... разве что научиться ездить задом наперед, как Тимми Бенедикс.

Проехав мимо костра, Джонни увидел, как несколько взрослых передают по кругу бутылку.
— Дайте мне тоже! — крикнул он Чаку Спайеру, на котором была большая клетчатая куртка и теплые зеленые фланелевые штаны.

Чак засмеялся:

— Проваливай, малыш! Вон тебя мама зовет!

Улыбаясь, шестилетний Джонни Смит покатил дальше.

И тут заметил, как по дороге к пруду спускается Тимми Бенедикс, а следом — его отец.

— Тимми! — закричал Джонни. — Смотри!

Он повернулся и неуклюже заскользил спиной вперед, не замечая, что движется в самую гущу хоккеистов.

— Эй, малыш! — крикнул кто-то. — Гляди, куда катишь!

Но Джонни ничего не слышал. У него получилось! Он ехал задом наперед! Мальчик вдруг уловил суть движения — надо только чуть вывернуть ступни...

Охваченный восторгом, он опустил взгляд, чтобы посмотреть, как двигались ноги.

Мимо него проскочила старая, изрезанная царапинами шайба со стертыми краями, но он не видел ее. Один из хоккеистов — не очень уверенно державшийся на коньках — бросился за ней, не замечая ничего вокруг.

Чак Спайер, первым поняв, что происходит, вскочил на ноги и крикнул:

— Джонни! Берегись!

Джонни поднял голову, и в следующий момент неумелый хоккеист врезался в него на полной скорости со всей тяжестью своих ста шестидесяти фунтов.

Джонни, раскинув руки, взмыл вверх и через мгновение рухнул на лед, ударился головой и провалился в темноту.

Тьма... Черный лед... Тьма... Черный лед... Черная мгла.

Джонни сказали, что он потерял сознание. А ему запомнились только навязчивая мысль о темноте и неожиданно окружившие его лица: испуганных хоккеистов, встревоженных родителей, любопытствующих малышей. Ухмыляется Тимми Бенедикс. Чак Спайер приподнимает Джонни со льда...

Черный лед. Мгла.

— Ну как ты? — спросил Чак. — Джонни... с тобой все в порядке? Ты здорово ушибся.

— Чернота, — глухо произнес Джонни. — Черный лед. Не надо на нем прыгать, Чак.

Чак испуганно оглянулся и, снова посмотрев на Джонни, осторожно потрогал огромную шишку, вздувшуюся на лбу мальчика.

— Я нечаянно, — сказал неуклюжий хоккеист. — Я даже не видел его. Малышам на хоккее не место. Это все знают.

Он неуверенно оглянулся, ища поддержки.

— *Джонни?* — снова окликнул Чак. Ему не понравился взгляд мальчика, мрачный, холодный, отсутствующий. — *С тобой все в порядке?*

— Не надо на нем прыгать, — повторил Джонни, по-прежнему не сознавая, что говорит — все его мысли занимал только черный лед. — Взрыв. Кислота.

— Может, отвезти его к врачу? — спросил Чак у Билла Гендрона. — Похоже, он бредит?

— Подождем минутку, — отозвался Билли.

Они так и сделали, и через некоторое время в голове Джонни действительно начало проясняться.

— Я в порядке, — пробормотал он. — Дайте мне встать!

Проклятый Тимми Бенедикс по-прежнему ухмылялся, и Джонни решил, что еще покажет ему. К концу недели он уже будет описывать круги вокруг Тимми: хочешь передом, хочешь задом.

— Иди-ка сюда и посиди у костра, — предложил Чак. — Ты здорово ушибся!

Джонни послушно дошел до горящих покрышек, но от едкого запаха плавящейся резины его затошнило. Потом разболелась голова, и он с любопытством ощупал шишку над левым глазом. Ему показалось, что она выпирает, как рог.

— Ты помнишь, как тебя зовут, и вообще? — поинтересовался Билл.

— Конечно. Я все помню. Со мной все в порядке.

— Кто твои мама и папа?

— Эрб и Вера. Фамилия Смит.

Билл и Чак, переглянувшись, пожали плечами.

— Думаю, с ним все в порядке, — заметил Чак и уже в третий раз добавил: — Он здорово приложился, верно? Поразительно!

— Дети... — Билл любовно посмотрел на своих восьмилетних дочурок-близняшек, которые катались, взявшись за руки, и снова перевел взгляд на Джонни. — От такого удара взрослый вряд ли очухался бы.

— Если, конечно, у него голова не пустая! — заметил Чак, и они рассмеялись. Бутылка виски снова пошла по кругу.

Через десять минут Джонни уже снова катался, головная боль утихла, а шишка на лбу выпирала, как бугорок. Вернувшись домой преисполненным гордости от того, что умеет кататься задом наперед, он напроочь забыл о злосчастном падении и потере сознания.

— Боже милостивый! — воскликнула Вера Смит, увидав сына. — Что случилось?

— Упал, — объяснил мальчик, с жадностью уплетая томатный суп.

— С тобой все в порядке, Джон? — участливо спросила она, осторожно трогая шишку.

— Конечно, мам.

Это было правдой, если не считать того, что и месяц спустя после этого Джонни время от времени снились кошмары... Да еще на него вдруг наваливались в необычное время неожиданные приступы сонливости. Но и кошмары по ночам, и приступы сонливости вскоре прошли.

С ним было все в порядке.

Как-то утром в середине февраля, обнаружив, что сел аккумулятор его старенького «де сото», Чак Спайер решил подзарядить его от грузовичка. Когда он подсоединял провод ко второй клемме аккумулятора, тот взорвался прямо перед ним, брызнув осколками и едкой кислотой в лицо. Чак потерял глаз. Вера сказала, что Господь был милостив, сохранив ему второй. Джонни очень переживал и через неделю после несчастного случая отправился с отцом навестить Чака в больнице Льюистона. Он был потрясен, увидев Большого Чака на больничной койке потерянным и жалким, и в ту ночь ему приснилось, что *он сам* оказался в больнице вместо Чака.

Впоследствии у Джонни иногда появлялись предчувствия. Например, он знал, какую песню поставит диджей на радио, но никогда не связывал это с тем злополучным ударом головой об лед. Со временем Джонни совсем забыл о том происшествии.

Предчувствия бывали довольно редко и никогда не удивляли его. Удивлять они стали после той ярмарки и случая с маской. Накануне второго несчастного случая.

Позже он часто размышлял об этом.

На «Колесе фортуны» Джонни выиграл *перед* вторым несчастным случаем.

Это было как напоминание из прошлого.

Летом 1955 года по Небраске и Айове колесил коммивояжер. Под лучами палящего солнца он сидел за рулем «меркьюри» пятьдесят третьего года, намотавшего уже больше семидесяти тысяч миль и явно нуждавшегося в регулировке клапанов. Коммивояжер был крупным парнем, типичным выходцем со Среднего Запада. Летом 1955 года Грегу Стилсону только исполнилось двадцать два, а он уже успел прогореть на малярном бизнесе в Омахе, лопнувшем четыре месяца назад.

Багажник и заднее сиденье автомобиля были заставлены картонными коробками с книгами. В основном Библиями. Самых разных форматов и размеров. Лучше всего расходилась «Библия Американского праведного пути», по доллару шестьдесят девять центов, с шестнадцатью иллюстрированными цветными вкладками и переплетом на авиационном клее, который гарантировал, что страницы не рассыплются по меньшей мере десять месяцев. Затем — для тех, кто победнее, — тоже карманного формата «Новый Завет Американского праведного пути», за шестьдесят пять центов и без цветных вставок, но зато со словами «Господь наш Иисус», напечатанными красным. Состоятельной публике предлагалось подарочное издание «Библии Американского праведного пути» по девятнадцать долларов девяносто пять центов в белом, под кожу, переплете, со специально оформленным местом для нанесения золотой краской имени владельца. Книгу украшали двадцать четыре цветных иллюстрации и вклеенные в середину чистые листы для записей дат рождений, свадеб и похорон. На подарочное «Слово Божие» распространялась гарантия в два года. В отдельной коробке хранились дешевые брошюры карманного формата, озаглавленные «Праведный путь в Америке: еврейско-коммунистический заговор против Соединенных Штатов».

На этих брошюрах, напечатанных на дешевой газетной бумаге, Грег зарабатывал больше, чем на всех Библиях, вместе взятых. В них рассказывалось, как Ротшильды, Рузвельты и Гринблатты прибирали к рукам американскую экономику и правительство. Графики наглядно показывали, что евреи напрямую связаны с осью коммунизма/марксизма/ ленинизма/троцкизма, а через нее с самим Антихристом.

В Вашингтоне еще помнили дни маккартизма, звезда Джо Маккарти на Среднем Западе пока не закатилась, а Маргарет Чейс Смит^[2] от штата Мэн называли не иначе как «стервой» за предложенную ею Декларацию совести. Сельская клиентура Грега очень болезненно реагировала не только на идеи коммунизма, но и на то, чтобы миром управляли евреи.

Грег свернул на пыльную дорогу к ферме в двадцати милях от Эймса, штат Айова. На вид дом казался пустым: шторы задернуты, двери в коровник заперты; но, чтобы узнать наверняка, нужно проверить самому. Этот девиз неплохо послужил Грегу Стилсону за те два года, что они с матерью прожили в Омахе, когда уехали из Оклахомы. Из малярного бизнеса не вышло ничего путного, но он сослужил свою службу, на какое-то время избавив Грега от необходимости то и дело поминать Иисуса, да простится ему это маленькое святотатство. И вот теперь он снова был при деле, но уже не как проповедник или борец за духовное возрождение, и испытывал настоящее облегчение при мысли, что чудотворный бизнес остался в прошлом.

Грег открыл дверцу машины, и едва опустил ногу на пыльную дорогу, как из-за коровника с громким лаем выскочил здоровенный и злющий пес с прижатыми ушами.

— Привет, дворняжка, — проговорил Грег приятным голосом, низким и завораживающим. Благодаря хорошо подвешенному языку он в свои двадцать два года уже приобрел навыки опытного оратора и умел увлечь аудиторию.

Пес никак не отреагировал на дружелюбие в голосе Грега и продолжал злобно

приближаться, ничуть не скрывая, что хотел бы полакомиться заезжим коммивояжером. Грег быстро забрался в машину, захлопнул дверцу и дважды нажал на клаксон. По лицу градом лил пот, на белом льняном пиджаке, под мышками, проступили темно-серые круги, а на спине расплзлось пятно, похожее на дерево с ветвистой кроной. Грег еще раз нажал на клаксон, но никто не вышел. Эти деревенские недотепы наверняка погрузились в пикап «интернэшнл харвестр» или «студебекер» и укатили в город.

Грег улыбнулся.

Но вместо того чтобы включить заднюю передачу и уехать, он пошарил рукой сзади и вытащил обычный ручной опрыскиватель, только запрограммированный не инсектицидом, а аммиаком.

Оттянув поршень, Грег снова вышел из машины. Собака, уже присевшая на задние лапы, моментально вскочила и стала приближаться, угрожающе рыча.

Грег улыбнулся.

— Все в порядке, дворняжка, — произнес он все тем же низким и завораживающим голосом. — Подходи, не бойся!

Грег ненавидел отвратительных сельских псов, которые вели себя на крошечных пятках земли перед домом так нагло и спесиво. К тому же по собакам всегда можно судить о хозяевах.

— Проклятые тупицы! — тихо воскликнул он, продолжая улыбаться. — Ну же, песик, подходи!

Пес подскочил и присел на задние лапы, готовясь к прыжку. Из коровника послышалось мычание, и стебли кукурузы тихо зашелестели от дуновения ветра. Пес прыгнул, и лицо Грега стало жестоким. Нажав на поршень, он выпустил облако аммиака прямо в глаза и нос животного.

Злобный лай сменился коротким визгом; собака заскулила от боли, едва аммиак начал разъедать глаза. Пес поджал хвост, моментально превратившись из злой сторожевой собаки в усмиренную дворняжку.

Лицо Грега Стилсона потемнело, глаза теперь напоминали узкие щелки. Шагнув вперед, он с размаху нанес удар ногой собаке в бок. Та протяжно взвизгнула, но, вместо того чтобы покинуть поле боя, убравшись за коровник, от страха и боли бросилась на мучителя, чем подписала себе смертный приговор.

Рыча, она слепо рванулась вперед и, вцепившись в правую льняную брючину, порвала ее.

— *Ах ты, сукин сын!* — Грег взревел от ярости и снова ударил собаку ногой, на этот раз с такой силой, что та покатила кубарем. Он подскочил к псу и нанес еще один удар, не переставая осыпать его проклятиями. Только теперь собака, со слезящимися глазами, с мучительной болью в носу, с одним сломанным, а другим треснувшим ребром, почуяла наконец опасность, исходящую от этого безумца, но было слишком поздно.

Задыхаясь и крича, взмокший от пота Грег Стилсон гонял собаку по пыльному двору. Он пинал ее ногами до тех пор, пока она, скуля, не зарылась в пыль. Истекавший кровью пес умирал.

— Нечего было кусаться! — шипел Грег. — Слышишь? Слышишь? Нечего было кусаться, проклятая псина! Нельзя стоять у меня на пути! Слышишь? Нельзя никому!

Он с размаху нанес еще один удар заляпанным кровью носком ботинка, но собака лишь захрипела в ответ. Голова Грега раскалывалась.

Это все солнце! Гоняться за собакой на солнцепеке! Как бы самого не хватил удар!

Он закрыл на мгновение глаза, стараясь отдышаться. Капли пота блестели в ежике волос и стекали по лицу, как слезы. У ног испускала дух избитая собака. В темноте под опущенными веками Грега прыгали разноцветные пятна, а сердце неистово билось.

Голова разламывалась.

Иногда Грег спрашивал себя, уж не сходит ли он с ума. Как сейчас, например. Ведь он собирался лишь отогнать собаку в коровник опрыскивателем, чтобы спокойно оставить визитку под входной дверью. Потом он вернулся бы и продал книги. А что теперь? Какое-то кровавое месиво. И как теперь оставить визитку?

Грег открыл глаза. Собака хрипло и часто дышала, из носа сочилась кровь. Заметив, что мужчина опустил на него глаза, пес покорно лизнул носок ботинка, будто признавая себя побежденным, и погрузился в забытье.

— Не надо было рвать брюки! — обратился к собаке Грег. — Они обошлись мне в пять долларов, шелудивая тварь.

Пора уносить ноги. Ему не поздоровится, если этот деревенский олух с женой и шестью детьми вернутся из города на «студебекере» и увидят своего издыхающего пса у ног незваного коммивояжера. Он потеряет работу. Компании «Американский праведный путь» не нужны коммивояжеры, убивающие собак христиан.

С нервным смешком Грег сел в машину и быстро дал задний ход. Добравшись до дороги, разрезавшей кукурузное поле ровной линией, он устремился на восток и вскоре мчался со скоростью шестьдесят пять миль в час, оставляя за собой длинный шлейф пыли.

Терять работу отнюдь не входило в его планы. По крайней мере сейчас. Он неплохо зарабатывал: помимо уловок, отлично известных компании «Американский праведный путь», Грег разработал несколько своих, о которых не знал никто. Ему было грех жаловаться. Постоянные разъезды, связанные со сменой обстановки, новые знакомства, много... девчонок. Казалось, жизнь удалась, правда...

Правда, этого ему было мало.

Он продолжал путь; голова разламывалась. Да, этого ему было мало. Грег чувствовал, что родился для большего, чем разъезжать по Среднему Западу, торговать библиями и подделывать накладные ради пары лишних долларов в день. Он чувствовал, что родился для... для...

Для величия!

Да, именно для этого! Несколько недель назад Грег затащил на сеновал девчонку. Ее родители уехали в Давенпорт, набив машину цыплятами для продажи, и она сначала предложила ему стакан лимонада, а потом пошло-поехало. Когда все кончилось, девчонка заявила, будто в сексе он ничем не отличается от проповедника, и тогда Грег залепил ей пощечину. Почему — и сам не знал. Просто дал пощечину и уехал.

Вообще-то не совсем так.

Он ударил ее три или четыре раза. И остановился, только когда она начала кричать и звать на помощь. Каким-то образом ему все же удалось помириться с ней, для чего Грег пустил в ход все обаяние, каким наградил его Господь. Тогда голова тоже разболелась, а перед глазами запрыгали разноцветные точки, и он решил, что это из-за невыносимой жары на сеновале. Однако причиной головной боли была не только жара. Грег почувствовал то же самое и на пяточке перед домом, когда собака разорвала его брюки: им овладело нечто темное и безумное.

— Я не псих! — громко произнес он и, опустив стекло, вдохнул полной грудью раскаленный летний воздух, пахнувший пылью, кукурузой и навозом. Включив радио, Грег поймал песню в исполнении Пэтти Пейдж. Головная боль немного стихла.

Главное — уметь держать себя в руках и не подмочить репутации. Тогда ему никто не страшен. И он постоянно совершенствовался в этом. Ему уже не снился так часто отец в сдвинутой на затылок шляпе и ревевший:

— Ты — мерзкий и ни на что не годный подонок и сопляк!

Ему это снилось все реже, потому что перестало быть правдой. Грег уже не сопляк. В детстве он действительно часто болел и был хилым, но теперь вырос, окреп и заботился о

матери...

А отец умер и ничего этого не видел. Грег не мог заставить его отказаться от своих слов, потому что тот погиб при взрыве на нефтяной вышке. Но ему ужасно хотелось откопать отца и, вытащив из могилы, высказать в обезображенное лицо все, что накопело, а потом наподдать так... как тому псу!

Голова снова заболела, но уже не так сильно.

— Я не псих! — снова громко повторил он, но его слова заглушала музыка. Мать всегда говорила, что Грег родился для чего-то большого, великого, и он искренне верил этому. Нужно просто постоянно держать себя в руках, не совершать проколов — вроде пощечин девушке или избияния собаки — и дорожить репутацией.

В чем именно заключается его величие, он узнает, когда пробьет час. В этом Грег не сомневался.

Он снова вспомнил о собаке; на этот раз с равнодушной улыбкой, без насмешки и сострадания.

Впереди его ожидало величие. До него еще далеко: конечно, сейчас Грег слишком молод, но в этом нет ничего плохого, если понимать, что все придет со временем. И верить, что рано или поздно мечта осуществится. А он верил в это.

И да помилуй Господь и сынок его Иисус всех, кто окажется у него на пути!

Грег Стилсон выставил в окно загорелый локоть и начал насвистывать песню, звучавшую по радио. Нажав на газ, он увеличил скорость до семидесяти миль в час, и старенький «меркьюри» помчался по прямому как стрела проселку в штате Айова к тому будущему, которое ждало Грега впереди.

Часть I
«Колесо фортуны»

Тот вечер запомнился Саре маской и необычайным везением Джона на «Колесе фортуны». Однако впоследствии, в те редкие дни, когда ей удавалось вернуться к событиям той ужасной ночи, она обычно вспоминала только маску.

Джонни жил в многоквартирном доме на Кливс-Миллс. Сара приехала без четверти восемь, поставила машину за углом и позвонила в дверь подъезда. Они решили, что поедут на ее машине, потому что свою он отогнал в Хэмпден, чтобы отремонтировать в мастерской Тиббетса: вышел из строя подшипник колеса или что-то в этом роде. Джон сказал ей по телефону, что ремонт обойдется дорого, и тут же засмеялся таким знакомым смехом. Сара заливалась бы слезами, коснись это ее машины или кошелька.

Она прошла через вестибюль к лестнице мимо доски объявлений. Обычно та была вся утыкана рекламой мотоциклов, стереосистем и машинописных работ, просьбами подвезти в Канзас или Калифорнию, поисками попутчиков для поездки во Флориду, чтобы меняться за рулем и оплатить бензин в складчину. Но сегодня основную часть доски занимал большой плакат с надписью «Забастовка!». На нем был изображен сжатый кулак на багровом фоне, символизовавшем пламя. Стоял конец октября 1970 года.

Джонни жил на втором этаже, и окна его квартиры, которую он шутливо называл «пентхаусом», выходили на улицу. Возле них можно было стоять в смокинге — совсем как Рамон Наварро^[3]! — держать в руке пузатый бокал с десертным вином и наблюдать за бурлящей внизу жизнью городка — снующими такси, переливающимися неоновыми рекламами и жителями, расхаживавшими по домам после спектаклей и фильмов. В городе насчитывалось почти семь тысяч этажей, и это был один из них.

По сути, Кливс-Миллс представлял собой главную улицу с единственным светофором на перекрестке, переключавшимся на мигающий желтый после шести вечера, парой дюжин магазинов и маленькой фабрикой по пошиву мокасин. Как и в большинстве других городков, окружавших Ороно, где располагался Университет штата Мэн, основным источником доходов в Кливс-Миллс являлись студенты, которым было нужно пиво, вино, бензин, рок-н-ролл, закусочные, наркотики, бакалея, жилье и кинотеатры. Кинотеатр назывался «Тень», и во время учебы там крутили некоммерческие фильмы и ностальгические ленты сороковых годов. Летом же репертуар составляли снятые в Европе вестерны с Клинтом Иствудом в главной роли.

Джонни и Сара окончили университет год назад, и оба преподавали в старшей школе Кливс-Миллс — одной из немногих еще не структурированных в окружную систему образования. Студенты, преподаватели и сотрудники администрации университета снимали в Кливсе жилье, и город неплохо жил на собираемые налоги. Старшая школа хорошо финансировалась и недавно обзавелась новенькой пристройкой с отличной библиотекой. Порой обыватели недовольно брюзжали по поводу университетской публики с ее заумными разговорами, антивоенными маршами и вмешательством в городские дела, но никогда не возмущались потоком налоговых долларов, ежегодно стекавшихся в казну за уютные профессорские особнячки и многоквартирные дома, располагавшиеся в районе, который одни студенты называли «Голубым раем», а другие — «Бесстыжим кварталом».

Сара постучала в дверь, и Джонни ответил странно приглушенным голосом:

— Входи, Сара, открыто!

Слегка нахмурившись, она толкнула дверь. В квартире было совсем темно, если не считать

чуть заметных отблесков от светофора, мигающего желтым чуть выше по улице. Мебель отбрасывала на стены черные тени.

— Джонни?

Решив, что перегорели пробки, Сара сделала осторожный шаг, и из темноты, прямо перед ней, вдруг возникло жуткое лицо из ночного кошмара. Оно светилось каким-то потусторонним зеленым светом. Один широко открытый глаз смотрел на нее со страхом и болью, второй, прищуренный, пялился плотоядно и зловеще. Левая половина лица — та, что с открытым глазом, — с виду казалась нормальной, зато другая, перекошенная, не походила на человека: из-под толстых губ торчали кривые зубы, и они тоже светились.

Испуганно вскрикнув, Сара отшатнулась. Но тут включился свет, и она поняла, что находится в квартире Джонни, а не в загробном каземате: на стене фотомонтаж с Никсоном, торгующим автомобилями, на полу — плетеный коврик, сделанный матерью Джонни, и пустые бутылки, превращенные в подсвечники. Лицо перестало светиться, и Сара догадалась, что это дешевая маска на Хэллоуин. В открытой глазнице блестел голубой глаз Джонни.

Он стянул маску и весело улыбнулся:

— С Днем всех святых, Сара!

Ее сердце бешено колотилось. Джонни не на шутку напугал ее.

— Очень смешно!

Она повернулась к двери. Ей не нравилось, когда ее так пугали.

Джонни остановил Сару.

— Извини. Я не хотел напугать тебя.

— Думать надо! — Сара смерила его холодным взглядом, но злость уже проходила. Дело в том, что она не могла долго сердиться на Джонни. Сара не знала, любит ли Джонни, но не могла долго таить на него обиду или злиться. Сама мысль, что кому-то удавалось долго дуться на Джонни, показалась ей такой нелепой, что Сара невольно улыбнулась.

— Вот и славно! А то я уж решил, что ты собираешься меня бросить, приятель.

— Я — не приятель!

Он окинул ее взглядом.

— Я заметил это.

Джонни имел в виду ее просторную меховую шубку из искусственного енота или чего-то столь же сомнительного, и его простодушная откровенность снова вызвала у нее улыбку:

— В таком наряде не видно.

— А мне еще как видно!

Джонни обнял и поцеловал Сару. Сначала она не хотела отвечать на поцелуй, но, конечно же, ответила.

— Извини, что напугал тебя. — Он шутливо потерся носом о ее нос и, отпустив, взял маску. — Я подумал, тебе понравится. Хочу появиться в ней в пятницу в школе.

— Джонни, ты же сам провоцируешь нарушение дисциплины.

— Как-нибудь справлюсь. — Он усмехнулся. — И, черт возьми, не без оснований!

Сара каждый день приходила в школу, нацепив большие «учительские» очки и стянув сзади волосы в такой тугий пучок, что они, казалось, пищали от боли. В разгар лета она носила юбки почти до колен, тогда как у большинства учениц они едва прикрывали трусики. Сару это возмущало, ведь ее ноги были куда красивее. Она рассаживала учеников в алфавитном порядке, что — хотя бы по закону больших чисел — должно было развести главных смутьянов в разные стороны, и решительно отправляла нарушителей порядка к заместителю директора. Сара справедливо полагала, что тот должен отрабатывать пятьсот долларов в год, которые ему в отличие от нее приплачивают за «воспитательную» работу. Ее работа в школе была постоянной

борьбой за дисциплину против сущего бича всех учителей-первогодков, именуемого Хулиганством. Особенно тревожил Сару своеобразный «суд присяжных» — общественное мнение учащихся, оценивавших всех новых учителей. В отношении ее они вынесли не слишком лестный «вердикт».

Джонни, казалось, не имел ни одного из тех свойств, которыми должен обладать хороший учитель. Он постоянно витал в облаках и неторопливо перемещался из класса в класс, часто опаздывая на урок из-за того, что с кем-то заболтался на перемене. Он позволял ребятам сидеть, кому с кем хочется, поэтому запомнить, кто где расположился, было невозможно, и хулиганы неизбежно группировались на задних рядах. Соверши такую оплошность Сара, она выучила бы имена учеников только к марту, а Джонни знал их назубок.

Он был высоким и немного сутулился, за что получил прозвище Франкенштейн. Джонни это не обижало, скорее, даже забавляло. Но почему-то на его уроках царили тишина и порядок, почти никто не прогуливал, а у Сары ученики постоянно сбегали с урока! «Суд присяжных», похоже, склонялся в пользу Джонни.

Еще десять лет, и ученики признают его лучшим учителем года! А вот Сару такая перспектива точно не ожидала, и она часто злилась, не понимая, почему это так.

— Хочешь пива на дорожку? Или вина? Или еще чего?

— Нет, но надеюсь, ты при деньгах. — Она взяла его за руку, решив простить. — Я всегда ем три горячие сосиски. И уж тем более на последней в году ярмарке округа.

Они собирались в Эсти — городок в двадцати милях к северу от Кливс-Миллс. Единственной, да и то сомнительной, претензией Эсти на значимость было проведение «Абсолютно последней фермерской ярмарки года в Новой Англии». Ярмарка закрывалась в пятницу, в День всех святых.

— Поскольку получка была в пятницу, с деньгами у меня совсем неплохо. Есть целых восемь долларов.

— Боже мой! — Сара закатила глаза. — Я всегда знала, что, сохранив целомудрие, обязательно встречу богатенького папика!

Джонни кивнул:

— Да, малышка, мы, сутенеры, просто купаемся в деньгах! Сейчас захвачу пальто и поедем.

Сара вдруг ощутила необычайную нежность и снова услышала внутренний голос, звучавший в последнее время все чаще и чаще: и в душе, и во время чтения, и при подготовке к урокам, и за одинокой трапезой. Этот голос походил на тридцатисекундные социальные ролики по телевизору:

Он отличный парень и все такое, с ним легко, весело, и он никогда не заставит тебя плакать. А что такое любовь? Может, она сводится именно к этому? Даже учась ездить на двухколесном велосипеде, человек обязательно падает и сбивает коленки. Это своего рода «переходный обряд». Так уж устроен мир.

— Иду в ванную, — сообщил Джонни.

— Давай. — Сара улыбнулась. Джонни из тех, кто всегда сообщает о своих естественных надобностях. Бог весть почему.

Она подошла к окну и выглянула на Мейн-стрит. На парковке возле закуской О'Майка собирались ребяташки. Саре вдруг захотелось оказаться среди них и стать маленькой девочкой, чтобы мучившие ее проблемы остались в прошлом или, наоборот, перенеслись в далекое будущее. В университете все было просто и понятно. Там даже преподаватели жили в неведомой Нетландии, где могли оставаться вечно юными членами команды Питера Пэна и никогда не взрослеть. А Никсон, или Агню^[4], на роль Капитана Крюка^[5] всегда найдется.

Сара познакомилась с Джонни только в сентябре, когда они начали преподавать в одной

школе, но знала его в лицо еще по лекциям в университете. Они посещали их вместе, и там Сару приняли в тайное студенческое братство «Дельта-Тау-Дельта». Джонни был полной противоположностью Дэну. Тот, очень красивый, язвительно остроумный и непоседливый, отчего Саре всегда становилось немного не по себе, много пил и проявлял безудержную страсть в постели. Иногда, выпив, Дэн становился злым и жестоким. Она никогда не забудет того памятного вечера в бангорском ресторане «Латунные перила». Мужчина за соседним столиком подшутил над чем-то, сказанным Дэном о футбольной команде университета, и Дэн осведомился, не желает ли тот отправиться домой со свернутой шеей. Мужчина, на вид лет сорока, извинился, но Дэн не успокоился. Напрашиваясь на драку, он начал отпускать колкости по поводу спутницы мужчины. Сара взяла Дэна за руку и попросила уняться. Он стряхнул ее руку, и в его серых глазах появилась странная пустота, отчего слова у Сары застряли в горле. Потом Дэн вышел на улицу с мужчиной и страшно избил его. Он бил его до тех пор, пока тот не начал кричать. Сара никогда раньше не слышала, как кричат от боли мужчины. Это было ужасно. Им пришлось быстро уехать, потому что бармен, увидев, что происходит, вызвал полицию. Она точно отправилась бы домой одна.

Правда? Ты уверена? — ехидно поинтересовался внутренний голос, но до студенческого городка было не меньше двенадцати миль, автобусы после шести уже не ходили, а добираться на попутке Сара побоялась.

По дороге Дэн не произнес ни слова. На щеке у него была царапина. Всего одна. Добравшись до общежития, Сара заявила Дэну, что больше не хочет его видеть.

— Как скажешь, малышка, — отозвался он с равнодушием, которое задело ее. Однако после его второго телефонного звонка Сара согласилась встретиться с ним, хоть и ненавидела себя за это.

Они продолжали встречаться весь осенний семестр последнего курса. Дэн пугал ее и чем-то необъяснимо притягивал. Он был ее первым и единственным настоящим любовником, и ничего не изменилось даже сейчас, накануне Дня всех святых 1970 года.

Сара и Джон ни разу не занимались любовью.

Дэн был очень хорош в постели. Он пользовался ею, но все равно был хорош. Дэн никогда не предохранялся, поэтому Саре пришлось отправиться в университетский медпункт. Там, краснея и заикаясь, она пожаловалась на болезненные месячные и получила противозачаточные таблетки. В постели Дэн думал только о себе. Она никогда не испытала бы оргазма, если бы не грубая ненасытность Дэна. За несколько недель до расставания с ним Сара начала ощущать, что ей, как зрелой женщине, нужен здоровый секс. Это чувство странно соединялось с другими: она не принимала ни себя, ни Дэна, понимала, что секс, основанный на унижении и подавлении, не может быть хорошим, не уважала себя за то, что не способна прекратить столь сомнительные отношения.

Конец наступил быстро в начале этого года, когда Дэн решил уйти из университета.

— Какие планы на будущее? — робко спросила Сара, сидя на кровати его соседа по комнате и наблюдая, как он укладывает вещи в два чемодана. Ей хотелось задать и более личные вопросы. Например, устроится ли Дэн где-нибудь неподалеку? Станет ли искать работу? Продолжит ли учебу на вечерних курсах? Собирается ли поддерживать отношения с ней? Задать последний вопрос казалось особенно трудно, потому что она не была готова ни к какому ответу. Но ответ на невинный вопрос Сары шокировал ее.

— Наверное, Вьетнам.

— *Что?!*

Дэн покопался на полке в бумагах и бросил ей конверт. Повестка из призывного пункта в Бангоре предписывала ему явиться на медкомиссию.

— А отказаться нельзя?

— Нет. Не знаю. Может быть. — Он закурил сигарету. — Но я и пытаться не буду.

Она смотрела на него с изумлением.

— Мне здесь все осточертело. Колледж, потом работа, семья. Ты, наверное, предполагала выйти за меня замуж. Не думай, что я не размышлял об этом. Но у нас ничего не получится. Ты это знаешь, и я тоже. Мы не подходим друг другу, Сара.

Она выскочила из комнаты, разом получив ответы на все свои вопросы, и больше Дэна не видела. Несколько раз Сара встречалась с его соседом по комнате в общежитии. Между январем и июнем он получил от Дэна три письма. Его призвали и отправили в какой-то тренировочный центр. Больше никаких вестей сосед от Дэна не получал. И Сара Брэкнелл тоже.

Сначала она думала, что переживет расставание легко. Все эти печальные и романтические сентиментальные песни, звучавшие по радио после полуночи, не пробуждали в ней никаких чувств. Сара не плакала, и у нее не было тяжелых переживаний, которые обычно связывают с разрывом. Она не подцепила другого парня, чтобы развеяться, не стала ходить по барам. Большую часть вечеров той весны Сара проводила у себя в комнате — в общежитии. Она чувствовала себя нормально и испытывала облегчение.

Только познакомившись с Джонни, Сара поняла, каким кошмаром был ее последний семестр. Это случилось на вечеринке, устроенной в школе для учеников-новобранцев, где она и Джонни случайно оказались в числе учителей, присматривающих за порядком.

Подобного не замечаешь до тех пор, пока не знаешь другой жизни. Они походили на двух осликов, внезапно столкнувшихся на вокзале где-то на западе. Один всю жизнь прожил в городе и не носил на спине ничего, кроме седла. Второй принадлежал рудокопу. Он был нагружен снаряжением для лагеря, для приготовления пищи и четыремя мешками с образцами породы весом в пятьдесят фунтов каждый. Спина прогнулась от постоянной нагрузки, но на вопрос городского ослика: «Как ты таскаешь такую тяжесть?» — второй ответил: «Какую тяжесть?»

Оглядываясь назад, Сара поражалась тогдашнему ощущению пустоты. Те пять месяцев у нее было что-то похожее на дыхание Чейна-Стокса, характерное для больных в состоянии комы. Или даже восемь месяцев, если считать это лето, когда она сняла маленькую квартиру на Флэгг-стрит в Визи, штат Мэн, и ничего не делала — только искала работу учителя и читала беллетристику. Она вставала, завтракала, ходила на занятия или запланированные собеседования, возвращалась домой, обедала, ложилась отдохнуть — причем иногда послеобеденный сон затягивался на целых четыре часа! — потом снова ела, читала до половины двенадцатого, смотрела ток-шоу Дика Каветта, пока глаза не начинали слипаться, и засыпала до утра. Казалось, она вообще ни о чем не думала. Жизнь превратилась в рутину. Иногда Сара ощущала в паху что-то ноющее, называемое в романах *неосуществленным желанием*, и тогда принимала холодный душ или подмывалась. Вскоре эти процедуры стали болезненными, но при этом доставляли ей какое-то горькое и непонятное удовлетворение.

Порой Сара даже гордилась, что так стойко все переносит. О Дэне почти не вспоминала.

Что за Дэн? Ха-ха! Только потом она поняла, что за эти восемь месяцев вообще не думала ни о чем и ни о ком, но тогда не осознавала этого. Эти восемь месяцев страну сотрясали волнения, но Сара не замечала их. Марши, полицейские в касках, нападки на прессу Спиро Агню, расстрел в Кентском университете, беспокойные летние месяцы, когда на улицах бесчинствовали агрессивные радикалы, — все это казалось не более чем очередным сюжетом для обсуждения на ночном телешоу. Сара была довольна собой — тем, как легко и спокойно переносит расставание с Дэном, как налаживается ее жизнь, тем, как все замечательно.

Какая тяжесть?

Начав преподавать в старшей школе Кливс-Миллс, Сара испытала душевный подъем,

впервые — после шестнадцати лет непрерывной учебы — перестав быть ученицей. И познакомилась на той вечеринке с Джонни Смитом — вот уж никогда не думала, что на свете действительно встречаются люди с таким именем и фамилией! Сара вдруг ощутила себя женщиной, перехватив его заинтересованный взгляд — не бесстыдный и наглый, а по достоинству оценивший, как привлекательна она в светло-сером вязаном платье.

Он пригласил ее в кино на «Гражданина Кейна», и она согласилась. Они хорошо провели время, но все же Сара решила, что он «не фонтан». Хотя ей и понравился его скромный прощальный поцелуй, но на кинозвезду и секс-символ типа Эррола Флинна он явно не тянул. Джонни мастерски рассказывал забавные истории и веселил Сару, однако она заподозрила, что он мечтает стать комиком вроде Генри Янгмэна, когда станет взрослым мужчиной.

Позже тем же вечером, сидя в своей спальне и наблюдая за перипетиями в фильме, где Бетт Дэвис играла какую-то стерву-карьеристку, Сара вновь вернулась к этим мыслям. Поразившись своей несправедливости, она замерла, так и не откусив от яблока.

Внутренний голос, которого Сара не слышала почти год — не голос совести, а тот самый, из прошлой жизни, — вдруг снова напомнил о себе: *Ты хочешь сказать, что на Дэна он совсем не похож. Ведь так?*

Нет! — заверила она себя. *Я больше не думаю о Дэне! Его... давно уже нет!*

Как бы не так! — возразил голос. *Дэн ушел только вчера.*

И тут до нее дошло, что она вовсе не случайно сидела одна у телевизора и смотрела совсем не интересный ей фильм, неосознанно стараясь занять себя чем угодно, лишь бы не думать, ибо думать Сара могла только о себе и о своей потерянной любви.

Это открытие так потрясло ее, что она не сдержала слез.

Сара встретила с Джонни, когда он пригласил ее на второе, а потом и на третье свидание, и это открыло ей, во что она превратилась. Сара вдруг поняла, что эти свидания для нее — совсем необычны. Сару, красивую и умную девушку, не раз приглашали встретиться после ее разрыва с Дэном, но все свидания ограничились невинными походами в закусочную с соседом Дэна по комнате. Сара с горечью призналась себе, что преследовала при этом лишь одну цель — вызнать у бедного парня что-то про Дэна.

Какая тяжесть?

После окончания университета большинство подруг по колледжу разъехались кто куда. Вопреки воле своих богатых родителей, возвращавшихся в высших кругах бангорского общества, Бетти Хэкман отправилась в Африку по линии Корпуса мира, и Сара часто размышляла о том, как угандийцы воспринимают Бетти с ее удивительно белой и не поддающейся загару кожей, пепельно-белыми волосами и утонченной красотой. Дини Стаббс переехала в Хьюстон, где училась в аспирантуре. Рэчел Юргенс вышла замуж и теперь вынашивала ребенка где-то на просторах западного Массачусетса.

Сара нехотя призналась себе, что Джонни Смит — первый друг, появившийся в ее жизни за долгое-долгое время. А ведь при окончании школы ее признали «Мисс Популярность» класса! Пару раз Сара ходила на свидания с другими учителями. Так, для разнообразия. Новый учитель математики Джин Седекки оказался занудой со стажем, а Джордж Раундс сразу попытался затащить ее в постель. Она влепила ему пощечину, а на следующий день он имел наглость подмигнуть ей, когда они случайно столкнулись в коридоре школы.

С Джонни же было легко и весело. И он нравился ей, в частности, и в сексуальном плане, но насколько сильно, Сара не знала. По крайней мере пока. В прошлую пятницу они вместе ездили на октябрьскую конференцию учителей в Уотервилле, а потом он пригласил Сару к себе на домашнее спагетти. Пока готовился соус, Джонни сбегал в магазин и вернулся с двумя бутылками крепленого ягодного вина. На Джонни, сообщавшего всем, что идет в ванную, это

было очень похоже: его отличала удивительная непосредственность.

После ужина они смотрели телевизор и обнимались. Бог знает, чем бы это закончилось, не приди к нему неожиданно пара приятелей из университета с петицией факультета о свободе преподавания. Они просили Джонни посмотреть ее и высказать мнение. Он выполнил просьбу, хотя и не так охотно, как обычно. Заметив это, Сара втайне порадовалась. В паху у нее сладко заныло, и она с удовольствием констатировала появление *неосуществленного* желания, и в тот вечер под холодный душ не встала.

Сара отвернулась от окна и подошла к дивану, на который Джонни бросил маску.

— С Днем всех святых! — хмыкнула она.

— Что? — переспросил Джонни из ванной.

— Я сказала, что уеду одна, если ты не поторопишься.

— Выхожу.

— Давай!

Сара провела пальцем по маске, левая сторона которой изображала доброго доктора Джекила, а свирепая правая — жестокого Хайда. Интересно, как далеко зайдут их отношения ко Дню благодарения? Или к Рождеству?

От этой мысли Сару охватило приятное возбуждение. Джонни, совершенно нормальный и славный парень, нравился ей.

Сара снова бросила взгляд на маску: жуткая гримаса Хайда словно выростала из приятного лица Джекила, как раковая опухоль. Нанесенная сверху флуоресцентная краска светилась в темноте.

А что такое «нормальный»? Ничем не примечательный и в общем-то никакой! Хотя нет — будь он таким «нормальным», разве ему пришло бы в голову надеть эту маску в классе и рассчитывать, что там сохранится порядок? Как ребята могут называть его Франкенштейном и при этом уважать и любить? И что такое «нормальный»?

Если он захочет провести со мной ночь, я, наверное, соглашусь.

При этой мысли на душе у Сары потеплело, будто она вспомнила о доме.

— Чему ты улыбаешься?

— Ничему. — Она бросила маску на диван.

— Нет, правда... Чему-то приятному?

— *Джонни!* — Сара положила руки ему на грудь и встала на цыпочки, чтобы поцеловать. —

Есть вещи, о которых не говорят. Поехали!

2

Они задержались в вестибюле, пока Джонни застегивал куртку, и взгляд Сары снова скользнул по плакату «Забастовка!» со сжатым кулаком на пылающем фоне.

— В этом году студенты снова выйдут протестовать, — пояснил он, проследив за ее взглядом.

— Из-за войны?

— На этот раз не только. Вьетнам, призыв резервистов и расстрел в Кентском университете всколыхнули многих. Сомневаюсь, что когда-нибудь раньше в аудиториях сидело так мало тихонь.

— Это ты о ком?

— О тех, кто думает только об учебе, кому наплевать на систему, лишь бы она обеспечила им годовой доход в десять тысяч долларов. О тех, кому ни до чего нет дела и кого волнует только собственная шкура. Но их времена прошли. Люди проснулись. И грядут большие перемены!

— Тебе это так важно? Даже после диплома?

Он выпрямился и расправил плечи.

— Мадам, я — Смит, выпускник Университета Мэна 70-го года. Плоть от плоти старого Мэна.

Сара улыбнулась:

— Ладно, пошли. Я хочу покататься на аттракционах, пока их еще не закрыли.

— Отлично! — Он взял ее за руку. — У меня как раз за углом припаркована твоя машина.

— И еще у тебя восемь долларов! Нас ждет чудесный вечер.

Несмотря на затянутое облаками небо, дождя не было, и для конца октября погода стояла довольно теплая. Сквозь облака пробивался месяц. Джонни обнял Сару за плечо, и она прильнула к нему.

— Знаешь, Сара, я постоянно думаю о тебе, — вдруг произнес он, как бы между прочим. Но именно «как бы». Ее сердце замерло, а потом сильно забилося.

— Правда?

— Наверное, этот Дэн причинил тебе много боли, верно?

— Не знаю, — призналась она.

Мигавший желтым светофор в квартале за ними отбрасывал на тротуар длинные тени.

Джонни, казалось, размышлял над ее ответом.

— Я бы не хотел причинить тебе боль.

— Знаю. Но, Джонни... пусть пройдет время.

— Да, — согласился он. — Время. Надеюсь, оно у нас есть.

Потом Сара не раз вспоминала эту фразу, но еще чаще она звучала в ее снах, уже пронизанная невыразимой болью и чувством потери.

Они обогнули угол, и Джонни подержал дверцу, пока Сара усаживалась. Затем обошел машину и сел за руль.

— Замерзла?

— Нет, вечер сегодня теплый.

— Это верно, — сказал он, и машина тронулась.

Ее мысли вернулись к нелепой маске. Глаз Джонни в большой глазнице удивленной половины лица доктора Джекила.

— *Послушай, вчера я изобрел отличный коктейль, но вряд ли его станут подавать в барах.*

С этой половиной маски все было в порядке, потому что за ней угадывался Джонни. Но половина Хайда внушала Саре непреодолимый ужас. За щелкой глаза мог скрываться кто угодно. Даже Дэн.

К тому времени, когда они добрались до ярмарки, там, в темноте, переливались мигающие светом гирлянды, и длинные неоновые спицы «чертова колеса» взмывали вверх и опускались вниз. Сара уже не думала о маске. Она приехала со своим парнем, и впереди их ждал чудесный вечер.

Они прошли по центральной аллее, держась за руки и почти не разговаривая, и Сара снова почувствовала себя маленькой девочкой, которую привезли на ярмарку. Она выросла в Саут-Пэрисе, небольшом городке с бумажным комбинатом, и самая крупная ярмарка округа устраивалась во Фрайбурге. Для Джонни, чье детство прошло в Паунале, таким местом, наверное, был Топшем. Но все эти ярмарки походили одна на другую и с годами почти не менялись. Паркуешь машину на грязной стоянке, платишь два доллара при входе и, оказавшись

внутри, уже чувствуешь запах горячих сосисок, жареного лука и перца, бекона, «сахарной ваты», опилок и сладковатый аромат конского навоза. Слышишь металлический лязг цепной передачи на детских американских горках, прозванных «Полевая мышь», глухие хлопки выстрелов в тире. Из динамиков, расставленных по кругу в большой палатке, доносится металлический голос ведущего, который выкрикивает номера игрокам в бинго, сидящим за длинными столами на складных стульях, позаимствованных в местном похоронном бюро. Рев рок-н-ролла сливается с органом. Зазывалы уговаривают всех не пожалеть двадцати пяти центов на два выстрела и при попадании выиграть приз — набитую опилками собачку. Все здесь как раньше, в детстве, и ты снова превращаешься в охваченного азартом ребенка, которого так легко завлечь и одурачить.

— Сюда! — Сара остановилась. — Вот этот аттракцион! Хочу на «Хлыст»!

— Как скажешь, — согласился Джонни и протянул кассирше в будке доллар. Та, почти не отрывая глаз от журнала, занимавшего все ее внимание, сунула ему два красных билета и двадцать центов сдачи.

— Что значит «как скажешь»? Что еще за тон?

Он пожал плечами, изображая невинность.

— Дело не в том, что ты сказал, Джон Смит, а как ты это сказал.

Аттракцион остановился, и пассажиры потянулись мимо них. В основном это были подростки в голубых армейских рубашках из тяжелого сукна или в расстегнутых куртках-алясках. Джонни провел ее по деревянному помосту и вручил билеты служителю, похожему на самое скучающее разумное существо во вселенной.

— Просто дело в том, — объяснил он, пока служитель усаживал их в кабинке и застегивал ремни безопасности, — что эти кабинки вращаются. Верно?

— Верно.

— И закреплены на платформе, которая раскручивается, так?

— Так.

— И когда платформа раскрутится, то кабинки своим вращением создают перегрузки, лишь немногим уступающие тем, что испытывают астронавты при взлете с мыса Кеннеди. И у меня был один знакомый...

Джонни наклонился к ней с самым серьезным видом.

— Опять выдумываешь? — неуверенно осведомилась Сара.

— Так вот, в пять лет он упал со ступенек на крыльце, и у него на шейном позвонке образовалась тонюсенькая трещинка. А через десять лет он пошел прокатиться на «Хлысте», на ярмарке в Топшеме, и... — Джонни пожал плечами и сочувственно похлопал ее по руке. — Но может, все и обойдется, Сара.

— Ой! Я хочу вый...

В это время платформа тронулась и начала крутиться все быстрее и быстрее, пока ярмарка и центральная аллея не превратились в наклонное смазанное пятно из огней и лиц. Сара засмеялась, завизжала и начала колотить Джонни.

— Тонюсенькая трещинка! — кричала она. — Я устрою тебе тонюсенькие трещинки, когда выйдем, врун несчастный!

— Чувствуешь что-нибудь в шейном позвонке? — участливо поинтересовался он.

— Врун несчастный!

Они вертелись все быстрее и быстрее, и на десятом или пятнадцатом круге платформы он наклонился и поцеловал ее. Кабинка в этот момент тоже сделала оборот, с силой сливая их губы в волнующе-жарком поцелуе. Потом платформа замедлила ход, кабинка вращалась все медленнее и наконец, покачиваясь, замерла на месте.

Они вышли, и Сара схватила Джонни за шею.

— «Тонюсенькая трещинка»! Как не стыдно! — прошептала она.

Джонни обратился к проходившей мимо полной женщине в синих брюках и дешевых легких туфлях:

— Эта девушка пристаёт ко мне, мэм. Если встретите полицейского, пожалуйста, пришлите его.

— Все норовите умничать! — Зажав ещё крепче сумку под мышкой, женщина ускорила шаг в сторону палатки с бинго.

Сара прыснула:

— Ты невозможен!

— Да, я плохо кончу, — согласился Джонни. — Моя мама всегда так говорила.

Они зашагали рядом по центральной аллее, приходя в себя после головокружительного аттракциона: земля под ногами ещё качалась, и перед глазами все плыло.

— Твоя мама очень религиозна, верно? — спросила Сара.

— Законченная баптистка. Но старается держать себя в рамках. Конечно, когда я приезжаю домой, она подсовывает мне всякие брошюрки, но особо не докучает. Мы с отцом уже привыкли. Раньше я затевал с ней всякие беседы на эту тему, типа — с кем сожительствовал Каин, если его родители были единственными людьми на Земле, но потом решил, что это некрасиво, и перестал. Я сам два года назад искренне верил, что Юджин Маккарти может спасти мир. Баптисты по крайней мере не выдвигают Иисуса в президенты.

— А твой отец далек от религии?

Джонни засмеялся:

— Не знаю, но что он не баптист — это точно. — Подумав, Джонни добавил: — Он — плотник.

Сара улыбнулась:

— А что сказала бы твоя мама, узнав, что ты встречаешься с никудышной католичкой?

— Попросила бы позвать тебя в гости и вручила бы несколько брошюр.

Сара остановилась.

— А ты хотел бы пригласить меня в гости к родителям?

— Да, я хотел бы познакомить тебя с ними... а их — с тобой.

— Зачем?

— А разве ты сама не знаешь? — мягко спросил он.

— Джонни, ты мне очень нравишься.

— Ты мне больше чем нравишься.

— Покатай меня на «чертовом колесе»! — вдруг потребовала Сара. Больше никаких разговоров на эту тему, пока она все не осмыслит и не разберётся в себе. — Я хочу оказаться на самой верхотуре, откуда все видно.

— А позволишь мне поцеловать тебя там?

— Два раза, если успеешь.

Они вернулись к кассе, где Джонни заплатил ещё доллар. Покупая билеты, он сказал Саре:

— Со мной в школе учился парень, который работал на ярмарке. Он рассказывал, что при монтаже этих аттракционов многие рабочие напиваются в стельку и не завинчивают до конца...

— Ну тебя к черту! — беззаботно ответила она. — Никто не живет вечно!

— Но все норовят, заметила? — Джонни влез за ней в качающуюся кабинку.

Наверху ему удалось поцеловать её несколько раз. Октябрьский ветер трепал их волосы, а расходящиеся веером аллеи ярмарки напоминали светящийся циферблат часов.

После «чертова колеса» они покатались на детской карусели, хотя Джонни признался Саре, что чувствует себя на ней полным придурком. Гипсовая лошадка была такой маленькой, что запросто уместилась между его расставленными ногами. В отместку Сара рассказала ему, что училась в школе с одной девочкой, у которой было слабое сердце, но никто об этом не знал, и вот однажды она пошла со своим ухажером покататься на карусели и...

— Смотри, как бы не пришлось пожалеть, — серьезно предупредил ее Джонни. — Отношения нельзя строить на обмане, Сара.

В ответ она послала ему воздушный поцелуй.

После карусели они отправились в «зеркальный лабиринт». Вполне достойный аттракцион напомнил ей о старой учительнице из рассказа Брэдбери «Кто-то страшный к нам идет», едва не потерявшейся там. Сара видела, как неловко топтался в отражениях Джонни и махал ей рукой. Десятки Джонни махали рукой десяткам Сар. Они обходили друг друга, мелькали под невозможными углами и, казалось, куда-то исчезали. Она поворачивала то налево, то направо, несколько раз натыкалась носом на обычное прозрачное стекло в раме и беспомощно хихикала, отчасти из страха перед замкнутым пространством. Одно зеркало превратило ее в сидящего на корточках карлика из книг Толкина. В другом Сара оказалась доведенной до абсурда мечтой всех девчонок-подростков о длинных ногах: ее голени тянулись аж на четверть мили.

Наконец они выбрались наружу; Джонни купил им по хот-догу и огромный бумажный стакан с жареным во фритюре картофелем, вкусным, как в детстве.

Они прошли заведение, перед которым стояли три девушки в юбках и бюстгальтерах с блестками. Они пританцовывали под старый хит Джерри Ли Льюиса под надзором зазывалы с микрофоном в руках.

— Давай же, малышка... — зывал Джерри Ли под зажигательные переливы фортепьяно, разносившиеся над аллеями, посыпанными опилками. — Схвати-ка быка за рога... давай же, малышка... не будем валять дурака...

— «Плейбой-клуб»! — Джонни засмеялся. — В Харрисон-Бич было подобное заведение. Зазывала утверждал, что девчонки с завязанными за спиной руками могли снять с тебя очки.

— Оригинальный способ подцепить какую-нибудь заразу, — заметила Сара, и Джонни покатился со смеху.

Усиленный динамиком голос зазывалы перекрывали бешеные звуки фортепьяно, по клавишам которого Джерри Ли колотил с неистовым темпераментом. Постепенно все это стихало за их спинами. Музыка походила на старинное авто с форсированным двигателем, не желавшее сдаваться и, как оживший призрак, рассекавшее наше время, возродившись из канувших в Лету пятидесятых.

— Смелей, ребята, заходите, не стесняйтесь! Разве вы хуже девчонок? А они у нас ничего не стесняются! Заходите и убедитесь сами! Без шоу в «Плейбой-клуб» ваше образование неполное!

— Не хочешь вернуться и завершить образование? — спросила Сара.

Он улыбнулся:

— Базовое образование по этому курсу я уже получил. А с докторской степенью думаю чуть повременить.

Она взглянула на часы.

— Уже поздно, Джонни. А завтра на работу.

— Да. Хорошо, что завтра пятница.

Сара вздохнула, вспомнив, что на пятом уроке школьники работают самостоятельно, а на седьмом — современная литература. И оба класса — на редкость хулиганистые.

Они начали пробираться к главной аллее. Толпа потихоньку редела. Аттракцион, на котором они кружились, уже закрылся, двое рабочих, зажав сигареты без фильтра в уголках губ,

натягивали брезент на «Полевую мышь», а в павильончике «Веселые кольца» уже тушили свет.

— А ты занята в субботу? — спросил Джонни неожиданно робко. — Понимаю, что стоило побеспокоиться раньше, но...

— Есть кое-какие планы.

— Понятно.

Его удрученный вид устыдил Сару, ей уже не хотелось его дразнить.

— Я собиралась провести время с тобой.

— Правда? Это здорово! — Джонни радостно улыбнулся.

Сара снова услышала внутренний голос, иногда неотличимый от настоящего:

Тебе снова хорошо, Сара. Ты опять счастлива. Разве это не чудесно?

— Еще бы! — Приподнявшись на мысочки, Сара поцеловала Джонни и быстро продолжила, лишая себя возможности передумать: — В Визи мне иногда одиноко. Пожалуй, я... могла бы остаться у тебя на ночь.

В его взгляде было столько теплоты и чувства, что ее захлестнула нежность.

— Ты серьезно, Сара?

— Более чем.

— Хорошо! — Джонни обнял ее.

— Ты уверен?

— Боюсь, как бы ты не раздумала.

— Я не раздумую, Джонни.

Он обнял ее еще крепче.

— Это будет моя самая счастливая ночь.

В этот момент они проходили мимо «Колеса фортуны», и Сара позже вспомнит, что в той части центральной аллеи лишь этот павильон еще не закрылся. Хозяин только что закончил подметать утрамбованный игроками пол, надеясь найти монетки, случайно соскользнувшие с игрового барабана. Сара подумала, что это, наверное, последнее, что он делает перед закрытием. За хозяином располагалось большое колесо со спицами, украшенное горевшими лампочками. Наверное, он слышал последние слова Джонни, потому что машинально вернулся на свое рабочее место, все еще выискивая взглядом завалившиеся на полу монетки.

— Эй, мистер, если вы в ударе, крутаните «Колесо фортуны» и превратите свои центы в доллары. Поставьте хоть одну монетку, и колесо завертится!

Джонни обернулся на голос.

— Джонни?

— Он правильно сказал, я действительно в ударе! — улыбнулся он. — Но если ты против...

— Да нет, попробуй. Только недолго.

Джонни бросил на нее откровенно оценивающий взгляд, и Сара, вдруг почувствовав слабость в ногах, представила себе, как хорошо им будет вместе. В животе что-то опустилось, и от желания близости ей стало немного не по себе.

— Конечно, недолго.

Он посмотрел на хозяина аттракциона. Центральная аллея за ними уже опустела, небо расчистилось, и заметно похолодало. У всех троих вырывались изо рта клубы пара.

— Ну как? Попытаете счастья, молодой человек?

— Да.

Когда они приехали на ярмарку, Джонни переложил деньги в нагрудный карман и теперь вытащил все, что осталось: доллар и восемьдесят пять центов.

Игровое поле представляло собой полоску желтого пластика с цифрами. Оно походило на поле в рулетке, но Джонни подумал, что в Лас-Вегасе такая низкая вероятность выигрыша сразу

отбила бы у игроков охоту попытаться счастья. Выигрыш при ставке на серию цифр приносил лишь двойной размер ставки. Помимо обычного зоро, имелось еще и двойное; при этом всегда выигрывал хозяин. Джонни указал на это, но хозяин только пожал плечами:

— Если вам больше нравится Лас-Вегас, поезжайте туда. Что тут скажешь?

Но Джонни был в ударе. После сомнительной шутки с маской вечер, начавшийся так несуразно, складывался все лучше и лучше. Это был его самый удачный вечер за долгие годы, а может, и за всю жизнь. Он взглянул на Сару. Она покраснелась, и ее глаза светились.

— Как думаешь, Сара?

Она покачала головой:

— Для меня это — китайская грамота. Что нужно делать?

— Поставить на цифру. Или красное/черное. Или чёт/нечет. Или последовательность из десяти цифр. Выигрыши везде разные. — Джонни посмотрел на хозяина, и тот ответил равнодушным взглядом. — Или по крайней мере должны быть разными.

— Поставь на черное, — предложила Сара. — Надеюсь, повезет.

— Черное, — повторил Джонни и положил десять центов на черное поле.

Хозяин уныло посмотрел на единственную монетку, лежавшую на игровой доске, и вздохнул:

— Крупная ставка, ничего не скажешь!

Он повернулся к колесу.

Джонни рассеянно дотронулся до лба и вдруг сказал:

— Подождите!

После чего положил монету в двадцать пять центов на поле «11–20».

— Все?

— Теперь все.

Хозяин крутанул колесо, и оно завертелось в переливе лампочек, мелькая красным и черным. Джонни снова задумчиво потер лоб. Колесо замедлило вращение, и стало слышно похожее на метроном тиканье, когда язычок трещотки — указатель выпавшего номера — задевал маленькие штырьки, разделявшие сектора с цифрами. Он дошел до 8, перескочил 9 и, казалось, остановился на 10, но все же перевалил на 11 и замер.

— Леди проиграла, джентльмен выиграл! — объявил хозяин.

— Ты выиграл, Джонни?

— Похоже на то, — ответил он, пока хозяин добавлял два четвертака к тому, что лежало на игровом поле. Сара радостно вскрикнула, даже не огорчившись, что хозяин забрал ее десятицентовик.

— Я же говорил, что мне сегодня везет, — заметил Джонни.

— Везение — это два раза, а один раз — случайность, — проговорил хозяин.

— Давай попробуем еще, Джонни, — предложила Сара.

— Хорошо. Оставляю как есть.

— Запускаю?

— Да!

Хозяин снова крутанул колесо, и, пока оно вращалось, Сара шепнула Джонни:

— Говорят, у них здесь все подстроено, чтобы всегда выигрывать.

— Так было раньше. Теперь власти следят, чтобы такого не было, и хозяева зарабатывают на жульническом занижении размера выигрыша.

Колесо замедляло ход и щелкало все реже и реже. Указатель миновал 10 и вошел в последовательность, выбранную Джонни.

— Ну же, давай, давай! — закричала Сара, и пара проходивших мимо подростков

остановилась посмотреть.

Деревянный язычок, отбивая все более продолжительные паузы, миновал 16, затем 17 и остановился на 18.

— Джентльмен снова выиграл! — объявил хозяин и добавил еще шесть четвертаков к трем на игровом поле.

— Ты — настоящий богач! — восхитилась Сара и поцеловала Джонни.

— Вам и правда везет! — согласился хозяин. — Таковую удачу грех упускать!

— Попробовать еще раз? — спросил Джонни у Сары.

— Конечно!

— Давайте-давайте, — сказал подросток со значком Джими Хендрикса на куртке. — Этот тип раздел меня сегодня на четыре доллара. Я не прочь, если вы его взгреете.

— Тогда ты тоже поставь, — предложил Джонни Саре и, забрав из стопки в девять монет одну, дал ей. Подумав, она поставила на 21. На игровом поле значилось, что выплаты по ставкам на один номер составляют десять к одному.

— А вы по-прежнему ставите на серию, верно?

Джонни посмотрел на восемь двадцатипятицентовых монет и потер лоб, будто чувствовал приближение головной боли. Внезапно он забрал монеты и зажал их в кулаке.

— Нет. Крутаните для леди. Я понаблюдаю.

— Джонни? — Сара удивленно посмотрела на него.

— Так, предчувствие. — Он пожал плечами.

Хозяин закатил глаза, ясно давая понять, как он устал от человеческой глупости, и крутанул колесо. Оно остановилось на двойном zero.

— Выигрывает заведение, выигрывает заведение! — радостно пропел хозяин, и четвертак Сары исчез в кармане его фартука.

— Это честно, Джонни? — возмущенно спросила Сара.

— Zero и двойное zero приносят выигрыш хозяину, — объяснил он.

— Тогда ты правильно сделал, что не стал ставить.

— Похоже, так.

— Крутить дальше, или я закрываюсь? — поинтересовался хозяин.

— Крутите дальше. — Джонни поставил монеты в две стопки на третий десяток цифр.

— Как думаешь, какой здесь можно получить доход за один вечер? — Сара не сводила глаз с вращающегося колеса.

К наблюдающим подросткам присоединились две пары взрослых. Мужчина, похожий на строителя, ответил:

— От пяти до семи сотен долларов.

— Вашими бы устами... — отозвался хозяин.

— Только не прибедняйся! — ответил похожий на строителя мужчина. — Я работал на такой штуке двадцать лет назад. От пяти до семи сотен за вечер, а в субботу — две штуки, не напрягаясь. И это если не жульничать!

Джонни смотрел на колесо; оно двигалось уже медленно, и можно было различить цифры секторов. Указатель миновал zero, двойное zero, первый десяток. Поплыли цифры второго десятка.

— Не дойдет! — засомневался один из подростков.

— Подождем, — произнес Джонни странным голосом. Сара взглянула на него: открытое лицо Джонни исказилось от напряжения, голубые глаза потемнели и стали чужими.

Указатель замер на 30.

— Угадал! Угадал! — невесело произнес нараспев хозяин, а зрители восторженно

закричали. Похожий на строителя мужчина хлопнул Джонни по спине с такой силой, что тот пошатнулся. Хозяин вытащил из-под прилавка сигарную коробку, отсчитал четыре банкноты по доллару и положил возле восьми четвертаков Джонни.

— Хватит? — спросила Сара.

— Еще один раз, — ответил Джонни. — Если выиграю, мы возместим все расходы по ярмарке и стоимость бензина. Если проиграю, потеряю полдоллара или около того.

— Ой-ё-ёй! — воспрянув духом, оживился хозяин. — Ставьте, где глянется, где вам больше нравится! Походите, не стесняйтесь, не в театре — развлекайтесь! Колесо крути-верти, и удачу принеси!

Похожий на строителя рабочий и двое подростков подошли ближе и встали возле Джонни и Сары. Посоветовавшись, подростки набрали полдоллара мелочью и поставили на второй десяток. Похожий на строителя рабочий, назвавшийся Стивом Бернхардтом, поставил доллар на чёт.

— А вы? — спросил хозяин у Джонни. — Оставляете там, где сейчас?

— Да.

— Искушаете судьбу? — поинтересовался подросток.

— Похоже на то, — ответил Джонни, и Сара улыбнулась ему.

Бернхардт внимательно посмотрел на Джонни и вдруг переложил свой доллар на третий десяток.

— Будь что будет! — вздохнул подросток, говоривший про судьбу, и последовал его примеру, переложив свои и приятеля пятьдесят центов туда же.

— Все яйца в одной корзине! — пропел хозяин. — Уверены, что не передумаете?

Игроки промолчали. Подошла пара разнорабочих, один из них с подружкой, и теперь возле «Колеса фортуны» собралась уже довольно большая компания. Хозяин с силой крутанул колесо, и за его вращением наблюдали уже двенадцать пар глаз. Сара снова взглянула на Джонни, думая, как странно выглядит его лицо в этом ярком и каком-то ускользающем свете. Ей вдруг вспомнилась маска Джекила и Хайда. Чёт и нечет. Живот снова напомнил о себе, и она почувствовала слабость. Колесо замедлило вращение, и стало отчетливо слышно тиканье трещотки. Подростки криком подгоняли его в нужное положение.

— Ну, еще, малышка, — присоединился к ним Стив Бернхардт. — Не подведи, родное.

Колесо нехотя повернулось еще чуть-чуть, и указатель, перевалив на третий десяток, остановился на цифре 24.

— Джонни, у тебя получилось! — закричала Сара.

Хозяин присвистнул от досады и выплатил выигрыш.

— Опять удача на вашей стороне! Ой-ё-ёй! Еще разок, приятель? Фортуна благосклонна к вам сегодня.

Джонни взглянул на Сару.

— Как хочешь, Джонни. — Ее вдруг затошнило.

— Не бросайте! — умолял парень со значком Джими Хендрикса. — Взгрейте этого барыгу!

— Ладно, — решил Джонни. — Самый последний раз!

— Ставьте, где глянется, где вам больше нравится!

Все молча наблюдали за Джонни, который сосредоточенно тер лоб. Его открытое лицо было серьезно и спокойно. Он смотрел на колесо, обрамленное кольцом огней, не переставая потирать лоб над правым глазом.

— Оставляю там же, — наконец произнес он.

По толпе прокатился шумок.

— Это уж слишком — так не бывает! — засомневался подросток.

— Круто! — отозвался Бернхардт и посмотрел на жену. Та неуверенно пожала плечами,

показывая, что сама сбита с толку. — Ладно, рискну! Была не была!

Подросток со значком взглянул на товарища. Тоже пожав плечами, тот все же кивнул:

— Ладно, мы тоже рискнем!

Колесо завертелось. Сара слышала, как у нее за спиной поспорили на пять долларов, что тот же десяток не выпадет в третий раз подряд. Живот снова дал о себе знать, но на этот раз не успокоился, и приступ тошноты усилился. На лице выступил холодный пот.

Колесо начало замедлять ход на первом десятке. Подросток с досады хлопнул в ладоши, но не ушел. Указатель проскочил 11, 12, 13. Хозяин не сдерживал радости. Тик-тик-тик, 14, 15, 16.

— Доползет! — не веря своим глазам, промолвил Бернхардт. Хозяин смотрел на колесо так, будто пытался остановить его взглядом. Указатель отщелкал сектора с цифрами 20, 21 и остановился на 22.

Толпа, в которой насчитывалось уже десятка два людей, взорвалась приветственными криками. Казалось, здесь собрались все, кто еще не покинул ярмарку. Сара слышала, как рабочий, проигравший спор, недовольно отсчитывал деньги, бормоча что-то о «дикой везухе». В голове у нее шумело. Она вдруг почувствовала, что едва стоит на ногах и все внутри у нее сжато от спазмов. Сара несколько раз с силой зажмурилась, но после этого к тошноте добавилось головокружение. Мир вдруг завертелся, как в кабинке на аттракционе, а потом медленно вернулся на место.

Она поняла, что отравилась сосиской.

Вот что значит пытаться счастья на ярмарке, Сара.

— Ой-ё-ёй! — уныло произнес хозяин и расплатился.

Два доллара подросткам, четыре — Стиву Бернхардту, и кучу денег Джонни — три двадцатки, пятерку и доллар. Хозяин, понятно, особой радости не испытывал, но надежды не терял. Если этот высокий худой парень с хорошенькой блондинкой снова поставит на ту же комбинацию, то хозяин почти наверняка вернет свой проигрыш. Пока деньги стоят на кону — есть шанс их вернуть. А если парень решит уйти? Что ж, он только за сегодняшний день заработал на колесе около тысячи, так что можно слегка потратиться. Зато завтра весть о том, что на колесе Сола Драммора сорвали крупный куш, облетит всю ярмарку, и от клиентов отбоя не будет. Крупный выигрыш — всегда самая лучшая реклама.

— Ставьте, где глянется, где вам больше нравится! — снова призвал он.

Несколько человек подошли к игровой доске и поставили десятицентовики и четвертаки. Но хозяина интересовал только главный игрок.

— Что скажете, мистер? Собираетесь сбежать? Неужто сдрейфили?

Джонни перевел взгляд на Сару.

— Что ска... с тобой все в порядке? На тебе лица нет!

— Живот прихватило, — сказала она с вымученной улыбкой. — Наверное, отравилась сосиской. Мы можем уехать?

— Конечно! Само собой!

Он собирал деньги с игрового поля, когда его взгляд вдруг остановился на колесе. Глаза, которые только что выражали участие и заботу, неожиданно потемнели и стали чужими.

Он смотрит на колесо, как маленький мальчик на муравейник, который считает своей собственностью, подумала Сара.

— Одну минутку, — произнес Джонни.

— Ладно, — согласилась Сара. Теперь голова у нее немного прояснилась, хотя в животе продолжало бурлить.

Господи, только бы не было поноса! — мысленно взмолилась она.

Он успокоится, только когда проиграет все. И странная уверенность: он не может

проиграть!

— Что скажете, приятель? — осведомился хозяин. — Или да, или нет. Решайтесь!

— Или пан, или пропал, — в тон ему отозвался один из рабочих, чем вызвал нервный смех.

Перед глазами у Сары все плыло.

Джонни внезапно передвинул все свои купюры и монеты на угол доски.

— Что это значит? — Хозяин не верил своим глазам.

— Все на 19! — пояснил Джонни.

Сара едва сдержала стон. По толпе прокатился ропот.

— Не искушайте судьбу! — шепнул Джонни Стив Бернхардт. Тот не ответил, безучастно глядя на колесо. Глаза стали почти фиолетовыми.

Раздался какой-то странный звук, и Сара поначалу решила, что звенит у нее в ушах. Однако сразу увидела, что все бросились забирать свои деньги, оставив Джонни единственным игроком, сделавшим ставку.

Нет! — чуть не крикнула она. *Не оставляйте его одного! Это...*

Сара закусила губу, боясь, что ее вырвет, если она откроет рот. С животом стало совсем худо. На игровом поле лежали только выигранные Джонни деньги. Пятьдесят четыре доллара, а выигрыш при ставке на одну цифру составлял десять к одному.

Хозяин нервно облизнул губы.

— Мистер, по закону я не должен принимать ставки больше двух долларов на одну цифру.

— Да ладно! — вмешался Бернхардт. — По закону ты не должен принимать на десяток цифр больше десяти долларов, а сам только что разрешил ему поставить восемнадцать. Что, сдрейфил? Кишка тонка?

— Нет, просто...

— Быстрее! — решительно сказал Джонни. — Моей девушке нехорошо. Мы играем или уходим!

Хозяин, посмотрев на собравшихся, встретил враждебные взгляды. Дело плохо. Они не понимали, что он хотел уберечь парня от глупости — ведь тот проиграет все! Ну и черт с ними! Им все равно не угодить, как бы он ни поступил. Пусть парень проиграет, и на этом все закончится.

— Ладно, если среди вас нет инспекторов штата... — Хозяин повернулся к колесу. — Колесо крути-верти, и удачу принеси!

Он с силой крутанул, и цифры замелькали, сливаясь в единый движущийся поток. Казалось, время замерло: никто не шевелился, и слышалось только лихорадочное стрекотание трещотки. Где-то хлопал от ветра плохо закрепленный полог тента, в голове у Сары гулко стучало. Ей так хотелось, чтобы Джонни обнял ее, но он неподвижно стоял, опираясь на игровое поле и не спуская глаз с колеса, которое, казалось, превратилось в вечный двигатель.

Наконец вращение замедлилось, и стало видно сектор с цифрой 19, нарисованной красным на черном фоне. Цифра взмывала вверх и тут же падала вниз, а ровное стрекотание колеса сменилось отчетливым тиканьем, громко разносившимся в тишине.

Теперь цифры медленно скользили мимо указателя.

— Если он и ошибся, то ненамного! — удивленно воскликнул один из рабочих.

Джонни спокойно наблюдал за движением колеса, и теперь Саре казалось (хотя, конечно, причиной могли быть непрерывные спазмы в животе), что его глаза стали почти черными.

Совсем как Джекил и Хайд, подумала она и вдруг ощутила необъяснимый страх.

Тик-тик-тик.

Указатель добрался до второго десятка, прошел 15, 16, с трудом преодолел 17 и, задержавшись на 18, издал громкий щелчок и перевалил на сектор 19! Толпа затаила дыхание.

Колесо продолжало движение, и указатель уперся в штырек, разделявший 19 и 20. Он словно изо всех сил старался преодолеть и его. Но силы колеса иссякли, и оно, чуть откатившись, замерло с указателем на 19.

Мгновение никто не шевелился. Стояла полная тишина.

— Вы только что выиграли пятьсот сорок долларов, мистер! — тихо и благоговейно проговорил подросток.

— Никогда такого не видел! *Никогда!* — восхитился Стив Бернхардт.

И тут толпа взорвалась радостными криками. Оттеснив Сару, все бросились к Джонни. Все радостно хлопали его по плечу и поздравляли. Сара почувствовала себя совсем несчастной. Ее пихали, толкали, а в животе творилось что-то невообразимое. Перед глазами продолжали плыть цифры уже давно остановившегося колеса.

Через мгновение к ней подскочил Джонни, и она с облегчением увидела, что это действительно ее Джонни, а не тот похожий на манекен человек, бесстрастно наблюдавший за последним оборотом колеса. Он виновато смотрел на нее встревоженными глазами.

— Прости меня, милая, — сказал он, и от этих слов у нее сразу потеплело на душе.

— Все в порядке, — ответила она, хотя и сомневалась в этом.

Хозяин откашлялся.

— Колесо закрыто, — объявил он и для верности повторил: — Колесо закрыто!

По толпе прокатился недовольный ропот.

— Мне придется выписать вам чек, молодой человек, — сказал хозяин, глядя на Джонни. — Я не держу здесь столько наличности.

— Мне все равно, — ответил Джонни, — только, пожалуйста, побыстрее. Моей девушке нехорошо.

— Еще чего — чек! — возмутился Стив Бернхардт. — Он всучит чек, который нельзя погасить, а сам отправится отдыхать во Флориду!

— Мой дорогой сэр, — начал хозяин, — уверяю вас...

— Оставь свои оправдания для матери — может, она им и поверит!

Бернхардт неожиданно перегнулся через стойку и пошарил под ней.

— Эй! — возмутился хозяин. — Да это чистой воды грабеж!

Но сочувствия в толпе он не вызвал.

— Пожалуйста! — взмолилась Сара. Голова у нее кружилась.

— Наплевать на деньги! — воскликнул Джонни. — Пропустите нас, пожалуйста. Моей девушке нехорошо.

— Как же так? — удивился подросток со значком Джими Хендрикса, но все же они с приятелем посторонились.

— Нет, Джонни. — Сара сдерживала рвоту усилием воли. — Деньги надо забрать!

Пятьсот долларов составляли зарплату Джонни за три недели.

— Плати, сукин сын! — взревел Бернхардт. Он извлек из-под стойки коробку от сигар, но, даже не открыв ее, сразу отодвинул в сторону. Потом снова пошарил руками и, вытащив маленький стальной ящичек, окрашенный в зеленый цвет, грохнул им по прилавку. — Если там нет пятисот сорока долларов, я на глазах у всех съем свою рубашку! — Он положил на плечо Джонни тяжелую руку. — погоди минутку, сынок. Ты получишь свои деньги, или я не Стив Бернхардт!

— Послушайте, сэр, у меня нет столько...

— Плати! — Стив Бернхардт угрожающе навис над хозяином. — Или я закрою твою лавочку! Клянусь, я не шучу!

Хозяин тяжело вздохнул и, покопавшись под воротом рубашки, извлек ключ на тонкой

цепочке. Толпа выдохнула. Сара не выдержала. Раздувшийся живот будто омертвел. Чувствуя, что ее вот-вот вырвет, она рванулась из толпы.

— Милая, с вами все в порядке? — участливо спросила какая-то женщина, и Сара отчаянно замотала головой.

— Сара! — крикнул Джонни.

От Джекила и Хайда... никуда не спрятаться, вдруг подумала она. Почти бегом Сара бросилась по темной аллее мимо карусели, а перед глазами прыгала проклятая светящаяся маска. Налетев на столб, она пошатнулась и ухватилась за него. Ее вывернуло. Казалось, спазм зародился где-то у пяток и прошел через все тело, как мерзкий скользкий кулак. Больше она не сдерживалась.

Запах, как от сахарной ваты, мелькнуло в голове Сары, пока ее рвало. Перед глазами запрыгали разноцветные пятна. Наконец позывы стали реже, и рвало ее уже какой-то слизью, смешанной с воздухом.

— О Господи! — едва слышно пробормотала она, цепляясь за столб, чтобы не упасть. Где-то сзади слышался голос искавшего ее Джонни, но Сара не могла да и не хотела ответить. Живот понемногу успокаивался, и она желала только одного — чуть-чуть постоять и порадоваться, что осталась жива.

— Сара? *Сара!*

Она дважды сплюнула, чтобы хоть немного очистить рот.

— Я здесь, Джонни.

Он появился из-за карусели, где гипсовые лошадки застыли в прыжке. В руке у него была толстая пачка купюр.

— С тобой все в порядке?

— Нет, но сейчас уже лучше. Меня вырвало.

— Да. О Господи! Поехали домой.

Джонни осторожно взял ее за руку.

— Ты получил свои деньги?

Он рассеянно взглянул на них и сунул в карман брюк.

— Да, все или часть — не знаю. Их считал тот здоровяк.

Сара достала из сумочки платок и вытерла рот. За глоток воды она была готова продать душу дьяволу.

— Нужно побережься, — сказала она. — Это очень большие деньги.

— Шальные деньги приносят несчастье, — мрачно заметил Джонни. — Одна из сентенций моей матери. У нее их миллион. Азартные игры она на дух не переносит.

— Баптистка до мозга костей... — Сара вздрогнула.

— Как ты? — с тревогой спросил он.

— Меня знобит. Когда сядем в машину, давай включим печку на максимум и... о Господи, опять!

Сара отвернулась, и ее снова вывернуло. Она со стоном пошатнулась, и Джонни поддержал ее — осторожно, но крепко.

— Ты в силах дойти до машины?

— Да, сейчас мне уже лучше. — Но голова раскалывалась, во рту было гадко, а мышцы спины и живота болели так, будто их разорвали.

Медленно ступая по опилкам, они двинулись по аллее мимо закрытых на ночь палаток. Сзади появилась чья-то тень, и Джонни настороженно огляделся, видимо, сообразив, как много денег у него в кармане.

Это был уже знакомый подросток — мальчишка лет пятнадцати. Он смущенно улыбнулся.

— Надеюсь, вам уже лучше, — обратился он к Саре. — Это наверняка сосиски. Ими запросто можно отравиться.

— Мне ли этого не знать! — отозвалась Сара.

— Вам помочь довести ее до машины? — спросил подросток у Джонни.

— Нет, спасибо. Мы справимся.

— Ладно. Мне и самому пора. — Помедлив, он удовлетворенно ухмыльнулся. — А здорово вы его взгрили!

С этими словами подросток исчез в темноте.

Маленький белый универсал Сары, единственный на стоянке, стоял под неоновым светом фонаря. Джонни открыл Саре дверь, и она осторожно забралась на пассажирское сиденье. Сев за руль, он завел двигатель.

— Надо подождать, пока печка нагреет салон, — сказал Джонни.

— Не важно. Мне теперь жарко.

Взглянув на нее, он заметил, что на лице ее выступил пот.

— Может, отвезти тебя в больницу? Если это сальмонелла, лучше не рисковать.

— Да нет, все в порядке. Мне нужно домой; я лягу спать. А завтра позвоню в школу, предупрежу, что заболела, и снова усну.

— Не переживай и спи сколько влезет. Я сам позвоню и предупрежу.

— Правда?

— Конечно.

Когда они выехали на шоссе, Сара сказала:

— Мне очень жаль, что не могу поехать к тебе.

— Ты не виновата.

— Конечно, виновата! Это же я съела испорченную сосиску. Бедная Сара!

— Я люблю тебя, Сара, — произнес он.

— Спасибо, Джонни, — отозвалась она, и оставшийся путь они проехали молча.

До дома Сары они добрались около полуночи. По дороге она задремала.

— Эй! — Джонни осторожно потряс ее за плечо, выключая двигатель. — Приехали.

— А... хорошо. — Сара выпрямилась и плотнее запахнулась в шубку.

— Как ты себя чувствуешь?

— Лучше. Живот болит, и спина, но мне точно лучше. Джонни, поезжай на машине в Кливс.

— Пожалуй, не стоит. Если кто-нибудь увидит, что она стояла под окном всю ночь, пойдут ненужные разговоры.

— Но я же и так собиралась провести ночь у тебя...

Джонни улыбнулся:

— Тогда такой риск был бы оправдан, даже если бы пришлось пройти пешком три квартала.

Кроме того, я хочу, чтобы машина была у тебя под рукой, на случай если ты все-таки решишь обратиться в больницу.

— Не решу.

— Ну а вдруг? Можно мне зайти и вызвать такси?

— Конечно!

Они вошли в дом, Сара включила свет и снова почувствовала озноб.

— Телефон в гостиной. Я лягу под одеяло.

Гостиная была маленькой и скромно-практичной — от сходства с казармой ее отличали невероятно яркие занавески и развешанные на стенах плакаты с концертов Боба Дилана в Форест-Хиллс, Джоан Баэз в Карнеги-холле, «Джефферсон эйрплейн» в Беркли и «Бердз» в Кливленде.

Сара легла на кушетку и натянула одеяло до подбородка. Джонни встревоженно смотрел на ее мертвенно-бледное лицо и черные круги под глазами. Она выглядела совсем больной.

— Может, мне остаться на ночь? — предложил он. — Вдруг что-то случится...

— Вроде тонюсенькой трещины на шейном позвонке? — печально пошутила она.

— Ну, мало ли что...

В животе снова заурчало. Да, она действительно собиралась провести ночь с Джоном Смитом. Но совсем не так. То есть Сара вовсе не хотела, чтобы он дожидался, пока ее вырвет или «пронесет», или смотрел, как она глотает лошадиные дозы пепто-бисмола от диареи.

— Со мной все будет в порядке. Просто съела на ярмарке несвежую сосиску. Она могла попасться и тебе. Позвони завтра, когда будет «окно».

— Уверена?

— Да.

— Ладно.

Он вызвал такси. Сара закрыла глаза. Его голос успокаивал ее. Ей особенно нравилось, что Джонни всегда поступал правильно, делал то, что нужно, и при этом совсем не думал о себе. Здорово! Она чувствовала себя слишком слабой и разбитой, чтобы соблюдать приличия.

— Дело сделано, — доложил Джонни, повесив трубку. — Такси приедет через пять минут.

— Теперь у тебя есть чем расплатиться. — Сара улыбнулась.

— И на чаевые я не поскоплюсь. — Джонни довольно похоже изобразил знаменитого комика Филдса.

Он подошел к кушетке и, присев рядом с Сарой, взял ее за руку.

— Джонни, как ты это сделал?

— Хм?

— На «Колесе фортуны». Как тебе удалось?

— Просто почувствовал. — Он смутился. — Такие шутки случаются с каждым. Как на скачках или при игре в очко.

— Нет!

— Нет?

— Сомневаюсь, что у каждого случаются подобные озарения. В этом было что-то противоестественное. Я даже... немного испугалась.

— Правда?

— Правда.

Джонни вздохнул.

— Время от времени у меня такое бывает, вот и все. Сколько себя помню, с самого раннего детства. Мне всегда удавалось находить то, что другие теряли. Взять хотя бы малышку Лайзу Шуман из нашей школы. Знаешь, о ком я говорю?

— Маленькую, печальную и похожую на мышку Лайзу? — улыбнулась Сара. — Знаю, конечно. Она вечно витает в облаках на моих уроках практической грамматики.

— Она потеряла свое школьное кольцо и явилась ко мне вся в слезах. Я посоветовал Лайзе поискать получше на верхней полке ее шкафчика для одежды. Просто пришло в голову. Догадка, не более того. И кольцо оказалось там!

— И у тебя всегда получалось?

— Нет, конечно. — Он засмеялся и покачал головой. — Но сегодня был особенный случай, Сара. У меня это колесо... — Джонни слегка сжал кулаки и, нахмурившись, посмотрел на них, — стояло перед глазами. И вызывало какие-то странные ассоциации.

— Какие?

— С резиной, — медленно ответил он. — С горячей резиной. И холодом. И черным льдом. И это сидит у меня в подкорке. Бог знает почему. И нехорошее предчувствие. Будто нужно побережться.

Сара пристально смотрела на него. Постепенно лицо Джонни прояснилось.

— Но сейчас ничего такого нет. Ерунда все это.

— А пятьсот долларов принесла! — сказала она, и Джонни засмеялся. Вскоре Сара задремала, радуясь, что он сидит рядом. Очнулась она, когда по стене скользнул свет фар подъехавшей машины. Его такси.

— Я позвоню. — Джонни нежно поцеловал ее. — Уверена, что одной тебе будет лучше?

Она засомневалась, но все-таки кивнула:

— Позвони мне.

— На третьем уроке, — пообещал Джонни и направился к двери.

— Джонни?

Он обернулся.

— Я люблю тебя, Джонни!

Услышав это, он просиял.

— Поправляйся, тогда и поговорим.

Джонни послал ей воздушный поцелуй.

Сара кивнула, но их следующая беседа состоялась только через четыре с половиной года.

— Не возражаете, если я сяду спереди? — спросил Джонни таксиста.

— Нет, только не заденьте коленями счетчик. Он и так еле держится.

Джонни с трудом просунул длинные ноги под счетчик и захлопнул дверцу. Таксист — лысый мужчина средних лет с брюшком — включил счетчик, и машина помчалась по Флэгг-стрит.

— Куда?

— Кливс-Миллс, — ответил Джонни. — Мейн-стрит, а там я покажу.

— Тогда полтора тарифа, — предупредил таксист. — Мне это и самому не нравится, но придется возвращаться пустым.

Джонни машинально нащупал пачку денег в кармане брюк и попытался вспомнить, была ли у него при себе такая сумма хоть раз в жизни. Была. Один раз. Он покупал двухлетнюю «шевроле» за тысячу двести долларов, и, повинувшись внезапному порыву, попросил в банке выдать эту сумму наличными, чтобы иметь представление, как выглядит такая куча денег. Ничего особенного, правда, изумление на лице продавца, когда он выложил столько денег, так позабавило его, что Джонни помнил об этом до сих пор. Однако нынешняя сумма его не особенно радовала и даже, скорее, внушала беспокойство. Ему вдруг вспомнились слова матери: *Шальные деньги всегда приносят несчастье.*

— Полтора так полтора, — согласился он.

— Значит, договорились. — Таксист оживился. — Я так быстро приехал, потому что нарвался на ложный вызов на Риверсайд.

— В самом деле? — без особого интереса переспросил Джонни. Мимо проносились темные дома. Он выиграл пятьсот долларов, и такого с ним никогда не случалось. Запах паленой резины... Как будто он заново переживал нечто, произошедшее в далеком детстве... И чувство грядущей опасности не позволяло радоваться удаче.

— Да. Часто звонят пьяные, а потом решают не ехать, — объяснял таксист. — Проклятые пьянчуги, как же я ненавижу их! Сначала позвонят, а потом пропускают еще по пиву. Или, пока ждут, пропьют все деньги за проезд. Я спрашиваю, кто вызывал такси, а они не признаются.

— Понятно, — отозвался Джонни. Слева темнели маслянистые воды Пенобскот-Ривер. А тут еще Сара отравилась и потом неожиданно призналась, что любит его. Может, она плохо соображала, что говорит. А вдруг это правда? Господи Боже! Он же влюбился в нее с самого первого свидания!

Вот что было настоящей удачей в этот вечер, а вовсе не выигрыш на «Колесе фортуны». Но именно выигрыш то и дело вспоминался Джонни и внушал тревогу. В темноте, как в плохом сне, перед его глазами по-прежнему вращалось колесо, а в ушах звучало мерное постукивание указателя по штырькам, разделявшим сектора. Шальные деньги приносят несчастье.

Таксист свернул на Шестое шоссе и продолжил свой монолог.

— И тогда я говорю: «Чтоб я больше этого не слышал!» Да что он себе вообразил? Я ни от кого не потерплю такого, а уж тем более от собственного сына! Я за рулем уже двадцать шесть лет. Меня шесть раз грабили. В ДТП попадал — не счастье, правда, ни разу ни одной крупной аварии, за что отдельное спасибо Деве Марии, святому Христофору и Отцу Вседержителю. Понимаете, о чем я? И каждую неделю, какой бы плохой она ни оказалась, я откладывал пять долларов ему на колледж. С тех самых пор, как он только родился на свет Божий. И чего ради? Чтобы он в один прекрасный день заявился домой и сказал, что президент Соединенных Штатов — полный кретин? Да будь я проклят! Парень запросто может считать и меня кретином, правда, знает, что, скажи он такое, я бы ему сразу все ребра пересчитал. Вот такое у нас молодое поколение! И тогда я говорю: «Чтоб я больше этого не слышал!»

— Да уж, — согласился Джонни. Теперь они проезжали лесной массив. Слева раскинулась

Карсонова топь. До Кливс-Миллс оставалось около семи миль. Сумма на счетчике увеличилась на десять центов.

Десять центов, десятая часть доллара. Ой-ё-ёй!

— А чем вы зарабатываете на жизнь? — поинтересовался таксист.

— Преподаю в старшей школе Кливса.

— Правда? Тогда вы понимаете меня. Что, черт возьми, такое с нынешней молодежью?

Молодежь отравилась сосиской под названием «Вьетнам» и теперь заражена трупным ядом. Ее продал парень по имени Линдон Джонсон. Поэтому молодежь отправилась к другому парню по имени Никсон и сказала: Господи, мистер, нам ужасно плохо, — а тот, другой парень, заверил, что знает, как это исправить, и скормил ей еще сосисок. Вот что не так с молодежью Америки.

— Не знаю, — ответил Джонни.

— Всю жизнь строишь планы, стараешься... — задумчиво протянул таксист, искренне сбитый с толку тем, что происходит, но его недоумение длилось недолго, ибо жить водителю осталось меньше минуты. И Джонни, тоже не знавший этого, почувствовал искреннюю жалость к человеку, который не мог ничего понять.

Не будем валять дурака...

— Всегда стараешься как лучше, а сын приходит домой с волосами до задницы и заявляет, что президент Соединенных Штатов — полный кретин! Кретин! Это ж надо! Я не...

— *Осторожно!* — закричал Джонни.

Таксист смотрел на него, и его одутловатое лицо типичного члена Американского легиона, выражавшее серьезность, злость и растерянность, вдруг осветил яркий свет встречных фар. Он перевел глаза на дорогу, но было слишком поздно.

— *Господи Иисусе...*

Навстречу им по обе стороны разделительной полосы мчались две машины. «Мустанг» и «додж-чарджер» выскочили из-за холма и шли бок о бок. Джонни отчетливо слышал надрывный рев их двигателей. По их полосе с бешеной скоростью летел навстречу «додж». Его водитель даже не пытался отвернуть в сторону, и таксист застыл за рулем.

— *Господи...*

Джонни успел заметить, как слева промелькнул «мустанг». Такси и «додж» врезались лоб в лоб, и Джонни почувствовал, как его отрывает от сиденья и вышвыривает из машины. Он не ощутил сильной боли, хотя краем глаза заметил, как упирившиеся в счетчик бедра вырывают его из крепления.

Послышался звон разбивающегося вдребезги стекла, и в небо взметнулся огромный столб пламени. Джонни вышиб головой ветровое стекло, и весь мир устремился в огромную черную дыру. Его выбросило из машины, и приглушенная боль в плечах и руках отозвалась в голове. Он парил. Парил в октябрьской ночи.

В голове мелькали смутные мысли.

Я умираю? Пришла моя смерть?

И внутренний голос отвечал:

Да. Похоже на то.

Джонни парил в окружении октябрьских звезд. Грохот взрывов. Отблески пламени. И черная мгла!

Его парение завершилось глухим ударом и всплеском, и он очутился в холодной жиже Карсоновой топи, в двадцати пяти футах от места, где намертво сцепившиеся машины полыхали ярким пламенем.

Черная мгла.

И угасавшее сознание.

Его целиком заполняло огромное красно-черное колесо, вращавшееся в пустоте, сравнимой только с расстоянием между звездами. Попытай счастья: первый раз — случайность, а второй — удача. Ой-ё-ёй! Колесо крутилось, черное сменялось красным, указатель щелкал по штырькам, и Джонни отчаянно вглядывался, не выпадет ли двойное зеро, при котором проигрывают все, кроме хозяина. Но разглядеть ему так и не удалось, потому что колесо вдруг исчезло. Кругом царил мгла и вселенский вакуум, полная и окончательная пустота. Холодное ничто.

Джонни Смит пребывал в нем очень и очень долго.

В третьем часу ночи 30 октября 1970 года в прихожей на первом этаже маленького дома в ста пятидесяти милях от Кливс-Миллс зазвонил телефон.

Эрб Смит с трудом оторвал голову от подушки и, пытаясь сообразить, что происходит, сел на кровати.

Сзади послышался сонный голос Веры:

— Телефон.

— Да, — сказал он и вылез из кровати. Эрб, крупный и уже начинающий лысеть мужчина почти пятидесяти лет, спал в пижамных штанах. Он вышел в коридор и включил свет. Внизу надрывался телефон.

Эрб спустился на первый этаж и направился в угол к маленькому столику, купленному Верой три года назад. На нем стоял телефон, и Вера называла это «телефонным закутком». Эрб, при своих двухста сорока фунтах веса, не умещался в нем и всегда разговаривал стоя. Ящик стола был до отказа забит периодикой типа «Ридерс дайджест», «Судьба» и религиозных «Высших сил».

Эрб потянулся к трубке, но сразу ее не взял.

Телефонный звонок посреди ночи мог означать одно из трех: либо какой-нибудь старый приятель так набрался, что решил поболтать, либо ошиблись номером, либо случилось несчастье.

Надеясь на второй вариант, Эрб снял трубку:

— Алло?

— Извините, с кем я говорю?

— Меня зовут Эрб Смит. Какого...

— Пожалуйста, не вешайте трубку.

— Да, но...

Слишком поздно. В трубке послышался какой-то щелчок, будто абонент на другом конце уронил ботинок. Телефон перевели в режим ожидания. Из всего, что Эрбу не нравилось в телефонной связи — а это были и хулиганствующие подростки, интересовавшиеся, нет ли у него пирсинга на заднице, и телефонистки с бездушными голосами, и настырные распространители журналов, уговаривавшие подписаться на какой-нибудь из них, — самым ненавистным было, когда телефон переводили в режим ожидания. Это одна из тех коварных штук, которые тихой сапой вползли в нашу жизнь и за последние десять лет стали ее неотъемлемой частью. Когда-то на другом конце провода просто спрашивали: *Вы подождете минутку?* — и клали рядом трубку. В те времена вы слышали порой обрывки разговоров, лай собаки, звук радио, плач младенца. В режиме ожидания все происходило иначе. Трубка зловеще молчала. Там была только пустота. Лучше бы честно сразу сказали: «Подождите немного, пока я закопаю вас заживо!»

Он понял, что ему страшно.

— Герберт!

Он повернулся, прижимая трубку к уху. Наверху, на лестнице, стояла Вера в выцветшем коричневом халате, в бигудях, с питательной кремовой маской, похожей на застывшую корку, на лбу и щеках.

— Кто это?

— Пока не знаю. Просили подождать.

— Это ведь не из-за Джонни? С ним ничего не случилось?

— Не знаю, — повторил Эрб, с трудом сдерживая раздражение. Звонят в два часа ночи, просят подождать, и человек невольно начинает перебирать всех родственников и вспоминать, как у них со здоровьем. На ум приходят старые тетуски, вспоминаются болячки дедушек и бабушек, если те еще живы. А может, перестало биться сердце у кого-нибудь из старых друзей. И человек изо всех сил старается при этом не думать о сыне, которого очень любит, или о том, почему такие звонки обязательно раздаются в два часа ночи, или почему ему вдруг стало так трудно стоять...

Вера закрыла глаза и молитвенно сложила руки. Чувствуя нарастающее раздражение, Эрб с трудом удержался от слов: Вера, Библия при общении с Богом рекомендует уединение, и ты можешь обрести *его* в своей гардеробной. Но тогда она непременно наградит его красноречивой улыбкой, адресуемой ею всем неверующим мужьям, которым уготовано место в аду. А в два часа ночи и с *продолжавшей молчать* трубкой такая улыбка ему точно была не нужна.

В телефоне снова щелкнуло, и другой мужской голос — уже явно постарше — произнес:

— Здравствуйте, это мистер Смит?

— Да. А с кем я говорю?

— Извините, что заставил вас ждать, сэр. Сержант Меггс, полиция штата, отделение Ороно.

— Что случилось? Что-то с сыном?

Он невольно опустил на стул в «телефонном закутке». Силы вдруг оставили его.

— У вас есть сын по имени Джон Смит? — спросил сержант Меггс.

— С ним все в порядке? Говорите, ну же!

Послышались шаги по ступенькам, и рядом оказалась Вера. Мгновение она казалась спокойной, а потом рванулась к трубке, как тигрица.

— Что случилось? Что с моим мальчиком?

Эрб вырвал у жены трубку и, выразительно посмотрев, произнес:

— Сам разберусь.

Она замерла, не сводя с него выцветших голубых глаз и закрыв ладонью рот.

— Мистер Смит, вы слышите меня?

Он ответил, произнося слова с таким трудом, будто губы не слушались, как после заморозки:

— Да, у меня есть сын по имени Джон Смит. Он живет в Кливс-Миллс и работает учителем в местной старшей школе.

— Он попал в аварию, мистер Смит. И сейчас находится в очень тяжелом состоянии. Мне искренне жаль, что приходится сообщать вам столь печальную новость. — Голос Меггса звучал ровно и официально.

— О Господи! — вырвалось у Эрба. В голове все поплыло. Однажды, еще во время службы в армии, он подрался с одним светловолосым здоровяком-южанином по имени Чайлдресс, и тот чуть не вышиб из него дух позади бара в Атланте. И сейчас Эрб чувствовал себя точно так же — сломленным и лишенным всякой способности соображать, поскольку все мысли смешались в какую-то бесполезную и вязкую кучу. — О Господи! — повторил он.

— Он умер? — спросила Вера. — Умер? Джонни умер?

— Нет, — ответил Эрб, закрыв ладонью трубку. — Жив.

— Жив! Жив! — Она упала на колени возле столика. — О Господи, прими нашу благодарность и яви свое милосердие и сострадание к нашему сыну, пусть десница Твоя защитит его, и мы просим Тебя, Сына Божьего Иисуса...

— *Помолчи, Вера!*

Все трое умолкли, будто размышляя над тем, как несправедливо устроен мир. Эрб сидел на

стуле: с трудом помещаясь в закутке с телефоном, он упирался коленями в низ ящика, а прямо перед глазами был нелепый букет из искусственных цветов. Вера стояла на коленях на металлическом листе перед камином. А невидимый им сержант Меггс, казалось, наблюдал за этой странной картиной.

— Мистер Смит?

— Да. Я... прошу прощения за шум.

— Я все понимаю, — заверил Меггс.

— Мой мальчик... Джонни... он был за рулем своего «фольксвагена»?

— Смертельные ловушки, смертельные ловушки — вот что такое эти маленькие «жуки». —

По лицу Веры текли слезы, скатываясь по засохшей корке питательной маски.

— Он ехал в местном «желтом такси», — пояснил Меггс. — Я расскажу, что нам известно.

В аварии участвовали три машины, в двух из них за рулем сидели парни из Кливс-Миллс. Они устроили гонки и выскочили из-за холма на Шестом шоссе. Такси и машина, которая ехала по встречной полосе, столкнулись. Водитель такси и парень за рулем погибли. Ваш сын и пассажир из второй машины находятся сейчас в больнице «Истерн-Мэн». Оба в критическом состоянии.

— В критическом состоянии, — повторил Эрб.

— В критическом! — простонала Вера.

Мы разговариваем, как в дурном бродвейском шоу, почему-то подумал Эрб. Ему было неловко за Веру перед сержантом Меггсом: ведь тот наверняка слышал ее причитания, похожие на дурацкий хор, на фоне которого разыгрываются греческие трагедии. Интересно, сколько раз сержанту Меггсу случалось вести подобные разговоры? Наверняка много раз. Вполне возможно, что он уже позвонил жене погибшего таксиста и матери парня и сообщил им скорбную весть. Как они отреагировали? Но разве это важно? Разве Вера не имела права плакать по сыну? И почему человек в такой момент вообще думает об этом?

— «Истерн-Мэн», — повторил Эрб и записал в блокнот. На его обложке улыбалась телефонная трубка, а шнур затейливо извивался, образуя слова «Телефонный приятель». — Что с ним?

— Простите, мистер Смит?

— Что он повредил? Голову? Живот? Что? Ожоги?

Вера пронзительно вскрикнула.

— Вера, пожалуйста, замолчи!

— Лучше позвоните в больницу и уточните, — осторожно ответил Меггс. — У меня появятся подробности только часа через два.

— Хорошо, я все понял.

— Мистер Смит, мне очень жаль, что пришлось вам звонить посреди ночи с такой неприятной вестью...

— Да уж, — согласился Эрб. — Мне нужно позвонить в больницу, сержант Меггс. До свидания.

— До свидания, мистер Смит.

Эрб повесил трубку и молча уставился на телефон.

Вот так все и происходит, подумалось ему. И ничего не изменишь. Джонни...

Вера снова вскрикнула, и он с ужасом увидел, как она рвет на себе волосы, срывая бигуди.

— Кара Господня! Кара за грехи наши, за то, как мы живем! Эрб, встань на колени рядом...

— Вера, мне нужно позвонить в больницу. Я не хочу это делать на коленях.

— Мы помолимся за него... пообещаем исправиться... если бы только он меня слушался и ходил в церковь чаще... может, это все из-за твоих сигар и пива после работы... сквернословия... поминания Господа всуе... кара... это кара...

Эрб обхватил руками лицо жены, чтобы остановить истерику и яростное раскачивание взад и вперед. Ощущение от ночного крема было неприятным, но рук он не убрал, испытывая к ней искреннюю жалость. Все последние десять лет его жена находилась в каком-то странном состоянии баптистского рвения и, как он считал, легкого религиозного умопомрачения. Через пять лет после рождения Джонни врачи обнаружили у нее доброкачественные опухоли в матке и вагинальном канале. После их удаления она не могла больше рожать. Через пять лет опухоли снова появились, и пришлось удалить матку. Вот тогда глубокая религиозность Веры непостижимым образом слилась воедино с ее другими верованиями. Она начала жадно читать об Атлантиде, о космических пришельцах, о расах «чистых христиан», живущих в чреве планеты. Вера читала журнал «Судьба» почти так же часто, как и Библию, а сведения, почерпнутые из журнала, дополняла тем, что постигла из Библии, и наоборот.

— Вера!

— Мы исправимся, — прошептала она, умоляюще глядя на него. — Мы исправимся, и он выживет! Вот увидишь...

— Вера!

Она молчала, не сводя глаз с мужа.

— Надо позвонить в больницу и узнать, что с ним на самом деле, — мягко сказал он.

— Х... хорошо. Да.

— Можешь посидеть на ступеньках и вести себя тихо?

— Я хочу помолиться, — по-детски жалобно сказала она. — Ты не можешь мне запретить.

— Я и не собираюсь. Только помолись про себя.

— Хорошо! Про себя! Ладно, Эрб.

Она подошла к лестнице, опустилась на ступеньки и поплотнее запахнулась в халат. Потом сложила ладони в молитвенном жесте, и ее губы зашевелились. Эрб позвонил в больницу. Через два часа они уже ехали на север по пустынному шоссе штата Мэн. За рулем их «форда»-универсала шестьдесят шестого года сидел Эрб. Вера замерла на пассажирском сиденье в неестественно ровной позе с Библией на коленях.

2

Телефонный звонок разбудил Сару без четверти девять. Еще не совсем проснувшись, она подошла к телефону. Спина и живот после вчерашней рвоты еще побаливали, но чувствовала она себя гораздо лучше.

Сара взяла трубку, не сомневаясь, что звонит Джонни.

— Алло?

— Привет, Сара. — Звонила Энн Страффорд, коллега по школе. Годом старше Сары, она преподавала в Кливсе испанский уже второй год. Энн очень нравилась Саре искрометной жизнерадостностью и неподдельным оптимизмом. Но сейчас она говорила подавленно и удрученно.

— Как ты, Энни? Мне лучше. Наверное, Джонни уже рассказал. Должно быть, отравилась сосиской на ярмарке...

— Господи, ты же еще ничего не знаешь? Ты не... — Энн оборвала себя на полуслове, и в трубке раздались странные булькающие звуки. Недоумение Сары сменилось страхом, когда она поняла, что Энн плачет.

— Энн? Что случилось? С Джонни все нормально?..

— Произошла авария. — Энн уже не сдерживала рыданий. — Он ехал в такси. И машины столкнулись лоб в лоб. За рулем другой машины сидел Брэд Френо, я преподавала ему

испанский. Он погиб сразу, а его девушка — Мэри Тибо — умерла сегодня утром. Говорят, она училась у Джонни. Ужасно, просто ужасно!

— *Джонни!* — закричала Сара, снова чувствуя тошноту. Ее руки и ноги оледенели. — *Что с Джонни?*

— Он в критическом состоянии, Сара. Дейв Пелсен звонил утром в больницу. Там считают, что он не... В общем, все плохо.

Окружающий мир вдруг стал серым. Энн все еще говорила, но ее голос постепенно затихал и вскоре стал напоминать шелест листы. Перед мысленным взором Сары замелькали странные и бессмысленные образы. Ярмарочное «Колесо фортуны». Зеркальный лабиринт. Фиолетовые глаза Джонни — такие темные, что кажутся черными. Родное лицо залито кричащим светом ярмарочной иллюминации. Голые лампочки на проводах.

— Не может быть, — сказала Сара тоже далеким и слабым голосом. — Ты ошибаешься. Когда он уезжал, с ним было все в порядке.

В голосе Энн звучали ужас и сомнение в том, что такое может случиться с человеком ее возраста, молодым и полным сил. Внезапно он стал громким и отчетливым:

— Они сказали Дейву, что он никогда не придет в себя, даже если перенесет операцию. А операция необходима, потому что его голова... его голова...

Неужели она хотела сказать *раздавлена*? Что голова Джонни *раздавлена*?

Сара потеряла сознание. Возможно, потому, что отказывалась услышать это окончательное и непоправимое слово. Она медленно провалилась в кошмарный серый мир, и выскользнувшая из рук телефонная трубка закачалась на шнуре, как маятник.

— Сара?.. Сара?.. Сара?.. — слышалось из нее.

3

Сара приехала в больницу «Истерн-Мэн» в четверть первого. Медсестра на регистрации, взглянув на ее бледное и обезумевшее от тревоги лицо, прикинула, можно ли говорить ей правду, после чего сообщила, что Джон Смит все еще в операционной, а в комнате ожидания находятся его мать и отец.

— Спасибо. — Почему-то Сара пошла направо, а не налево и, оказавшись в раздевалке персонала, вернулась.

Неприятно яркие тона комнаты ожидания резали глаз. Там сидели несколько посетителей, листая потрепанные журналы или глядя перед собой в пустоту. Из лифта вышла седовласая женщина и передала свой гостевой пропуск другой. Та сразу направилась к лифтам, постукивая шпильками. Остальные дожидались своей очереди. Кто-то пришел проведать отца, у которого удалили камни из желчного пузыря. Кто-то — мать, обнаружившую уплотнение у себя под грудью всего пару дней назад, а кто-то — друга, который во время пробежки почувствовал боль в сердце. Лица ожидавших выражали хладнокровие; все их тревоги скрывались за этой маской. Сара снова ощутила нереальность происходящего.

Где-то мелодично звякнул колокольчик. Попискивали каучуковые подошвы по полу. С ним было все в порядке, когда он вчера уходил. Невозможно представить себе, чтобы Джонни умирал в одной из этих кирпичных башен.

Мистера и миссис Смит она узнала сразу. Сара попыталась вспомнить, как их зовут, но так и не смогла. Они сидели у дальней стены и в отличие от остальных посетителей еще не оправались от шока.

Пальто матери Джонни висело на спинке стула; в руках она сжимала Библию. Читая, она шевелила губами, и Сара вспомнила слова Джонни о ее неистовой и даже исступленной

религиозности. У мистера Смита — Сару вдруг осенило: его имя *Эрб* — на коленях лежал журнал, но он смотрел в окно, за которым осень Новой Англии подбиралась к зиме.

Она подошла к ним.

— Мистер и миссис Смит?

Они подняли на нее глаза, и на их лицах отразился страх: они боялись услышать страшную новость. Пальцы миссис Смит с силой вцепились в Библию, открытую на Книге Иова. Молодая женщина, стоявшая перед ними, не была в форме медсестры или врача, но они не обратили на это внимания. Они ждали приговора.

— Да, мы — Смиты, — тихо подтвердил Эрб.

— Меня зовут Сара Брэкнелл. Мы с Джонни дружим. Можно сказать, встречаемся. Позвольте присесть рядом?

— Подруга Джонни? — переспросила миссис Смит резким и даже обвиняющим тоном, чем вызвала удивленные взгляды других посетителей, которые, впрочем, тут же отвернулись и снова уткнулись в журналы.

— Да, — подтвердила Сара. — Подруга Джонни.

— Он никогда не писал, что у него есть подруга, — заявила миссис Смит, не меняя тона. — Никогда!

— Тише, мать, — вмешался Эрб. — Садитесь, мисс... Брэкнелл, верно?

— Сара, — благодарно уточнила она и села.

— Никогда! — повторила миссис Смит. — Мой мальчик любил Господа, но в последнее время, наверное, немного сбился с пути. Кара Господня всегда наступает неожиданно. Вот почему отступничество так опасно. Никому не суждено знать ни дня, ни часа...

— *Помолчи!* — опять вмешался Эрб. На них снова оглянулись, и он строго посмотрел на жену. Та с вызовом повернулась к нему, но он выдержал ее взгляд. Вера опустила глаза и закрыла Библию, однако ее пальцы все так же нервно перебирали страницы, будто ужасные бедствия, обрушившиеся на праведника Иова, могли укрепить ее и помочь пережить несчастье, случившееся с сыном.

— Вчера вечером мы были вместе, — сказала Сара, чем вызвала еще один осуждающий взгляд. Сара вдруг вспомнила, как толкует Библия словосочетание «быть вместе», и покраснела. Как будто эта женщина способна читать ее мысли. — Мы вместе ездили на окружную ярмарку...

— Средоточие зла и греха! — заявила Вера Смит.

— В последний раз прошу тебя помолчать, Вера! — решительно произнес Эрб и накрыл ладонью ее руки. — И я не шучу! Здесь сидит хорошая девушка, и я не позволю тебе цепляться к ней!

— Греховное место! — упрямо повторила Вера.

— Да перестанешь ты наконец?!

— Отпусти меня! Я хочу читать Библию!

Он отпустил. Сара чувствовала себя очень неловко. Вера снова открыла Библию и углубилась в чтение, шевеля губами.

— Вера очень страдает, — сказал Эрб. — Мы оба очень переживаем. И вы тоже, судя по вашему лицу.

— Да.

— Вы вчера хорошо провели время? — спросил он. — На ярмарке?

— Да. — Сара понимала, что этот простой ответ содержит одновременно и ложь, и правду. — Да, пока... я не отравилась сосиской или чем-то еще. Мы приехали на моей машине, и Джонни отвез меня в Визи. Меня очень сильно тошнило. Он вызвал такси. Обещал предупредить в школе, что я отравилась. И больше я не видела его.

К глазам подступили слезы. Сара не хотела плакать при них, особенно при Вере Смит, но сдержать слезы не удалось. Покопавшись в сумочке, она достала платок и прижала к глазам.

— Ну же, не надо. — Эрб обнял ее за плечи.

— Как же так?

Она уже плакала, не стесняясь, и ей даже показалось, что Эрб рад кого-то поддержать: его жена находила сомнительное утешение в жизнеописании Иова, где ее мужу не было места.

Посетители уже открыто разглядывали Сару и сквозь пелену слез, застилавших глаза, казались ей размытой толпой. Она понимала, что те думали.

Уж лучше она, чем я. Лучше все они трое, чем я или мои близкие. Должно быть, парень не выживет, иначе чего бы ей так убиваться. Момент, когда выйдет доктор и, отозвав в сторону, сообщит им ужасную весть, всего лишь вопрос времени.

Саре удалось овладеть собой, и она перестала плакать. Миссис Смит сидела, замерев как вкопанная, будто увидела что-то ужасное, и не замечала ни слез Сары, ни желания своего мужа утешить ее. Она читала Библию.

— Пожалуйста, — умоляюще сказала девушка. — Что с ним? Есть ли хоть какая-то надежда?

Прежде чем Эрб успел ответить, послышался голос Веры, прозвучавший как приговор:

— Надеяться следует только на Господа, юная мисс!

Заметив тревогу в глазах Эрба, Сара подумала: *Он считает, что несчастье лишило ее разума. Может, так оно и есть.*

4

Долгий день близился к вечеру.

В третьем часу, когда закончились занятия в школе, в больницу потянулись ученики Джонни в дешевых куртках, странных шляпах и потертых джинсах. Среди них было мало таких, кто всегда выглядел опрятно и хорошо учился, намереваясь продолжить образование в колледже. Узнать, что с Джонни, в основном пришли длинноволосые бунтари.

Все подходили к Саре и тихо спрашивали, как Джонни. Она качала головой и отвечала, что сама ничего не знает. Одна из учениц, Дон Эдвардс, влюбленная в Джонни, заметила, что Сара очень напугана, и разрыдалась. Подошла медсестра и попросила ее уйти.

— Она сейчас успокоится. — Сара обняла девушку за плечи. — Дайте ей минутку.

— Нет, я не хочу оставаться здесь! — воскликнула Дон и бросилась из комнаты, налетев по дороге на пластиковый стул и опрокинув его со стуком. Потом Сара заметила, как Дон сидела на ступеньках под холодным октябрьским солнцем, уткнувшись лицом в колени.

Вера Смит продолжала читать Библию.

К пяти часам большинство учеников разошлись по домам. Дон тоже ушла, но Сара не заметила когда. В семь часов молодой врач с бейджиком «Доктор Стронс» на лацкане белого халата вошел в комнату ожидания и, окинув присутствующих взглядом, направился к ним.

— Мистер и миссис Смит?

Эрб тяжело вздохнул:

— Да. Это мы.

Вера захлопнула Библию.

— Пойдемте со мной.

Вот и все, подумала Сара. Сейчас их отведут в отдельную комнату и там все скажут. Так, как есть. Она останется ждать, а когда они пойдут обратно, Эрб наверняка ей все расскажет. Он ведь добрый и понимающий человек.

— У вас есть новости о моем сыне? — спросила Вера, близкая к истерике, громко и четко.

— Да. — Стронс взглянул на Сару. — Вы — родственница, мэм?

— Нет. Подруга.

— Близкая подруга, — пояснил Эрб, взяв ее под локоть сильной и теплой рукой. Другую он положил Вере на плечо. Потом помог им подняться. — С вашего разрешения, мы пойдем вместе.

— Конечно.

Он провел их по коридору мимо лифтов и остановился у двери с табличкой «Конференц-зал». Пригласив их войти, Стронс включил свет, и комнату с длинным столом и дюжиной офисных стульев залил яркий свет флуоресцентных ламп.

Доктор Стронс закрыл дверь, закурил сигарету и бросил спичку в пепельницу на столе.

— Трудно говорить об этом, — произнес он, будто обращаясь к себе.

— Тогда лучше не тянуть, — сказала Вера.

— Наверное, вы правы.

Понимая, что вопросы должна задавать не она, Сара все же не выдержала и спросила:

— Он жив? Только не говорите, что он умер...

— Он в коме. — Стронс сел и глубоко затянулся сигаретой. — У мистера Смита очень серьезное повреждение черепа, и мы не знаем, насколько поврежден мозг. Возможно, вы слышали о «субдуральной гематоме» в одной из передач на медицинские темы. У мистера Смита было очень сильное субдуральное кровоизлияние, заблокировавшее черепной кровоток. Чтобы снизить давление и извлечь из мозга осколки костей, потребовалась длительная операция.

Эрб тяжело опустился на стул — на его мясистом лице застыло выражение ужаса. Обратив внимание на его грубые и покрытые шрамами руки, Сара вспомнила, что он плотник.

— Бог был милостив к Джонни и сохранил ему жизнь! — воскликнула Вера. — Я знала, что так и будет! Я молилась, чтобы Господь подал знак! Да святится имя Его. И возблагодарим Его все вместе!

— Вера, — удрученно произнес Эрб.

— В коме, — повторила Сара. Она растерялась, не понимая, как отнестись к этому сообщению. То, что Джонни не умер и пережил опасную и длительную операцию на мозге, должно было вселить надежду. Однако никакого облегчения она не испытывала. Ей не нравилось слово *кома*. За ним скрывалось нечто зловещее и непостижимое. Кажется, по-латыни это означало «мертвый сон».

— Что его ждет? — спросил Эрб.

— Пока трудно сказать. — Стронс нервно постукивал сигаретой о край пепельницы. Сара подумала, что он нарочно отвечает на вопрос формально, избегая сущности дела. — Сейчас, конечно, мы искусственно поддерживаем его жизнедеятельность.

— Но вы должны что-то знать о шансах, — сказала Сара. — Должны знать...

Она беспомощно всплеснула руками.

— Он может выйти из комы в течение сорока восьми часов. Или недели. Или месяца. А может и вообще никогда не выйти. И нельзя исключать, что он умрет. Скажу вам честно, это наиболее вероятный исход. Он получил... очень большие травмы.

— Господь хочет сохранить ему жизнь, — заявила Вера. — Я знаю это!

Эрб закрыл лицо руками и медленно потер щеки.

Доктор Стронс посмотрел на Сару и смущенно пояснил:

— Я хочу, чтобы вы были готовы... к любому развитию событий.

— А вы можете сказать, каковы шансы на то, что он выйдет из комы? — спросил Эрб.

Доктор Стронс замялся и нервно затянулся сигаретой.

— Нет, не могу.

Все трое провели в больнице еще час, а потом ушли. На улице уже стемнело. Длинные волосы Сары развевались на сильном и пронизывающем ветру, гулявшем по автостоянке, и уже дома она заметила, что в них застрял желтый дубовый листок. По небу одиноко плыла унылая и холодная луна.

Сара сунула Эрбу листок бумаги со своим адресом и телефоном.

— Позвоните мне, если будут новости. Не важно какие...

— Конечно. — Он вдруг нагнулся и поцеловал ее в щеку.

— Мне очень жаль, что я разговаривала с вами так резко, милая, — мягко произнесла Вера. — Мне было очень плохо.

— Я все понимаю, — заверила ее Сара.

— Я боялась, что мой мальчик умрет. Но я молилась. И говорила об этом с Господом. Как поется в песне: «Если вдруг придут невзгоды и несчастья одолеют, обратись с молитвой к Богу — и на сердце потеплеет».

— Вера, нам пора, — сказал Эрб. — Нам надо поспать и узнать, как...

— Но теперь Господь подал мне знак, — продолжала Вера, мечтательно глядя на луну. — Джонни не умрет. Господь не допустит этого. Я услышала Его голос у себя в душе и теперь спокойна.

Эрб открыл дверцу машины.

— Поехали, Вера.

Она взглянула на Сару и улыбнулась. Сара сразу вспомнила такую же открытую и беззаботную улыбку Джонни, но эта показалась ей самой жуткой, какую она когда-либо видела.

— Господь осенил Джонни своей благодатью, — сказала Вера, — и теперь душа моя ликует.

— До свидания, миссис Смит. — Губы Сары едва шевелились.

— До свидания, Сара.

Эрб сел за руль и завел двигатель. Машина тронулась и выехала с парковки на Стейт-стрит. Только тут Сара сообразила, что забыла спросить, где они останутся. Хотя, наверное, они еще и сами не знали.

Она подошла к своей машине и бросила взгляд на реку: в темных водах, похожих на шелк, отражалась луна. На стоянке больше никого не было. Сара подняла глаза и посмотрела на луну.

Господь осенил Джонни своей благодатью, и теперь душа моя ликует.

Луна висела на небе как аляповатая карнавальная игрушка, небесное «Колесо фортуны», где все подтасовано в пользу хозяина и, помимо обычного зера, есть еще и двойное. Сектор хозяина, сектор хозяина, все платят хозяину, ой-ё-ёй!

Ветер гонял по парковке опавшие листья. Сев за руль, Сара почувствовала себя очень одинокой и поняла, что потеряет Джонни. Ее охватил ужас, и по телу прокатилась дрожь. Наконец она собралась с силами, завела двигатель и поехала домой.

На следующей неделе от сообщества учащихся Кливс-Миллс поступило море открыток и пожеланий скорейшего выздоровления. Эрб Смит позже говорил Саре, что Джонни получил больше трехсот открыток. И в каждой были теплые слова и надежда на его выздоровление. Вера ответила на каждое послание запиской со словами благодарности и цитатой из Библии.

У Сары больше не было проблем с дисциплиной в классе. Ее внутреннее ощущение о

нерасположении к ней школьной общественности сменилось прямо противоположным. Постепенно она поняла, что ребята видели в ней трагическую героиню — потерянную любовь мистера Смита. Эта мысль пришла Саре в голову в учительской во время перемены, в следующий четверг, и она сначала рассмеялась, но смех тут же перешел в истерические рыдания. Она испугалась себя. Во сне Сару постоянно преследовали кошмары, в которых Джонни или являлся в маске Джекила и Хайда, или стоял у «Колеса фортуны», а какой-то бестелесный голос все время повторял: «Мистер, мне нравится смотреть, как вы с ним разделяетесь!» Или Джонни говорил: «Все в порядке, Сара, теперь все хорошо», — а потом входил в комнату, и выше бровей у него не было головы.

Эрб и Сара остановились на неделю в гостинице, и Сара ежедневно встречалась с ними в больнице после обеда. Они терпеливо ждали вестей. Но ничего не происходило. Джонни лежал на шестом этаже в отделении интенсивной терапии, его жизнь поддерживали разные приборы, в том числе и искусственного дыхания. Доктор Стронс уже не выражал оптимизма. В пятницу Эрб позвонил Саре и сообщил, что они с Верой возвращаются домой.

— Она не хочет ехать, — сказал он, — но мне удалось образумить ее. Или так мне кажется.

— С ней все в порядке? — спросила Сара.

Повисла долгая пауза, и Сара решила, что задала бестактный вопрос. Наконец Эрб заговорил:

— Не знаю. А может, и знаю, но не хочу признаваться в том, что с ней не все в порядке. Она всегда была религиозной, но после перенесенных операций ее фанатизм усилился. После удаления матки. А теперь дело совсем худо. Она постоянно твердит о конце света. Она связывает аварию Джонни с Вознесением. Накануне Армагеддона Господь забирает всех истинно верующих на небо в их земном облике.

Сара вспомнила о наклейке на стекле однажды увиденного ею автомобиля: «Если Вознесение сегодня, пусть кто-нибудь заменит меня за рулем!»

— Я понимаю, о чем вы, — сказала она.

— Дело в том, — смущенно продолжал Эрб, — что она... поддерживает отношения с некоторыми группами... считающими, будто Господь явится к истинно верующим на летающей тарелке. Чтобы забрать их на небеса тоже на летающих тарелках. Эти секты... убеждают всех — по крайней мере не сомневаются сами, — что рай находится в созвездии Ориона. Только не спрашивайте меня, как они это вычислили. Вот Вера могла бы вам объяснить. Так что, Сара, сейчас мне довольно трудно.

— Я понимаю вас.

— Но она отличает мир реальный от воображаемого! — встрепнулся Эрб. — Вере нужно время, чтобы осознать случившееся. Я так и сказал ей. И что дома она может сделать это с таким же успехом, как и здесь. Я... — Откашлявшись, он продолжил: — Мне надо вернуться на работу. У меня есть обязательства...

— Ну конечно, — сказала Сара и, помолчав, спросила: — А что со страховкой? Лечение наверняка стоит безумных денег... — смущенно добавила она.

— Я разговаривал с мистером Пелсенем, заместителем директора школы. У Джонни был стандартный пакет «Голубого креста», покрывающий часть расходов по пребыванию в больнице, — пояснил Эрб. — Не эта новая штука по многосторонней медицинской страховке. Но нам с Верой удалось кое-что скопить.

У Сары защемило сердце. *Нам с Верой удалось кое-что скопить.* На сколько хватит их сбережений, если день пребывания в больнице стоит долларов двести, а то и больше? И чего ради? Чтобы поддерживать Джонни в состоянии растения, которое бездумно мочится в трубку и пускает по миру своих родителей? Чтобы он и дальше сводил мать с ума несбыточной мечтой о

его выздоровлении? По щекам Сары потекли слезы, и она впервые подумала, что лучше бы Джонни умер и обрел вечный покой. Она ужаснулась этой чудовищной мысли, но та не исчезла.

— Я хочу, чтобы все у вас было хорошо, — сказала она.

— Я знаю, Сара. И мы желаем тебе того же. Ты будешь писать нам?

— Обязательно!

— И приезжай к нам в гости, когда получится. Паунал не так далеко. — Он помолчал. —

По-моему, Джонни выбрал себе правильную девушку. У вас все было серьезно?

— Да, — подтвердила Сара, заливаясь слезами. Она вдруг заметила, что Эрб говорил о них в прошедшем времени. — У нас все было серьезно.

— До свидания, милая.

— До свидания, Эрб.

Сара повесила трубку и, поразмыслив, набрала номер больницы и справилась о Джонни. Никаких изменений. Поблагодарив реанимационную сестру, она повесила трубку и задумалась. Бог присылает флотилию летающих тарелок, чтобы забрать истинно верующих и доставить их на Орион. Смысла в этом было не больше, чем в безумном решении Господа сохранить жизнь лишенному разума Джону Смиту и погрузить его в вечную кому, конец которой положит только внезапная смерть.

Перед Сарой лежала стопка ученических сочинений. Она налила себе чаю и села проверять их. И если был момент, с которого начался отсчет ее нового периода жизни, уже после Джонни, то наступил он именно сейчас...

Убийца был скользким.

Он сидел на скамейке в городском парке возле эстрады, курил сигарету и напевал песню из «Белого альбома» «Битлз»: *Ты сам не понимаешь, как тебе повезло снова очутиться в СССР...*

Он еще не был убийцей, во всяком случае, пока. Но думал об убийстве очень давно. Мысли о нем неотступно преследовали его, но вовсе не тревожили, а, напротив, поднимали настроение. Время он выбрал правильно. И волноваться, что его поймают, никаких оснований нет. Как и по поводу прищепки. Потому что он хитрый.

Пошел небольшой снег. Все это происходило 12 ноября 1970 года, а за сто шестьдесят миль к северо-востоку от этого небольшого городка на западе штата Мэн лежал в коме Джон Смит.

Убийца осмотрел парк. Туристы, приехавшие в Касл-Рок и Озерный край, часто называли его «общей землей». Но сейчас туристов здесь не было. Парк, утопавший летом в зелени, стал желтым и неживым и терпеливо дожидался, когда зима наконец вступит в свои права. На фоне светлого неба сверкали, переливаясь, замерзшие капли на покрытом ржавчиной проволочном щите, ограждавшем «дом» — основную базу на играх Малой бейсбольной лиги. Эстрада для оркестра нуждалась в покраске.

В целом открывавшаяся взгляду картина не радовала глаз, но убийца не замечал этого. Внутри у него все пело, и он с трудом сдерживался, чтобы не пританцовывать, а пальцами так и хотелось пощелкать в такт. На этот раз его мечта наконец сбудется.

Раздавив каблуком окурок, он тут же закурил новую сигарету и взглянул на часы. 15:02. Он сел на скамейку и продолжил курить. Мимо прошли двое мальчишек, перекидывая друг другу мяч, но убийцу они не видели, потому что скамейки стояли в низине. Он подумал, что именно сюда приходят потаскуны, когда погода теплее. Он знал все о потаскунах и о том, чем они занимались. Ему рассказывала об этом мать, и он *видел* все сам.

При мысли о матери настроение немного испортилось. Однажды, когда ему было семь лет, мать неожиданно вошла к нему в комнату — она никогда не стучалась — и застала его за тем, как он игрался со своей «штучкой». Она чуть с ума не сошла. Он пытался объяснить ей, что в этом нет ничего такого. Ничего плохого. Он просто «встал». Он ничего для этого не делал, и тот «встал» сам по себе. А он сидел и постукивал по нему. Ничего особо интересного, даже скучно. Но мать чуть с ума не сошла.

Ты что, хочешь быть грязным потаскуном? — закричала она. Он даже не понимал, о чем она: слово «грязный» он знал, а другое слышал от старших мальчишек во дворе их школы. *Хочешь быть грязным потаскуном и подцепить заразу? Хочешь, чтобы у тебя оттуда тек гной? Чтобы он почернел? Чтобы сгнил? Ты этого хочешь?*

Она схватила его за плечи и начала трясти, а он разревелся от страха. Его мать, крупная и властная женщина, не терпела возражений, а он тогда не был убийцей и не был скользким — всего лишь маленький мальчик, ревуший от страха. Его «штучка» съежилась и пыталась втянуться в тело.

Мать нацепила ему на «штучку» прищепку и заставила ходить с ней два часа, чтобы он знал, как опасны болезни.

Боль была дикая.

Он взглянул на часы. 15:07. Выбросил недокуренную сигарету и прислушался: кто-то приближался.

Он узнал ее. Это была Альма, Альма Фречетт из кофейни, расположенной через дорогу. Только что закончила смену. Он знал Альму и даже пару раз встречался с ней, и они ездили на

Серенити-Хилл.

Она хорошо танцевала. Для потаскух это обычное дело. Он обрадовался, что идет именно Альма.

Она была одна.

Снова в СС... снова в СС... снова в СССР.

— Альма! — окликнул он и помахал рукой.

Вздвигнув от неожиданности, она обернулась и увидела его. Потом улыбнулась, подошла к нему и, сев скамейку рядом с ним, назвала по имени. Он, тоже улыбнувшись, поднялся. Он не боялся, что их увидят. Он был неприкасаемым. Настоящим суперменом!

— Почему ты так одет? — спросила она.

— Круто, верно? — Он усмехнулся.

— Ну-у, не знаю...

— Хочешь, я тебе кое-что покажу? — спросил он. — Ты такого точно никогда не видела!

— И что это?

— Пошли, увидишь сама.

— Пойдем.

Как все просто! Она поднялась с ним на эстраду. Если бы кто-то в это время шел мимо, он успел бы отказаться от своих намерений. Но в парке никого не было. Никаких прохожих. Весь парк в их полном распоряжении. Из свидетелей только светлое небо над головой. Альма была невысокого роста, светловолосая. Он не сомневался, что крашенная. Все потаскухи красят волосы.

Он повел ее по эстраде, и их шаги гулко разносились по деревянному настилу. В углу валялся пюпитр, а рядом пустая бутылка из-под виски. Да, это место было точно тем самым, куда водили потаскух.

— И что? — спросила она, ничего не понимая и начиная нервничать.

Убийца весело улыбнулся и показал ей пальцем на валявшийся пюпитр.

— Слева от него. Видишь?

На досках лежал использованный презерватив, напоминавший сброшенную змеиную кожу.

Альма скривилась и резко повернулась, чтобы уйти, но налетела на убийцу.

— Не смешно...

Он схватил ее и толкнул назад.

— Куда это ты собралась?

Ее взгляд стал настороженным и испуганным.

— Дай мне пройти! Иначе сильно пожалеешь. У меня нет времени на идиотские шутки...

— Это не шутка! Совсем не шутка, грязная потаскуха!

Наконец-то он произнес эти слова вслух и назвал ее настоящим именем! Его захлестнула радость, и мир вокруг закружился.

Альма вырвалась и бросилась к низким перилам по периметру эстрады, рассчитывая перескочить через них. Убийца ухватил ее сзади, за воротник дешевенького пальто, и рванул к себе. Нитки на шве с треском лопнули, и Альма открыла рот, чтобы закричать.

Он зажал ей рот рукой, придавив губы к зубам, и почувствовал, как по ладони потекла теплая кровь. Она отчаянно колотила его, и ей никак не удавалось зацепиться за его одежду, чтобы устоять, потому что он был...

Скользким!

Он швырнул ее на пол и убрал ладонь ото рта, перемазанного кровью. Она снова хотела закричать, но он с размаху упал на нее, ухмыляясь и тяжело дыша, и воздух со свистом вырвался из легких Альмы. Теперь, уже ощутив его возбуждение, она не пыталась кричать и только

отбивалась, норовя вцепиться в его одежду, но пальцы соскальзывали. Он грубо раздвинул ей ноги и оказался между ними. Альма ударила его, угодив в переносицу, отчего на глазах убийцы выступили слезы.

— Ах ты, потаскуха! — прошипел он, сжимая пальцы у нее на горле. Он душил Альму, отрывая ее голову от дощатого пола и с силой опуская вниз. Ее глаза закатились, лицо сначала порозовело, потом стало красным и, наконец, побагровело. Сопротивление ослабло.

— Потаскуха, потаскуха, потаскуха! — хрипло выкрикивал убийца. Теперь он стал настоящим убийцей, и тело Альмы Фречетт уже никогда и никого не будет смущать на Серенити-Хилл. Ее глаза вылезли из орбит, как у дурацких кукол, которыми торговали на аллеях ярмарки. Убийца тяжело дышал. Руки Альмы безвольно лежали на дощатом полу, а его пальцы, впившиеся в ее горло, почти исчезли из виду.

Он ослабил хватку, готовый снова сжать пальцы, если она пошевелится. Но Альма не шевелилась. Через мгновение убийца трясущимися руками распахнул на ней пальто и задрал юбку.

Светлое небо равнодушно смотрело на парк Касл-Рока, по-прежнему пустынный. Тело задушенной и изнасилованной Альмы Фречетт нашли только на следующий день. По версии шерифа, преступление совершил какой-то заезжий мерзавец. Об убийстве написали газеты штата, и жители Касл-Рока признали, что шериф прав — никто из местных парней на такое зверство не способен.

Эрб и Вера Смит вернулись в Паунал и попытались наладить жизнь. В декабре Эрб закончил ремонт дома в Дареме. Как и предполагала Сара, их сбережения таяли на глазах, и им пришлось обратиться за помощью, предоставляемой государством гражданам в чрезвычайных ситуациях. Само осознание этого состарило Эрба почти так же, как и авария, в которую попал его сын. Эрб считал программу помощи эвфемизмом милостыни или благотворительности. Всю жизнь много и честно работая, он не предполагал дожить до того дня, когда ему придется полагаться на помощь государства. Но такой день наступил.

Вера подписалась еще на три журнала, и почта регулярно доставляла их. Все они издавались на дешевой бумаге и с такими иллюстрациями, будто их рисовали дети. «Божьи летающие тарелки», «Грядущее Преображение» и «Духовные чудеса Господа». «Высшие силы» тоже по-прежнему приходили, но иногда лежали нечитаными по три недели, зато свои новые журналы Вера зачитывала до дыр. Она находила, что очень многое в них имеет прямое отношение к несчастью с Джонни, и во время ужина зачитывала соответствующие выдержки усталому мужу пронзительным голосом, дрожавшим от экзальтации. Эрб все чаще и чаще просил ее помолчать, а порой даже срывался на крик, требуя избавить его от этой чуши и оставить в покое. Тогда Вера, бросив на него обиженный взгляд, удалялась наверх, чтобы продолжить свои исследования. Она вступила в переписку с редакциями этих журналов и обменивалась письмами с авторами публикаций и другими их собратьями по перу, разделявшими ее взгляды.

Как и сама Вера, большинство ее корреспондентов были вполне добросердечными людьми, желавшими помочь ближним и облегчить невыносимую боль. Они посылали ей молитвы и амулеты, обещали помолиться за Джонни на ночь. Однако встречались и мошенники, и Эрба тревожила неспособность жены распознать их. Ей предложили купить щепку с креста, на котором распяли Сына Божьего Иисуса Христа, всего за 99,98 доллара. Или пузырек с водой из чудотворного источника в Лурде, уверяя, что вода наверняка поможет Джонни очнуться, стоит лишь смочить ему лоб. Стоил пузырек доллар и десять центов, не считая почтовых расходов. Дешевле (и потому привлекательнее для Веры) было только постоянное проигрывание пленки с записью двадцать третьего псалма и молитвы «Отче наш» в исполнении Билли Гумбарра, миссионера с Юга. В рекламной брошюре утверждалось, что проигрывание записи у постели Джонни в течение нескольких недель обязательно приведет к чудесному исцелению.

В качестве дополнительного благословения (только на короткое время) к приобретенной записи прилагалась фотография самого Билли Гумбарра с автографом.

Эрб все чаще вмешивался, поскольку страсть Веры к этим псевдорелигиозным атрибутам усиливалась. Иногда он тайком рвал выписанные ею чеки или намеренно занижал остаток на счете, но если просили только наличные, ему приходилось проявлять характер. Постепенно Вера стала отдаляться от мужа и считать его неверующим грешником.

Сара Брэкнелл продолжала работать в школе и по утрам ездила на занятия. Но остальная часть дня мало чем отличалась от того, что происходило после разрыва с Дэном: она жила в ожидании перемен.

Переговоры в Париже зашли в тупик. Несмотря на рост протестов как внутри страны, так и

за рубежом, Никсон приказал продолжить бомбардировки Ханоя. На пресс-конференции он предъявил фотографии, «убедительно доказывавшие», что американские самолеты не бомбили северовьетнамские больницы, но сам передвигался повсюду только на армейском вертолете.

Расследование убийства в Касл-Роке зашло в тупик после того, как подозреваемого в нем бродячего художника, который в свое время провел три года в больнице для душевнобольных, выпустили на свободу: вопреки ожиданиям его алиби полностью подтвердилось.

Дженис Джоуплин все с тем же надрывом исполняла блюзы.

Законодатели мод в Париже второй год подряд безуспешно пытались увеличить длину юбок.

Обо всем этом Сара смутно знала, будто случайно услышала голоса из соседней комнаты, где проходила какая-то вечеринка.

Выпал первый снежок, потом еще немного, а за десять дней до Рождества разыгралась такая метель, что отменили занятия в школе, и Сара осталась дома. Она сидела у окна и смотрела на летящий снег, устилавший Флэгг-стрит белым ковром. Ее короткий роман с Джонни — хотя и романом-то назвать его было нельзя — теперь уже стал частью минувшего времени года, и Сара чувствовала, как он постепенно отдаляется от нее. Ей было не по себе, словно она медленно погружалась в воду и тонула. Тонула в днях.

Сара много прочитала о черепных травмах, комах и повреждениях мозга. Полученные сведения не внушали оптимизма. Сара узнала о девочке из маленького городка в Мэриленде, пролежавшей в коме шесть лет. О молодом парне из английского Ливерпуля, который работал в доках и, впад в кому на шестнадцать лет после удара крюком портового крана, в этом же состоянии и скончался. Постепенно у этого крепкого молодого парня атрофировались все центры, отвечавшие за связь с внешним миром, волосы выпали, зрительные нервы за закрытыми веками превратились в жижу, а из-за укоротившихся связок тело приняло позу эмбриона. Вскрытие показало, что во фронтальной и префронтальной коре мозг уже не имел никаких извилин и был практически гладким.

О, Джонни, как же это несправедливо! — думала Сара, наблюдая за кружившими снежинками, которые покрывали белым саваном прошедшее лето и золотую осень. *Это несправедливо! Тебя не должны удерживать насильно.*

Каждые десять дней или две недели она получала письмо от Эрба Смита: у Веры были свои друзья по переписке, у него — свои. Он писал широким размашистым почерком, пользуясь по старинке авторучкой.

Мы оба живы и здоровы. Ждем новостей, как наверняка и ты. Да, я тоже покопался в книгах и понимаю, о чем ты тактично стараешься умалчивать в письмах, Сара. Перспективы вовсе не радужные. Но мы все равно не теряем надежды. Я не верю в Бога так, как Вера, но свои соображения на этот счет у меня все же есть: почему он не позволил Джонни умереть сразу, если решил не оставлять его в живых? Может, для этого есть особая причина? Не знаю, но мы продолжаем надеяться.

Потом пришло еще одно письмо.

В этом году мне приходится заниматься рождественскими подарками самому, потому что Вера считает это греховным обычаем. Именно это я и имею в виду, когда говорю, что с ней становится все труднее. Она всегда считала Рождество святым днем, а не праздником, а если бы увидела, что я написал это слово с маленькой буквы, то, наверное, застрелила бы меня как конокрада во времена освоения Запада. Вера всегда говорила, что Рождество — это праздник рождения Иисуса, а не Санта-

Клауса, но раньше это никогда не мешало ей покупать подарки. Она даже любила это. А теперь постоянно твердит, какой это грех. Люди, с которыми Вера постоянно переписывается, внушают ей самые странные мысли. Господи, как же мне хочется, чтобы она снова стала нормальной. А в остальном с нами все в порядке.

Эрб.

На Рождество Сара получила открытку, над которой даже всплакнула:

Желаем тебе всего самого наилучшего, и если захочешь навестить двух «старых чудаков» на праздник, то гостевая спальня в твоём полном распоряжении. У нас с Верой все в порядке. Надеюсь, Новый год принесет нам всем радость, даже уверен в этом.

Эрб и Вера.

Сара не поехала в Паунал на Рождество. Отчасти потому, что погружение Веры в свой собственный мир неуклонно продолжалось, о чем свидетельствовали письма Эрба. Отчасти же потому, что уже не чувствовала такой тесной связи с родителями Джонни. Неподвижная фигура на больничной кровати в Бангоре некогда очень сблизила их, а теперь Сара смотрела на Джонни будто с неправильной стороны телескопа — он стал крошечным и очень далеким. Поэтому она и не поехала.

Наверное, Эрб тоже почувствовал это, и его письма стали приходить все реже и реже. В одном из них он почти открыто написал, что Саре уже пора подумать о себе: при такой красоте желающих пригласить ее на свидание наверняка найдется немало.

Но она никуда и ни с кем не ходила. Не хотела. Джин Седекки — тот самый учитель математики, что приставал к Саре на свидании тысячу лет назад, — постоянно приглашал ее встретиться, причем первое приглашение последовало неприлично быстро после катастрофы с Джонни. Джин оказался очень настырным, и Сара уже начала подумывать, что его настойчивость рано или поздно увенчается успехом. Этого следовало ожидать.

Иногда приглашали ее и другие мужчины. Один из них, студент-юрист Уолтер Хазлетт, понравился ей. Они познакомились на вечеринке, устроенной Энн Страффорд в канун Нового года. Сара предполагала пробыть там недолго, но задержалась и почти весь вечер проговорила с Хазлеттом. Хотя отказать ему в свидании было крайне трудно, она все-таки отказала, отлично понимая, чем именно он ее привлек: Уолт Хазлетт, высокий мужчина с копной каштановых волос и ироничной улыбкой, сильно походил на Джонни. Но заводить отношения с мужчиной только потому, что он напоминал о другом, было неправильно.

В начале февраля Сару пригласил на свидание механик, который чинил ее машину в городском автосервисе «Шеврон». Она уже было согласилась, но потом все же отказала. В Арни Тремонте, высоком, смуглом, статном и улыбчивом, было что-то хищное. Он напоминал Саре Джеймса Бролина, игравшего одну из главных ролей в сериале «Доктор Маркус Уэлби». А еще больше — Дэна.

Лучше подождать. И посмотреть, что будет дальше.

Но дальше ничего не изменилось.

Летом 1971 года минуло шестнадцать лет с тех пор, как Грег Стилсон, торговавший Библиями, забил ногами до смерти пса на захолустной ферме в Айове. Теперь он сидел в офисе своей недавно зарегистрированной фирмы по страхованию и сделкам с недвижимостью в Риджуэе, штат Нью-Хэмпшир. Грег стал солиднее, но внешне мало изменился за эти годы. Вокруг глаз появилась сеточка морщин, волосы стали чуть длиннее, правда, он по-прежнему стригся довольно коротко, чтобы прическа выглядела консервативной. Грег был крупным мужчиной, и вращающееся кресло жалобно попискивало под ним.

Он курил сигарету и с любопытством натуралиста, столкнувшегося с неизвестным науке существом, разглядывал мужчину, который удобно развалился перед ним в кресле напротив.

— Увидели что-то забавное? — осведомился Санни Эллиман, очень высокий человек — шести футов пяти дюймов. Его старая, перепачканная джинсовая куртка с отрезанными рукавами и пуговицами была надета на голое тело. На груди его висел черный нацистский железный крест. Пряжку ремня под свисающим животом украшал череп, вырезанный из слоновой кости. Из-под потертых джинсов выглядывали тупые носки тяжелых армейских ботинок. Спутанные грязные волосы спускались до плеч, блестя от пота и машинного масла. Из мочки одного уха торчала сережка в виде свастики — тоже черной и в сверкающем хромом обрамлении. На толстом пальце он раскачивал мотоциклетный шлем. На спине куртки был изображен ухмыляющийся дьявол, высунувший язык, а сверху шла надпись: «Чертова дюжина» — и под ней: «Санни Эллиман, президент».

— Нет, — ответил Грег Стилсон. — Я не вижу ничего забавного, но зато наблюдаю человека, подозрительно смахивающего на ходячего кретина.

Эллиман напрягся, но тут же расслабился и рассмеялся. Несмотря на грязь, сильный запах пота и нацистскую атрибутику, в его темно-зеленых глазах светился интеллект и даже чувство юмора.

— Называй кем хочешь, — сказал он. — Меня этим не проймешь. Сейчас на твоей улице праздник.

— Так ты понимаешь это?

— Конечно! Я оставил своих ребят в Хэмптоне и приехал один. Сам виноват. — Он улыбнулся. — Но если мы когда-нибудь поменяемся местами, надеюсь, твои почки выдержат знакомство с армейскими ботинками.

— Я не спешил бы с выводами. — Грег оценивающе оглядел Эллимана. Оба были крупными, и тот весил фунтов на сорок больше, но в основном за счет жира. — Я сделал бы тебя, Санни.

Лицо Эллимана расплылось в добродушной улыбке.

— Может, и так. А может, и нет. Но мы играем по-другому, совсем не так, как старина Джон Уэйн. — Он подался вперед, будто собирался поделиться каким-то секретом. — Лично я, если вижу что-то хорошее, меня так и тянет наложить сверху кучу.

— Последи за языком! — посоветовал Грег.

— Чего тебе надо? — спросил Санни. — Давай сразу к делу! А то опоздаешь на заседание Молодежной палаты^[6].

— Не опоздаю, — заверил его Грег. — Эти встречи проходят по вторникам. Так что у нас куча времени.

Эллиман с досадой присвистнул.

— Я подумал о том, чего тебе надо от меня, а не наоборот. — Грег открыл ящик стола и достал три пластиковых пакетика с марихуаной. В конопляной смеси проглядывали капсулы. — Это было в твоем спальном мешке. Очень, очень, очень плохо. Ты — настоящий преступник, Санни. И, как в игре «Монополия», тебе выпало не поле «Вперед» с получением двухсот

долларов, а тюрьма штата Нью-Хэмпшир.

— У тебя не было ордера на обыск, — заметил Эллиман. — Даже начинающий адвокат снимет меня с крючка, и ты это знаешь.

— Нет, не знаю. — Грег Стилсон, откинувшись на спинку кресла, водрузил на стол ноги в легких кожаных туфлях, купленных в дорогом спортивном магазине в соседнем штате Мэн. — В этом городе я большой человек, Санни. Я приехал в Нью-Хэмпшир несколько лет назад без гроша в кармане, а теперь у меня здесь процветающий бизнес. Я помог городскому совету решить пару проблем, в частности то, что делать с молодежью, застигнутой полицией с наркотиками. Я, конечно, не имею в виду заезжих бродяг вроде тебя, Санни, — с такими, как ты, нам известно, что делать, если мы находим у них сокровища вроде тех, которые лежат у меня на столе. Я имею в виду хороших местных ребят. К ним отношение у нас особое, и отправлять их за решетку ни у кого желания нет. И я нашел выход. Пусть вместо тюрьмы потрудятся на общественных работах! И все получилось! Теперь у нас самые лучшие площадки в округе для игр Малой бейсбольной лиги, и мы на этом неплохо зарабатываем.

Эллиман всем своим видом выказывал скуку. Внезапно Грег опустил ноги на пол и, схватив стоявшую сбоку вазу с логотипом университета штата, с силой швырнул ее вперед. Она просвистела в дюйме от носа Эллимана и разлетелась на мелкие осколки, разбившись о стоявший в углу картотечный шкаф. На лице Эллимана застыло выражение испуга, а Грег Стилсон, который за прошедшие годы стал взрослее и солиднее, на миг превратился в того молодого парня, что забил насмерть собаку.

— Когда я говорю, нужно слушать, — заметил он. — Потому что речь идет о твоём будущем в предстоящие десять примерно лет. И если не хочешь, чтобы оно свелось к штамповке надписей на номерных знаках типа «Живи свободным или умри», то слушай внимательно. Представь, что это твой первый день в школе, Санни, а в первый день все хотят быть паиньками.

Посмотрев на осколки разбитой вазы, Эллиман перевел взгляд на Стилсона. От его напускного спокойствия не осталось и следа — теперь ему было по-настоящему интересно. Он давно уже ни к чему не испытывал искреннего интереса. Санни сам поехал за пивом, чтобы хоть как-то развеяться. И никого с собой не взял, потому что все надоели. И когда этот крупный парень включил «мигалку» на приборной доске своего универсала и остановил его, Санни Эллиман принял его за местного помощника шерифа, защищавшего свой провинциальный городок от нежеланного вторжения нехорошего байкера на крутом «харлее-дэвидсоне». Но этот парень оказался другим. Он...

Настоящий псих! — вдруг сообразил Санни, радуясь своей проницательности. У него в рамках на стене висят две благодарности за служение обществу, фотографии встреч с ротарианцами^[7] и активистами «Лайонс клубс интернэшнл»^[8]. Он вице-президент местного отделения Молодежной палаты и на будущий год станет президентом, а на самом деле он — *настоящий псих!*

— Ладно, — сказал он. — Я слушаю.

— Моя карьера не всегда складывалась удачно, — продолжил Грег. — Было всякое: и хорошее, и плохое. Пару раз даже имел проблемы с законом. Я к тому, Санни, что у меня нет к тебе предвзятого отношения. В отличие от других местных. Те знают из газет штата, что ты и твои приятели-байкеры устроили этим летом в Хэмптоне, и готовы вас кастрировать тупым лезвием бритвы.

— «Чертова дюжина» здесь ни при чем, — возразил Санни. — Мы приехали из Нью-Йорка, чтобы провести немного времени на побережье. Типа отдохнуть. Мы не громим бары. К этому приложили руку «Ангелы ада» и «Черные всадники» из Нью-Джерси, но знаешь, кто устроил все на самом деле? Студенты колледжей! — Губы Санни скривились. — Но газеты об этом ни за что

не напишут! Им проще свалить все на нас, чем на Сьюзи или Джима.

— Вы ведь куда колоритнее, — мягко объяснил Грег. — А издатель крупнейшей газеты штата «Юнион-клуб», Уильям Лоуб, терпеть не может байкерских клубов.

— Лысый ублюдок! — пробормотал Санни.

Грег открыл ящик стола и вытащил плоскую полулитровую фляжку с виски.

— За это надо выпить! — Он откинул крышку и выпил, не отрываясь, половину содержимого фляжки. Его глаза увлажнились, и, отдышавшись, он протянул фляжку Санни. — Будешь?

Тот опорожнил ее, чувствуя, как от живота к горлу поднимается теплая волна.

— Совсем другое дело! — удовлетворенно заметил Санни.

Грег запрокинул голову и расхохотался.

— Мы поладим, Санни. Чувствую, что поладим.

— Так чего тебе нужно? — спросил байкер, держа пустую фляжку.

— Ничего... по крайней мере сейчас. Но у меня такое чувство... — Лицо Грега выразило озадаченность. — Я говорил, что стал большим человеком в Риджуэе. В следующем году буду баллотироваться на пост мэра и обязательно стану им. Но это...

— Только начало? — подсказал Санни.

— Это — первый шаг, — задумчиво подтвердил Грег. — Я решаю проблемы. И люди это знают. И я делаю свое дело хорошо. Я чувствую, что впереди меня ждет великое будущее. По-настоящему великое. Но я... в общем... Понимаешь?

Санни пожал плечами.

— Есть такая притча, Санни. Про мышь, которая вытащила занозу из лапы льва в благодарность за то, что тот не съел ее за несколько лет до этого. Слышал?

— Наверное, в детстве.

Грег кивнул.

— Так вот, сейчас у нас как раз «за несколько лет до этого», чем бы это ни оказалось. — Он подтолкнул пластиковые пакеты через стол. — Я не стану тебя есть. Хотя мог бы. И никакой начинающий адвокат тебя не вытащил бы. В этом городе, всего за двадцать миль от Хэмптона с его волнениями, тебя не вытащил бы даже такой адвокат, как Кларенс Дарроу. Наши милые жители с удовольствием отправили бы тебя за решетку.

Эллиман не ответил, понимая, что Грег скорее всего прав. Наркотиков-то было на пару косяков, но добропорядочные родители всяких Сьюзи и Джимов с удовольствием отправят его дробить щебенку в Портсмут с наголо обритой головой.

— Я не стану тебя есть, — повторил Грег. — И надеюсь, что, если через несколько лет у меня в лапе появится заноза... или откроется вакансия, ты об этом еще будешь помнить. Так ведь?

Благодарность не входила в ограниченный набор человеческих качеств Санни Эллимана, а вот любопытство входило точно. И этот человек определенно вызывал его. Безумная искорка в глазах Грега могла означать что угодно, но только не скуку.

— Кто знает, где мы окажемся через несколько лет, — пробормотал он. — Нас и в живых-то может не быть!

— Просто помни об этом. На большее я не рассчитываю.

Санни бросил взгляд на осколки.

— Я не забуду.

Миновал 1971 год. Отгремели волнения на побережье Нью-Хэмпшира, а недовольство пострадавших предпринимателей приглушили разбухшие банковские счета. Никому не известный Джордж Макговерн вдруг выдвинул свою кандидатуру в президенты до смешного рано. Все, кто хоть как-то следил за политикой, понимали, что кандидатом от демократов будет Эдмунд Маски, и некоторые даже не сомневались в его безоговорочной победе над Троллем из Сан-Клементе — так называли Ричарда Никсона.

В начале июня, перед самым окончанием учебного года, Сара снова встретилась с молодым студентом-юристом. Она зашла в магазин купить тостер, а он искал подарок на годовщину свадьбы родителей. Он сказал, что собирается в кино на новый фильм с Клинтом Иствудом «Грязный Гарри», и спросил, не составит ли Сара ему компанию. Она согласилась, и они отлично провели время. Уолтер Хазлетт отрастил бороду и больше не походил на Джонни. По правде говоря, Сара уже начала забывать, как выглядел Джонни. Она ясно видела его только во снах: он стоял перед «Колесом фортуны» и наблюдал, как оно вращается. Лицо его было холодным, а потемневшие и казавшиеся фиолетовыми глаза, немного пугавшие Сару, следили за движением колеса, как за добычей в охотничьих угодьях.

Она начала встречаться с Уолтом. С ним было легко. Он ни на чем не настаивал, а если и хотел чего-то, то добивался своего постепенно, так что это было незаметно. В октябре Уолт спросил, может ли купить ей колечко с бриллиантом для обручения. Сара обещала ответить после выходных. В субботу вечером она отправилась в больницу и, получив специальный пропуск, прошла в отделение интенсивной терапии. Сара провела час у кровати Джонни. В темноте на улице завывал ветер, предвещая холод, снег и мертвый сезон. Через шестнадцать дней будет ровно год с тех пор, как они посетили ярмарку, играли на «Колесе фортуны», и все это закончилось аварией у болот.

Прислушиваясь к завываниям ветра, Сара смотрела на Джонни. Бинты уже сняли. Над правым глазом начинался шрам, терявшийся в волосах. В этом месте прядь поседела, совсем как у персонажа детективных историй Коттона Хоуза из 87-го полицейского участка. Саре показалось, что внешне Джонни совсем не изменился, разве что похудел. Обычный молодой человек, которого она едва знала, крепко спал.

Сара наклонилась и поцеловала его в губы, будто от поцелуя он мог очнуться, как в известной сказке. Но Джонни продолжал спать.

Она ушла, вернулась в свою квартирку в Визи, бросилась на кровать и заплакала под завывания ветра, кружившего за окном желтые и красные листья. В понедельник Сара сказала Уолту, что если он хочет купить ей колечко с маленьким бриллиантом — только действительно маленьким, — она будет счастлива и станет с гордостью носить его.

Таким был 1971 год для Сары Брэкнелл.

В начале 1972 года Эдмунд Маски не сдержал слез, произнося пылкую речь возле офиса газетчика, которого Санни Эллиман назвал «лысым ублюдком». Джордж Макговерн неожиданно победил на праймериз, и Лоуб злорадно заявил в «Юнион-клуб», что жители Нью-Хэмпшира недолюбливают слюнтяев. В июле Макговерна избрали кандидатом в президенты от демократической партии. В том же месяце Сара Брэкнелл стала Сарой Хазлетт. Они с Уолтом обвенчались в Первой методистской церкви Бангора.

А в двух милях от церкви Джонни Смит лежал в забвении. В самый разгар свадебного торжества, когда Уолт поцеловал Сару на глазах собравшихся родных и друзей, она вдруг вспомнила о *Джонни* и содрогнулась: перед ней словно воочию предстала маска — наполовину Джекил, наполовину злобный Хайд. Сара испуганно замерла в объятиях Уолта, но видение тут же исчезло.

Подумав и обсудив это с Уолтом, она пригласила на свадьбу родителей Джонни. Эрб

приехал один, и на банкете Сара спросила его, все ли в порядке с Верой.

Он оглянулся и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, быстро допил остатки виски с содовой из своего бокала. Сара заметила, что за последние полтора года он сильно постарел. Волосы поредели, а морщины стали глубже. Теперь Эрб носил очки, смущаясь, как и всякий, кому они в новинку, — и глаза за тонкими стеклами выражали настороженность и горечь.

— Нет, Сара, с ней не все в порядке. Сейчас она в Вермонте. Ждет конца света.

— *Что?!*

Эрб рассказал, что последние полгода Вера переписывалась с группой, состоящей примерно из десяти человек. Они называли себя «Американским обществом последних дней». Ими руководили мистер и миссис Гарри Стонкерс из Расина, штат Висконсин. Эта парочка утверждала, что они пошли полюбоваться природой, и там их подобрала летающая тарелка и доставила на небо, но не в созвездие Ориона, а на планету, похожую на Землю. Она вращается вокруг Арктура — самой яркой звезды в созвездии Волопаса. Там они общались с ангелами и видели рай. Стонкерсы сообщили, что конец света совсем близок. Их наделили даром телепатии и отправили на Землю подобрать несколько истинно верующих для первого челночного рейса. И вот десять таких человек собрались вместе, купили ферму к северу от Сент-Джонсбери и живут там уже около семи недель в ожидании прибытия летающей тарелки.

— Это похоже на... — Сара осеклась.

— Я знаю, на что это похоже, — сказал Эрб. — На безумие. Они заплатили за ферму девять тысяч долларов, а там только полуразвалившийся дом и пара акров необработанной земли. Вера заплатила семьсот долларов — все, что удалось наскрести. Остановить ее было невозможно... разве что похоронить заживо. — Он помолчал и улыбнулся. — Но это не тема для разговора в такой день. Ты и твой избранник будете счастливы. Уверен.

Сара с трудом улыбнулась:

— Спасибо, Эрб. Ты... то есть ты думаешь, что она...

— Вернется домой? О да! Если до холодов конца света не будет, думаю, она вернется.

— Мне так хочется, чтобы все у вас было хорошо! — Сара обняла его.

5

На ферме в Вермонте не было отопления, и поскольку летающая тарелка так и не появилась к концу октября, Вера вернулась домой. Она объяснила, что тарелка не прилетела, потому что они еще не вполне очистились от своих земных грехов. Вера, охваченная воодушевлением, была в приподнятом настроении; ей привиделось во сне, что она не улетит на летающей тарелке, а останется на Земле, ибо должна наставить сына на путь истинный, когда он очнется от забытья.

Эрб заботился о ней, и жизнь их потекла своим чередом. Джонни лежал в коме уже два года.

6

Никсона переизбрали президентом на второй срок. Американские парни возвращались домой из Вьетнама. Уолтер Хазлетт собирался стать адвокатом и ночи напролет штудировал право, а Сара продолжала работать в школе. Ученики, которых она помнила еще неуклюжими и глупыми, за эти два года сильно изменились. У девушек появилась грудь, а хлипкие растерянные мальчишки теперь стали звездами баскетбольной команды школы.

Началась и закончилась вторая арабо-израильская война. Сначала ввели, а потом отменили

эмбарго на поставку нефти. Цены на бензин резко взлетели и впоследствии не опустились. Вера Смит теперь не сомневалась, что Христос явится на землю с Южного полюса. Ее уверенность основывалась на сведениях, почерпнутых из брошюры «Тропическое подземелье Бога» (семнадцать страниц за четыре с половиной доллара). Невероятное открытие автора заключалось в том, что рай находится прямо у нас под ногами, а самый простой доступ туда — на Южном полюсе. Один из разделов брошюры назывался «Экстрасенсорные ощущения исследователей Южного полюса».

Эрб напомнил Вере, что еще год назад она считала, будто небеса где-то в космосе и скорее всего вращаются вокруг Арктура.

— На мой взгляд, — заметил он, — это гораздо правдоподобнее, чем рассказы насчет Южного полюса. Да и в Библии сказано, что рай находится на небесах. А тропическая область под землей...

— Прекрати! — оборвала его Вера. — Не смей насмехаться над тем, чего тебе не дано понять.

— У меня и в мыслях не было насмехаться, Вера.

— Господу известно, отчего неверующие насмеваются, а язычники приходят в ярость! — В глазах Веры вспыхнул знакомый ее мужу фанатичный огонь.

Они сидели на кухне. Эрб возился со старой водопроводной муфтой, а перед Верой лежала стопка давнишних номеров «Нэшнл джиографик»: она искала в них фотографии Южного полюса и статьи о нем. На дворе стоял октябрь; по небу с запада на восток неслись облака; с деревьев опадала листва. В октябре у Веры всегда наблюдалось ухудшение: глаза горели фанатизмом чаще и дольше. И в октябре Эрба постоянно посещали мысли о том, как хорошо было бы исчезнуть. Он устал и от невменяемой жены, и от сына, ничем не отличавшегося от живого трупа. Эрб крутил в руках муфту, смотрел на беспокойное небо и думал.

Я мог бы собрать вещи, бросить их в кузов пикапа и уехать. Может, во Флориду. Или в Небраску. Или в Калифорнию. Хороший плотник всегда найдет, где прилично заработать. Просто взять и уехать.

Он знал, что никогда так не поступит. Но в октябре его одолевали мысли об этом так же, как Веру — поиски нового пути к Иисусу и спасение единственного сына, которого Господь позволил ей выносить до удаления матки.

Эрб потянулся через стол и взял Веру за руку — такую тонкую и хрупкую, совсем как у старушки. Она удивленно подняла глаза.

— Я очень люблю тебя, Вера.

Она улыбнулась и на мгновение снова превратилась в ту самую девчонку, за которой Эрб ухаживал и которой добился. В ту самую, что шутливо отбивалась от него расческой в первую брачную ночь. Снаружи вдруг выглянуло солнце, и на поле позади дома появились длинные тени.

— Знаю, Эрб. И я тоже тебя люблю.

Он накрыл ладонями ее руки.

— Вера!

— Да?

Ее глаза были такими чистыми! Она вдруг снова стала прежней Верой, его Верой, прежней во всем, и Эрб осознал, как сильно они отдалились друг от друга за последние три года.

— Вера, а если он никогда не очнется... Боже упаси, конечно, но все же... Мы всегда будем вместе, правда? Я хочу сказать...

Она выдернула руку, и его ладони упали на стол.

— Никогда так не говори! Никогда не говори, что Джонни может не очнуться!

— Я только хотел сказать, что мы...

— Он обязательно очнется! — Вера смотрела в окно на поле, покрытое причудливыми тенями. — Господь сохранил его для особой миссии. Это так! Ты, наверное, думаешь, откуда мне это знать? А я точно знаю, поверь! Господь возлагает большие надежды на моего Джонни. Я услышала это своим сердцем.

— Да, Вера. Хорошо.

Она потянулась к журналам и, нащупав экземпляр, стала машинально листать его.

— Я точно знаю! — упрямо, как ребенок, повторила она.

— Хорошо, — тихо отозвался он.

Вера опустила глаза в журнал, а Эрб уперся подбородком в ладони и перевел взгляд на окно. Солнце все еще перемещало тени. Он подумал, как быстро на смену золотому и такому переменчивому октябрю приходит зима. Он желал Джонни смерти. Он любил сына со дня его появления на свет. Помнил, с каким изумлением малыш смотрел на крошечного лягушонка, которого он принес к коляске и вложил ему в руки. Помнил, как учил Джонни ловить рыбу, кататься на коньках и стрелять. Помнил, как в 1951 году просидел всю ночь у кровати Джонни, больного гриппом, когда температура подскочила до сорока с половиной градусов. Помнил, как скрывал слезы, когда Джонни, закончив школу вторым по успеваемости из всего выпуска, выступил с речью, ни разу не заглянув в бумажку. Как много всего хранилось у него в памяти: вот он учит Джонни водить машину, а вот они с Джонни стоят на носу лодки в Новой Шотландии, куда однажды ездили на каникулы. Джонни тогда было восемь лет, и он так радовался и смеялся качке. Вот он помогает ему делать уроки, строить шалаш, учит обращаться с компасом, когда Джонни стал скаутом. Воспоминания не имели последовательности: единственным связующим звеном в них был Джонни, который так жадно любил жизнь, а она с ним так жестоко обошлась. И теперь Эрб желал Джонни смерти, хотел этого больше всего на свете. Хотел, чтобы сердце его единственного сына перестало биться и на графике электроэнцефалограммы уже не было никаких кривых, а только ровная линия. Чтобы Джонни угас, как фитилек прогоревшей свечи в лужице расплавленного воска, и перестал их мучить.

7

В самый разгар жары, меньше чем через неделю после Дня независимости 1973 года, у придорожного кафе в Сомерсворте, штат Нью-Хэмпшир, остановился продавец громоотводов. А где-то совсем неподалеку уже вполне могли собираться штормы, зарождаясь в восходящих потоках раскаленного воздуха.

Мужчину мучила жажда, и он хотел пропустить пару пива, вовсе не собираясь ничего продавать. Однако, бросив по привычке взгляд на крышу низкого и похожего на ранчо здания и увидев абсолютно ровную линию на фоне раскаленного неба, он вернулся за потертой замшевой сумкой, в которой возил образцы.

В кафе было прохладно, темно и тихо; слышался лишь приглушенный звук цветного телевизора на стене. Несколько завсегдатаев за столиками, да и сам хозяин следили за перипетиями очередной серии «мыльной оперы» «Как вращается мир».

Продавец громоотводов опустился на стул возле бара и положил на стул рядом с собой сумку с образцами.

— Привет, приятель! — сказал хозяин. — Чего желаете?

— Пива! — ответил торговец. — И себе тоже налейте, если хотите составить мне компанию.

— С удовольствием!

Хозяин принес два пива и, взяв доллар, положил на стол сдачу — три монетки по десять центов.

— Брюс Кэррик. — Он протянул руку.

— А я — Дохей. Эндрю Дохей.

Пожав ему руку, он залпом выпил половину кружки.

— Рад познакомиться, — сказал Кэррик и, налив молодой женщине с угрюмым лицом еще текилы, вернулся обратно. — Едете из города?

— Да. Коммивояжер. А здесь все время так малоллюдно? — Дохей огляделся.

— Нет, по выходным народу хватает, да и по будням тоже. Но основные деньги зарабатываем на вечеринках, если, конечно, удастся заработать. С голоду я не помираю, но и на «кадиллаке» не езжу. — Он наставил палец на кружку Дохея. — Обновить?

— И себе тоже, мистер Кэррик.

— Зовите меня Брюс. Наверное, хотите что-то продать, — засмеялся Кэррик.

Когда Кэррик вернулся с двумя полными кружками, Дохей сказал:

— Я заглянул передохнуть и немного освежиться, а не для того, чтобы продать. Но раз уж вы сами заговорили...

Он привычным жестом переложил сумку на барную стойку. Внутри звякнули железки.

— Так и есть! Начинается! — засмеялся хозяин.

Два завсегдатая — пожилой мужчина с бородавкой на правом веке и парень в серой рабочей спецовке — подошли узнать, что предлагал Дохей. Молодая женщина с угрюмым лицом продолжала смотреть «Как вращается мир».

Дохей вытащил три металлических стержня — на самом длинном был латунный шар, а на самом коротком — фарфоровые токоотводы.

— Что за черт... — удивился Кэррик.

— Громоотвод, — пояснил пожилой посетитель и хмыкнул. — Он хочет спасти твою забегаловку от кары Господней, Брюс. Так что не пропусти его слова мимо ушей!

Он засмеялся, а за ним и парень в серой спецовке. Кэррик насторожился, и Дохей понял, что если раньше имел хоть какие-то шансы на успех, то теперь они испарились. Опытный коммивояжер, он знал, что неудачное стечение обстоятельств способно сорвать сделку еще до того, как представится возможность поговорить о ней. Он относился к этому философски, однако по привычке все же начал рассказывать:

— Выйдя из машины, я невольно обратил внимание на то, что строение деревянное, а громоотвода нет. Так что за очень умеренную цену и на льготных условиях кредита, если он понадобится, готов гарантировать...

— ...что ровно в четыре часа это заведение поразит молния, — осклабившись, закончил фразу парень в серой спецовке. Пожилой завсегдатай одобрительно хмыкнул.

— А если серьезно, мистер, — вмешался Кэррик, — то посмотрите сюда. — Он показал на золоченый гвоздь, вбитый в дощечку на стене возле телевизора среди сверкающего ряда бутылок. На гвоздь были нанизаны листки бумаги. — Это всё счета, которые надо оплачивать до пятнадцатого числа каждого месяца. Все это расходы, а много вы видите здесь народа? Мне приходится поджиматься и проявлять осмотрительность...

— Об этом я и толкую, — подхватил Дохей. — Нужно проявлять осмотрительность. А покупка трех или четырех громоотводов — как раз попадает в эту категорию. Здесь налицо источник опасности — вы же не хотите, чтобы заведение сторело от удара молнии?

— Он не возражал бы, — заметил старик. — Тогда получил бы страховку и переехал во Флориду. Верно, Брюс?

Кэррик смерил его недружелюбным взглядом.

— Что ж, поговорим о страховке, — предложил Дохей. Парень в серой спецовке потерял интерес к беседе и отошел. — Ваши страховые взносы на случай пожара уменьшатся...

— Моя страховка покрывает все сразу! — отрезал Кэррик. — Послушайте, сейчас мне это не по карману. Честно. Вот на будущий год...

— Что ж, может, я и заеду на будущий год.

Дохей знал: люди не верят, что в их дом ударит молния, а потом уже будет слишком поздно. Объяснить таким, как Кэррик, что установка громоотводов позволит сильно сэкономить на страховых премиях, невозможно. Но Дохей был философом и не кривил душой, сказав, что заехал просто передохнуть.

Намереваясь подтвердить это и показать, что не обиделся, он заказал еще пива, правда, на этот раз не предложил Кэррику составить компанию.

Пожилой посетитель опустил на стул рядом с Дохеем.

— Лет десять назад у нас тут молния ударила в человека на площадке для гольфа и убила его. А если бы он шел с громоотводом, тогда — другое дело, не так ли? — Он рассмеялся, дохнув на Дохея застарелым запахом пива. — Говорят, монеты у него в карманах расплавились. Молнии — вообще странные штуки. Я помню, как...

Дохей рассеянно слушал его, машинально кивая. Молнии — действительно «странные штуки»: никогда не знаешь, в кого или во что ударят. Или где.

Он допил пиво и вышел на улицу, прихватив сумку со страховкой от кары небесной — не исключено, что единственной в своем роде. Несмотря на невыносимое пекло, Дохей постоял на пустынной парковке, разглядывая ровную линию крыши. 19 долларов 95 центов, максимум — 29,95, и хозяин не мог себе этого позволить. Да он только в первый год экономит семьдесят долларов на своей комбинированной страховке, а все равно считает, что это ему не по карману! А объяснять ему что-то при стоявших вокруг и подначивающих клоунах — значит, терять время.

Может, он еще пожалеет об этом.

Дохей сел в свой «бьюик», включил кондиционер и, пристроив сумку с образцами на сиденье рядом, отправился на запад в сторону Конкорда и Берлина, чтобы опередить грозы, которым суждено разразиться рано или поздно.

8

В начале 1974 года Уолт Хазлетт сдал экзамены на адвоката, и они с Сарой устроили по этому случаю вечеринку, на которую пригласили всех его друзей, всех ее друзей и всех своих общих знакомых. Всего набралось больше сорока человек. Пиво лилось рекой, и когда все закончилось, Уолт заметил, что если их не выселят из-за жалоб соседей, то они смогут считать себя везунчиками. Последние гости разошлись в три часа ночи, и Уолт, проводив их, нашел Сару в спальне, нагую, но в туфлях и сережках с алмазной крошкой, которые он подарил ей на день рождения, из-за чего ему пришлось залезть в долги. Они занимались любовью, пока, обессилив, не провалились в сон. Проснулись они только в полдень, и у обоих разламывалась голова. А через шесть недель Сара обнаружила, что беременна. Они оба не сомневались, что зачатие произошло в ту самую ночь после грандиозной вечеринки.

В Вашингтоне Ричарда Никсона постепенно загоняли в угол расследованием истории с магнитофонными записями. В Джорджии фермер, выращивающий арахис, в прошлом морской офицер, а ныне губернатор Джеймс Эрл Картер начал зондировать почву, намереваясь занять пост, который мистер Никсон скоро освободит.

В палате 619 больницы «Истерн-Мэн» Джонни Смит по-прежнему находился в коме, и его тело постепенно принимало позу эмбриона.

Доктор Стронс — тот самый, что разговаривал с Эрбом, Верой и Сарой на следующий после аварии день в конференц-зале, — умер от ожогов в конце 1973 года. В его доме сразу после Рождества вспыхнул пожар, вызванный коротким замыканием в неисправной рождественской гирлянде. Теперь за Джонни присматривали два новых доктора: Вейзак и Браун, заинтересовавшиеся его случаем.

За два дня до отставки Никсона Эрб Смит оступился на фундаменте дома, который возводил в Грее, и, неудачно упав на тачку, сломал ногу. Кость срасталась очень плохо, да так и не срослась до конца. С тех пор Эрб прихрамывал, а по дождливым дням даже ходил с палкой. Вера молилась за него и настояла, чтобы он на ночь заматывал больную ногу тканью, лично благословленной преподобным Фредди Колтсмором из Бессемера, штат Алабама. Цена «Благословленного покрывала Колтсмора» (как его называл Эрб) составляла 35 долларов. По его наблюдениям, толку от покрывала не было никакого.

В середине октября, вскоре после того, как Джеральд Форд публично простил бывшего президента, Вера снова стала ожидать конца света. Эрб узнал о том, что она собиралась предпринять, в последнюю минуту. Вера договорилась о передаче всех их скромных накоплений, отложенных после катастрофы с Джонни, Американскому обществу последних дней. Мало того, она собиралась продать их дом, и через пару дней уже должны были прислать грузовик, чтобы вывезти все их вещи. Это открылось случайно, когда позвонил риелтор и спросил Эрба, можно ли после обеда показать их дом потенциальному покупателю.

И тут он впервые в жизни вышел из себя.

— Бог мой, да ты в своем уме?! — взревел Эрб и заставил жену рассказать о ее планах. Они были в гостиной, и он только что позвонил и отменил заказ на грузовик. В окна барабанил дождь.

— Не упоминай имени Господа всуе, Герберт!

— Замолчи! Замолчи! Я больше не желаю слушать эту чушь!

Она испуганно вздрогнула.

Эрб подошел к ней, тяжело опираясь на палку. Вера подалась назад и взглянула на него с таким мученическим выражением, что ему захотелось — прости Господи! — размозжить ей голову этой чертовой палкой.

— Ты вовсе не в том состоянии, чтобы не понимать, что творишь! — воскликнул он. — Так что причина не в этом! Ты действовала за моей спиной и орудовала тайком от меня, Вера! Ты...

— Нет! Неправда! Я не...

— *Правда!* — бушевал Эрб. — А теперь послушай меня, Вера! Я сыт по горло и больше такого не допущу! Молись сколько хочешь. За молитвы платить не надо. Пиши сколько влезет писем: марка стоит тринадцать центов. Если хочешь и дальше купаться в том дешевом дерьме, которым тебя пичкают мошенники от Христа, пожалуйста! Если хочешь и дальше верить в обман и фантазии — пожалуйста! Но только избавь от всего этого меня! Я выразился ясно? *Ты все поняла?*

— Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое...

— *Ты все поняла?*

— *Думаешь, я сумасшедшая!* — Лицо Веры исказилось от бессилия и безнадежности, а из глаз брызнули слезы.

— Нет, — уже спокойнее возразил он. — Во всяком случае, пока. Но, видно, пора поговорить начистоту, Вера. Уверен, этого не избежать, если ты не одумаешься и не перестанешь валять дурака.

— Вот увидишь, — сказала она сквозь слезы. — Вот увидишь! Господь знает правду, но не спешит ею делиться.

— Главное, пойми: пока Господь выжидает, наша мебель останется при нас! И что в нашей семье это не обсуждается!

— Наступает конец света! — воскликнула Вера. — Час апокалипсиса уже близок!

— Правда? А за кофе все равно просят заплатить пятнадцать центов, Вера!

За окном лил дождь. В том году Эрбу исполнилось пятьдесят два года, Вере — пятьдесят один, а Саре — двадцать семь лет.

Джонни лежал в коме уже четыре года.

9

Ребенок родился в ночь на Хэллоуин. Роды Сары продолжались девять часов. Чтобы облегчить их, ей давали небольшие дозы успокоительного. Сообразив в самый ответственный момент, что находится в той же больнице, что и Джонни, она в беспамятстве выкрикивала его имя. Потом в этом усомнилась и, уж конечно, никогда не рассказывала Уолту.

У Сары родился мальчик. Его назвали Деннис Эдвард Хазлетт. Через три дня их выписали из больницы, а после Дня благодарения Сара уже снова работала в школе. Уолт получил хорошее место в одной адвокатской фирме Бангора, и они надеялись, что в июне 1975 года Сара сможет уйти с работы, если не произойдет ничего неожиданного. Сама же она не знала, хочет ли этого: работа ей нравилась.

10

В первый день 1975 года два маленьких мальчика, Чарли Нортон и Норм Лоусон из Отисфилда, штат Мэн, играли в снежки во дворе дома Лоусонов. Чарли было восемь, а Норму — девять лет. День выдался пасмурным, небо затянули облака, воздух пронизывала сырость.

Чувствуя, что дело движется к обеду и игре придет конец, Норм устремился в атаку и обрушил на Чарли град снежков. Смеясь и уворачиваясь, Чарли сначала отступил, а потом бросился наутек и, перепрыгнув через маленькую каменную ограду, отделявшую задний дворик дома Нортонов от леса, побежал по тропинке, ведущей к ручью Стриммера. Норм ловко угодил ему снежком в капюшон.

А потом Чарли исчез.

Норм тоже перепрыгнул через ограду и немного постоял, вглядываясь в заснеженный лес и прислушиваясь к стуку капель, падавших с берез, сосен и елей.

— Вылезай, трус несчастный! — крикнул Норм и закудахтал, рассчитывая выманить приятеля таким оскорбительным способом.

Однако Чарли на уловку не поддался. Его по-прежнему не было видно, а тропинка круто спускалась в овраг, где протекал ручей. Еще немного подразнив Чарли кудахтаньем, Норм нерешительно помялся, переступая с ноги на ногу. Этот лес был территорией Чарли, где он чувствовал себя как дома. Норм любил играть в снежки, особенно когда побеждал, но не испытывал ни малейшего желания спускаться вниз, где мог нарваться на засаду и оказаться под градом заготовленных крепких снежков.

Сделав все же несколько шагов по тропинке вниз, он услышал пронзительный испуганный крик Чарли.

Норм Лоусон похолодел от ужаса, и его охватил леденящий страх, похожий на мокрый снег, в котором утопали его зеленые ботинки. Он выронил два снежка, заготовленные им. Крик повторился, но на этот раз едва слышно.

Наверное, он свалился в ручей, подумал Норм, выходя из оцепенения. Он бросился по тропинке, скользя, спотыкаясь, и, оступившись, упал. В ушах гулко стучало. И все же, перед тем как Норм упал в третий раз, он мельком подумал о том, что журнал «Мальчишечья жизнь» обязательно расскажет о его геройстве, проявленном при спасении Чарли из ручья.

Уже ближе к ручью, там, где тропинка резко сворачивала в сторону, Норм увидел, что Чарли Нортон вовсе не свалился в ручей Стриммера, а стоит и, не отрываясь, смотрит на что-то в снегу. Заметив приближавшегося Норма, он снова издал сдавленный крик.

— В чем дело? — спросил Норм. — Чарли, что случилось?

Чарли повернулся к нему. Его глаза расширились от ужаса, и он приоткрыл рот. Чарли попытался что-то сказать, но не смог и, издав пару невнятных звуков, показал на что-то рукой.

Норм подошел ближе. У него подогнулись колени, и он опустился на снег. Перед глазами все поплыло.

Из тающего снега торчали две ноги в узких джинсах. На одной Норм увидел туфлю, другая была босой, белой и беззащитной. Еще из снега торчала рука, казалось, взывая о помощи, но так и не подспела. Тело было погребено под снегом.

Чарли и Норм обнаружили труп семнадцатилетней Кэрол Данбаргер — четвертой жертвы Душителя из Касл-Рока.

Со времени последнего убийства прошло почти два года, и жители Касл-Рока (ручей Стриммера протекал по южной границе, разделявшей города Касл-Рок и Отисфилд) надеялись, что эти кошмары не повторятся.

Однако они ошибались.

Через одиннадцать дней после обнаружения тела Кэрол Данбаргер на север Новой Англии обрушился ледяной дождь. На шестом этаже больницы «Истерн-Мэн» все выбилось из графика. Многим сотрудникам не удалось вовремя добраться до работы, а те, кому удалось, сбились с ног, пытаясь все успеть.

В десятом часу молодая женщина — санитарка Эллисон Коновер — принесла легкий завтрак мистеру Старрету. Он перенес сердечный приступ и сегодня проводил последний, шестнадцатый, день в отделении интенсивной терапии. Шестнадцать дней пациенты обычно находились в реанимации после коронарного шунтирования. Мистер Старрет быстро выздоравливал. Он лежал в палате 619 и по секрету сообщил жене, что стремится поскорее выздороветь, чтобы покинуть палату, где на второй койке лежал живой труп. Постоянное шипение аппарата искусственного дыхания, подключенного к бедному парню, мешало спать, и временами у мистера Старрета возникало навязчивое желание отключить его насовсем.

Когда вошла Эллисон, работал телевизор. Мистер Старрет сидел на кровати с пультом в руке. Хотя новости закончились, мистер Старрет решил посмотреть очередную серию мультфильма «Мой задний двор». По крайней мере звук заглушит опостылевшее шипение аппарата искусственного дыхания.

— Я думал, вы не придете. — Мистер Старрет окинул унылым взглядом поднос с апельсиновым соком, йогуртом и пшеничными хлопьями. Он ужасно соскучился по насыщенным холестерином яйцам, поджаренным в кипящем масле с пятью кусочками копченой свиной грудинки. А ведь здесь он оказался отчасти и по их вине. Если, конечно, поверить на слово доктору — настоящему придурку.

— На улице — кошмар, — пояснила Эллисон. Она слышала те же слова уже от шести пациентов. Вообще-то Эллисон, славная девушка, сегодня утром была на взводе.

— Вы уж извините меня, — проговорил мистер Старрет. — На улице, наверное, очень скользко.

— Не то слово, — смягчившись, отозвалась Эллисон. — Если бы я не взяла полноприводный внедорожник мужа, ни за что не добралась бы сюда.

Мистер Старрет нажал на кнопку и приподнял кровать, чтобы с удобством позавтракать. Кровать приводил в движение маленький, но шумный моторчик. Туговатый на ухо, мистер Старрет всегда усиливал звук в телевизоре. Как он в шутку сказал жене, парень на второй койке никогда на это не жаловался. Мистер Старрет и сам понимал, что шутка не слишком удачна, но после сердечного приступа он находился в общей палате с овощем вместо человека, и его спасал от безумия только черный юмор.

Эллисон поставила поднос на место и сказала, чуть повысив голос, чтобы перекрыть шум моторчика и звук телевизора:

— На холме Стейт-стрит много машин занесло в кювет.

На другой кровати Джонни Смит тихо произнес:

— Все на 19. Мы играем или уходим. Моей девушке нехорошо.

— Знаете, а йогурт очень даже ничего. — Мистер Старрет не выносил йогурт, но старался задержать Эллисон под любым предлогом. Оставшись один, он непрестанно щупал свой пульс. — Вкусом он напоминает лесной орех.

— Вы ничего не слышали? — спросила Эллисон и нерешительно обернулась.

Мистер Старрет положил пульт на кровать, и жужжание моторчика стихло. На экране Элмер Фадд выстрелил в кролика Багза Банни и промахнулся.

— Это в телевизоре, — сказал мистер Старрет. — Или я что-то пропустил?

— Думаю, ничего. Наверное, это ветер за окном. — У нее разболелась голова — слишком много дел, а людей мало. Эллисон помассировала виски.

Уже в дверях она остановилась и снова посмотрела на второго больного. Он чуть изменил положение, или ей кажется? Наверняка показалось.

Эллисон вышла из палаты, катя перед собой тележку с подносами. Как она и опасалась, утро действительно выдалось ужасным, и к обеду голова раскалывалась. Поэтому она не вспоминала о том, что ей почудилось в палате 619.

Однако в последующие дни Эллисон все чаще посматривала на Джонни Смита и к марту уже почти не сомневалась, что его тело чуть выровнялось и выходило из позы эмбриона. Очень и очень постепенно, но все же! Она хотела кому-нибудь сказать об этом, но так и не решилась. В конце концов, она лишь простая санитарка. И это не ее дело.

2

Джонни решил, что видит сон.

Он находился в каком-то темном и мрачном месте, похожем на коридор. Потолок терялся высоко наверху, и его не было видно. Стены из темной хромированной стали выдвигались вперед и раскрывались. Он был один, но издалека доносился голос. Знакомый голос произносил слова, сказанные в другое время и в другом месте. Этот голос внушал ему страх. Он звучал, то нарастая, то затихая, и натывался на темные стальные стены, совсем как оказавшаяся в ловушке птичка из воспоминаний детства. Она залетела в отцовский сарай для инструментов и, запаниковав, начала метаться. Она пыталась найти выход, пока не разбилась насмерть, налетев на стену. В голосе звучала та же обреченность, что и в отчаянном писке птицы, понимавшей, что ей уже никогда не выбраться.

— Всю жизнь строишь планы, стараешься... — глухо звучал невидимый голос. — Всегда стараешься как лучше, а сын приходит домой с волосами до задницы и заявляет, что президент Соединенных Штатов — полный кретин! Кретин! Это же надо! Я не...

Осторожно! — хотел крикнуть Джонни и предупредить голос, но не смог. Что за опасность? Он не знал. Джонни даже не знал, кто он сам, хотя смутно подозревал, что некогда был учителем или проповедником.

Господи Иисусе... слышался далекий голос, и в нем звучала обреченность и тоска. *Господи...*

И тишина! Замерли последние звуки. Потом все повторялось сначала — снова и снова.

А затем — он не ведал, сколько прошло времени, ибо время в том месте не имело никакого значения — Джонни начал пробираться по коридору и окликать голос (а может, ему так казалось), надеясь, что вместе им удастся выбраться оттуда или хотя бы поддержать друг друга в беде.

Однако голос (далекий и слабый) продолжал удаляться, пока не превратился в эхо от эха. И наконец, пропал вовсе. Теперь Джонни остался один и сам пробирался по пустынному коридору с темными тенями. И в нем крепла уверенность, что это не видение, не мираж и не сон, во всяком случае, в общепринятом смысле. Как будто он застрял где-то посередине между миром живых и миром мертвых. И к какому миру он продвигался?

Джонни окружали странные и пугающие образы. Подобно призракам, они заполняли пространство сзади, спереди и по бокам, пока он не оказался в их плотном и жутком кольце.

Они касались его, внушали благоговейный страх, почти ужас. Джонни слышал все эти приглушенные голоса чистилища. Вот в темноте крутится «Колесо фортуны», мелькают красное и черное, мелькают жизнь и смерть, и «Колесо» постепенно замедляет ход. На что он поставил? Джонни не помнил, а следовало бы, потому что на кону стояло его существование. Остаться или уйти? Или одно, или другое. Его девушке нехорошо. Ее надо отвезти домой.

Вскоре в коридоре чуть посветлело. Сначала Джонни решил, что это игра воображения, сон, который он видел во сне, если такое вообще возможно, но в конце концов свет стал слишком ярким, поэтому не мог быть иллюзией. Да и сам коридор уже не казался видением. Стены начали темнеть и были уже едва различимы, а потом их цвет сменился печально-серым, похожим на сумерки теплого и хмурого мартовского дня. Да и вообще Джонни теперь находился вовсе не в коридоре, а в каком-то помещении — или *в чем-то*, похожем на помещение, где вместо стен были тончайшие пленки, похожие на плаценту, а сам он напоминал младенца, ожидающего момента рождения. Теперь Джонни слышал другие голоса, звучавшие тоже глухо и размеренно, но уже без всякого эха, и похожие на ропот безымянных богов, говоривших на языках, канувших в Лету. Постепенно этот ропот звучал все отчетливее, и Джонни уже разбирал слова.

Время от времени он открывал глаза (или ему так казалось) и различал источники этих голосов: яркие и светящиеся призрачные фигуры — сначала безликие. Они перемещались по комнате и иногда склонялись над ним. Джонни не пытался заговорить с ними, во всяком случае, вначале. Он решил, что оказался в потустороннем мире, а эти яркие пятна — ангелы.

Со временем эти призрачные фигуры, как и голоса, становились все отчетливее и обретали узнаваемые очертания. Однажды Джонни увидел мать: она склонилась над ним и прокричала что-то неразборчивое. Потом различил фигуру отца. Затем Дейва Пелсена из школы. И медсестры, которая приходила в палату, — ее звали то ли Мэри, то ли Мари. Лица и голоса приближались и сливались воедино, в нечто непонятное.

Иногда Джонни ощущал, что *изменился*, и это не нравилось ему. Он чувствовал в этом какой-то подвох, подозревал, что это изменение не сулит ничего хорошего. Ему казалось, что перемены принесут только горе. Он вошел в эту мглу, обладая всем, а выходил из нее, не имея ничего, кроме тайной необычности.

Сон близился к концу. Так или иначе, но он кончался. И помещение теперь было вполне реальным и почти осязаемым. Голоса, лица...

Джонни собирался войти в комнату и вдруг понял, что хочет развернуться и броситься назад, в тот самый темный коридор — и остаться там навсегда. Этот темный коридор вовсе не был хорошим местом, но лучше оно, чем новое чувство горечи и грядущей утраты.

Он оглянулся и увидел, что возле стульев, мимо которых то и дело сновали вполне реальные люди, в стене был проход в коридор с темными стенами. Этого прохода никто не замечал, и Джонни решил, что он ведет в вечность. Именно там исчез другой голос — голос *водителя такси*.

Да. Теперь он вспомнил все. Поездку на такси, недовольство, с каким говорил водитель о своем длинноволосом сыне, его возмущение тем, как тот посмел назвать Никсона кретином. Яркие фары двух машин, выскочивших из-за пригорка и мчавшихся по обеим полосам дороги. Столкновение. Никакой боли, только осознание того, что он вырвал ногами счетчик из крепления. Затем ощущение холодной влажности, темного коридора, а теперь вот это.

Выбирай! — послышался голос. *Выбирай или выберут за тебя — и вытащат из этого непонятного места, как врачи вытаскивают младенца из утробы матери, сделав кесарево сечение.*

И Джонни увидел лицо Сары — она наверняка тоже неподалеку, хотя среди склонявшихся

над ним ярких фигур ее не было. Она должна находиться рядом, тревожиться и переживать. Ему почти удалось добиться ее. Он это чувствовал и собирался сделать Саре предложение.

Джонни вновь ощутил беспокойство, еще более сильное, чем прежде, и теперь связанное с Сарой. Однако желание быть с ней возобладало над всем, и он сделал выбор. Джонни отвернулся от темного прохода, а когда позже оглянулся, то увидел, что тот исчез. Стена возле стульев в комнате, где он лежал, была белой и гладкой. Теперь Джонни понял, что эта комната — больничная палата. Воспоминания о темном коридоре затерялись в глубинах памяти, хотя и не забылись окончательно. Но главное он помнил: его звали Джон Смит, у него была девушка Сара Брэкнелл, и он попал в ужасную автокатастрофу. Наверное, ему необычайно повезло, что он не погиб. Оставалось надеяться, что жизненно важные органы сильно не пострадали и по-прежнему функционировали. Его могли поместить в городскую больницу, но, вероятно, он находится в «Истерн-Мэн». Судя по всему, он здесь уже довольно долго. Возможно, был без сознания неделю или десять дней. Пора возвращаться к жизни.

Пора возвращаться к жизни. Именно с этой мыслью Джонни очнулся, отрезав все пути назад.

Это случилось 17 мая 1975 года. Мистер Старрет уже давно выписался со строгими предписаниями ходить не меньше двух миль в день и ограничить потребление холестерина. На его кровати теперь лежал старик, попавший сюда уже в пятнадцатый раз после нокаута, полученного от карциномы, непобедимого чемпиона в тяжелом весе. Он спал после укола морфия, и в палате больше никого не было. Экран выключенного телевизора тускло поблескивал зеленоватым светом.

— Эй! — хрипло позвал Джонни и поразился, как ослаб его голос. В палате не было календаря, и Джонни не знал, что провел в забытьи четыре с половиной года.

3

Медсестра появилась минут через сорок. Она приблизилась к старику, сменила капельницу, зашла в ванную и, вернувшись оттуда с большим пластиковым кувшином, полила цветы, принесенные больному. Букетов было с полдюжины, а на столике возле кровати и подоконнике стояли открытки с пожеланиями выздоровления. Джонни наблюдал за ее привычными действиями, но окликать не стал.

Вернув кувшин на место, она подошла к кровати Джонни.

Собирается поправить подушки, подумал он. Их глаза встретились, но она не отреагировала. *Она не знает, что я очнулся. Глаза у меня и раньше были открыты. Это ей ни о чем не говорит.*

Она просунула ему руку под шею. Ощущение было приятным. Джонни теперь знал, что у нее трое детей и младший почти ослеп на один глаз после несчастного случая с фейерверком на День независимости в прошлом году. Мальчика звали Марк.

Медсестра подняла ему голову и, поправив подушку, снова опустила. Уже отвернувшись, она одернула нейлоновый форменный халатик, но вдруг озадаченно взглянула на него. Наверное, заметила в глазах Джонни что-то новое. Чего раньше не было.

Вздыхнув, она отвела взгляд, но он сказал:

— Привет, Мари.

Она замерла, и Джонни увидел, как Мари схватилась за маленький золотой крестик, висевший у нее на груди.

— О Господи! — воскликнула она. — Вы очнулись! То-то мне почудилось, будто что-то изменилось. Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Наверное, услышал...

Джонни было очень трудно говорить: пересохший язык не повиновался ему.

Мари кивнула:

— Вы давно начали приходить в себя. Мне лучше пойти на пост и вызвать по громкой связи доктора Брауна и доктора Вейзака. Они обрадуются, что вы очнулись.

Но ушла она не сразу и какое-то время с любопытством разглядывала его.

— У меня что — появился третий глаз? — поинтересовался он.

Она нервно рассмеялась:

— Нет, ну что вы! Извините.

Он посмотрел на подоконник и придвинутый к нему столик. На подоконнике стояли фиалки и изображение Иисуса Христа — из тех, что особенно нравились его матери. На нем он походил на бейсболиста из «Нью-Йорк янкиз» или на какого-то другого атлета-профессионала. Однако картинка пожелтела от времени. *Пожелтела и загибается на углах.* Джонни охватил удушающий страх.

— Сестра! — крикнул он. — Сестра!

Та обернулась.

— Где присланные мне открытки с пожеланиями выздоровления? — Ему не хватало воздуха. — У моего соседа они есть... Неужели мне никто ничего не присылал?

Мари через силу улыбнулась. Так улыбаются те, кто пытается что-то скрыть. Джонни захотелось, чтобы она подошла к кровати. Он дотронется до нее и тогда точно узнает, о чем она умалчивает.

— Я позову докторов, — сказала Мари и вышла. Джонни со страхом и недоумением снова перевел взгляд на фиалки и выцветшую картинку с Иисусом. Через некоторое время он опять погрузился в сон.

4

— Он уже не спал, — сказала Мари Мишоу. — И был в полном сознании.

— Хорошо, — ответил доктор Браун. — Я верю вам. Если он проснулся один раз, то проснется еще. Наверное. Это просто вопрос...

Джонни застонал и открыл глаза. Незрячие и наполовину закатившиеся. Потом заметил Мари, и в глазах появилась осмысленность. Уголки губ чуть тронула улыбка, но лицо оставалось неподвижным, будто проснулись только глаза, а все остальное по-прежнему погружено в сон. Ей вдруг показалось, что он смотрит не на нее, а заглядывает *внутрь*.

— Думаю, с ним все будет в порядке, — произнес Джонни. — Когда удалят уплотнение на роговице, глаз станет как новенький. Вот увидите.

Мари вскрикнула, и Браун внимательно посмотрел на нее.

— В чем дело?

— Он говорит о моем сыне, — прошептала она. — О Марке.

— Нет! — возразил Браун. — Он разговаривает во сне. Не придумывайте, сестра!

— Да. Хорошо. Но ведь он сейчас не спит?

— Мари! — Джонни чуть улыбнулся. — Я, кажется, задремал?

— Да, — ответил Браун. — И разговаривали во сне, чем сильно впечатлили Мари. Вам что-то снилось?

— Пожалуй, нет. А что я говорил? И кто вы?

— Меня зовут доктор Джеймс Браун. Как негритянского певца. Только я не певец, а невролог. А сказали вы: «Когда удалят уплотнение на роговице, глаз станет как новенький». Так,

по-моему, сестра?

— Моему сыну предстоит такая операция, — пояснила Мари. — Моему сыну Марку.

— Я ничего не помню, — сказал Джонни. — Наверное, спал. — Он перевел взгляд на Брауна. Глаза теперь были ясными, и в них сквозил страх. — Я не могу поднять руки. Я парализован?

— Нет. Попробуйте пошевелить пальцами.

Джонни так и сделал, и они шевельнулись. Он улыбнулся.

— Отлично! — воскликнул Браун. — А теперь скажите, как вас зовут.

— Джон Смит.

— А есть второе имя?

— Нет.

— Хорошо, оно и правда никому не нужно, верно? Сестра, сходите на пост и узнайте, кто завтра дежурит в неврологии. Нам надо начать обследование мистера Смита.

— Хорошо, доктор.

— И позвоните Сэму Вейзаку. Он или дома, или на площадке для гольфа.

— Хорошо, доктор.

— И пожалуйста, никаких журналистов. Ради всего святого!

На лице Брауна была улыбка, но говорил он очень серьезно.

— Конечно, нет!

Она ушла. Подошвы ее белых туфель чуть поскрипывали. Джонни подумал, что с ее мальчиком все будет в порядке и надо ей об этом обязательно сказать.

— Доктор Браун, а где мои открытки с пожеланиями выздоровления? — спросил он у врача. — Неужели никто ничего не прислал?

— Сначала ответьте мне на несколько вопросов. Вы помните, как зовут вашу мать?

— Конечно. Вера.

— А ее девичья фамилия?

— Нейсон.

— А отца?

— Герберт. Эрб. А почему вы сказали ей не пускать журналистов?

— А ваш почтовый адрес?

— Почтовое отделение Паунала, первая линия, — быстро ответил Джонни и осекся, смутившись. — То есть... сейчас я проживаю в Кливс-Миллс, дом 110 по Норт-Мейн-стрит. Даже сам не пойму, почему я назвал адрес родителей — я живу отдельно с восемнадцати лет.

— А сколько вам сейчас лет?

— Посмотрите в водительских правах! — ответил Джонни. — Я хочу знать, почему у меня нет открыток! И сколько времени я провел в больнице? И что это за больница?

— «Истерн-Мэн». А на остальные вопросы я отвечу, когда...

Браун сидел возле кровати на стуле, который взял у стены с того самого места, где Джонни видел проход в коридор. Он писал на дощечке с зажимом какой-то неизвестной Джонни ручкой — с толстым пластмассовым корпусом и волокнистым наконечником. Чем-то средним между перьевой и шариковой авторучками.

При виде этой ручки Джонни снова охватил безотчетный страх, и он вцепился в руку доктора чуть ниже локтя. Казалось, к его собственной руке привесили груз в шестьдесят фунтов, и она не повиновалась ему. С трудом сжав руку доктора, Джонни потянул ее к себе. Непонятная ручка прочертила на листе широкую синюю полосу.

Браун с любопытством посмотрел на Джонни, и живой интерес в его глазах сменился страхом. Доктор резко и с отвращением отдернул руку, будто нечаянно прикоснулся к

прокаженному.

Через мгновение он овладел собой, но лицо по-прежнему выражало удивление и замешательство.

— Зачем вы это сделали, мистер Смит?

Его голос дрогнул. В глазах Джонни застыл страх. Он словно увидел нечто жуткое, чего нельзя ни назвать, ни описать.

Но название этому все же было.

— Пятьдесят пять месяцев? — хрипло спросил он. — Пять лет? *Нет! Господи, нет!*

— Мистер Смит, пожалуйста, вам нельзя волноваться...

Джонни слегка приподнялся на кровати и тут же, обессиленный, рухнул на нее — лицо его покрылось испариной. Глаза беспомощно бегали.

— Мне двадцать семь? — пробормотал он. — Двадцать семь? О Господи!

Браун с трудом сглотнул. Когда Смит вцепился в его руку, доктора вдруг охватили ужасные ощущения. И такие сильные, какие испытываешь только в детстве. Отвращение было сродни тому, что он почувствовал лет в семь-восемь в жаркий июльский день на загородном пикнике. В зарослях лавра Браун случайно коснулся рукой чего-то теплого и скользкого. Потом увидел, что это разложившиеся останки лесного сурка; в них кишели черви. Тогда он закричал от ужаса, и теперь ему хотелось сделать то же самое. Правда, на смену этому чувству быстро пришел вопрос: *Как Джонни узнал? Он просто дотронулся и все сразу понял!*

Однако двадцать лет научной работы не прошли даром: у доктора появилось рациональное объяснение. Зафиксировано немало случаев, когда пациенты, находившиеся в коматозном состоянии, просыпались с представлением, хоть и довольно смутным, о разных вещах, происходивших вокруг них. Как и все прочее, кома — лишь вопрос степени погружения в сон. Джонни Смит всегда сохранял разум: его электроэнцефалограмма никогда не показывала ровную прямую линию, свидетельствующую об отсутствии мозговой деятельности. Иначе сейчас Браун не разговаривал бы с ним. Иногда кажется, что человек в коме полностью «отключился»; на самом деле его органы чувств продолжают работать, только в замедленном режиме. Наверняка это тот самый случай.

Вернулась Мари Мишоу.

— Неврология предупреждена, а доктор Вейзак уже в пути.

— Думаю, Сэму придется отложить знакомство с мистером Смитом до завтра, — сказал Браун. — Я хочу дать пациенту пять миллиграммов валиума.

— Мне не нужно успокоительного! — заявил Джонни. — Я хочу выбраться отсюда! И хочу знать, что произошло!

— Вы узнаете все в свое время, — заверил его Браун. — А сейчас вам необходимо отдохнуть.

— Я отдыхал четыре с половиной года!

— Поэтому еще двенадцать часов ничего не изменят!

Доктор был неумолим.

Сестра сделала Джонни укол. Он сразу ощутил сонливость, а фигуры Брауна и сестры вдруг показались ему огромными, высотой в двенадцать футов.

— Скажите хотя бы одно, — попросил Джонни и удивился тому, что его голос доносится словно издали. — Эта ваша ручка... как она называется?

— Эта? — Доктор протянул со своей невообразимой высоты голубой пластмассовый корпус с волокнистым наконечником. — Она называется фломастером. А теперь спите, мистер Смит.

Джонни так и сделал, но слово крутилось у него в голове, как тайное заклинание, абсолютно лишённое смысла.

Эрб положил трубку и долго смотрел на телефон. Из другой комнаты доносился звук телевизора, включенного почти на полную громкость. Телепроповедник Орал Робертс говорил о футболе и рассказывал об исцеляющей силе любви: наверное, между ними была какая-то связь, но в чем именно — навсегда осталось для Эрба загадкой. Из-за телефонного звонка. Голос Орала разносился по всему дому. Скоро шоу закончится, и Орал завершит свое выступление уверенным обещанием, что в жизни зрителей обязательно случится *нечто хорошее*. Судя по всему, он говорил правду.

Мой мальчик, подумал Эрб. Пока Вера молилась о чуде, Эрб молился о его смерти. Но услышана была молитва Веры... Что это значит? И как теперь быть? И как воспримет новость Вера?

Он прошел в гостиную. Вера в старом сером халате сидела на кушетке, положив на пуфик ноги в мягких розовых шлепанцах. Она ела поп-корн прямо из ведерка для приготовления воздушной кукурузы. После катастрофы с Джонни она прибавила почти сорок фунтов и мучилась от высокого давления. Врач прописал ей лекарство, но Вера не принимала его — если Господь послал ей высокое давление, значит, так тому и быть. Эрб однажды заметил, что Господь вовсе не мешает ей принимать бафферин, когда болит голова, но она ответила на это страдальческой улыбкой и молчанием — самым мощным своим оружием.

— Кто звонил? — спросила Вера, не отрываясь от телевизора.

На экране Орал обнимал за плечи известного куортербека из футбольной команды высшего дивизиона. Он обращался к притихшей многочисленной аудитории, а футболист застенчиво улыбался.

— ...и вы все слышали рассказ этого замечательного спортсмена о том, каким надругательствам он подвергал свое тело — свой собственный Храм Господний. И вы все слышали...

Эрб выключил телевизор.

— Герберт Смит! — вскочила Вера, едва не рассыпав попкорн. — Я смотрела! Это был...

— Джонни пришел в себя.

— ...Орал Робертс и...

Слова застряли у нее в горле, и она согнулась, как от удара.

Эрб отвернулся; ему очень хотелось обрадоваться, но он боялся. Боялся сглазить.

— Джонни... — Она замолчала и, с трудом сглотнув, продолжила: — Джонни... *наш Джонни?*

— Да. Он разговаривал с доктором Брауном почти пятнадцать минут. Судя по всему, это не было... ложным пробуждением... как они сначала решили. Он все понимает. И может двигаться.

— *Джонни очнулся?*

Вера зажала руками рот. Ведерко с поп-корном соскользнуло с ее колен и упало на пол. Нижнюю часть ее лица закрывали руки, а над ними все больше и больше округлялись глаза. Эрб испугался, что они выскочат из орбит и повиснут на ниточках. Потом они закрылись, и Вера издала какой-то странный звук.

— Вера? С тобой все в порядке?

— О Господи, благодарю Тебя за проявленную к Джонни милость! Ты вернул мне моего Джонни! Я знала, что так и будет! О, Господь милосердный, я не устану благодарить Тебя каждый день своей жизни за моего Джонни. *Джонни, Джонни, мой Джонни!*

Ее голос набирал силу и перешел в истерический торжествующий крик. Эрб приблизился к жене и, схватив ее за отвороты халата, резко встряхнул. Время будто повернулось вспять, и перед его глазами проплыла та ночь, когда они узнали об ужасной аварии по тому же телефону, стоявшему в том же самом углу.

То же место и те же действующие лица! — подумал Эрб. *Безумие какое-то!*

— Боже милосердный, Иисусе, мой Джонни, мой мальчик, это чудо, настоящее чудо...

— *Прекрати, Вера!*

Ее глаза потемнели и подернулись дымкой.

— Ты жалеешь, что он очнулся? После того как насмеялся надо мной все эти годы? И говорил, что я не в себе?

— Вера, я никогда и никому не говорил, что ты не в себе.

— *Это было видно по твоим глазам!* — закричала она. — Но Господь рассудил нас! Разве не так? *Не так?*

— Рассудил, — кивнул Эрб.

— Я же говорила тебе, что Господь избрал моего Джонни своим орудием для чего-то важного. И теперь ты сам видишь, что я права! — Она встала. — Я должна поехать к нему. И должна сказать ему. — Вера подошла к шкафу, где висело пальто, не отдавая себе отчета в том, что на ней только ночная рубашка и халат. Ее лицо выражало ликование. Она вдруг вспомнила Эрбу ту девушку, какой была в день их свадьбы, и сама мысль об этом показалась ему странной и кощунственной. Розовые шлепанцы с хрустом вдавили поп-корн в ковер.

— Вера...

— Я должна рассказать ему, что Господь...

— Вера!

Она повернулась к мужу, но мыслями была не здесь, а с Джонни. Эрб подошел и положил руки ей на плечи.

— Ты скажешь ему, что любишь его... что молилась... что ждала и верила. Как никто другой. Ведь ты же — его мать! Ты горевала по нему. И я ли не видел этого все пять лет? Я не жалею, что он очнулся, ты зря так говоришь. Я не считаю, как ты, что он вернулся для выполнения какой-то миссии, но я не жалею, что он пришел в себя. Я тоже переживал — не меньше твоего.

— Разве? — Ее глаза смотрели холодно, гордо и недоверчиво.

— Да. И я скажу тебе еще кое-что, Вера. Ты будешь молчать о Господе, чудесах и великом предназначении, пока Джонни не поправится и не сможет сам...

— Я буду говорить все, что считаю нужным!

— ...решать, что делать. Я имею в виду, что ты дашь ему возможность стать самим собой и не будешь «грузить» своими идеями.

— Не смей мне указывать! Не смей!

— Смею, Вера, потому что я его отец! — хмуро возразил Эрб. — И прошу тебя в последний раз — не вставай у меня на пути. Поняла? Я не позволю вмешиваться в судьбу сына ни тебе, ни Господу, ни Сыну Божьему Иисусу. Поняла?

Смерив его угрюмым взглядом, Вера промолчала.

— Ему и так будет непросто смириться с мыслью, что его, как лампочку, выключили из жизни на четыре с половиной года. Мы не знаем, сможет ли он ходить, хотя врачи и уверяют, что сможет. Нам известно, что для этого ему предстоит операция на связках — об этом говорил Вейзак. Возможно, потребуются несколько операций. А потом новое лечение, очень болезненное. Поэтому завтра ты будешь просто его матерью.

— Не смей так говорить со мной! Не смей!

— Если ты начнешь читать проповеди, Вера, я сам вытащу тебя из его палаты за волосы.

Вера дрожала, раздираемая радостью и гневом, и в ее лице не было ни кровинки.

— А сейчас одевайся, — сказал Эрд, — и поедем.

Весь долгий путь в Бангор они молчали; их не переполняла общая радость, которую они должны были чувствовать. Только на лице Веры застыло выражение воинствующего восторга. Она сидела рядом с Эрдом, выпрямив спину, и с Библией на коленях, открытой на двадцать третьем псалме.

6

В четверть десятого следующего утра Мари вошла в палату Джонни и сообщила:

— Приехали ваши родители. Хотите увидеться с ними?

— Хочу.

Утром он чувствовал себя гораздо лучше. Сил прибавилось, и в голове прояснилось. Однако предстоящая встреча немного пугала его. Джонни казалось, что они виделись пять месяцев назад. Тогда отец закладывал фундамент дома, в котором теперь, наверное, уже три года жили родители. А мать приготовила фасоль и на десерт — яблочный пирог и все сокрушалась, как он похудел.

Мари собиралась уйти, но Джонни поймал ее руку.

— Как они выглядят? В смысле...

— Отлично.

— Ладно. Хорошо.

— Вы сможете провести с ними полчаса. И немного вечером, если неврологическое обследование не слишком утомит вас.

— Так решил доктор Браун?

— И доктор Вейзак тоже.

— Ладно. Пусть так. Я и сам не знаю, сколько выдержу их ощупываний и укалываний.

Мари помедлила.

— Что-то не так? — поинтересовался Джонни.

— Нет... не сейчас. Вам наверняка не терпится увидеть родителей. Сейчас я пришлю их.

Он с волнением ждал. В палате он остался один — ракового больного перевезли в другую, пока Джонни спал после укола валиума.

Дверь открылась; вошли его мать и отец. Джонни испытал потрясение и облегчение: потрясло его то, как они постарели. Вместе с тем Джонни обрадовало, что эти изменения не были роковыми. Наверное, и его вид производил такое же впечатление.

Однако в нем что-то изменилось кардинально и, *возможно*, необратимо.

Больше Джонни ни о чем не успел подумать — мать обняла его, в нос ударил терпкий запах фиалковых духов, и в ушах раздался ее шепот:

— Слава Богу, Джонни, слава Богу, слава Богу, что ты жив!

Он обнял ее, но ослабевшие руки через несколько секунд бессильно упали, а Джонни вдруг открылось, как она прожила эти годы, что чувствовала и думала — и что ее ожидает. Потом осознание исчезло, растворившись, как видение темного коридора. Когда Вера разжала руки, чтобы взглянуть на него, и безумная радость в ее глазах вдруг сменилась глубокой задумчивостью, он невольно произнес:

— Мам, выпей лекарство. Так будет лучше.

Глаза Веры расширились, она облизнула губы, и через мгновение рядом с ней появился Эрд. Он похудел не так сильно, как растолстела Вера, но все же заметно. Волосы поредели, но лицо

осталось прежним — таким же простым, родным и любимым. Достав из заднего кармана большой платок, Эрб вытер глаза и протянул руку.

— Ну, здравствуй, сынок. Рад, что ты снова с нами.

Джонни пожал ему руку, напрягая все силы, и его слабые пальцы утонули в крепкой ладони отца. Джонни переводил взгляд с матери, одетой в синий брючный костюм, на отца. На Эрбе был ужасный пиджак в мелкую клетку, отчего он походил на торговца пылесосами. Из глаз Джонни брызнули слезы.

— Извините, — сказал он. — Извините, я просто...

— Поплачь. — Вера уселась на кровать рядом с сыном. Ее лицо прояснилось и выражало только материнскую заботу. — *Поплачь, иногда это — лучшее лекарство.*

И Джонни послушался ее.

7

Эрб рассказал, что тетушка Жермена умерла. Вера сообщила, что деньги на строительство городского клуба в Паунале наконец-то собрали, и стройка началась месяц назад, когда оттаяла земля после морозов. Эрб добавил, что участвовал в конкурсе на строительство, но, по его мнению, честная работа никому не нужна.

— Помолчи — ты просто неудачник! — заявила Вера. Она обратилась к сыну: — Надеюсь, ты понимаешь, что твое выздоровление — это настоящее чудо, сотворенное Богом, Джонни. Врачи не верили в это. В главе девятой Евангелия от Матфея говорится...

— Вера! — предостерегающе произнес Эрб.

— Конечно, это чудо, мама. Я знаю.

— Ты... знаешь?

— Да. Я хотел бы поговорить с тобой об этом... узнать твое мнение... только сначала мне нужно выздороветь.

Вера смотрела на него, раскрыв от изумления рот. Джонни встретился взглядом с отцом. Глаза Эрба выразили огромное облегчение.

— Обратился! — громко воскликнула Вера. — Хвала Господу, мой мальчик обратился!

— Вера, потише, — вмешался Эрб. — Пока ты в больнице, славь Господа потише.

— Это не может не быть чудом, мама. И как только я выпишусь, мы обязательно обо всем подробно поговорим.

— Ты вернешься домой, — сказала она. — Туда, где ты вырос. Я поставлю тебя на ноги, и мы вместе помолимся, чтобы люди одумались.

Джонни улыбался, но уже через силу.

— Обязательно. Мам, сходи на пост и попроси Мари принести мне немного сока. Или имбирного эля. Я давно не разговаривал, и горло...

— Ну конечно! — Она поцеловала Джонни и поднялась. — Как же ты похудел! Но дома я тебя обязательно откормлю!

Вера вышла из палаты, бросив на Эрба торжествующий взгляд. Они слышали, как ее шаги удалялись по коридору.

— И давно это с ней? — тихо спросил Джонни.

Эрб покачал головой.

— После твоей аварии все хуже и хуже. Но началось это давно. Ты же сам знаешь и наверняка помнишь.

— А она...

— Не знаю. На Юге есть люди, которые разводят змей. Вот они, на мой взгляд, точно

сумасшедшие. Она не такая. Ну а как ты, Джонни?

Джонни передернул плечами.

— Папа, а где Сара?

Эрб зажал ладони между коленями.

— Мне неприятно сообщать тебе об этом, Джон, но...

— Она вышла замуж? Вышла замуж?

Эрб, глядя в сторону, кивнул.

— О Господи! — воскликнул Джонни. — Этого-то я и боялся!

— Она уже три года миссис Уолтер Хазлетт. Он — адвокат. Недавно у них родился сын.

Джон... Никто не верил, что ты очнешься. Кроме твоей матери, конечно. Надежды не было никакой. — Голос Эрба дрогнул. — Врачи говорили... не важно, что они говорили. Даже я перестал надеяться. Мне ужасно стыдно в этом признаться, но это правда. Постарайся понять меня... и Сару.

Джонни хотел сказать, что понимает, но из горла вырвался только хрип. Он вдруг ощутил себя старым и больным, и его охватило чувство невозвратной потери. Упущенное время давило на него подобно груде камней, причем вполне реальных, а не воображаемых.

— Джонни, нужно жить дальше. Кругом столько хорошего.

— Просто... я должен осознать, — с трудом выдавил он.

— Да. Понимаю.

— А ты видишь ее?

— Мы пишем друг другу время от времени. А познакомились мы после аварии. Она славная девушка, действительно славная. Все еще преподает в Кливс-Миллс, но в июне собирается стать домохозяйкой. Она счастлива, Джон.

— Это хорошо. — Джонни опустил глаза. — Я рад, что хоть кто-то счастлив.

— Сынок...

— Надеюсь, вы тут не секретничаете, — весело сказала Вера, входя в палату с кувшином, в котором плавали кубики льда. — Они говорят, что сок тебе еще рано, поэтому я принесла имбирного эля.

— Спасибо, мам.

Она взглянула на Эрба, потом на сына и снова на Эрба.

— О чем это вы тут *секретничали*? У вас такие унылые лица!

— Я говорил Джонни, что ему придется потрудиться, если он хочет выбраться отсюда.

Предстоит долгое лечение, — сказал Эрб.

— Зачем об этом говорить сейчас? — Вера налила в стакан эля. — Теперь все будет хорошо.

Вот увидите!

Сунув в стакан соломинку, она подала его Джонни:

— А теперь выпей все до дна. — Вера улыбнулась. — Тебе это пойдет на пользу.

Джонни выпил, и напиток показался ему горьким.

— Закройте глаза, — сказал доктор Вейзак, невысокий толстяк с копной волос и пышными бакенбардами, из-за которых его лица не было видно.

В 1970 году человек с такой внешностью наверняка собирал бы толпу любопытных зевак во всех барах восточного Мэна и, учитывая возраст, был бы первым кандидатом на заключение под стражу.

Немыслимая прическа!

Джонни закрыл глаза. Его голову опутывали электрические датчики, а от них тянулись провода к установленному на стене энцефалографу, возле которого стояли доктор Браун и медсестра. Из прибора выползла широкая лента распечатки. Джонни испытывал страх, жалел, что медсестра не Мари Мишоу.

Доктор Вейзак коснулся его век, и Джонни непроизвольно дернулся.

— Ну же... спокойно, Джонни. Мы уже заканчиваем. Еще чуть-чуть.

— Готово, доктор, — сказала медсестра.

Низкое гудение прибора.

— Хорошо, Джонни. Вам удобно?

— Кажется, будто мне на глаза кладут монеты, потому что я умер.

— Правда? Вы быстро привыкнете к этому. Давайте я объясню, что нужно делать. Я попрошу вас представить различные предметы — всего их двадцать, — и на каждый у вас будет по десять секунд. Понятно?

— Да.

— Отлично. Начинаем, доктор Браун?

— Все готово.

— Чудесно. Джонни, я попрошу вас представить стол. На этом столе лежит апельсин.

Джонни представил маленький столик на складных металлических ножках. На нем чуть сбоку лежал большой апельсин с наклейкой «Санкист» на рябой кожуре.

— Отлично! — сказал Вейзак.

— И этот прибор видит мой апельсин?

— Нет... вернее, да — в определенном смысле. Прибор фиксирует вашу мозговую деятельность. Мы выясняем, нет ли повреждений, не оказались ли какие-нибудь участки заблокированными, Джонни. Нет ли где повышенного внутричерепного давления. А сейчас попрошу вас повременить с вопросами.

— Хорошо.

— Теперь представьте телевизор. Он включен, но ничего не показывает.

Джонни представил телевизор в своей квартирке. Точнее, в той, что *была* его квартиркой. На сером экране — «снег». Концы комнатной антенны обернуты фольгой, чтобы улучшить изображение.

— Отлично!

Обследование продолжалось. На одиннадцатый раз Вейзак попросил:

— А теперь представьте, что в левой части зеленой лужайки стоит раскладной столик для пикника.

Джонни представил и тут же нахмурился: вместо столика на воображаемой лужайке оказался шезлонг.

— Что-то не так? — спросил Вейзак.

— Нет, все в порядке, — ответил Джонни и попробовал еще раз. Венские сосиски, угольная

жаровня... ну же, черт возьми, не останавливайся! Разве сложно представить столик для пикника? Да он видел его тысячу раз, нужно просто следовать ассоциации! Пластиковые ложки и вилки, бумажные тарелки, отец с длинной вилкой в руке, в поварском колпаке и переднике, на котором неровными буквами выведено: «Повару надо выпить». Отец готовит гамбургеры, а потом они сядут за... Ага! Джонни довольно улыбнулся, но улыбка тут же исчезла с его лица. Теперь вместо столика перед глазами был гамак. — Черт!

— Нет столика?

— Как-то очень странно. Я не могу... представить его. То есть я отлично знаю, о чем идет речь, но представить не могу. Дикость какая-то!

— Не важно. Представьте теперь глобус на капоте пикапа.

Это было просто.

На девятнадцатом предмете — гребной шлюпке у дорожного знака (интересно, кто все это придумывает?) — все повторилось. Джонни расстроился. Он «увидел» большой надувной мяч возле могильного камня. Постарался сконцентрироваться, но увидел только многоуровневую дорожную развязку. Вейзак успокоил его, и через несколько мгновений датчики с головы и век Джонни сняли.

— Почему я не мог представить себе эти предметы? — Он переводил взгляд с Вейзака на Брауна. — В чем проблема?

— Однозначно трудно сказать, — ответил Браун. — Возможно, мы имеем дело с выборочной амнезией. Или в результате аварии какой-то участок мозга — совсем крошечный — поврежден. Мы не знаем точной причины, но у вас утрачена опора на определенные воспоминания. Сейчас нам удалось нащупать два, но, судя по всему, вы столкнетесь и с другими.

— В детстве вы сильно ударились головой, верно? — вдруг спросил Вейзак.

Джонни удивленно посмотрел на него.

— У вас сохранился старый шрам, — пояснил Вейзак. — Существует теория, Джонни, подтвержденная статистическими данными...

— Однако исследование еще далеко не завершено, — недовольно прервал его Браун.

— Это правда. Но согласно этой теории, из продолжительной комы обычно выходят те люди, которые до этого перенесли серьезную травму головы. И после той травмы мозг определенным образом перестроился, что и позволило ему пережить другую.

— Это не доказано! — возразил Браун. Казалось, его возмутило, что Вейзак заговорил об этом.

— Шрам у вас есть, — продолжил Вейзак. — Вы не можете вспомнить, как его получили, Джонни? Думаю, вы наверняка потеряли тогда сознание. Может, упали с лестницы? Или с велосипеда? Судя по шраму, вы тогда были маленьким мальчиком.

Джонни покачал головой:

— А вы не спрашивали у родителей?

— Они не могли припомнить ничего похожего... А вы?

На миг у него промелькнуло воспоминание о холоде, черном и едком дыме горящей резины, но тут же исчезло.

Вейзак вздохнул и пожал плечами:

— Вы, наверное, устали.

— Да, немного.

Браун присел на край стола.

— Сейчас четверть двенадцатого. Вы сегодня хорошо потрудились. Если хотите, мы с доктором ответим на ваши вопросы, а потом вы отправитесь к себе в палату и немного поспите. Годится?

— Годится, — согласился Джонни. — Обследование, которое вы проводили...

— Аксиальная компьютерная томография, — кивнул Вейзак. Достав коробочку с подушечками жвачек, он отправил в рот три штуки. — По сути, это сканирование дает серию рентгеновских снимков мозга, Джонни. Компьютер обрабатывает снимки и...

— Что он говорит? Сколько мне осталось?

— Что значит: «Сколько мне осталось?» — переспросил Браун. — Похоже на реплику из старого фильма.

— Я слышал, что после продолжительного пребывания в коме люди долго не живут и снова отключаются, — пояснил Джонни. — Как лампочки, которые перед тем, как перегореть, ярко вспыхивают.

Вейзак расхохотался. Он смеялся от души и содрогался всем телом — было даже удивительно, как он не подавился жвачкой.

— Как в кино! — Он положил руку на грудь Джонни. — Вы считаете, что мы с Джимом слабо разбираемся в этой области? Ошибаетесь! Мы — неврологи! И в Америке такие врачи на вес золота! А это значит, что мы вовсе не невежды, хотя и не все процессы мозговой деятельности изучены наукой. И я вам ответственно заявляю: такие случаи действительно имели место. Но с вами этого не случится. Я прав, Джим?

— Да, — подтвердил Браун. — Мы не обнаружили никаких существенных нарушений, Джонни. В Техасе живет парень, который пробыл в коме девять лет. Сейчас он работает в банке и уже шесть лет занимается выдачей кредитов. В Аризоне живет женщина, пролежавшая в коме двенадцать лет: во время родов что-то пошло не так с анестезией. Сейчас она передвигается в инвалидной коляске, но жива и в здравом уме. Она очнулась в 1969 году и познакомилась с ребенком, которого родила за двенадцать лет до этого. Ребенок уже учился в седьмом классе — и учился отлично!

— Меня тоже ждет инвалидная коляска? — спросил Джонни. — Я не могу вытянуть ноги. С руками получше, а вот ноги... — Он покачал головой.

— Связки со временем укорачиваются, верно? — Вейзак взглянул на него. — Поэтому-то коматозные больные постепенно и принимают позу, которую мы называем эмбриональной. Но в наши дни нам известно больше о физическом вырождении организма, чем раньше, и мы научились бороться с ним. Пока вы спали, с вами регулярно проводил необходимые процедуры физиотерапевт. Причем разные больные реагируют на кому по-разному. Ваше физическое состояние ухудшалось очень медленно, Джонни. Как вы сами заметили, ваши руки сохранили удивительную подвижность. Однако ухудшение все же было, так что лечение предстоит долгое и — к чему лукавить? — болезненное. Вам придется проявить стойкость и мужество. Не исключено, что вы возненавидите своего врача. Так сильно, что пожелаете остаться лежачим больным навсегда. И предстоят операции по наращиванию связок. Если вам очень и очень повезет, понадобится всего одна операция, а так их может быть четыре. Эти операции еще не до конца разработаны. Они могут пройти успешно, не очень или вообще оказаться бесполезными. Но я верю, что с Божьей помощью вы снова начнете ходить. Конечно, кататься на лыжах или перепрыгивать через забор вам едва ли удастся, но бегать или плавать — наверняка.

— Спасибо. — Испытав необычайную благодарность к этому человеку со странным акцентом и нелепой прической, Джонни захотел чем-то отблагодарить Вейзака. Он ощутил почти *физическую потребность* взять его за руку или просто коснуться ее.

Он взял Вейзака за руку — крупную, теплую, с глубокими линиями.

— Да? — сказал Вейзак. — Вы что-то хотели?

И вдруг вокруг Джонни все изменилось. Он и сам не понял как. Разве что Вейзак словно *приблизился* и оказался в лучах мягкого и чистого света. Каждая морщинка и родинка на его лице

стали видны очень отчетливо, и все они что-то означали. Джонни начал понимать их.

— Мне нужен ваш бумажник, — проговорил он.

— Бумажник?..

Вейзак и Браун обменялись недоуменными взглядами.

— Там лежит фотография вашей матери, и она необходима мне, — пояснил Джонни. —

Пожалуйста!

— Откуда вам это известно?

— *Пожалуйста!*

Вейзак взглянул на Джонни и вытащил бумажник — старый, пухлый и бесформенный.

— Откуда вы знаете, что я ношу фотографию матери? Она умерла, когда нацисты оккупировали Варшаву...

Джонни выхватил бумажник из рук Вейзака. Оба доктора изумленно наблюдали за ним. Джонни открыл бумажник и, не обращая внимания на пластиковые конвертики для фото, сразу залез в дальнее отделение и начал торопливо перебирать его содержимое: потрепанные визитные карточки, аннулированный чек и даже старое приглашение на какое-то политическое мероприятие. Наконец он извлек маленькую, закатанную в пластик фотографию. На ней была изображена молодая женщина в платке, скрывавшем волосы. Ее лицо светилось улыбкой, а сама она держала за руку маленького мальчика. Рядом стоял мужчина в форме польского военного.

Джонни зажал фотографию между ладонями и закрыл глаза... Сначала его окружила темнота, потом из нее показалась повозка... нет, не повозка, а катафалк. Катафалк, запряженный лошадьми. Фонари задрапированы черным крепом. Ну конечно, катафалк, потому что...

(Люди умирали сотнями, даже тысячами, не в силах остановить бронированную армаду вермахта: кавалеристы девятнадцатого века против танков и пулеметов. Взрывы, крики, кругом смерть. Лошадь со вспоротым животом и безумным взглядом закатывающихся глаз, опрокинутая пушка сзади, а они все равно идут вперед. Появляется Вейзак и, привстав на стремянах, машет шашкой под проливным дождем начала осени 1939 года. За ним устремляются бойцы, с трудом хлюпая по грязи. Башенное орудие немецкого «тигра» поворачивается, ловит его в прицел и стреляет. Его разрывает пополам, и сабля выпадает из руки. Дорога ведет на Варшаву; по ней рыскал нацистский волк, рвавший в Европу.)

— Нужно прекратить это! — послышался издалека встревоженный голос Брауна. — *Вы слишком возбуждены, Джонни.*

— Он погрузился в транс, — сказал Вейзак.

Здесь жарко. Джонни обливался потом. Потому что...

(Город горит, тысячи людей спасаются бегством, грузовик петляет по мощенной булыжником улице, а в кузове сидят немецкие солдаты в касках. И молодая женщина больше не улыбается, а бежит в поисках спасения. Ребенка успели переправить в безопасное место; грузовик подпрыгивает на ухабе, задевает крылом женщину, отбрасывает на стеклянную витрину часового магазина, и все часы начинают бить. Потому что время... У женщины сломана нога.)

— Шесть часов, — глухо произнес Джонни. Его глаза закатились, так что видны только белки. — 2 сентября 1939 года, и все кукушки кукуют.

— Господи, да что же это такое? — прошептал Вейзак.

Бледная от страха медсестра испуганно жалась к энцефалографу. Все испытывают ужас, потому что в воздухе витает запах смерти. Он всегда витает в таких местах, потому что это...

(Больница. Запах эфира. В этой обители смерти повсюду слышны крики. Польши больше нет, Польша пала от молниеносного удара немецкой военной машины. На соседней койке мужчина просит пить, просит и просит. Она помнит, что мальчик в безопасности. Какой

мальчик? Она не знает. Как ее зовут? Она не помнит. Она только помнит, что...)

— Мальчик в безопасности, — глухо произнес Джонни. — Ну да! Ну да!

— Надо прекратить это! — повторил Браун.

— И как это сделать? — Голос Вейзака срывался. — Все зашло слишком далеко...

Голоса стихают. Голоса затянуты облаками. Все затянуто облаками. Европа затянута облаками войны. Все затянуто облаками, вот только вершины гор...

(Швейцарии. Швейцария, и теперь ее фамилия Боренц. Ее зовут Иоганна Боренц, и она замужем за инженером или архитектором, в общем, за человеком, который строит мосты. Он работает в Швейцарии, и там есть козье молоко и козий сыр. И младенец. Господи, какие тяжелые роды! Этой Иоганне Боренц нужны лекарства, морфий, потому что болит бедро. То самое, сломанное в Варшаве. Оно зажило и долго не давало знать о себе, но теперь в нем снова дикая боль, и все из-за родов, из-за выходящего из утробы младенца. Одного младенца. Двух. Трех. Четырех. Они появляются не сразу, а на протяжении ряда лет, но все они...)

— Мои кровинушки, — нараспев протянул Джонни не своим, а каким-то женским голосом и запел что-то непонятное и бессвязное.

— Боже правый, да что... — начал Браун.

— Это польский! — вскричал Вейзак. Его глаза округлились, и он побелел как полотно. — Это — колыбельная, польская колыбельная! Боже милостивый, да что же это такое?!

Вейзак подался вперед, будто хотел оказаться рядом с Джонни и вместе с ним пронестись сквозь годы...

(Мост. Мост в Турции. Потом где-то в жаркой Юго-Восточной Азии. В Лаосе? Трудно сказать, но там мы потеряли человека по имени Ганс, потом мост в Виргинии, мост через реку Раппаханок, и еще один в Калифорнии. Мы подаем документы на гражданство и ходим на занятия в душную маленькую комнату на почте, где всегда пахнет клеем. Ноябрь 1963 года. Мы узнаем об убийстве Кеннеди в Далласе, и когда его маленький сын отдает честь у гроба отца, она вспоминает, что «мальчик в безопасности», и переживает заново пожарища, чувствуя запах гари и скорбь. Что за мальчик? Она грезит о нем, пытается понять, и голова раскалывается от боли. А потом мужчина — Хельмут Боренц — умирает, и она с детьми живет в Кармеле, штат Калифорния. Дом номер... номер... номер... Он не видит названия улицы — оно в мертвой зоне. Как гребная шлюпка, как столик на лужайке. Они все — в мертвой зоне. Как Варшава. Дети вырастают и разъезжаются. Один за другим они заканчивают учебу, и она присутствует на церемониях выпусков. А бедро продолжает болеть. Один из сыновей погибает во Вьетнаме. А с другими все в порядке. Есть даже строитель мостов. Ее зовут Иоганна Боренц, и ночами в одиночестве она по-прежнему изредка вспоминает, что «мальчик в безопасности».)

Джонни посмотрел на них, испытывая странное чувство. Необычный свет, падавший на Вейзака, исчез. Джонни снова стал самим собой и ощущал слабость и тошноту. Взглянув на фотографию, он протянул ее Вейзаку.

— Джонни? Как вы себя чувствуете? — спросил Браун.

— Я устал.

— Вы можете сказать, что с вами случилось?

Джонни перевел взгляд на Вейзака.

— Ваша мать жива.

— Нет, Джонни. Она умерла много лет назад. Во время войны.

— Ее сбил немецкий грузовик с солдатами и отбросил в витрину часового магазина, — продолжил Джонни. — Она очнулась в больнице, но ничего не помнила. Никаких документов у нее при себе не было. Она взяла имя Иоганна, а фамилии я не разобрал. Когда война

закончилась, она перебралась в Швейцарию и вышла замуж за швейцарского... судя по всему, инженера. Он строил мосты, и его звали Гельмут Боренц. Поэтому после замужества она стала Иоганной Боренц.

Глаза медсестры расширились. Лицо доктора Брауна окаменело — то ли он считал, что Джонни их всех разыгрывает, то ли ему не нравилось, что тщательно разработанный график обследования срывался.

Притихший Вейзак был задумчив.

— У них с Гельмутом Боренцем родилось четверо детей, — рассказывал Джонни спокойным и безучастным тоном. — Работа вынуждала его разъезжать по всему миру. Он был в Турции, в Юго-Восточной Азии, думаю, в Лаосе или Камбодже. Потом приехал сюда. Сначала в Виргинию, затем еще в нескольких местах, которых я не узнал, и, наконец, осел в Калифорнии. Они с Иоганной приняли американское гражданство. Гельмут Боренц умер. Один из их сыновей — тоже. Другие живы, и с ними все в порядке. Но время от времени она вспоминает о вас, правда, в голову ей приходят только слова «мальчик в безопасности». Но имени вашего она не помнит. Может, считает, что все потеряно.

— Калифорния? — переспросил Вейзак.

— Сэм, — обратился к нему доктор Браун, — не стоит поощрять этого.

— А где именно в Калифорнии, Джон?

— Городок называется Кармел. Это на побережье. Названия улицы я не разобрал — оно оказалось в мертвой зоне. Как столик для пикника и гребная шлюпка. Но она точно в Кармеле, штат Калифорния. Иоганна Боренц. И она еще не старая.

— Она и не может быть старой, — отозвался Сэм Вейзак. — Когда немцы вторглись в Польшу, ей было двадцать четыре года.

— Доктор Вейзак, я настаиваю! — резко произнес Браун.

Вейзак очнулся и с недоумением посмотрел на молодого коллегу, будто раньше не замечал его.

— Конечно, конечно, — согласился он. — Джон получил ответы на свои вопросы... Хотя мне кажется, что он рассказал нам больше, чем мы ему.

— Глупости! — воскликнул Браун, и Джонни понял, что напугал его до смерти.

Вейзак улыбнулся Брауну и медсестре. Та смотрела на Джонни, как на тигра в хлипкой клетке.

— Никому не рассказывайте об этом, сестра. Ни начальству, ни матери, ни брату, ни любовнику, ни священнику на исповеди. Договорились?

— Да, доктор, — ответила медсестра.

Но она обязательно расскажет, подумал Джонни и взглянул на Вейзака. И он об этом знает.

Он проспал почти до четырех, и затем его отвезли в отделение неврологии, чтобы продолжить обследование. Джонни плакал. Он не мог контролировать даже те функции, которые у взрослых не вызывают никаких трудностей. На обратном пути Джонни обмочился, и ему, словно младенцу, поменяли белье. Его охватила (в первый, но далеко не последний раз) глубокая депрессия, и он пожалел, что не умер. Как же несправедливо устроен мир! Подобно Рипу ван Винклю, он потерял связь со своим временем и оторвался от действительности. Он не мог ходить. Его девушка вышла замуж за другого, а мать превратилась в религиозную фанатичку. Чего ради теперь жить, и кому нужна такая жизнь?

Доставив Джонни в палату, медсестра спросила, не нужно ли ему что-нибудь. Если бы дежурила Мари, Джонни попросил бы воды со льдом. Но она сменилась в три часа.

— Нет, — ответил он, повернулся лицом к стене и вскоре уснул.

В тот вечер пришли родители и провели с Джонни час. Вера принесла с собой кучу брошюр. — Мы останемся до конца недели, — сказал Эрб, — а потом, если все у тебя будет нормально, ненадолго вернемся в Паунал. Но будем приезжать каждые выходные.

— Я хочу остаться со своим мальчиком, — громко заявила Вера.

— Лучше не надо, мам, — попросил Джонни. Депрессия немного отступила, но он отлично помнил, как плохо ему было несколько часов назад. Если он снова окажется в таком состоянии и мать начнет рассказывать о чудесном предназначении, уготованном ему Господом, то он вряд ли удержится от смеха.

— Я нужна тебе, Джон. Нужна, чтобы объяснить...

— Сначала мне нужно поправиться, — прервал ее Джонни. — А потом ты мне все объяснишь. Договорились?

Вера не ответила. Ее лицо выражало упрямство.

Джонни подумал, что все случившееся — лишь каприз судьбы. *Окажись они на том участке дороги на пять минут раньше или позже, все сложилось бы иначе. А теперь они все в полном дерьме. И мать считает, что это — промысел Божий! Хотя, наверное, иначе можно просто спятить.*

Чтобы нарушить неловкое молчание, Джонни спросил:

— А Никсона переизбрали, отец? Кто баллотировался, кроме него?

— Его переизбрали. Соперником был Макговерн.

— Кто?

— Макговерн. Джордж Макговерн. Сенатор из Южной Дакоты.

— Не Маски?

— Нет. Но Никсон больше не президент. Он ушел в отставку.

— Что?!

— Он оказался лжецом! — строго сообщила Вера. — Никсона обуяла гордыня, и Господь покарал его.

— Никсон ушел в отставку? — изумился Джонни. — Никсон?

— У него не было выбора, — пояснил Эрб. — Или отставка, или импичмент.

Джонни вдруг осознал, какие важные и серьезные перемены произошли в американской политике, пока он лежал в коме. Наверняка они связаны с войной во Вьетнаме. Теперь он по-настоящему ощутил себя Рипом ван Винклем. Насколько же все изменилось? Ему было страшно спрашивать. Потом Джонни все-таки решился:

— Агню... Президентом стал Агню?

— Форд, — ответила Вера. — Хороший, честный человек.

— Генри Форд — президент Соединенных Штатов?

— Не Генри, — поправила она, — а Джерри.

Джонни смотрел на родителей, и все услышанное казалось ему сном или дурной шуткой.

— Агню тоже ушел в отставку, — добавила Вера. — Выяснилось, что он — вор. Говорят, получил взятку у себя в кабинете.

— Он ушел в отставку не из-за взятки, — вмешался Эрб. — Какие-то грязные делишки в Мэриленде. Судя по всему, он увяз в них по горло. Никсон назначил вице-президентом Джерри Форда. В августе прошлого года он сам ушел в отставку, его место занял Форд и назначил вице-

президентом Нельсона Рокфеллера. Сейчас у власти они.

— Разведенный! — осуждающе уточнила Вера. — Упаси Боже, если он станет президентом!

— А что натворил Никсон? — спросил Джонни. — Господи... — Он взглянул на мать, недовольно поджавшую губы. — То есть раз уж дело дошло до импичмента...

— Не поминай имя Господа всуе, особенно когда говоришь о шайке грязных политиканов! — воскликнула Вера. — Причиной был «Уотергейт».

— «Уотергейт»? Это что — название операции во Вьетнаме? Что-то в этом роде?

— «Уотергейт» — название отеля в Вашингтоне, где располагалась штаб-квартира демократической партии, — пояснил Эрб. — Несколько кубинцев незаконно проникли туда, и их поймали. Никсон об этом знал и постарался замять дело.

— Ты шутишь? — усомнился Джонни.

— Все дело в записях, — сказала Вера. — И в Джоне Дине, а его я считаю крысой, бегущей с тонущего корабля. Самый обычный «флюгер»!

— Пап, ты можешь объяснить толком?

— Попробую, но не думаю, что сейчас известна вся правда. Во всяком случае, пока. Я принесу тебе почитать про «Уотергейт». Об этом уже написали миллион книг, и, наверное, напишут еще столько же, пока не разберутся. Так вот, накануне выборов, летом семьдесят второго...

2

Родители ушли в половине одиннадцатого. В палате горел только ночник. Джонни не спалось — от полученной информации голова шла кругом, и окружающий мир пугал его. Как сильно все изменилось за такое короткое время. Он чувствовал, что потерял связь с действительностью.

Отец рассказал, что бензин подорожал почти вдвое. Перед аварией галлон бензина стоил тридцать или тридцать два цента, а теперь — пятьдесят четыре, и на бензоколонках выстраивались очереди. По всей стране ограничили скорость до пятидесяти пяти миль в час, и водители трейлеров чуть не взбунтовались.

Но это все ерунда по сравнению с тем, что война во Вьетнаме закончилась и там пришли к власти коммунисты. Эрб сказал, что это случилось, когда Джонни начал выходить из комы. После стольких лет кровопролития последователи Хо Ши Мина захватили власть за несколько дней.

Президент Соединенных Штатов посетил Красный Китай. Не Форд, а Никсон. Он побывал там до отставки. Кто бы мог подумать, что туда отправится *Никсон* — сам известный «охотник за ведьмами»? Узнай об этом Джонни не от отца, он ни за что не поверил бы.

Слишком много неожиданного и пугающего. Он боялся потерять рассудок, поэтому предпочел бы ничего больше не знать и не слышать. Взять хотя бы ту ручку доктора Брауна — фломастер — сколько еще появилось подобных вещей? Сколько сотен самых разных мелочей будут постоянно напоминать ему о потерянных годах жизни — почти шести процентах жизни, если верить статистике страховщиков? Он оказался выброшенным из жизни. Лишним человеком.

— Джон? — негромко окликнули его. — Вы спите, Джон?

Он повернулся. В дверном проеме стоял невысокий мужчина с покатыми плечами. Доктор Вейзак.

— Нет, не сплю.

— Так я и думал. Можно войти?

— Конечно. Пожалуйста.

Вейзак осунулся и постарел. Он подошел и присел на кровать.

— Я связался по телефону со справочной службой Кармела, штат Калифорния, и попросил номер миссис Иоганны Боренц. Как вы думаете, он существует?

— Да, если у нее есть телефон и номер зарегистрирован, — ответил Джонни.

— У нее есть телефон. И мне дали номер.

— Понятно. — Джонни поддерживал разговор из вежливости, потому что ему нравился Вейзак. На самом деле, Джонни не нуждался в подтверждении факта существования Иоганны Боренц — он знал это так же точно, как и то, что был правой.

— Я долго размышлял об этом, — продолжал Вейзак. — Я сказал вам, что моя мать умерла, но это было только предположение. Мой отец погиб при обороне Варшавы, а мать исчезла. Логично было бы считать, что она погибла при бомбежке... или во время оккупации... ну, вы понимаете. От нее не поступило никаких вестей, так что предположить это было вполне логично. Что касается амнезии... как невролог скажу вам, что такая затяжная общая амнезия встречается крайне редко. Наверное, даже реже, чем настоящая шизофрения. Я никогда не слышал о подтвержденном факте амнезии, длившейся тридцать пять лет.

— От амнезии она излечилась очень давно, — возразил Джонни. — Мне кажется, она заблокировала все воспоминания, связанные с этим. Когда память вернулась к ней, она была уже замужем за другим, матерью двух, а может, и трех детей. Не исключено, что воспоминания порождали в ней чувство вины. Но она все равно думает о вас. «Мальчик в безопасности». Вы звонили ей?

— Да. Я набрал ее номер из дома. Вы знаете, что сейчас такое возможно? Это очень удобно. Набираешь единицу, потом код региона и номер. Одиннадцать цифр — и можно связаться с любой точкой страны. Это удивительно, даже немного пугает. Трубку взял юноша, вернее, молодой человек, и я спросил, дома ли миссис Боренц. Он крикнул: «Мам, это тебя». И положил трубку на столик, полку или что-то еще. Я находился в Бангоре, штат Мэн, в сорока милях от Атлантического океана и слышал, как положили трубку на столик в городе на побережье Тихого океана. Сердце у меня... оно стучало так сильно, что я испугался. Не знаю, сколько длилось ожидание, но она наконец взяла трубку и сказала: «Да? Я слушаю».

— И что вы сказали? Как объяснили ваш звонок?

— Я не стал ничего объяснять. — Вейзак криво улыбнулся. — Я повесил трубку. И мне захотелось выпить, но дома не нашлось ничего крепкого.

— Вы убедились, что это она?

— Джон, что за наивный вопрос? В 1939 году мне было девять лет. С тех пор я не слышал голоса матери. Тогда она говорила только по-польски, а я теперь говорю только по-английски... Стыдно, конечно, но должен признаться, что почти забыл родной язык. Как же я мог «убедиться»?

— Но это была она?

Вейзак потер лоб.

— Да, это была она. Моя мать.

— И вы не стали с ней разговаривать?

— Какой смысл? — раздраженно спросил Вейзак. — Она живет своей жизнью, разве не так? Вы же сами об этом рассказывали. «Мальчик в безопасности». Зачем же лишать душевного покоя женщину, жизнь которой подходит к концу? Зачем пробуждать в ней чувство вины? А ведь такой риск есть.

— Мне трудно судить. — У Джонни не было ответов на эти трудные вопросы, но он чувствовал, что, задавая их, Вейзак, вероятно, хотел разобраться в себе и обрести покой.

— Мальчик в безопасности, женщина в Кармеле — тоже. Их разделяет целая страна, и

пусть так и останется. А как быть с вами, Джон?

— Не понимаю, о чем вы.

— Выразусь яснее: доктор Браун злится на меня, на вас и даже на себя. Ведь он чуть не поверил в нечто такое, что считал чепухой всю жизнь. Медсестра, находившаяся здесь, наверняка не станет молчать. Она обо всем расскажет мужу, когда они отправятся спать, и на этом все, возможно, закончится. А может, и нет. Муж расскажет начальнику, и в конце концов уже завтра вечером газеты могут выйти с заголовками «После комы у больного открылся дар ясновидения».

— «Ясновидения», — повторил Джонни. — Значит, это так называется?

— Я и сам не знаю, что это такое. Сверхъестественная способность? Прорицание? Удобные, но ничего не объясняющие слова. Абсолютно ничего! Вы сказали одной из медсестер, что операция на глазе ее сына пройдет удачно...

— Мари. — Джонни улыбнулся. Мари нравилась ему.

— ...и об этом уже шепчется вся больница. Вы видели будущее? Это и есть ясновидение? Я не знаю. Вы поместили между ладонями фотографию моей матери и определили, где она живет сейчас. Вы можете сказать, где найти потерянные вещи и пропавших людей. Может, ясновидение заключается в этом? Я не знаю. Вы умеете читать мысли? Влиять на предметы физического мира? Исцелять возложением рук? Все эти способности называются «сверхъестественными». И сродни «ясновидению». Именно они вызывают смех у доктора Брауна. Вызывают смех? Нет! Он поднимает их на смех!

— А вы — нет?

— Я вспоминаю о великих ясновидящих Эдгаре Кейси и Питере Гуркосе. Я пытался рассказать доктору Брауну о Гуркосе, но он надо мной только посмеялся. Он не хочет говорить об этом, не хочет ничего об этом знать!

Джонни промолчал.

— Так... как с вами быть?

— А разве надо обязательно что-то делать?

— Полагаю, да. — Вейзак поднялся. — Я оставлю вас, чтобы вы сами об этом подумали. Но размышляя, помните вот о чем: есть такие вещи, которые лучше не замечать. И лучше потерять их, чем найти.

Пожелав Джонни спокойной ночи, он тихо вышел. Джонни чувствовал смертельную усталость, но заснуть долго не мог.

Первую операцию Джонни назначили на 28 мая. Вейзак и Браун подробно объяснили ему, в чем ее суть. Она будет проходить под местным наркозом: врачи не хотели рисковать и использовать анестетики общего действия. Первая операция будет на связках коленей и лодыжек. Его связки, сильно укоротившиеся за время сна, удлинят с помощью полимерных тканей. Их уже использовали при операциях на сердечных клапанах. Вопрос не столько в том, приживутся ли искусственные связки или организм отторгнет их, сколько в способности ног воспринять эти изменения. Если результаты окажутся хорошими, последуют еще три операции: на бедрах, локтях и, возможно, на шее, которую Джонни едва поворачивал. Оперировать будет Реймонд Руопп; он и разработал методику. Руопп специально прилетит из Сан-Франциско.

— А чем заинтересовала Руоппа моя персона, если он такая «суперзвезда»? — спросил Джонни. Новое слово *суперзвезда* он узнал от Мари. Она назвала так лысеющего певца в очках, Элтона Джона.

— Вы недооцениваете свою уникальность, — ответил Браун. — В Соединенных Штатах можно по пальцам пересчитать людей, очнувшихся после такой продолжительной комы, как у вас. В этой малочисленной группе только вам удалось полностью восстановиться после сопутствующего коме повреждения мозга.

Сэм Вейзак был более откровенен.

— Вы — подопытный кролик, понимаете?

— Что?!

— Именно так. Посмотрите, пожалуйста, на свет. — Вейзак направил луч в левый зрачок Джонни. — Вам известно, что я могу увидеть ваш зрительный нерв с помощью этой штуки? Глаза — не просто зеркало души. Они — один из краеугольных камней, на которых держится вся мозговая деятельность.

— Подопытный кролик, — мрачно пробормотал Джонни, глядя в ослепительно яркую точку луча.

— Да, — подтвердил доктор, выключая прибор. — И незачем себя жалеть. Многие технологии, которые делают вашу операцию возможной, были отработаны во время войны во Вьетнаме. Подопытных кроликов в больницах для ветеранов предостаточно, верно? Такого ученого, как Руопп, заинтересовала ваша уникальность. Есть человек, находившийся в коме четыре с половиной года. Можно ли снова поставить его на ноги? Очень любопытная проблема. Он уже спит и видит, как напишет об этом монографию и опубликует ее в «Нью-Ингленд джорнал оф медисин». Он ждет этого, как ребенок — новых игрушек под новогодней елкой. Для него вы не существуете как живой человек, как Джон Смит, которому больно, который пользуется подкладным судном и должен позвать сестру, если у него чешется спина. И это хорошо! Его руки не будут дрожать. Улыбнитесь, Джонни! Этот Руопп похож на банковского служащего, но он лучший хирург в Северной Америке!

Но улыбаться Джонни совсем не хотелось.

Он прилежно прочитал все брошюры, принесенные матерью. Они повергли его в уныние и заставили серьезно усомниться в том, все ли в порядке с ее рассудком. Автор одной из них, Салем Кирбан, поразил его нездоровым и каким-то языческим интересом к жестокостям апокалипсиса и геенны огненной. Другой описывал приход Антихриста в стиле низкопробных фильмов ужасов. Остальные представляли широкий спектр самых безумных идей: Христос жил

под Южным полюсом, Бог перемещался на летающих тарелках, Нью-Йорк был Содомом, а Лос-Анджелес — Гоморрой. В брошюрах говорилось об изгнании нечистой силы, о ведьмах и самых разных известных и неизвестных вопросах подобного рода. Джонни не понимал, что общего у этих брошюр с религиозной, но вполне здравомыслящей женщиной, какой он оставил мать перед тем, как впал в кому.

Через три дня после случая с фотографией матери Вейзака в палату Джонни заглянул худощавый черноволосый журналист из бангорской «Дейли ньюс» и, представившись Дэвидом Брайтом, спросил, можно ли получить короткое интервью.

— А врачи разрешили? — осведомился Джонни.

— Вообще-то я не спрашивал, — признался Брайт.

— Что ж, я в вашем распоряжении.

— Даже не знаю, как благодарить вас! — Брайт сел у кровати Джонни.

Первые вопросы касались аварии и ощущений Джонни после выхода из комы, когда он узнал, что проспал почти половину десятилетия. Джонни отвечал честно и откровенно. Потом Брайт сообщил, что, по сведениям из «одного источника», после аварии у Джонни появилось своего рода «шестое чувство».

— Вы спрашиваете, ясновидящий ли я?

Брайт пожал плечами:

— Можно и так выразиться.

Джонни много размышлял над тем, что сказал Вейзак. И чем больше думал, тем сильнее в нем крепла уверенность, что Вейзак поступил правильно, повесив трубку и не став разговаривать с матерью. Эта ситуация ассоциировалась у Джонни с сюжетом рассказа Джейкобса «Обезьянья лапа». Лапа могла исполнить три любых желания, но цена, которую приходилось за это платить, была непомерной. Пожилая пара попросила у лапы двести фунтов стерлингов и действительно получила их, правда, в качестве компенсации за смерть их единственного сына, погибшего в результате несчастного случая на фабрике. Затем мать попросила вернуть ее сына, и вскоре тот постучался в дверь. Чтобы жена не увидела обезображенный труп, вызванный ею из могилы, старик использовал последнее желание и отправил его обратно. Как и говорил Вейзак, есть вещи, которые лучше потерять, чем найти.

— Нет, — ответил Джонни. — Я такой же экстрасенс, как и вы.

— Но мой источник утверждает...

— Это неправда.

Брайт, не скрывая сомнения, улыбнулся и, немного поразмыслив о том, стоит ли проявлять настойчивость, открыл чистую страницу в блокноте. Он начал с вопросов о планах Джонни на будущее, о том, что он помнит об аварии.

— Так чем же вы все-таки собираетесь заняться, когда выйдете отсюда? — поинтересовался Брайт, закрывая блокнот.

— Я еще серьезно не думал об этом. Пока пытаюсь привыкнуть к мысли, что нашего президента зовут Джеральд Форд.

— В этом вы не одиноки, мой друг, — засмеялся Брайт.

— Наверное, вернусь к преподаванию. Больше я ничего не умею. Но сейчас еще слишком рано думать об этом.

Поблагодарив Джонни, Брайт вышел. Статья появилась через два дня — накануне операции на ногах. Ее поместили на первой полосе под броским заголовком: «Джон Смит — современный Рип ван Винкль. Долгий путь из прошлого в будущее».

Там было три фотографии. Одну сделали для ежегодного выпускного альбома школы (примерно за неделю до аварии), вторую — в палате. Фотограф запечатлел Джонни похудевшим

и осунувшимся, с согнутыми руками и ногами. Между этими двумя был снимок искореженной машины, лежавшей на боку. В статье Брайта не говорилось ни слова ни о шестом чувстве, ни о даре предвидения.

— Как вам удалось избежать расспросов об экстрасенсорных способностях? — спросил Вейзак Джонни тем же вечером.

Джонни пожал плечами:

— Мне он показался приличным парнем. Наверное, решил, что давить не стоит.

— Может, и так, — согласился Вейзак. — Но этого Брайт не забудет, во всяком случае, если он хороший журналист. А в этом сомневаться не приходится.

— Почему?

— Я навел о нем справки.

— Стараетесь не дать меня в обиду?

— Мы делаем все, что можем. Нервничаете из-за завтрашней операции, Джонни?

— Нет. Скорее, боюсь ее.

— Это естественно. Я бы и сам боялся.

— А вы там будете?

— Да, но не в самой операционной, а в соседнем помещении, откуда можно наблюдать за ходом операции. Но там все в одинаковых халатах, так что меня вы вряд ли узнаете.

— Наденьте что-нибудь, — попросил Джонни, — чтобы я мог узнать вас.

Вейзак посмотрел на него и улыбнулся:

— Хорошо. Я нацеплю на халат свои часы.

— Отлично! А доктор Браун? Он тоже там будет?

— Доктор Браун сейчас в Вашингтоне. Завтра он выступает с докладом в Американском обществе неврологов. Я читал его доклад. Очень приличный, правда, на мой взгляд, излишне категоричен.

— А разве вас не приглашали?

Вейзак пожал плечами:

— Я не люблю летать. Боюсь полетов...

— А может, предпочли остаться на операцию?

Вейзак лукаво улыбнулся, развел руками и промолчал.

— Он меня недолюбливает, верно? — спросил Джонни. — Я про доктора Брауна.

— Похоже, так, — согласился Вейзак. — Он считает, что вы нас дурачите. Выдумываете по каким-то своим причинам. Может, стараетесь привлечь к себе внимание. Но не судите о нем только по этому, Джон. Его склад ума не позволяет ему мыслить по-другому. Его, скорее, следует пожалеть. У Брауна острый ум, и он далеко пойдет. Он уже сейчас получает заманчивые предложения и когда-нибудь уедет из наших холодных мест, оставив Бангор навсегда. Отправится в Хьюстон или на Гавайи, а то и в Париж. Но у него есть свои слабости. Браун — как механик — разобрал мозг на составные части и не обнаружил никакой души. Значит, ее не существует. Совсем как русские космонавты, которые облетели вокруг Земли и не увидели Бога. Это — практицизм механика, а механик — всего лишь ребенок, умеющий обращаться с двигателем. Но, пожалуйста, пусть это останется между нами.

— Обещаю.

— А сейчас вам надо отдохнуть. Завтра тяжелый день.

очками в роговой оправе и большим жировиком слева на лбу. Все прочее скрывали шапочка, маска, халат и перчатки.

Джонни заранее сделали два укола: демерола и атропина. Пока его везли в операционную, он чувствовал себя в удивительно приподнятом настроении. Анестезиолог держал в руках шприц с новокаином. Такой большой иглы Джонни еще не видел. Ему сделали укол между четвертым и пятым поясничными позвонками, значительно выше *cauda equina* — пучка корешков спинномозговых нервов, похожего на конский хвост. Боли он почти не ощутил.

Джонни лежал на животе, впившись зубами в руку, чтобы не закричать.

Он не знал, сколько прошло времени, но боль постепенно начала стихать. Ее сменило какое-то странное давление. Ниже пояса он не чувствовал ничего.

Над ним склонился Руопп.

Настоящий бандит в зеленом! — подумал Джонни. *Совсем как Джесси Джеймс, только в роговых очках. Кошелек или жизнь?!*

— Вам удобно, мистер Смит? — осведомился Руопп.

— Да. Но повторения не хочется.

— Можете почитать журналы, если угодно. Или понаблюдать за операцией в зеркало, если это не смутит вас.

— Хорошо.

— Сестра, что у нас с давлением?

— Сто двадцать на семьдесят шесть, доктор.

— Отлично! Ну что, начнем?

— Если останется вкусенькое, не выбрасывайте, — сказал Джонни и удивился, что его шутка вызвала дружный взрыв смеха. Руопп одобрительно похлопал Джонни по плечу затянутой в тонкую перчатку рукой.

Джонни видел, как Руопп выбрал скальпель, и его руки исчезли за зеленой ширмой, которая крепилась к металлическому обручу наверху. Выпуклое зеркало отлично отражало происходящее, правда, в несколько искаженном виде.

— Вот так! — произнес Руопп. — Вот так, так-так-так... а вот и то, что нам нужно... так-так... хорошо... тампон, пожалуйста. Сестра, ради Бога, шевелитесь... да, сэр... а теперь, похоже, нам нужно это... нет, подождите... давайте мне не то, что я прошу, а что мне нужно... вот так, хорошо. Накладку, пожалуйста.

Медсестра передала Руоппу хирургическими щипцами нечто, похожее на связку переплетенных тонких проводков. Тот осторожно подцепил ее пинцетом.

Как в итальянском ресторане, подумал Джонни. *И кругом все залито соусом для спагетти.* При этой мысли его затошнило, и он отвернулся. Из галереи наверху за ним пристально следили другие члены бандитской шайки. Их глаза были пустыми, безжалостными и пугающими. Потом Джонни заметил Вейзака — тот стоял третьим справа, и спереди к халату были пристегнуты часы.

Джонни кивнул ему.

Вейзак кивнул в ответ.

Джонни стало легче.

Когда Руопп соединил икры с коленями, Джонни перевернули. Операция продолжилась. Анестезиолог спросила, как он себя чувствует. Джонни ответил, что, учитывая обстоятельства, все нормально. Она поинтересовалась, не хочет ли он послушать музыку, и Джонни с

благодарностью подтвердил, что хочет. Через несколько мгновений операционную заполнил до боли знакомый проникновенный голос Джоан Баэз. Руопп продолжил оперировать, а Джонни вдруг охватила сонливость, и он задремал. Когда Джонни очнулся, операция все еще продолжалась. Вейзак тоже находился на месте. Джонни поднял руку, привлекая его внимание, и Вейзак снова кивнул.

4

Через час все закончилось. Джонни отвезли в послеоперационную палату. Медсестра, дотрагиваясь до пальцев его ног, спрашивала, чувствует ли он что-нибудь. Довольно скоро чувствительность восстановилась.

Вошел Руопп — его бандитская маска болталась теперь сбоку лица.

— Все в порядке? — осведомился он.

— Да.

— Операция прошла отлично, — заверил его Руопп. — Я надеюсь на лучшее.

— Хорошо.

— Будет больно, — предупредил Руопп. — Возможно, даже очень больно. Сначала и сама терапия будет очень болезненной. Придется потерпеть.

— Потерплю, — пробормотал Джонни.

— До свидания.

Руопп вышел. Джонни подумал, что он, возможно, спешит на площадку для гольфа, надеясь, что еще успеет пройти несколько лунок до темноты.

5

До чего же больно!

К девяти вечера заморозка отошла полностью, и Джонни лез на стену от боли. Ему запретили шевелить ногами без помощи двух медсестер. Казалось, колени обмотали ремнями, утыканными острыми шипами, и крепко их затянули. Время остановилось. Он изредка поглядывал на часы, не сомневаясь, что прошло не меньше часа, а стрелки показывали каких-то четыре минуты. Джонни полагал, что не способен выдержать такую боль даже минуту, но минута проходила, и все начиналось сызнова.

Он подумал, сколько еще мучительных минут ждет его впереди, и они представились ему в виде устремленной ввысь цепочки монет для автомата длиной в пять миль. Его охватила глубокая депрессия. Они будут его мучить до самой смерти. Операции на локтях, бедрах, шее. Терапия. Ходунки, инвалидное кресло, палки.

Будет больно... Придется потерпеть.

Нет уж, подумал Джонни. Терпи сам! Даже близко не подходи ко мне со своими орудиями мясника. Если помощь заключается в этом, то мне ее точно не надо!

Постоянная пульсирующая боль разрывала тело на части.

Низ живота обдало теплой волной.

Он обмочился.

Джонни Смит повернулся лицом к стене и заплакал.

6

Через десять дней после первой операции и за две недели до следующей Джонни, оторвав глаза от книги «Вся президентская рать» Боба Вудворта и Карла Бернштейна, увидел в дверях Сару. Она явно замешкалась.

— Сара! — воскликнул он. — Это действительно ты?!

— Да, это я, Джонни.

Он окинул взглядом Сару в элегантном светло-зеленом льняном платье. Перед собой, словно закрываясь щитом, она держала маленькую коричневую сумочку. Осветленная прядь волос придавала ей особый шарм, и Джонни ощутил укол ревности — Сара сама это придумала или тот мужчина, с которым она жила и спала? Сара была очень красива.

— Входи же! — пригласил он. — Входи и садись.

Она вошла, и Джонни вдруг подумал о том, каким видит его Сара. Тощий, он сидит, скособочившись, в кресле у окна, вытянутые ноги лежат на пуфе, на нем больничная сорочка с завязкой на спине и дешевый казенный халат.

— Как видишь, я приоделся, — сказал он.

— Ты выглядишь молодцом!

Сара поцеловала Джонни в щеку, и у него пронеслись сотни воспоминаний, будто кто-то мастерски тасовал двойную колоду карт. Она опустила в другое кресло, положила ногу на ногу и одернула подол платья.

Они молча смотрели друг на друга.

Джонни видел, как она нервничает. Дотронься до нее кто-то в этот момент, Сара вскочила бы как ужаленная.

— Я не знала, стоит ли приходить, но мне очень хотелось, — сказала она.

— Я рад, что ты пришла.

Как незнакомые люди в автобусе, печально подумал он. Но это же неправильно!

— Как ты? — спросила она.

Он улыбнулся:

— Побывал на войне. Хочешь увидеть мои боевые шрамы? — Джонни поднял до колен полу халата и показал начинавшие заживать, но еще красные неровные надрезы, перехваченные швами.

— Господи, что они с тобой делают?!

— Пытаются заново собрать Шалтая-Болтая, — пошутил Джонни. — Вся королевская конница, вся королевская рать, все королевские лекари. Так что...

Он умолк, потому что она заплакала.

— Не говори так, Джонни. Пожалуйста, перестань!

— Извини. Просто я... пытался пошутить. А на самом деле? Действительно пытался пошутить или хотел сказать: спасибо, что пришла навесить, а меня режут на куски?..

— Как ты... Как ты можешь шутить над этим? — Сара достала из сумки бумажную салфетку и вытерла глаза.

— Вообще-то мне это несвойственно. Наверное, при виде тебя... это такая защитная реакция, Сара.

— Тебя собираются отсюда выписывать?

— Рано или поздно. Это как «прогон через строй» в старые времена — читала об этом? Если останусь жив после того, как каждый индеец ударит меня томагавком, то окажусь на свободе.

— Этим летом?

— Не думаю... вряд ли.

— Ты не представляешь, как мне жаль, что так вышло, — едва слышно проговорила Сара. —

Я пыталась понять, почему... или как все было бы... не могу уснуть... если бы я не съела той злосчастной сосиски... если бы ты остался, а не поехал домой... — Покачивая головой, она подняла на него заплаканные глаза. — Иногда мне кажется, что шансов на выигрыш не было вовсе.

Джонни улыбнулся:

— Двойное зеро. Выигрыш хозяина. Помнишь? Я перехитрил «Колесо», Сара.

— Да. Ты выиграл больше пятисот долларов.

Он смотрел на нее, все еще улыбаясь, но теперь улыбка была озадаченной, почти болезненной.

— Хочешь, я повеселю тебя? Мои доктора считают, будто я выжил потому, что получил в детстве какую-то серьезную травму головы. Но я ничего так и не вспомнил. И родители тоже. Но каждый раз, думая об этом, я вспоминаю то «Колесо фортуны» и чувствую запах горелой резины.

— Может, все дело в аварии...

— Нет, не в ней. Просто «Колесо» было знаком... предупреждением... а я не понял этого.

— Не говори так, Джонни.

Джонни пожал плечами:

— А может, я просто потерял всю отпущенную мне на четыре года удачу за один вечер. Но посмотри, Сара. — Он осторожно, морщась от боли, снял одну ногу с пуфа, согнул ее, распрямил и снова водрузил на пуф. — Может, им и правда удастся собрать Шалтая-Болтая. Очнувшись после комы, я не мог ни сгибать, ни разгибать ног так, как сейчас.

— И ты способен думать, Джонни, — сказала она. — И разговаривать. Мы все считали, что ты... в общем, сам понимаешь.

— Да. Превратился в овощ.

Они снова замолчали, и в палате воцарилась неловкая, гнетущая тишина.

— А как дела у тебя? — нарочито весело спросил Джонни.

— Ну... Я вышла замуж. Ты, наверное, знаешь.

— Отец сказал мне.

— Он у тебя славный. — Сара расплакалась: — Я не могла ждать, Джонни. И мне так жаль. Доктора сказали, будто ты никогда не очнешься и будешь постепенно деградировать, пока... пока все не кончится. Но даже если бы я знала, Джонни... — Она умоляюще взглянула на него, словно рассчитывая на понимание. — Едва ли дождалась бы. Четыре с половиной года — это ужасно долго.

— Верно, это чертовски долго. Я тебе больше скажу: я попросил принести журналы за четыре года, чтобы узнать, кто умер. Трумэн. Дженис Джоуплин. Джими Хендрикс. Я вспомнил, как он исполнял «Лиловый туман», и никак не мог поверить. Дэн Блокер. Мы с тобой. Будто нас и не было.

— Мне очень стыдно, Джонни, я чувствую себя такой виноватой. Но я люблю мужа, сильно люблю.

— Это — самое главное.

— Его зовут Уолт Хазлетт, и он...

— Расскажи лучше о ребенке, — попросил Джонни. — Только не обижайся, ладно?

— Он — чудо! — Сара улыбнулась. — Сейчас ему семь месяцев. Мы назвали его Денис в честь деда по отцовской линии, но сами зовем Денни.

— Привези его как-нибудь. Мне хочется посмотреть на него.

— Привезу, — пообещала Сара, и оба фальшиво улыбнулись, понимая, что этого никогда не будет. — Джонни, тебе что-нибудь нужно?

Только ты. И вернуть последние четыре с половиной года.

— Нет, — ответил он. — Ты все еще преподаешь?

— Пока да.

— По-прежнему понюхиваешь кокаин?

— Джонни, ты совсем не изменился. Все те же вечные шутки.

— Все те же вечные шутки, — согласился он, и в палате снова повисла тягостная тишина.

— Можно, я еще приду проведать тебя?

— Конечно. Было бы здорово, Сара. — Он помедлил, не желая, чтобы расставание было таким незавершенным. Но не хотел причинять боли ни ей, ни себе. — Сара, ты поступила правильно.

— Думаешь? — Она улыбнулась, но кончики ее губ задрожали. — Я часто думаю, как все жестоко... *и неправильно!* Ужасно неправильно! Я люблю мужа и ребенка, и когда Уолт говорит, что мы обязательно будем жить в самом красивом доме Бангора, я верю ему. Когда он говорит, что в свое время будет баллотироваться на место Билла Коэна в палате представителей, я ему тоже верю. Он говорит, что когда-нибудь президентом страны станет житель Мэна, и я почти верю этому. А придя сюда и увидев твои бедные ноги... — Она снова заплакала. — Их словно пропустили через мясорубку, и ты такой *худой*...

— Не надо, Сара, перестань.

— Ты такой *худой*, и все так неправильно и жестоко, что я не могу с этим смириться! *Не хочу и не могу*, потому что это неправильно!

— Наверное, так бывает в жизни, когда все идет неправильно, — ответил он. — Старый жестокий мир. Но надо жить, и приходится мириться. Ступай и будь счастлива, Сара. И если захочешь навестить меня, приходи. И приноси доску для криббиджа — мы с тобой сыграем.

— Обязательно. Извини, что расплакалась. Не удалось поддержать тебя.

— Все в порядке. — Джонни улыбнулся. — А с кокаином пора завязывать. А то отвалится нос!

Она хмыкнула.

— Ты в своем репертуаре! — Наклонившись, Сара поцеловала его в губы. — Поправляйся скорее, Джонни.

Он задумчиво смотрел на нее.

— Джонни...

— Ты не потеряла его, — сказал он. — Нет, не потеряла.

— Чего не потеряла? — удивилась Сара.

— Обручального кольца. Ты не забыла его в Монреале.

Он приложил руку ко лбу и потер лоб над правой бровью.

Его рука отбросила тень, и Сара с каким-то суеверным страхом увидела, что половина его лица светлая, а половина — темная. Она сразу вспомнила, как испугалась маски накануне того Дня всех святых. Она и Уолт провели медовый месяц в Монреале, но откуда Джонни узнал об этом? Наверное, от отца. Да, это возможно. Но о том, что она потеряла обручальное кольцо где-то в номере гостиницы, было известно только ей и Уолту. И никому больше, потому что Уолт купил ей другое еще до возвращения домой. Сара побоялась рассказать об этом даже матери.

— Откуда...

Джонни нахмурился, но тут же, улыбнувшись, убрал руку от лица.

— Оно было чуть великовато, — пояснил он. — Ты собирала вещи, помнишь, Сара? Он вышел за покупками, а ты стала укладываться. Он покупал... покупал... не знаю. Это — в мертвой зоне.

Мертвой зоне?

— Он пошел в магазин подарков и купил кучу всякой сувенирной ерунды вроде «пукающих подушек».

— Но, Джонни, откуда тебе известно, что я поте...

— Ты укладывала вещи. Кольцо оказалось слишком велико, и ты собиралась подогнать его по размеру, когда вернешься. А пока... — Он вновь напряженно нахмурился. — Ты засунула его в чемодан! — Джонни просиял.

Теперь Саре действительно стало страшно. Страх разливался по ее животу, как холодная вода. Она поднесла руку к горлу и замерла, глядя на него как в трансе.

У него в глазах та же холодная насмешка, что и тогда вечером, когда он сражался с «Колесом фортуны». Что с тобой стало, Джонни? Во что ты превратился?

Голубые глаза Джонни потемнели и отливали темно-фиолетовым, а сам он, казалось, был где-то в другом месте.

Саре захотелось убежать. В комнате будто сгустились сумерки, стирая границы между настоящим, прошлым и будущим.

— Кольцо соскользнуло с пальца, — продолжал он. — Ты укладывала бритвенные принадлежности в один из кармашков, и оно соскользнуло. Ты не заметила этого, а обнаружив пропажу, решила, что забыла кольцо в номере. — Он засмеялся каким-то высоким, сухим и... холодным смехом. — Господи, вы вдвоем перевернули в номере все вверх дном! А кольцо все время благополучно лежало в чемодане. И лежит там до сих пор. Тебе нужно подняться на чердак, Сара, и ты сама убедишься в этом.

В коридоре кто-то выронил стакан и с досады выругался, когда он разбился. Джонни обернулся на шум, и его взгляд просветлел. Он посмотрел на Сару и, увидев ее испуганное лицо, расширившиеся глаза, встревожился.

— Что случилось? Сара, я сказал что-то не то?

— Откуда ты знаешь? — прошептала она. — Откуда ты все это знаешь?

— Понятия не имею, — ответил он. — Сара, извини, если я...

— Джонни, мне пора. Денни сейчас с няней.

— Хорошо, Сара. Извини, если я тебя расстроил.

— Откуда ты знаешь про мое кольцо, Джонни?

Он только покачал головой.

7

В коридоре первого этажа Сару вдруг затошнило. Едва она добежала до дамского туалета и закрыла дверь кабинки, как ее вырвало. Сара спустила воду и немного постояла с закрытыми глазами, чувствуя дрожь во всем теле. Это смешно! Во время последней встречи с Джонни ее тоже рвало. Что это? Совсем как скобки во времени, похожие на форзацы в книге. Она поднесла руку к губам, стараясь унять то ли смех, то ли крик. Мир закружился в темноте, как блюдец. Как вращавшееся «Колесо фортуны».

8

Сара оставила Денни у миссис Лабелл, так что, когда она вернулась, дома было тихо и пусто. Поднявшись по узкой лестнице на чердак, она включила свет, и две голые лампочки, висевшие на проводах, зажглись. Три оранжевых чемодана, с которыми они ездили в Монреаль, о чем свидетельствовали сохранившиеся наклейки, стояли в углу. Сара открыла первый, ощупала

боковые кармашки на резинках и ничего не нашла. Во втором тоже. И в третьем.

Она глубоко вдохнула и выдохнула, чувствуя себя как-то глупо и слегка разочарованно, но вместе с тем испытывая облегчение. Кольца не было. Так что извини, Джонни. Хотя извиняться в общем-то не за что. Только мистики ей и не хватало!

Джонни начала задвигать чемоданы на место между высокой стопкой старых университетских учебников Уолта и торшером, когда-то опрокинутым собакой. У Сары не хватало духу выбросить его. Она уже отряхивала руки от пыли и собиралась уйти, когда вдруг услышала, как кто-то внутри ее едва слышно произнес: *А ты толком и не искала, Сара! Потому что боялась найти, верно?*

Верно. Она действительно не хотела ничего находить, а если этот тихий голос рассчитывал, что Сара снова откроет чемоданы, то сильно ошибался. Через пятнадцать минут ей нужно забрать Денни. Уолт пригласил на ужин одного из старших партнеров своей адвокатской фирмы (очень важная встреча). Кроме того, нужно написать письмо Бетти Хэкман. Сразу после Корпуса мира в Уганде та выскочила замуж за сына безумно богатого коннозаводчика из Кентукки. Потом она должна вымыть обе ванны, уложить волосы и искупать Денни. Так что терять время на душном и грязном чердаке Сара не собиралась.

С этими мыслями она снова вытащила все чемоданы и на этот раз осмотрела кармашки очень тщательно. В самом углу третьего чемодана Сара нашла свое обручальное кольцо. Она поднесла его к лампе, чтобы лучше разглядеть, и прочитала выгравированную на внутренней стороне надпись — такую же четкую, как и в тот день, когда Уолт надел ей кольцо на палец. *Уолтер и Сара Хазлетт — 9 июля 1972 г.*

Сара долго смотрела на кольцо.

Потом задвинула чемоданы на место, выключила свет и спустилась вниз. Сняв платье, перепачканное пылью, Сара надела брюки, легкую блузу и направилась к миссис Лабелл, чтобы забрать сына. Они вернулись домой, и Сара, оставив Денни ползать в гостиной, начала готовить жаркое и почистила картошку. Отправив жаркое в духовку, она вернулась в гостиную и увидела, что Денни уснул на полу. Уложив его в кроватку, Сара начала наводить порядок в туалете. И все это время ее ни на секунду не оставляла мысль о кольце. Джонни все знал! Сара могла даже точно сказать, когда именно он узнал. В тот самый момент, когда она поцеловала его перед уходом.

Подумав о Джонни, Сара почувствовала странную и непонятную слабость. Все так перепуталось. Его до боли знакомая кривая усмешка, неузнаваемо изменившееся тело, такое худое и истощенное. А тусклые волосы только подчеркивали ее необычайно яркие воспоминания. Ей *хотелось* поцеловать его.

Прекрати! — приказала она себе. Лицо в зеркале было чужим, покрасневшимся, возбужденным и — к чему скрывать? — сексуальным.

Сара нащупала кольцо в кармане брюк и, почти бессознательно и безотчетно, бросила его в чистую голубоватую воду унитаза. Все сверкало чистотой, и если мистер Тричес из «Адвокатской конторы Бариболта, Тричеса, Мурхауса и Гендрона» вдруг зайдет в туалет во время ужина, его не покоробит вид какого-нибудь пятнышка на унитазе. А кто знает, что может стать препятствием на пути молодого адвоката наверх по служебной лестнице, верно? Кто вообще знает, что от чего зависит в этом мире?

Кольцо с тихим плеском погрузилось в чистую воду и, медленно переворачиваясь, устремилось на дно. Саре даже показалось, что кольцо тихо звякнуло, достигнув дна, но это вполне могло быть игрой воображения. В висках у Сары стучало. Поцелуй Джонни был таким приятным. И очень сладким.

Повинуясь спонтанному порыву и не давая возможности рассудку взять над собой верх, она

спустила воду. Раздался шум низвергавшихся потоков, показавшийся особенно громким, потому что Сара закрыла глаза. Когда она открыла их, кольца не было. Оно уже пропадало раньше, а теперь исчезло навсегда.

Ее колени вдруг подкосились. Сара присела на край унитаза и закрыла руками пылающее лицо. Она больше не станет навещать Джонни. Ей вообще не следовало ездить, и эта встреча только расстроила ее. Уолт пригласил домой на ужин своего начальника, у них есть бутылка марочного столового вина и жаркое, проделавшее брешь в семейном бюджете, — вот о чем ей следует думать. Она должна сосредоточиться на том, как сильно любит Уолта и Денни, спящего в кроватке. И она выкинет из головы Джонни Смита и его обаятельную улыбку.

9

Ужин в тот вечер удался на славу.

Врач выписал Вере Смит гидродиурал, лекарство от давления. Давления оно толком не снижало («мертвому припарки», как она любила писать в письмах), а вот силы отнимало, поэтому даже после несложной работы с пылесосом ей приходилось присесть, чтобы прийти в себя. От подъема по лестнице начиналась одышка, и Вера от этого походила на пса, изнывавшего от зноя в жаркий летний полдень. Она не выбросила таблетки сразу только потому, что послушалась Джонни, а он просил ее обязательно принимать лекарство.

Доктор предложил другой препарат, но от него сердце так неистово билось, что Вера отказалась и от него.

— Реакция организма на препараты индивидуальна, — объяснял доктор, — и нам нужно опытным путем подобрать то, что подходит именно вам, Вера. И мы обязательно подберем, так что нет оснований волноваться.

— Я и не волнуюсь, — сказала Вера. — Я верю в промысел Божий.

— Конечно. По-другому и быть не может.

К концу июня доктор остановился на сочетании гидродиурала и альдомета — дорогих желтых таблеток, которые Вере совершенно не нравились. Сочетание этих двух препаратов стимулировало мочевыделение, и Вера бегала в туалет каждые пятнадцать минут. У нее постоянно болела голова, а сердце учащенно билось. Доктор уверял, что давление снизилось и стабилизировалось, но Вера не верила ему. Какой вообще от врачей толк? Взять хотя бы Джонни: врачи исполосовали его как на живодерне, он уже перенес три операции и выглядел как сущий монстр — весь в шрамах на ногах, руках и шее, а без ходунков и шагу до сих пор сделать не может. Совсем как престарелая миссис Сильвестр. Если ее давление нормализовалось, почему она себя так отвратительно чувствует?

— Нужно дать организму время привыкнуть к лекарствам, — объяснял Джонни матери в первую субботу июля, когда родители приехали навестить его. Он только что вернулся с гидротерапии и выглядел бледным и измученным. В каждой ладони он держал по небольшому свинцовому шарик и, пока они разговаривали, постоянно сгибал руки в локтях, развивая и укрепляя мышцы. Заживающие шрамы на локтях и предплечьях набухали и краснели при каждом усилии.

— Нужно верить в Господа, Джонни, — возразила Вера, — а не заниматься глупостями. Верь в Господа, и Он поможет тебе.

— Вера... — начал Эрб.

— Хватит меня постоянно одергивать! Все это *глупости!* Разве не сказано в Библии: «Ищите и обряцете; стучите, и отверзится»? Мне незачем принимать это лекарство, а моему мальчику — позволять врачам и дальше мучить себя. Это неправильно, бесполезно и *греховно!*

Джонни положил шарики на кровать. Мышцы на руках подрагивали от напряжения. От чувства тошноты и слабости он разозлился на мать.

— Господь помогает тем, кто помогает себе, — сказал он. — Тебе вовсе не нужен Господь христиан, мама. Тебе нужен джинн из бутылки, который явится и исполнит три желания.

— Джонни!

— Но это правда!

— Это врачи вбили тебе в голову всю эту ерунду! Как можно говорить такую ересь? — Ее губы дрожали, но слез в глазах не было. — Господь вывел тебя из комы, чтобы ты выполнил Его

волю, Джон. А все эти врачи...

— Пытаются поставить меня на ноги, чтобы я выполнял волю Господа, не сидя в инвалидном кресле до конца жизни.

— Не будем ссориться, — вмешался Эрб. — Мы же родные люди!

Однако остановить неизбежное было не в его силах. И ураганы не должны вроде бы случаться, а все равно обрушиваются на землю каждый год.

— Если ты только доверишься Господу, Джонни... — начала Вера, не обращая на мужа никакого внимания.

— Я больше ни во что не верю.

— Мне горько слышать от тебя такое, — сухо заметила Вера. — Пособники дьявола не дремлют, и они повсюду! Они стараются отвратить тебя от высокого предназначения. И похоже, им это удается.

— Ты пытаешься увидеть в этом какое-то... предначертание свыше. А я скажу, что это на самом деле. Только идиотская авария! Пара подростков гонялась наперегонки, а я случайно оказался на их пути и превратился в кусок мяса. Знаешь, чего мне хочется, мам? Поскорее убраться отсюда! И больше ничего! Еще я хочу, чтобы ты принимала лекарство и вернулась с небес на землю! Больше мне ничего не надо!

— Я уйду! — Вера встала. Ее лицо побледнело и вытянулось. — Я буду молиться за тебя, Джонни.

Увидев, какая она беспомощная, расстроенная и несчастная, он остыл. Все накопившееся в нем раздражение Джонни выместил на матери.

— Не забывай принимать лекарство! — попросил он.

Вера вышла из палаты с каменным лицом.

Джонни беспомощно взглянул на отца.

— Джон, ты был не прав, — сказал тот.

— Я устал. И это плохо сказывается на рассудке и выдержке.

— Да, — согласился Эрб.

— Она все еще собирается в Калифорнию на симпозиум по летающим тарелкам или как он там называется?

— Да. Но она может передумать. День на день не приходится, а впереди еще целый месяц.

— Ты должен что-то сделать.

— Да? И что именно? Отправить ее в психушку?

Джонни покачал головой:

— Не знаю. Возможно, пора подумать об этом серьезно, а не отмахиваться от этой мысли. Она больна. И ты не можешь не видеть этого!

— С ней было все в порядке, пока ты... — заметил Эрб.

Джонни зажмурился, будто получил пощечину.

— Джон, извини. Я не это имел в виду.

— Все в порядке, папа.

— Нет, правда. — На Эрба было больно смотреть. — Я пойду поищу ее. Она может раздавать всем встречным свои листовки.

— Хорошо.

— Джонни, забудь обо всем, что здесь наговорили, и сосредоточься на выздоровлении. Она любит тебя, и я люблю тебя. Так что не суди нас строго и не обижайся.

— Все в порядке, папа.

Эрб поцеловал Джонни в щеку.

— Пойду поищу ее.

— Ладно.

Эрб ушел. Джонни встал и с трудом сделал три неуверенных шага от кресла до кровати. Немного, но все же! Какой-никакой, а сдвиг! Ему хотелось сказать отцу, что он не сдержался при разговоре с матерью не просто так. В Джонни все больше крепла странная уверенность, что жить ей осталось недолго.

2

Вера перестала принимать лекарство. Эрб разговаривал с ней, упрашивал и даже пытался заставить. Однако ничего не помогло. Она показала ему письма своих «единомышленников по Христу», написанные корявым почерком и неграмотно. Единомышленники поддерживали ее решение и обещали помолиться за нее. Одно из писем было от жительницы Род-Айленда, участницы совместного ожидания конца света на ферме в Вермонте (она была там вместе со своим шпицем по кличке Отис). В письме говорилось:

ГОСПОДЬ — лучшее лекарство, обратись к **ГОСПОДУ** и **БУДЕШЬ ИСЦЕЛЕНА**. Не врачами, которые **УЗУРПИРУЮТ ВЛАСТЬ ГОСПОДА**. **ВРАЧИ** своим **ДЬЯВОЛЬСКИМ ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ** породили в этом нечестивом мире **РАК**. Доказано, что все, кто перенес **ОПЕРАЦИЮ**, даже такую маленькую, как **УДАЛЕНИЕ ГЛАНД**, рано или поздно обязательно заболеют **РАКОМ**. Поэтому проси **ГОСПОДА**, молись **ГОСПОДУ**, пусть **ТВОЯ ВОЛЯ** сольется с **ЕГО ВОЛЕЙ**, и **ТЫ ИСЦЕЛИШЬСЯ!!!**

Эрб поговорил с Джонни по телефону, и на следующий день тот позвонил матери и извинился за несдержанность. Он попросил ее принимать лекарство, хотя бы ради него. Вера простила сына, но принимать лекарство отказалась. Если Господь хочет, чтобы она продолжала жить, Он сделает так, что она будет жить. Если же Он захочет призвать ее к себе, то это случится, даже если она будет принимать по упаковке таблеток в день. Этот железный аргумент Джонни не мог опровергнуть. Он лишь указал на то, что на протяжении восемнадцати веков дружно отрицали и католики, и протестанты, а именно: Господь доводит до человека Свою волю не только через его душу, но и через разум.

— Мама, — сказал он, — а тебе никогда не приходило в голову, что Господь проявил Свою волю, позволив кому-то изобрести лекарство, чтобы продлить твою жизнь? Неужели ты даже не допускаешь этого?

Междугородняя телефонная связь — не лучшая возможность для богословских споров. Вера повесила трубку.

На следующий день Мари Мишоу вошла в палату Джонни, присела на кровать и разрыдалась.

— Ну что вы, что вы! — успокаивал ее встревоженный Джонни. — Что случилось?

— Мой мальчик. — Мари заливалась слезами. — Мой Марк. Вчера ему сделали операцию, и все прошло так, как вы и говорили. Все хорошо! И он снова будет видеть поврежденным глазом. Слава Богу!

Она обняла Джонни, и он тоже обнял ее. Чувствуя у себя на щеках теплые слезы Мари, он вдруг подумал, что случившееся с ним вовсе не однозначно плохо. Возможно, какие-то вещи следовало сказать, увидеть или найти. Напрашивалась мысль, что Бог действительно избрал Джонни Своим орудием, хотя его собственное представление о Боге было довольно смутным и расплывчатым. Он сказал Мари, как рад, что все так хорошо закончилось. Он также заметил, что заслуга в этом не его, а тех, кто делал операцию, а сам он толком не помнит, что именно тогда говорил ей. Вскоре Мари ушла, вытирая слезы, и оставила Джонни наедине с его мыслями.

В начале августа в больницу к Джонни приехал Дейв Пелсен. Заместитель директора старшей школы Кливс-Миллс, маленький и опрятный человек в очках с толстыми линзами, носил мягкие туфли и яркие пиджаки спортивного покроя. Из всех посетителей, приходивших навещать Джонни в то долгое лето 1975 года, Дейв изменился меньше других. Если бы не седина, он выглядел бы точно так же, как и раньше.

— Ну как ты? Если серьезно? — спросил Дейв после обычного обмена любезностями.

— Как будто неплохо, — ответил Джонни. — Теперь могу ходить один, правда, пока немного. Делаю шесть гребков в бассейне. Иногда мучает сильная головная боль, но доктора говорят, что это надолго, если не навсегда.

— Позволишь задать личный вопрос?

— Если интересует, не сказалось ли это на потенции, то — нет, не сказалось! — Джонни улыбнулся.

— Это, конечно, хорошо, но я хотел спросить о деньгах. Ты можешь оплатить свое лечение?

Джонни покачал головой:

— Я провел в больнице почти пять лет. Такое по карману только Рокфеллеру. Мои родители воспользовались какой-то правительственной программой для безвыходных ситуаций.

Дейв кивнул.

— «Программа помощи в чрезвычайных ситуациях». Так я и думал. Но почему ты оказался здесь, а не в муниципальной больнице? Там такого ухода точно не было бы.

— Благодаря доктору Вейзаку и доктору Брауну. И это они поставили меня на ноги. Я был... подопытным кроликом, как выразился доктор Вейзак. Сколько человек может пролежать в коме и не превратиться в овощ? Два последних года со мной постоянно занимались физиотерапевты. Мне все время кололи витамины, и до сих пор кожа на заднице выглядит как после оспы. Они и не рассчитывали, что я когда-нибудь сумею расплатиться за лечение. Почти с самого начала считалось, что мне не выкарабкаться. Вейзак говорит, что они с Брауном «насиленно поддерживали мою жизнедеятельность». Они считают, что это хороший аргумент в защиту поддержания жизни, когда не остается никаких надежд на выздоровление. Они не могли бы продолжить исследования, если бы меня перевели в государственную больницу, поэтому и добились, чтобы я остался здесь. Если бы их исследования были закончены, я оказался бы совсем в другой больнице.

— Где все лечение ограничилось бы тем, что твое тело переворачивали бы каждые шесть часов, чтобы не допустить образования пролежней, — заметил Дейв. — А если бы ты очнулся от комы в восьмидесятом, то был бы полной развалиной.

— По-моему, я и так полная развалина, — покачал головой Джонни. — Если мне предложат еще одну операцию, я сойду с ума. А так мне все равно предстоит хромать и никогда не удастся повернуть голову налево до конца.

— А когда тебя собираются выписать?

— С Божьей помощью через три недели.

— И что потом?

Джонни пожал плечами:

— Наверное, отправлюсь домой. В Паунал. Мать собирается провести какое-то время в Калифорнии... что-то связанное с религией. А у нас с отцом будет время заново познакомиться друг с другом. Я получил письмо от крупного литературного агента из Нью-Йорка... вернее, от одного из его помощников. Они полагают, что о случившемся со мной стоит написать книгу. Пожалуй, попробую написать две-три главы и прикинуть сюжет. Может, им удастся пристроить

это в какое-нибудь издательство. Не скрою, деньги мне очень нужны.

— А еще кто-нибудь из СМИ проявлял к этому интерес?

— Был какой-то парень из бангорской «Дейли ньюс»; он написал статью...

— Брайт? Толковый журналист.

— Он собирался приехать в Паунал, когда меня выпишут, и написать еще одну большую статью. Мне он нравится, но сейчас не до него. Денег это никаких не принесет, а пока, если честно, я думаю только о том, как заработать. Я даже решил бы на участие в телешоу «Ничего, кроме правды», если бы мог заработать на этом пару сотен долларов. У родителей не осталось никаких сбережений. Они продали хорошую машину и теперь ездят на какой-то развалюхе. Отец во второй раз заложил дом. Вообще же ему уже следует думать о том, чтобы уйти на покой, продать недвижимость и жить на вырученные деньги.

— А ты не собираешься вернуться к преподаванию?

Джонни поднял глаза.

— Это что — предложение?

— А разве не похоже?

— Я благодарен, Дейв, но к сентябрю точно не оправлюсь.

— А никто и не говорит о сентябре. Ты, наверное, помнишь Энн Страффорд, подругу Сары?

Джонни кивнул.

— Так вот, сейчас она Энн Битти и в декабре должна родить. Поэтому на второе полугодие нам нужен преподаватель английского. Расписание щадящее. Четыре урока, одно занятие по подготовке домашнего задания, два «окна».

— Ты это серьезно, Дейв?

— Более чем.

— Я тебе очень признателен.

— Да брось, — отмахнулся Дейв. — Ты был отличным учителем.

— А у меня есть пара недель на размышления?

— Думай до первого октября, если хочешь. Мне кажется, у тебя будет время и для работы над книгой. Если, конечно, дело того будет стоить.

Джонни кивнул.

— А в Паунале не задерживайся, — заметил Дейв. — Там может оказаться... не очень комфортно.

Джонни хотел возразить, но удержался.

Не задержусь, Дейв. Дело в том, что моя мать очень быстро теряет рассудок. Она уже на грани. Ее разобьет инсульт, и она умрет еще до Рождества, если нам с отцом не удастся уговорить ее принимать лекарство, а шансов на это практически никаких. И здесь есть моя вина. В какой степени — не знаю и не хочу знать.

Вместо этого он спросил:

— Новости разлетаются быстро, не так ли?

Дейв пожал плечами:

— Из разговоров с Сарой я понял, что твоя авария очень сильно сказалась на матери, но все образуется, Джонни. А тем временем подумай над моим предложением.

— Подумаю, но пока готов дать предварительное согласие. Было бы здорово снова заняться преподаванием. Вернуться к нормальной жизни.

— Значит, по рукам, — подытожил Дейв.

Когда он ушел, Джонни лег и стал смотреть в окно. Он чувствовал смертельную усталость. *Вернуться к нормальной жизни.* Почему-то ему не верилось, что это возможно.

У него начала болеть голова.

То, что после комы у Джонни Смита открылись паранормальные способности, все-таки попало в газету, и произошло это не без участия Брайта. Он опубликовал статью об этом на первой полосе меньше чем за неделю до выписки Джонни из больницы.

Джонни лежал на коврике в отделении физиотерапии, а на животе у него находился специальный мяч весом в двенадцать фунтов. Его физиотерапевт Айлин Магоун стояла рядом, подсчитывая, сколько раз он поднимал торс. Вообще-то ему полагалось сделать это упражнение десять раз, и сейчас Джонни пытался осилить восьмой. По лицу его струился пот, а заживающие шрамы на шее набухли и налились кровью. Айлин была маленькой женщиной с простым лицом, тренированным телом, копной роскошных рыжих волос и глубоко посаженными зелеными глазами с карими крапинками. Джонни иногда называл ее — с раздражением и восхищением — самым крошечным в мире инструктором по физподготовке морских пехотинцев. Айлин удалось всеми правдами и неправдами превратить лежачего больного, с трудом державшего стакан воды, в человека, способного ходить без палки, подтянуться на перекладине три раза подряд и проплыть по больничному бассейну туда и обратно за пятьдесят три секунды. Конечно, это не олимпийский рекорд, но все же! Одинокая Айлин жила с четырьмя кошками на Сентер-стрит в Старом городе. Взывать к ее милосердию было бесполезно.

Джонни, обессилев, упал на спину.

— Нет, — задыхаясь, прохрипел он. — Больше не могу, Айлин.

— Ну же, как не стыдно! — подзадорила она, садистски ухмыляясь. — Всего-то осталось три раза, а потом получишь кока-колу!

— Дай мне десятифунтовый мяч, и я сделаю еще пару раз.

— Десятифунтовый мяч войдет в Книгу рекордов Гиннеса как самый большой суппозиторий, если ты не сделаешь еще три раза! Начали!

— А-а-ааа! — проревел Джонни, заставив себя приподняться в восьмой раз. Он упал на спину и, отдышавшись, резко оттолкнулся.

— Молодчина! — закричала Айлин. — Остался последний! Ну же!

— О-о-оооо! — заорал Джонни и сел в десятый раз. Окончательно обессилев, он упал на коврик, и мяч скатился с его живота. — У меня внутри все разорвалось, все кишки сорвались с места и болтаются в животе. Я засужу тебя, проклятая садистка!

— Какой хороший мальчик! — не обращая внимания на брань, заверещала она и протянула руку. — Это еще цветочки по сравнению с тем, что тебя ждет в следующий раз.

— Ни за что! — воскликнул Джонни. — В следующий раз я только проплыву в...

Он взглянул на нее, и на его лице отразилось удивление, а руку он сжал так сильно, что ей стало больно.

— Джонни, что с тобой? Что случилось? Свело мышцу?

— О Господи, — тихо произнес Джонни.

— Джонни?

Он по-прежнему смотрел на нее, но с каким-то отстраненно-мечтательным видом, отчего ей стало не по себе. До Айлин доходили всякие слухи о Джонни Смите, но, обладая здравомыслием, она никогда не принимала их всерьез. Говорили, будто он предсказал Мари Мишоу, что операцию ее мальчику сделают удачно, хотя тогда и сами доктора не знали, стоит ли идти на такой риск. Еще рассказывали, как Джонни сообщил доктору Вейзаку, что его мать не умерла и живет на западном побережье под другим именем. Сама же Айлин Магоун считала эти рассказы полной чушью. Что-то вроде этого печатали журналы. Этими вымышленными историями жизни и душещипательным любовным романом зачитывались медсестры во время

дежурства. Но от взгляда Джонни ей стало не по себе. Казалось, он заглянул внутрь ее.

— Джонни, с тобой все в порядке?

В помещении, кроме них, никого не было. Большие двустворчатые двери с матовыми стеклами, за которыми находился бассейн, были закрыты.

— Господи Боже! — воскликнул Джонни. — Тебе лучше... да, время еще есть. Но мало!

— О чем ты?

Джонни вышел из транса и отпустил ее руку. На месте, где он сжимал ее, остались белые пятна.

— Позвони в пожарную службу! — сказал он. — Ты забыла выключить плиту. Огонь перекидывается на занавески.

— Что?..

— От конфорки загорелось кухонное полотенце, и с него огонь перекидывается на занавески. Ты что — хочешь спалить весь дом?

— Джонни, откуда ты знаешь...

— Не важно, откуда я знаю! — Джонни схватил ее за локоть, и они вместе устремились к дверям.

Джонни сильно припадал на левую ногу, что всегда случалось после больших нагрузок. Они прошли через бассейн, спустились на первый этаж и добрались до поста, где две медсестры пили кофе, а третья рассказывала по телефону, как сделала ремонт в квартире.

— Сама позвонишь или я? — спросил Джонни.

Айлин не знала, что и думать. Заведенный порядок утренних процедур был у нее отработан до мелочей, что свойственно всем одиноким людям. Она встала и, пока варилось яйцо, съела грейпфрут без сахара и тарелку пшеничных хлопьев. После завтрака оделась и поехала в больницу. *Выключила ли она плиту?* Наверняка выключила. Она не помнила, как это делала, но действовала по привычке, не задумываясь. Нет сомнений, что выключила.

— Джонни, не знаю, с чего ты взял, будто...

— Ладно, я сам.

Они уже были возле поста — огороженной стеклянными перегородками кабинки, где стояли три стула с прямыми спинками и электроплитка. На большом стенде в несколько рядов располагались маленькие лампочки; они загорались красным, если больной нажимал на кнопку вызова медсестры. Три из них сейчас горели. Две медсестры продолжали пить кофе и обсуждать какого-то доктора, напившегося в ресторане. Третья, судя по всему, общалась со своим косметологом.

— Извините, мне нужно позвонить, — сказал Джонни.

Медсестра накрыла трубку рукой.

— В фойе есть телефон-авто...

— Спасибо. — Джонни забрал у нее трубку. Нажав на одну из свободных линий, он набрал ноль, но в трубке зазвучали короткие гудки «занято». — Почему нет связи?

— Эй! — возмутилась медсестра, разговаривавшая с косметологом. — Что, черт возьми, вы себе позволяете? Отдайте трубку!

Джонни сообразил, что у больницы свой коммутатор, и набрал 9, чтобы выйти в город. Затем снова набрал 0.

Отстраненная медсестра с пылающими от негодования щеками попыталась выхватить трубку, но Джонни бесцеремонно отодвинул ее. Повернувшись, она увидела Айлин и сделала шаг ей навстречу.

— Айлин, что с этим сумасшедшим? — истерично воскликнула она. Две другие медсестры поставили кофейные чашки и смотрели на Джонни, полураскрыв рот.

Айлин пожалала плечами:

— Не знаю, он...

— Оператор.

— Оператор, мне нужно сообщить о пожаре в Старом городе, — сказал Джонни. — По какому номеру мне позвонить?

— А чей дом горит? — спросила одна из медсестер.

— Он говорит, что мой, — ответила Айлин.

Медсестра, говорившая с косметологом, наконец сообразила:

— Боже, да это же тот самый парень!

Джонни показал на табло, где горели уже пять или шесть лампочек.

— Может, стоит узнать, в чем там дело?

Оператор соединил его с пожарным депо Старого города.

— Меня зовут Джон Смит, и я хочу сообщить о пожаре на... — Он посмотрел на Айлин. — Какой адрес?

Сначала Джонни подумал, что она не скажет ему. Ее губы шевелились, но не произносили ни слова. Медсестры, пившие кофе, забыли о нем, испуганно забились в угол кабинки и перешептывались, как маленькие девчонки в школьном туалете. Их глаза округлились от ужаса.

— Сэр? — окликнули на другом конце провода.

— Ну же! — поторопил Джонни. — Ты хочешь, чтобы кошки сгорели?

— Шестьсот сорок два по Сентер-стрит, — неуверенно проговорила Айлин. — Джонни, ты с ума сошел!

Джонни повторил адрес.

— Горит на кухне.

— Ваше имя, сэр?

— Джон Смит. Я звоню из медицинского центра «Истерн-Мэн» в Бангоре.

— Не сообщите ли, как вам стало известно о пожаре?

— Мы будем на телефоне весь день. Моя информация достоверна. Поезжайте и потушите пожар! — Джонни бросил трубку.

— ...и он сказал, что мать Сэма Вейзака по-прежнему...

Она замолчала и посмотрела на Джонни. Он почувствовал, как их взгляды жгут ему кожу, будто крошечные раскаленные гирьки, и при мысли, чем все это неизбежно закончится, его затошнило.

— Айлин!

— Что?

— Рядом с тобой кто-нибудь живет?

— Да... Мои соседи Бэрт и Дженис...

— А кто из них сейчас дома?

— Думаю, Дженис.

— Может, позвонишь ей?

Айлин кивнула, сообразив, чего он хочет, и набрала номер. Медсестры, затаив дыхание, наблюдали за происходящим, будто случайно оказались на увлекательном телешоу.

— Алло? Джен? Это Айлин. Ты на кухне?.. Не посмотришь ли в окно на мой дом, все ли в порядке?.. Просто один мой знакомый говорит... Я скажу, когда посмотришь, ладно? — Айлин покраснела. — Да, я подожду. — Она перевела взгляд на Джонни и повторила: — Джонни, ты с ума сошел!

Ожидание, казалось, длилось целую вечность. Наконец к телефону подошли. Айлин долго слушала, потом сказала глухим, совершенно не своим голосом:

— Нет, все в порядке, Джен. Им уже позвонили. Нет... не могу объяснить сейчас, но потом все расскажу. — Она взглянула на Джонни. — Да, это удивительно, что я узнала... но я могу объяснить. По крайней мере я так думаю. До встречи.

Она повесила трубку. Все смотрели на нее: медсестры — с жадным любопытством, а Джонни — с равнодушной уверенностью.

— Джен говорит, что у меня из окна на кухне валит дым, — сообщила Айлин, и медсестры ахнули. Их широко раскрытые глаза теперь смотрели на Джонни и выражали осуждение.

Глаза присяжных, мрачно подумал он.

— Мне нужно домой. — Уверенный и властный физиотерапевт вдруг превратился в маленькую женщину. Она волновалась за своих кошек, свой дом, свои вещи. — Не знаю, как благодарить тебя, Джонни... Извини, что не поверила, но... — Айлин заплакала.

Одна из медсестер сделала движение в сторону Айлин, но Джонни опередил ее. Обняв Айлин за плечи, он повел ее к выходу.

— Ты и правда это можешь, — прошептала Айлин. — Все, что о тебе говорили...

— Поезжай. Уверен, все обойдется. Из повреждений останутся только следы дыма и воды после брандспойтов. А еще сгорел плакат с рекламой фильма «Бутч Кэссиди и Сандэнс Кид».

— Хорошо. Спасибо, Джонни. Да благословит тебя Господь!

Поцеловав его в щеку, она поспешила к выходу. Один раз Айлин обернулась, и ее лицо выражало суеверный ужас.

Медсестры стояли за стеклянной перегородкой и не сводили глаз с Джонни. Они вдруг напомнили ему ворон, сидящих на проводах и приглядывающихся к чему-то яркому и блестящему, желающих наброситься и разорвать на части.

— Ответьте наконец на вызовы! — сердито сказал он, и при звуке его голоса те невольно отшатнулись. Джонни захромал к лифту, предоставив медсестрам возможность заняться сплетнями. Он устал. Ноги болели. Суставы будто посыпали стеклянной крошкой. Ему хотелось лечь.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Сэм Вейзак.

— Господи, не знаю! — ответил Джонни. — Сколько их там?

— Около восьми. Один из них — внештатный корреспондент Ассошиэйтед Пресс по северу Новой Англии. Есть корреспонденты двух телеканалов с камерами и софитами. Директор больницы злится на тебя, Джонни. Он считает, что ты устроил шумиху.

— И весь этот шум из-за того, что загорелся чей-то дом? — удивился Джонни. — Наверное, день выдался скудным на новости, вот и все.

— Вообще-то нет. Форд наложил вето на два законопроекта. Организация освобождения Палестины взорвала ресторан в Тель-Авиве. А полицейская собака учуяла четыреста фунтов марихуаны в аэропорту.

— Тогда что они здесь делают?

Когда Сэм сообщил, что в фойе собирались репортеры, Джонни сразу подумал о том, как на это отреагирует мать. Она находилась сейчас с отцом в Паунале и собиралась в калифорнийское паломничество, которое начиналось на будущей неделе. И Джон, и отец считали, что ей не стоит ехать. Новость об экстрасенсорных способностях сына могла заставить ее отменить поездку, но Джонни боялся, что при данных обстоятельствах это будет худшим из двух зол. От такой сенсации она может окончательно потерять рассудок.

С другой стороны — и эта мысль обрадовала его, — услышав новость, мать, возможно, возобновит прием лекарства.

— Они здесь, потому что случившееся и есть новость! — объяснил Сэм. — Налицо все классические признаки.

— Я ничего не делал. Я только...

— Вы сообщили Айлин Магоун, что ее дом горит, и это оказалось правдой, — мягко заметил Сэм. — Джонни, вы же знали, что рано или поздно это должно случиться.

— Я не ищу публичности.

— Я не утверждаю этого. Землетрясение тоже не ищет публичности, но журналисты пишут о нем. Людям это интересно.

— А если я откажусь разговаривать с ними?

— Это не очень хорошая идея, — ответил Сэм. — Тогда они уйдут и напечатают всякие безумные сплетни. А потом, когда вы будете выписываться, они подстерегут вас у выхода, и будут совать в лицо микрофоны, как какому-то сенатору или мафиозному боссу. Вы этого хотите?

Джонни помолчал, раздумывая.

— Брайт тоже там?

— Да.

— А если я попрошу его подняться сюда? Он получит ответы и сообщит остальным.

— Так можно сделать, но тогда все остальные журналисты будут очень недовольны. А недовольный журналист может стать очень опасным врагом. Никсон поплатился за это карьерой — недовольные журналисты разорвали его на части.

— Я — не Никсон, — возразил Джонни.

Вейзак лучезарно улыбнулся:

— И слава Богу!

— Так что вы предлагаете? — спросил Джонни.

Когда бледный и сосредоточенный Джонни появился в дверях западного вестибюля больницы, журналисты вскочили и окружили его. Он был в белой сорочке с открытым воротом и великоватых ему джинсах. На шее отчетливо проступали рубцы от перенесенных операций. Засверкали вспышки, обдавая Джонни теплом, и он невольно зажмурился. Со всех сторон посыпались вопросы.

— Минутку! Минутку! — закричал Вейзак. — Перед вами еще не оправившийся больной! Он сделает короткое заявление, а потом ответит на несколько вопросов. Но только если вы будете соблюдать порядок! А теперь отойдите, а то нечем дышать!

Включились софиты телекомпаний, и вестибюль залил неестественно яркий свет. Врачи и медсестры, собравшиеся у дверей, наблюдали за происходящим. Джонни отвернулся от слепящих юпитеров, удивляясь, неужели «быть в центре внимания» означало именно это. Ему казалось, что все это происходит не с ним.

— А вы сами-то кто? — обратился к Вейзаку один журналист.

— Я — врач этого молодого человека, Сэмюэл Вейзак, и прошу быть внимательным, а то еще напишете «рюкзак»! С вас станется!

В ответ раздался дружный смех, и обстановка немного разрядилась.

— Джонни, все нормально? — спросил Вейзак.

Дело было к вечеру, и неожиданное прозрение Джонни, когда он увидел, как начинается пожар на кухне Айлин Магоун, теперь казалось ему совсем далеким.

— Конечно, — заверил он.

— Так что вы хотели нам сказать? — крикнул один из репортеров.

— Ну, в общем, дело было так. Мой физиотерапевт — Айлин Магоун. Она славная женщина и помогает мне восстановить силы. Я попал в аварию и... — наехавшая телекамера сбила его с мысли, и он на мгновение запнулся — ... и сильно ослаб. Мышцы атрофировались. Этим утром мы были в кабинете, и я уже заканчивал упражнения, когда у меня появилось чувство, что в ее доме пожар. Вернее сказать... — Господи, я выступаю как полный кретин! — я почувствовал, что она забыла выключить плиту и что занавески вот-вот загорятся. Поэтому мы спустились вниз и позвонили в пожарное депо. Вот, собственно, и все.

Наступила тишина. Журналисты осмысливали услышанное.

— У меня появилось чувство. Вот, собственно, и все.

А затем на Джонни со всех сторон обрушился град вопросов, слившихся в сплошной гул голосов. Джонни закрутил головой, ощущая полную беспомощность.

— По одному! — закричал Вейзак. — Поднимайте руки! Вы что, никогда не учились в школе?

Поднялся лес рук, и Джонни показал на Дэвида Брайта.

— Вы могли бы назвать это экстрасенсорным прозрением, Джонни?

— Я бы назвал это ощущением. Я закончил упражнения, мисс Магоун подала мне руку, помогая подняться, и я понял, что знаю.

Он показал на следующего журналиста.

— Мел Аллен из портлендской «Санди телеграм», мистер Смит. Это напоминало картинку в голове?

— Нет, совсем нет, — ответил Джонни, хотя и сам толком не помнил, как именно узнал.

— А раньше с вами такое уже случалось, Джонни? — спросила молодая женщина в брючном костюме.

— Да, несколько раз.

— А вы можете рассказать об этом?

— Мне бы не хотелось.

Один из телевизионщиков поднял руку, и Джонни кивнул ему.

— А подобные озарения у вас случались до аварии и комы, мистер Смит?

Джонни помедлил с ответом, и в вестибюле стало очень тихо. В лицо светили юпитеры, жаркие, как тропическое солнце.

— Нет! — наконец ответил он.

Посыпались новые вопросы, и Джонни беспомощно взглянул на Вейзака.

— Стоп! Стоп! — вмешался тот, дожидаясь, пока станет тише. — Достаточно, Джонни?

— Я отвечу еще на два вопроса, — сказал Джонни. — А потом... у меня сегодня был трудный день... Да, мэм?

Он показал на грузную женщину, оттеснившую двух молодых репортеров.

— Мистер Смит, — сказала она громким и зычным голосом, — кто будет кандидатом от демократов на следующих президентских выборах?

— Не знаю, — ответил Джонни, искренне удивляясь вопросу. — Откуда мне знать?

Снова поднялись руки. Джонни показал на высокого мужчину в темном костюме с постным лицом. Тот сделал шаг вперед. В его облике было что-то неприятное.

— Мистер Смит, я — Роджер Дюссо из льюистонской «Сан». Я хотел бы спросить, почему, по вашему мнению, столь удивительный дар открылся — если это действительно так — именно у вас? Почему у вас, мистер Смит?

Джонни откашлялся.

— Если я правильно понял ваш вопрос... вы просите меня объяснить что-то, чего я сам не понимаю. Я не могу ответить.

— Не надо ничего объяснять, мистер Смит. Просто скажите!

Он думает, что я дурачу их. Или пытаюсь одурачить.

Вейзак подошел к Джонни.

— Видимо, этот вопрос, скорее, ко мне, — сказал он. — Во всяком случае, я попытаюсь объяснить, почему на него не существует ответа.

— Вы тоже медиум? — холодно осведомился Дюссо.

— А как же! Все неврологи просто обязаны быть ими — таков порядок! — ответил Вейзак.

Раздался одобрителный взрыв смеха, и Дюссо покраснел.

— Леди и джентльмены, уважаемые представители прессы. Этот человек пролежал в коме четыре с половиной года. Мы — специалисты, изучающие человеческий мозг, — не имеем ни малейшего понятия, почему он погрузился в кому или почему из нее вышел. По одной простой причине — мы не знаем самой природы комы, как не понимаем природы сна или пробуждения. Леди и джентльмены, мы не понимаем даже природы мозга лягушки или муравья. Можете меня процитировать — как видите, я ничего не боюсь!

Новый взрыв смеха. Вейзак нравился журналистам. Не смеялся только Дюссо.

— Вы также можете процитировать мои слова, что, по моему мнению, у Джона Смита открылась совершенно новая или очень древняя человеческая способность. Почему? Если ни я, ни мои коллеги ничего не знаем даже о мозге муравья, что мы можем объяснить? Однако я готов предложить вам несколько соображений, возможно, связанных с этим, а возможно, и нет. Часть мозга Джона Смита была необратимо повреждена во время аварии. Эта часть — совсем крошечная, но любая часть мозга жизненно важна. Он называет это «мертвой зоной», и хранившиеся там воспоминания о наименованиях улиц, дорогах и дорожных указателях оказались стертыми. Это своего рода подраздел более крупного участка, отвечающего за ориентирование на местности. Эта полная афазия затрагивает очень незначительный объем

информации, однако она сопровождается неспособностью воспроизвести ее ни устно, ни визуально. Запустив механизм компенсации, мозг Джона Смита, судя по всему, активизировал доселе дремавший участок в теменной доле головного мозга. Это один из наиболее сложно структурированных разделов «думающего» мозга. Электрические импульсы, посылаемые оттуда, естественно, отличаются от тех, с которыми имеет дело обычный человек. И еще. Теменная доля как-то связана с чувством осязания — правда, пока мы не знаем, насколько значительно, — и располагается очень близко к участку мозга, который отвечает за распознавание форм и текстуры. Так вот, по моим наблюдениям, «озарениям» Джона всегда предшествовал некий физический контакт.

Тишина. Журналисты лихорадочно строчили в блокнотах. Камеры, которые были направлены на Вейзака, отъехали назад, чтобы в кадр попал Джонни.

— Это так, Джонни? — спросил Вейзак.

— Наверное...

Дюссо стал пробираться вперед, расталкивая журналистов. Изумленный Джонни сначала решил, что тот собирается возразить, но Дюссо что-то снял у себя с шеи.

— Давайте проверим на деле. — Он протянул Джонни медальон на тонкой золотой цепочке. — Посмотрим, что вам удастся узнать.

— Ничего мы не станем смотреть! — Вейзак, насупив мохнатые брови, грозно уставился на Дюссо. — Вы не в цирке, сэр!

— А если вы дурачите меня? — спросил Дюссо. — Он либо может, либо нет, разве не так? Пока вы тут высказывали свои предположения, мне тоже кое-что пришло в голову. Например, что если такие ребята ничего не могут продемонстрировать, когда их об этом просят, то веры им — не больше, чем купюре в три доллара!

Джонни обвел взглядом журналистов. Кроме Брайта, который явно испытывал неловкость, все остальные замерли в ожидании. Они вдруг стали похожи на медсестер, смотревших на него сквозь стеклянную перегородку. Джонни почувствовал себя христианином, брошенным в яму со львами.

Они не останутся внакладе в любом случае, подумал он. Если я скажу что-то стоящее, у них будет материал на первую полосу. Если нет или откажусь, то им все равно будет о чем сообщить на первой полосе.

— Ну что? — осведомился Дюссо, раскачивая медальон.

Джонни посмотрел на Вейзака, но тот отвернулся, не находя слов от возмущения.

— Дайте мне его, — сказал Джонни.

Дюссо протянул медальон с изображением святого Христофора. Джонни положил его на ладонь и отпустил цепочку, которая сложилась сверху маленьким желтым бугорком, после чего сжал их в кулаке.

В вестибюле воцарилась мертвая тишина. К врачам и сестрам, стоявшим у дверей на улице, присоединилось еще несколько человек, уже закончивших работу и переодевшихся. У дверей в комнату отдыха, где стоял телевизор, столпились больные. Подтянулись и те, кто пришел навестить пациентов. От напряжения воздух казался наэлектризованным.

Бледный и худой Джонни в белой рубашке и мешковатых джинсах стоял молча. Медальон с изображением святого Христофора был зажат в кулаке так крепко, что на руке выступили жилы, особенно заметные в ярком свете юпитеров. Напротив него стоял и вызывающе улыбался Дюссо. Казалось, время остановилось. Все замерли, боясь кашлянуть или проронить хоть слово.

— Вот, значит, как! — тихо произнес Джонни и добавил: — Значит, так?

Его пальцы разжались, и он перевел взгляд на Дюссо.

— Ну что? — спросил тот, но его голос предательски дрогнул, и в нем уже не осталось и

следа прежней уверенности.

Усталый и нервный молодой человек, отвечавший на вопросы журналистов, тоже преобразился. На его губах заиграла холодная улыбка, голубые глаза потемнели, а взгляд стал отсутствующим. У Вейзака по коже пробежали мурашки. Потом он рассказывал жене, что у Джонни был вид человека, разглядывающего в мощный микроскоп интересный образец инфузории-туфельки.

— Это медальон вашей сестры, — сказал Джонни. — Ее имя Энн, но все называли ее Терри. Старшей сестры. Вы очень любили ее. Почти боготворили.

Неожиданно и зловеще голос Джонни Смита начал ломаться, как у подростка:

— Это на случай, если будешь перебегать Лисбон-стрит на красный свет, Терри, или окажешься в машине с парнем со старшего курса. Не забудь, Терри... не забудь...

Грузная женщина, спросившая Джонни про кандидата от демократов на будущий год, испуганно охнула. Один из операторов хрипло воскликнул:

— Боже правый!

— Замолчи! — прошептал Дюссо. Его лицо болезненно побледнело, а глаза расширились. Он потянулся за медальоном, но в его движениях не было прежней уверенности. Медальон раскачивался на цепочке, как маятник, отбрасывая отблески света.

— Помни обо мне, Терри! — умолял детский голос. — И держись от этого подальше, Терри... Ради Бога, держись подальше...

— *Замолчи! Замолчи, сукин ты сын!*

Джонни заговорил своим голосом:

— Все началось с легких наркотиков, верно? А потом она перешла на тяжелые. Она умерла от сердечного приступа в двадцать семь лет, Роджер. Она никогда не забывала вас. Никогда... никогда... никогда.

Медальон выскользнул из руки и упал на пол, мелодично звякнув. Джонни смотрел в пустоту с отрешенным и холодным видом. Дюссо, хрипло всхлипывая в неловкой тишине, подполз на коленях к медальону.

Сверкнула вспышка. Лицо Джонни просветлело и стало прежним. На нем отразился сначала ужас, а потом жалость. Он опустился на колени рядом с Дюссо.

— Извините, — сказал он. — Извините, я не хотел...

— Ах ты, дешевка! Грязный ублюдок! — закричал Дюссо. — Это — ложь! Все — ложь! Ложь!

Он неловко ударил Джонни по шее, и тот упал, сильно стукнувшись головой об пол. Перед глазами поплыли круги.

Поднялся шум.

Сквозь пелену, застилавшую глаза, Джонни видел, как Дюссо пробирается сквозь толпу к выходу. Всех охватила паника. К Джонни подскочил Вейзак и помог ему сесть.

— Джон, как вы? Сильно он вас?

— Не так сильно, как я его. Со мной все нормально. — С чьей-то помощью, может, Вейзака, он с трудом поднялся на ноги. Голова кружилась, к горлу подступила тошнота. Он совершил ошибку, ужасную ошибку.

Грузная женщина, спрашивавшая про демократов, пронзительно вскрикнула. Джонни увидел, как Дюссо медленно оседает на пол, цепляясь за рукав ее ситцевой блузки. Он повалился на бок, так и не добравшись до двери. В руке Дюссо сжимал медальон со святым Христофором.

— Потерял сознание, — проговорил кто-то. — Отключился капитально!

— Это я во всем виноват, — сказал Джонни Вейзаку. Его душили слезы стыда. — Только я.

— Нет, — возразил Вейзак. — Нет, Джон.

Но тот так не думал. Высвободившись из рук Вейзака, он подошел к лежавшему Дюссо, который начал приходить в себя. Его глаза были открыты, но устремлены в потолок; он не понимал, что происходит. Возле него хлопотали два доктора.

— С ним все в порядке? — спросил Джонни и повернулся к женщине в брючном костюме. Та в испуге отпрянула.

Тогда Джонни обратился к репортеру, который интересовался, были ли у него «озарения» до аварии. Ему почему-то было очень важно, чтобы хоть кто-нибудь выслушал его.

— Я не хотел причинить ему боль, — сказал он. — Видит Бог, я не хотел этого. Я не знал...

Телевизионщик отступил на шаг.

— Конечно, нет. Он сам напросился, все это видели. Только... не надо до меня дотрагиваться, ладно?

У Джонни дрожали губы, и он непонимающе посмотрел на него. Ну конечно! Теперь до него стало доходить, в чем дело. Телевизионщик неуверенно улыбался.

— Не дотрагивайтесь до меня, Джонни. Пожалуйста.

— Все совсем не так! — сказал Джонни... или попытался сказать. Позже он так и не вспомнил, удалось ли ему произнести хоть слово.

— Не надо меня трогать, Джонни, ладно?

Репортер попятился к своему оператору, который убирал аппаратуру. Джонни молча наблюдал за ним, чувствуя, как все его тело охватывает дрожь.

3

— Это для вашей же пользы, Джон! — уговаривал Вейзак. Позади него стояла медсестра в белом, похожая на подручную колдуна. На ее маленьком передвижном медицинском столике теснились склянки, пузырьки и ампулы с препаратами, способными осчастливить любого наркомана.

— Нет! — воскликнул Джонни. Его по-прежнему била дрожь, а на лбу выступил холодный пот. — Больше никаких уколов! Я сыт ими по горло!

— Тогда таблетку.

— И никаких таблеток!

— Она поможет заснуть.

— А он теперь сможет заснуть? Этот Дюссо?

— Он сам напросился... — пробормотала медсестра и вздрогнула, поймав на себе взгляд Вейзака. Но тот только ухмыльнулся.

— Она ведь права, разве не так? — спросил Вейзак. — Он сам напросился. Был уверен, что вы всех надуваете, Джон. Нужно хорошенько выспаться, и завтра все встанет на свои места.

— Я усну и без лекарств.

— Джонни, пожалуйста!

Время — четверть двенадцатого. Телевизор в углу палаты выключен. Джонни и Сэм только что просмотрели вместе выпуск новостей — отчет о происшествии в больнице шел вторым после сообщения о наложении Фордом вето на законопроекты. Джонни с мрачным удовлетворением подумал, что его представление было куда интереснее. Выступление лысого республиканца, озвучивающего набившие оскомину банальности о национальном бюджете, не шло ни в какое сравнение с тем, что снял оператор вечером в больнице. Ролик заканчивался сценой, когда Дюссо пробирался к выходу, зажав в руке медальон сестры, а потом лишился чувств и сполз на землю, цепляясь за грузную журналистку.

Когда диктор перешел к рассказу о полицейской собаке и четырехстах фунтах марихуаны, Вейзак ненадолго вышел и вернулся с новостью, что коммутатор больницы разрывается: звонят люди, желающие поговорить с Джонни. Через несколько минут появилась медсестра со столиком лекарств, из чего Джонни сделал вывод, что Сэм спускался в дежурку вовсе не для того, чтобы узнать о реакции телезрителей.

Зазвонил телефон.

Вейзак негромко выругался.

— Я же просил их ни с кем не соединять! Не отвечайте, Джон, я...

Но Джонни уже взял трубку и, послушав, сказал:

— Да, вы все сделали правильно.

Закрыв трубку рукой, он пояснил, что звонил отец.

— Привет, пап. Ты, наверное... — Он замолчал, слушая. Улыбка сменилась выражением ужаса.

— Джон, что случилось? — испугался Вейзак.

— Я понял, папа, — проговорил Джонни почти шепотом. — Да. Камберлендская больница общего профиля. Я знаю, где это. Сразу за Иерусалимским участком. Хорошо. Я понял, папа...

Его голос сорвался.

— Знаю, папа. И я тоже люблю тебя. Мне так жаль! — Он снова слушал. — Да. Верно.

Увидимся, пап. Да. До свидания.

Повесив трубку, он прижал к глазам ладони.

— Джонни! — Сэм подался вперед и осторожно взял его за руку. — Что-то с матерью?

— Да.

— Сердечный приступ?

— Инсульт, — ответил Джонни, и Сэм Вейзак сочувственно присвистнул. — Они смотрели новости... они ничего не знали... потом увидели меня... и ее разбил паралич. Господи Боже! Сейчас она в больнице. Если туда загремит и отец, будет полный комплект! — Он нервно хохотнул. — Просто удивительный талант! Жаль, что не все им обладают! — Он снова засмеялся, отрывисто и резко.

— В каком она состоянии? — спросил Сэм.

— Отец не знает.

Джонни спустил ноги с кровати и снял больничный халат.

— Что вы делаете? — встревожился Вейзак.

— А на что это похоже?

Джонни встал. Казалось, Сэму хотелось уложить его в кровать, но он молча наблюдал, как тот направился к шкафу.

— Не глупите! Вам еще рано выходить!

Не обращая внимания на сестру — они уже и так насмотрелись на него голого, — Джонни начал копаться в шкафу, подыскивая одежду. Толстые швы под коленями спускались наискось к щуплым икрам. Наконец он вытащил ту же белую рубашку и джинсы, в которых проводил пресс-конференцию.

— Джон, я категорически запрещаю! Говорю вам как доктор и друг — это безумие!

— Запрещайте, сколько угодно, я все равно уйду.

Джонни начал одеваться. На его лице было то отрешенное выражение, которое, как заметил Сэм, появлялось при трансах. Медсестра растерянно наблюдала за происходящим.

— Сестра, возвращайтесь на пост, — сказал Сэм.

Она неохотно вышла.

— Джонни! — Сэм подошел и положил руку ему на плечо. — Это не ваша вина.

Джонни сбросил его руку.

— Это моя вина! Она смотрела на меня по телевизору, когда это случилось.

Он застегивал рубашку.

— Вы умоляли ее принимать лекарство, но она отказалась. Не случись это сегодня, случилось бы завтра, или через неделю, или через месяц...

— Или через год. Или через десять лет.

— Нет, у нее не было десяти лет и даже года. И вы это знаете. Почему вы так хотите взвалить вину на себя? Из-за того хлыща-репортера? Или это такое извращенное чувство жалости к себе? Желание поверить, что на вас лежит проклятие?

Джонни поморщился.

— Она смотрела *на меня*, когда это случилось. Неужели непонятно? Неужели, черт возьми, это так трудно сообразить?

— Вы же сами рассказывали мне, что она собиралась проделать трудный путь до Калифорнии и обратно. На какой-то там симпозиум, сопряженный с большим стрессом. Сами же говорили. Так? Так! Наверняка это случилось бы там. Инсульт не появляется на ровном месте, Джонни.

Джонни застегнул джинсы и сел, будто процесс одевания отнял больше сил, чем он ожидал. Ноги его оставались босыми.

— Да, — согласился он. — Может, вы и правы.

— Дошло наконец! Слава Богу!

— Но я все равно поеду, Сэм.

Вейзак всплеснул руками.

— А смысл?! Она сейчас в руках врачей и Господа. Что есть — то есть. Уж вам ли это не понимать!

— Я нужен отцу. И это я тоже понимаю.

— Но как вы поедете? Сейчас почти полночь.

— На автобусе. Доберусь на такси до «Подсвечника Питера». Автобусы дальнего следования там все еще останавливаются, верно?

— Вам не придется ехать на автобусе, — сказал Сэм.

Джонни шарил рукой под стулом, пытаясь найти ботинки, но их там не было. Сэм достал их из-под кровати и подал ему.

— Я сам отвезу вас.

— Вы серьезно?

— Да, если примете легкое успокоительное.

— Но ваша жена... — Джонни замолчал, вдруг сообразив, что ничего не знает о личной жизни Вейзака, кроме того, что его мать живет в Калифорнии.

— Я разведен. Врачу приходится часто работать ночами... если, конечно, он не педиатр или дерматолог. Моей жене супружеская постель казалась, скорее, полупустой, нежели полуполной, и она заполняла эту пустоту мужчинами.

— Извините... — смутился Джонни.

— Вы слишком часто извиняетесь, Джон, — мягко заметил Сэм. — Обувайтесь!

Из больницы в больницу, в полудреме крутилось в голове у Джонни. Перед тем как уйти из больницы и забраться в новенький «кадиллак-эльдорадо» Сэма, он проглотил маленькую голубую таблетку и теперь парил в каких-то неведомых высотах. Из больницы в больницу, от одного к другому, с места на место.

Впервые почти за пять лет оказавшись вне больницы, Джонни получал удовольствие от поездки. Ночь выдалась ясной, на черном небе светлой полосой раскинулся Млечный Путь, а месяц над темными деревьями вдоль шоссе плыл за машиной, мчавшейся на юг через Пальмиру, Ньюпорт, Бентон и Клинтон. Тишину нарушали только легкое шуршание шин и негромкая музыка Гайдна, доносившаяся из четырех динамиков стереосистемы.

Попал в одну больницу на скорой помощи «Службы спасения Кливс-Миллс», думал Джонни, а в другую еду на «кадиллаке». Но никакого беспокойства он при этом не испытывал. Он просто мчался по шоссе, а все переживания, связанные с матерью, его новым даром и людьми, пытавшимися влезть ему в душу (Он сам напросился... Не надо до меня дотрагиваться, ладно?), отодвинулись на задний план. Вейзак молчал и только изредка вторил музыке, негромко мурлыкая.

Джонни смотрел на звезды и шоссе, почти пустынное в столь поздний час. Казалось, ему нет конца. В Огасте они проехали контрольный пост, где Вейзак оплатил проезд по платной дороге, и замелькали новые города: Гарднер, Саббатус, Льюистон.

Почти пять лет. Дольше, чем иные преступники проводят в тюрьме за убийство.

Джонни уснул.

И ему приснился сон.

— *Джонни,* — молила его мать во сне, — *Джонни, помоги мне исцелиться!*

Она была в нищенских лохмотьях, в лице ни кровинки, и ползла к нему по брусчатке. Колени окровавлены, в жидких волосах кишат вши. Она протягивала к нему дрожащие руки.

— *Господь наделил тебя силой. Это большая ответственность. И большое доверие, Джонни. Не подведи Его!*

Он взял ее за руки и произнес:

— *Духи, оставьте эту женщину!*

Она поднялась.

— *Исцелилась!* — закричала она с каким-то зловецим торжеством. — *Исцелилась! Мой сын исцелил меня! Восславим его земные деяния!*

Джонни пытался возразить, объяснить ей, что не хотел ни вершить славных дел, ни исцелять, ни говорить на неведомых языках, ни предсказывать будущее, ни находить потерянные вещи. Он пытался сказать все это, но язык не слушался его. А мать обошла Джонни и стала быстро удаляться по мощенной бульжником мостовой, всем своим видом выражая раболепие и вместе с тем вызов. Ее громкий голос звучал как набат:

— *Спасена! Спаситель! Спасена! Спаситель!*

И вдруг Джонни с ужасом увидел за ней толпы из тысяч, нет, миллионов людей — искалеченных, обезображенных, испуганных. Среди них он заметил грузную журналистку, которая спрашивала о кандидате от демократов на выборах 1976 года. Одетый в комбинезон фермер с бесцветными глазами протягивал фотографию сына — улыбающегося молодого человека в летной форме, пропавшего без вести в Ханое, — и хотел знать, жив ли он. Похожая на

Сару молодая заплаканная женщина держала на руках младенца — его огромная голова была испещрена венами, что предвещало скорую смерть. Старик со скрюченными от артрита пальцами и многие, многие другие. Стоя в бесконечной очереди, они были готовы терпеливо ждать своего часа. Это море людского горя его самого сведет в могилу.

— *Спасена!* — доносился настойчивый голос матери. — *Спаситель! Спасена! Спаситель!*

Джонни пытался сказать, что не может дать им ни исцеления, ни спасения, но прежде чем он успел произнести хоть слово, первый взял его за плечи и встряхнул.

Джонни действительно трясли. Он открыл глаза: его будил Вейзак. Салон машины заливал яркий оранжевый свет, искажая доброе лицо доктора. Джонни решил, что все еще спит и кошмар продолжается, но тут заметил, что источник света — фонари на стоянке. Судя по всему, их заменили, пока он лежал в коме. Теперь они излучали не холодный белый свет, а непонятный оранжевый, ложившийся на кожу как краска.

— Где мы? — спросил он, с трудом ворочая языком.

— Около больницы, — ответил Сэм. — Камберлендской больницы общего профиля.

— Понятно. Хорошо.

Он выпрямился на сиденье. Перед глазами еще мелькали обрывки сна.

— Вы готовы пойти? — спросил Вейзак.

— Да.

Они шли по стоянке под стрекотание летних сверчков. В темноте кружились светлячки. Все мысли Джонни занимала мать, однако он все же заметил чарующую прелесть ночи и нежное прикосновение легкого ветерка. Его радовал здоровый воздух, словно наполнявший силой. При сложившихся обстоятельствах это ощущение казалось почти кощунственным, но именно «почти», и оно не отпускало его.

2

Эрб шел по коридору им навстречу, и Джонни заметил, что отец в старых брюках, ботинках на босу ногу и пижамной куртке. Это свидетельствовало о том, что все произошло неожиданно, и сказало больше, чем Джонни хотелось знать.

— Сынок! — Эрб пытался что-то добавить, но не смог. Он весь как-то съежился и казался меньше ростом. Джонни обнял отца, и тот заплакал, уткнувшись ему в плечо.

— Пап, не надо. Все хорошо, пап, все в порядке.

Отец обнял Джонни и никак не мог успокоиться. Вейзак отвернулся и разглядывал невыразительные акварели местных художников, развешанные по стенам.

Эрб вытер глаза.

— Видишь, так и приехал в пижаме. До «скорой» было время переодеться, но я об этом даже не подумал. Наверное, совсем выжил из ума.

— Нет, пап, не выжил.

— Ладно... — Эрб пожал плечами. — Тебя привез доктор? Очень любезно с вашей стороны, доктор Вейзак.

— Ерунда.

Джонни и Эрб прошли в маленькую приемную и сели.

— Пап, она...

— Угасает, — ответил Эрб. — Она в сознании, но угасает. Спрашивала про тебя, Джонни. Мне кажется, ее держит только то, что она хочет дождаться тебя.

— Это я виноват, — сказал Джонни. — Это все из-за ме...

Он умолк, почувствовав резкую боль, и изумленно уставился на отца — тот схватил его за

ухо и вывернул. А за минуту до этого плакал у него на груди! Отец прибежал к этому, наказывая Джонни за самые серьезные проступки. Джонни вспомнил, что последний раз отец драл его за уши, когда ему было лет тринадцать. Он залез в их старенький «рэмблер» и случайно нажал на сцепление. Машина покатила под горку и врезалась в сарай за домом.

— Никогда не смей так говорить! — воскликнул Эрд.

— Пап, ты что?!

Эрд отпустил ухо сына, и уголки его губ тронула улыбка.

— Забыл, наверное, как тебя драли за уши? И решил, что я тоже? И не надейся, Джонни!

Джонни все так же изумленно смотрел на отца.

— Не смей винить себя!

— Но она же смотрела этот чертов телевизор...

— Да, новости. Она пришла в иступленное возбуждение... а потом вдруг оказалась на полу и стала хватать воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. — Эрд наклонился поближе к сыну. — Врач, конечно, ничего толком не говорит, но спросил у меня насчет «героических усилий». Я не стал ему ничего рассказывать. Она, по-своему, сама совершила грех — вообразила, что знает замысел Божий. Поэтому не смей винить себя за ее ошибку. — В глазах Эрда снова заблестели слезы. — Бог — свидетель: я любил ее всю жизнь, но в последние годы мне было ох как непросто. Может, оно и к лучшему.

— Я могу увидеть ее?

— Да, она в конце коридора, тридцать пятая палата. Тебя там ждут, и она тоже. И вот еще что, Джонни. Соглашайся со всем, что она скажет, и ни в чем не перечь. Не дай... умереть ей с мыслью, что все было напрасно.

— Конечно. Ты со мной?

— Не сейчас. Позже.

Джонни кивнул и направился по коридору. На ночь свет приглушили, и сейчас короткое мгновение мягкой и ласковой ночи казалось далеким прошлым, а приснившийся кошмар — очень близким.

Палата 35. На маленькой карточке, припиленной к двери, значилось: «Вера Хелен Смит». А он знал, что ее второе имя Хелен? Наверное, хотя точно припомнить не мог. Но зато помнил другое. Как жарким летним днем они гуляли по пляжу «Оулд Орчад», и мать, веселая и радостная, принесла ему мороженое, обернув его носовым платком. Как он с отцом и матерью играл в карты на спички. Потом, когда религия стала занимать в жизни Веры все больше места, она запретила держать карты в доме даже для криббиджа. Джонни помнил, как однажды его ужалила пчела, и он прибежал к ней, ревя во все горло, а она поцеловала опухшее место, вытащила пинцетом жало и обмотала ранку бинтом, смоченным в питьевой соде.

Джонни толкнул дверь и вошел. Увидев на кровати какую-то бесформенную фигуру, подумал: *Совсем как я после аварии.*

Медсестра считала Вере пульс и обернулась, услышав, как он входит. Приглушенный свет из коридора скользнул по линзам очков.

— Вы сын миссис Смит?

— Да.

— Джонни? — послышался безжизненный надтреснутый голос. У Джонни мурашки поползли по телу. Он подошел ближе. Левая часть ее лица была перекошена и напоминала ухмыляющуюся маску, а рука, лежавшая на одеяле, — клешню.

Инсульт, подумал он. Старики называют это ударом. Да. Именно так она и выглядит. Будто перенесла страшный удар.

— Это ты, Джон?

— Это я, мама.

— Джонни? Это ты?

— Да, мам.

Он подошел еще ближе и заставил себя взять ее скрюченную руку.

— Мне нужен мой Джонни, — жалобно произнесла Вера.

Медсестра бросила на него сочувственный взгляд, и он ощутил неприязнь к ней.

— Вы не оставите нас одних? — попросил он.

— Я не должна уходить, пока...

— Это моя мать! И я хочу побыть с ней наедине! Это что — запрещено?

— Нет, но...

— Отец, принеси мне сока! — хрипло воскликнула Вера. — Я выпью целый литр!

— Да уйдете же вы наконец?! — не выдержал Джонни, охваченный невыразимой тоской.

Медсестра вышла.

— Мам!.. — шепнул он, сев рядом и чувствуя, будто время повернулось вспять и они поменялись местами. Сколько раз она сидела возле него, держа безжизненную, высохшую руку и разговаривая с ним?

Джонни вспоминал, как во время комы ощущал сквозь пелену тумана склонившееся над собой лицо матери, которая произносила неразличимые слова.

— Мам, — снова шепнул он и поцеловал скрюченные пальцы.

— Дайте мне гвозди, я сама сделаю, — сказала Вера. Левый глаз ее неподвижно застыл, а правый вращался. — Мне нужен Джонни.

— Это я, мама.

— *Джон-ни! Джон-ни! Джон-ни!*

— Мам, — позвал он, боясь, что сестра вернется.

— *Ты...* — Она чуть повернула голову. — *Наклонись, чтобы я могла видеть тебя,* — прошептала она.

Он так и сделал.

— Ты пришел. Спасибо! Спасибо!

Из здорового глаза потекли слезы. Другой — на парализованной стороне лица — безразлично смотрел вверх.

— Ну а как же иначе!

— Я видела тебя, — прошептала Вера. — Какой силой наградил тебя Господь! Я же говорила тебе! Разве не так?

— Говорила.

— Он уготовил тебе великую миссию. Слушайся Его, Джонни. Не прячься, подобно Илие, в пещере и не заставляй Его посылать кита, чтобы проглотить тебя, как Иону. Обещай мне, Джонни.

— Обещаю, мама! — Он держал ее за пальцы. В голове стучало.

— Ты не горшечник, а глина в Его руках, Джон. Помни об этом.

— Хорошо.

— *Помни об этом!* — воскликнула Вера, и Джонни решил, что она снова погружается в мир религиозных грез. Но он ошибался. Во всяком случае, сейчас она «грезила» ничуть не больше, чем все время после того, как он вышел из комы. — Слушай свой внутренний голос, — сказала она.

— Да, мам, обязательно!

Ее голова чуть заметно повернулась на подушке: неужели Вера улыбалась?

— Наверное, ты считаешь меня сумасшедшей. — Она снова чуть подвинула голову и

смотрела прямо на него. — Но это не важно. Ты узнаешь этот голос, когда услышишь его. Он направит тебя. Его слышали Иеремия, Даниил, Амос и Авраам. Ты услышишь его. И он направит тебя. А когда это случится... *исполни свой долг.*

— Хорошо, мама.

— Какая власть! — пробормотала она. Слова становились все неразборчивее, а голос глуше. — Какой властью наделил тебя Господь! Я знала... всегда знала...

Она замолчала, и здоровый глаз закрылся, а второй так же безучастно смотрел вверх.

Посидев с ней еще минут пять, Джонни поднялся. Он уже взялся за ручку двери, когда надтреснутый голос громко скомандовал:

— *Исполни свой долг, Джонни!*

— Да, мама.

Это была их последняя беседа. Она умерла утром 20 августа в пять минут девятого. А в это время где-то на севере Уолт и Сара Хазлетт спорили о Джонни и чуть не ссорились, — а на юге Грег Стилсон объяснял одному юноше, какой он подонок.

— Ты не понимаешь. — В голосе Грега Стилсона звучало безграничное терпение. Он обращался к парню, сидевшему на складном стуле в задней комнате полицейского участка в Риджуэе. На парне не было рубашки; развалившись, он потягивал пепси из бутылки и снисходительно улыбался, не понимая, что Грег Стилсон никогда и ничего не повторяет дважды. Парень не сомневался, что один из них — полный кретин, однако еще не осознал, что это именно он.

Это и надлежало довести до его сведения.

Если понадобится — силой.

Стояло теплое августовское утро. В листве деревьев щебетали птицы. Грег чувствовал, что в его судьбе вот-вот произойдут долгожданные перемены, и не собирался рисковать, проявив несдержанность по отношению к этому крестину. Перед ним сидел не кривоногий байкер, от которого разило потом, а студент колледжа — пусть и с длинноватыми, но безупречно чистыми волосами. К тому же он племянник Джорджа Харви. Не то чтобы Джордж особо радел о нем (в сорок пятом Джордж воевал в Германии и для длинноволосых уродов всегда имел в запасе два-три слова, совсем непохожих на «с днем рождения»), но, как ни крути, парень — его близкий родственник. А Джордж — влиятельный человек в городском совете.

— Разберись с ним сам, — попросил Джордж Грега, узнав, что Уиггинс, начальник полиции, арестовал сына его сестры.

Но в его глазах Грег прочитал: *Только не переусердствуй. Как-никак родная кровь.*

Парень разглядывал Грега с ленивым презрением.

— Понимаю, — сказал он. — Ваш полицейский Дауг отобрал мою футболку, и я хочу получить ее обратно. И заодно предупреждаю: если вы не вернете ее, я натравлю на вас Американский союз защиты гражданских свобод.

Грег поднялся, подошел к металлическому сейфу, стоявшему напротив автомата с содовой водой, вытащил связку ключей и отпер его. На стопке бланков для регистрации ДТП лежала красная футболка. Грег вынул и развернул ее, показывая надпись: «Давай трахнемся, малышка».

— Ты ходил в этом по улице, — заметил Грег так же мягко.

Парень качнулся на задних ножках стула и отхлебнул глоток пепси. На его лице по-прежнему играла нагловатая улыбка.

— Совершенно верно, — подтвердил он. — И я хочу получить ее назад. Это моя собственность!

Грег почувствовал первые признаки головной боли. Этот наглец просто не сознает, что к чему. Ведь комната не случайно звуконепроницаемая, она не раз заглушала раздававшиеся здесь крики. Он просто *не понимает*.

Но нужно держать себя в руках. Нельзя давать волю эмоциям и поставить на будущем крест своими собственными руками.

Обычно Грег быстро соображал и легко добивался задуманного. Но иногда эмоции так захлестывали, что он терял контроль над собой.

Грег сунул руку в карман и вытащил разовую зажигалку.

— Поэтому напомните своему шефу гестапо и моему фашистскому дядюшке, что Первая поправка... — Парень замолчал, а глаза его расширились от изумления. — Что вы?.. Эй! Эй!

Не обращая на него ни малейшего внимания и сохраняя — по крайней мере чисто внешне

— спокойствие, Грег чиркнул зажигалкой и поджег футболку. Она сразу занялась.

Передние ножки стула с грохотом стукнулись об пол, и парень подался вперед, зажав бутылку с пепси в руке. Самодовольная ухмылка сменилась растерянностью и бешенством избалованного ребенка, привыкшего, что ему все потакают.

Его никогда не ставили на место, подумал Грег Стилсон, чувствуя, что головная боль усилилась. Нужно держать себя в руках и не давать воли эмоциям.

— Отдай! — закричал парень.

Грег держал футболку за ворот двумя пальцами, готовый бросить ее, как только огонь подберется слишком близко.

— Отдай, кретин! Она — моя! Это...

Стилсон уперся парню в грудь рукой и толкнул его со всей силы. Тот отлетел к противоположной стене, и лицо его выражало уже не злость, а — наконец-то! — страх, чего и добивался Грег.

Грег бросил горящую футболку на пол, поднял бутылку с пепси и залил остатками жидкости тлевшую ткань. Та зашипела.

Парень поднимался с пола, упираясь спиной в стену, и Грег поймал его взгляд. Карие глаза парня были широко раскрыты.

— Нам нужно достичь взаимопонимания, — сказал Грег. — Мы устроим небольшой семинар прямо здесь, в этой комнате, и разберемся на месте, кто же из нас кретин. Я понятно излагаю? Мы должны прийти к определенным выводам. Разве не этим вы занимаетесь в колледже? Я имею в виду, что вы приходите к выводам?

Парень судорожно вздохнул, облизнул сухие губы и хотел что-то сказать, но вместо этого закричал:

— На помощь!

— Тебе действительно необходима помощь, — согласился Грег. — И я помогу тебе.

— Вы — сумасшедший! — воскликнул племянник Джорджа Харви и заорал еще громче: — На помощь!

— Вполне возможно, — заметил Грег. — Спорить не стану. Но нам нужно выяснить, сынок, кто же из нас действительно кретин. Я понятно излагаю?

Взглянув на бутылку пепси в своей руке, Грег грохнул ею о край металлического сейфа. Она разлетелась на куски, а в руке у Грега осталось горлышко с выступающими острыми краями. Увидев, что жуткое оружие направлено на него, парень заорал во все горло. Вытертые джинсы между его ног потемнели от расплывающегося пятна, а лицо стало серым. Когда Грег начал приближаться, расплющивая осколки тяжелыми ботинками, которые он носил круглый год, парень вдавился в стену.

— Выходя на улицу, я надеваю белую рубашку. — Грег, широко улыбаясь, обнажил белые зубы. — Иногда с галстуком. А ты, выходя на улицу, надеваешь тряпье с непотребной надписью. Так кто же из нас кретин, приятель?

Племянник Джорджа Харви что-то промямлил, не сводя круглых от ужаса глаз с горлышка бутылки в руке Грега.

— Вот я стою перед тобой сухой и опрятный, — продолжал Грег, подходя чуть ближе, — а ты обмочился до самых ботинок. Так кто из нас кретин?

Он тихонько кольнул острым осколком в потную голую грудь племянника Джорджа Харви, и тот заплакал.

И вот из-за таких мерзавцев разваливается страна, подумал Грег, и его захлестнуло бешенство. *Из-за таких плаксивых и вонючих мерзавцев!*

Не переусердствуй! Держи себя в руках!

— Я разговариваю, как приличный человек, — продолжал он, — а ты выражаешься, как свинья в грязной канаве. Так кто из нас кретин?

Он снова кольнул парня в грудь: один из осколков проткнул кожу под правым соском, и там выступила кровь. Парень взвыл.

— Я с тобой разговариваю, так что лучше отвечай, как своему преподавателю. Так кто же из нас кретин?

Парень проскулил что-то невнятное.

— Если хочешь сдать экзамен, отвечай вразумительно, — продолжал Грег. — Я ведь запросто могу выпустить тебе кишки, приятель.

И он не шутил. Грег специально отводил взгляд от набухавшей капли крови, чтобы не сорваться и не разделаться с парнем по заслугам — и не важно, чей он племянник!

— *Так кто же из нас кретин?*

— Я... — Парень начал всхлипывать, как ребенок, которого пугают страшилищем, затаившимся в шкафу.

Грег улыбнулся. Голова разламывалась от боли.

— Ну что, для начала очень даже неплохо. Но этого мало. Я хочу, чтобы ты сказал: «Я — кретин!»

— Я — кретин, — повторил парень, всхлипывая. Из носа свисали сопли, и он вытер их тыльной стороной ладони.

— А теперь я хочу, чтобы ты сказал: «Я — полный кретин!»

— Я... я — полный кретин.

— А теперь последнее, на чем, пожалуй, можно будет и закончить. Скажи: «Спасибо, что сожгли эту поганую футболку, мэр Стилсон».

Парень был готов на все — впереди забрезжила свобода.

— Спасибо, что сожгли эту поганую футболку.

Грег чиркнул осколком бутылки по животу наискось, и на царапине проступила кровь. Царапина была пустяковой, но парень взвыл так, будто оказался в преисподней.

— Ты забыл сказать «мэр Стилсон», — пояснил Грег, и боль, мучительно сдавив лоб, отступила. В глазах прояснилось, и Грег с удивлением обнаружил у себя в руке разбитую бутылку. Он едва понимал, как она там оказалась. Проклятие! Из-за какого-то никчемного придурка он чуть все не испортил!

— Мэр Стилсон! — вне себя от ужаса кричал парень. — Мэр Стилсон! Мэр Стилсон! Мэр Стилсон...

— Хорошо, — сказал Грег.

— ...сон! Мэр Стилсон! Мэр Стилсон!

Грег залепил ему звонкую пощечину, парень стукнулся головой о стену и замолчал, испуганно тараща глаза.

Грег подошел к нему вплотную и, взяв за уши, притянул к себе. Их носы почти соприкоснулись. Расстояние между глазами не превышало дюйма.

— Твой дядя в нашем городе — важный человек, — мягко заметил он, держа парня за уши, как за ручки, и глядя в огромные карие, полные слез глаза. — Я тоже не последний человек и продолжаю набирать силу, но я — не Джордж Харви. Он здесь родился, вырос и все такое. И если ты расскажешь ему, что здесь произошло, он может решить, что меня нужно убрать из города.

У парня дрожали губы, и он тихо поскуливал. Грег потряс его за уши.

— Может, конечно, и нет — уж больно сильно он разозлился из-за футболки. Но кто знает. Как-никак родная кровь. Так что заруби себе на носу: если расскажешь дяде, что здесь

произошло, и тот выживет меня отсюда, я найду и убью тебя. Ты веришь мне?

— Да, — прошептал парень. Его мокрые щеки блестели. — Да, сэр, мэр Стилсон. Да, сэр, мэр Стилсон.

Грег отпустил его уши.

— Да, я убью тебя, но сначала расскажу всем, как ты здесь обмочился и рыдал, распуская сопли.

Он повернулся и быстро отошел, будто от парня исходило зловоние, и направился к сейфу. Затем достал с полки упаковку с пластырем и бросил ее парню. Тот невольно отшатнулся и, не поймав, поспешно нагнулся за упаковкой, словно боялся, что его опять накажут.

— Ванная там, — показал Грег. — Ступай и приведи себя в порядок. Я дам тебе толстовку с надписью «Я из Риджуэя». Ты вернешь мне ее по почте, чистую и без единого пятнышка. Понял?

— Да, — прошептал парень.

— Сэр! — заорал Стилсон. — Сэр! Сэр! Сэр! Неужели трудно запомнить?

— Сэр, — простонал парень. — Да, сэр! Да, сэр!

— Совсем разболтались, никакого уважения! Чему вас только учат? — возмутился Грег.

Головная боль снова дала о себе знать. Грег сделал несколько глубоких вдохов и подавил ее, но с желудком было явно не все в порядке.

— Ладно, закончим на этом. Но напоследок позволь дать тебе один дельный совет. Когда вернешься осенью в колледж, даже не думай, что ты что-то не так понял. И не строй никаких иллюзий насчет Грега Стилсона. Лучше, если об этом вообще никто и никогда не вспомнит. Ни ты, ни я, ни Джордж. Если ты все-таки не послушаешься и начнешь возникать, то совершишь самую большую ошибку в жизни. Возможно, последнюю.

С этими словами Грег вышел, бросив презрительный взгляд на парня с поцарапанной грудью, испуганными глазами и дрожащими губами.

Грег мысленно заключил с собой пари, что больше никогда не увидит и не услышит этого парня, и не ошибся. В конце той же недели к нему заглянул Джордж Харви и поблагодарил за то, что он «сумел образумить племянника».

— Вы умеете найти к ним подход, — сказал он. — Даже не знаю... они, похоже, уважают вас.

Грег только махнул рукой.

2

В то время, когда Грег сжигал футболку с непристойной надписью в Нью-Хэмпшире, Уолт и Сара Хазлетт завтракали в Бангоре, штат Мэн. Уолт просматривал газету.

Поставив чашку, Уолт сказал:

— Твой бывший бойфренд попал в новости, Сара.

Сара кормила Денни. Она сидела в халате, растрепанная, не вполне проснувшаяся. Вчера они были на приеме, устроенном в честь Харрисона Фишера — конгрессмена от третьего округа Нью-Хэмпшира с незапамятных времен. Наверняка его снова переизберут в будущем году.

Посещение вечеринки было для нее и Уолта вопросом политическим. В последнее время Уолт все чаще произносил слово «политический». Вчера он выпил гораздо больше, чем Сара, а утром был свеж и подтянут, а она чувствовала себя полной развалиной. Это несправедливо!

— Фу! — Денни выплюнул фруктовую смесь.

— Как некрасиво! — сказала Сара и повернулась к Уолту. — Ты говоришь о Джонни Смите?

— Да, о нем.

Она поднялась и подошла к мужу.

— С ним все в порядке?

— Судя по статье, более чем.

Сара заподозрила, что это связано с тем, с чем она столкнулась при посещении больницы, но размер заголовка потряс ее: «Очнувшийся после комы пациент демонстрирует паранормальные способности на скандальной пресс-конференции».

Статью написал Дэвид Брайт. На фотографии в безжалостном свете вспышки худой и растерянный Джонни стоял над лежавшим на полу репортером льюистонской газеты — неким Роджером Дюссо. Подпись гласила: «Репортер теряет сознание после “откровения”».

Сара опустила на соседний стул и начала читать. Это не понравилось Денни, и он начал стучать по подносу на своем детском стульчике, требуя утреннее яйцо.

— По-моему, тебя зовут, — заметил Уолт.

— Ты не покормишь его, милый? У тебя он все равно ест лучше. *«Продолжение на с. 9»*. — Она нашла девятую страницу.

— Лесть — великая штука! — миролюбиво заметил Уолт и, сняв спортивный пиджак, надел ее фартук. — А вот и яйцо, мальш, — добавил он и занялся сыном.

Дочитав статью до конца, Сара перечитала ее еще раз. Взгляд Сары то и дело возвращался к растерянному и испуганному лицу Джонни. Обступившие Дюссо люди взирали на Джонни со страхом. Ей было понятно их чувство. Сара вспомнила странное, отсутствующее выражение, появившееся у Джонни, когда она поцеловала его. А когда он рассказал, где лежит потерянное обручальное кольцо, ей самой стало страшно.

Но ведь ты испугалась совсем не этого, Сара, не так ли?

— Давай еще ложечку, ты же большой мальчик! — откуда-то издали послышался голос Уолта. Сара взглянула на мужа и сына — их заливало бьющее в окно солнце, и ей снова стало страшно. Перед глазами возникло кольцо: оно медленно крутилось, опускаясь на дно унитаза. В ушах раздалось мелодичное звяканье металла о фаянс. Сара вспомнила про маску на Хэллоуин, слова зрителя на ярмарке: *Я не прочь, если вы его взгреете*. Она подумала об обещаниях, которые так и остались невыполненными, и снова взглянула на худое лицо в газете с застывшим на нем выражением затравленного удивления.

— ...ловкий ход, надо признать, — заметил Уолт, покормив сына и вешая фартук на место. Он сумел скормить Денни все яйцо, и теперь их сын и наследник с довольным видом потягивал сок из бутылочки.

— Что? — Сара посмотрела на Уолта.

— Я сказал, что для человека, который должен больнице почти полмиллиона долларов, это чертовски удачный ход.

— Ты о чем? Что ты имеешь в виду?

— Ну а как же! — продолжил он, явно не замечая ее возмущения. — Если он напишет книгу об аварии и коме, то заработает семь, может, десять тысяч долларов. Но если после комы он стал ясновидящим, тут можно купаться в деньгах.

— Что за бред?! — Голос Сары дрожал от бешенства.

Уолт повернулся, и выражение удивления на его лице сменилось пониманием. Это разъярило Сару еще больше. Если бы каждый раз, когда он полагал, что понимает ее, приносил им по пять центов, они уже давно купались бы в роскоши.

— Извини. Я не прав, что затеял этот разговор.

— Джонни не большой лгун, чем папа римский! Так и знай!

Уолт расхохотался, и Сара с трудом удержалась, чтобы не запустить в него кофейной чашкой. Она сцепила руки под столом и крепко сжала их. Денни удивленно тараторил на отца, потом тоже разразился веселым смехом.

— Милая, — сказал Уолт, — я ничего не имею против него или того, что он делает. Я даже уважаю его за это. Если этот замшелый ящер по имени Фишер сумел за пятнадцать лет в палате представителей превратиться из разорившегося юриста в миллионера, то и Джонни имеет полное право подняться, выдавая себя за ясновидящего...

— Джонни не лжет, — безучастно проговорила Сара.

— Это отличная приманка для пожилых кумушек, подсинивающих волосы, читающих таблоиды и состоящих во «Всемирном клубе любителей книг», — весело заявил Уолт. — Хотя признаю, что небольшая доля ясновидения совсем не повредила бы при отборе присяжных на слушания по делу этого проклятого Тиммонса.

— Джонни Смит не лжет, — повторила Сара, и в голове у нее зазвучали слова: *Кольцо соскользнуло с пальца. Ты укладывала бритвенные принадлежности в один из кармашков, и оно соскользнуло... Тебе надо подняться на чердак, Сара, и ты сама убедишься в этом.*

Но она не могла сказать об этом Уолту. Он не знал, что она навестила Джонни.

Но в этом же нет ничего плохого! — подумала Сара, не веря в это.

Конечно, нет, но как Уолт отреагирует на то, что она спустила в унитаз обручальное кольцо, подаренное им в день свадьбы? Разве он поймет ее внезапный приступ страха? Того, что запечатлела фотография с пресс-конференции на лицах присутствующих, да и самого Джонни? Нет, Уолт наверняка не поймет этого. К тому же то, что она выбросила обручальное кольцо в унитаз и спустила воду, весьма символично.

— Хорошо, — согласился Уолт, — допустим, он не лжет. Но я все равно не понимаю...

— Посмотри на лица людей вокруг него, Уолт. Они верят.

Уолт бросил беглый взгляд на фотографию.

— Конечно! Как дети, которые принимают фокусы за чистую монету.

— Так ты считаешь, что этот Дюссо — подставное лицо? Если верить статье, они с Джонни никогда раньше не встречались.

— Но это же неперемное условие того, чтобы фокус получился, Сара, — терпеливо объяснил Уолт. — Фокусник должен вытащить кролика из шляпы, а не из клетки с другими кроликами, иначе это никого не впечатлит. Либо Джонни Смит что-то знал заранее, либо чертовски удачно угадал, основываясь на поведении Дюссо. Однако повторяю, что он вызывает у меня уважение. Он отлично использовал предоставленную возможность. И если на этом удастся заработать, честь ему и хвала.

В этот момент Сара ненавидела и презирала его. Того славного парня, за которого вышла замуж. Нет, за прямодушием, добротой и мягким юмором Уолта ничего плохого не кроется, но он убежден, что все без исключения люди так или иначе хотят прорваться в первые ряды и используют для этого любую возможность. Утром он назвал Харрисона Фишера «замшелым ящером», а вчера сам покатывался со смеху над его рассказами о чуде Греге Стилсоне, забавном мэре из захудалого городишки, который по недомыслию собирался баллотироваться в будущем году в палату представителей как независимый кандидат.

Нет, в мире Уолта Хазлетта не существует героев и людей с паранормальными способностями, а доктрина «Мы можем изменить систему только изнутри» — единственно верна. Уолт — хороший и надежный человек, любит ее и Денни, но душа Сары вдруг затосковала по Джонни и отнятым у них пяти годам. И совместной жизни. И по ребенку, чьи волосы были бы темнее.

— Тебе пора ехать, — тихо сказала она. — А то у Тиммонса вообще не будет никаких шансов.

— Конечно, — улыбнулся Уолт, подводя итоги и закрывая слушания. — Мир?

— Мир, — подтвердила Джонни.

Но Джонни знал, где лежало кольцо. Он действительно знал.

Уолт поцеловал Сару, чуть коснувшись сзади ее шеи. Он всегда ел на завтрак одно и то же, всегда одинаково целовал ее. Когда-нибудь они переедут в Вашингтон, и никаких ясновидящих не существует.

Через пять минут Уолт уехал, как обычно, посигналив на прощание, — их маленький «форд-пинто» влился в поток машин на Понд-стрит и исчез. Она осталась с Денни, который с риском для жизни пытался вырваться на волю, протискиваясь под крышкой детского стульчика, служившей столиком.

— Так у тебя ничего не выйдет, глупыш. — Сара прошла через кухню, подняла крышку стульчика и подхватила сына.

— Фу! — сказал Денни, выражая недовольство.

На кухне появился их рыжий кот и неторопливо прошествовал вдоль стола. Денни с радостным криком схватил его, и кот обреченно прижал уши.

Сара улыбнулась и убрала со стола. Тело, находящееся в состоянии покоя, стремится сохранить его. И на Сару законы инерции действовали столь же неумолимо. Бог с ними, с недостатками Уолта, разве у нее самой их нет? Она ограничится тем, что пошлет Джонни открытку на Рождество, и все! Так будет лучше и надежнее, потому что тело, находящееся в движении, тоже стремится его сохранить. Сейчас ее жизнь нравилась Саре. Она пережила Дэна, пережила Джонни, которого так несправедливо у нее отняли (но в жизни столько несправедливости!), она преодолела опасные течения и быстрыны и теперь оказалась в тихих водах, где ей хорошо и спокойно. И она останется здесь. Залитая солнцем кухня вполне устраивала ее. И лучше забыть о ярмарке, «Колесе фортуны» и Джонни Смите.

Сара пустила воду в раковине, чтобы помыть посуду, и включила радио, где начинались новости. Первое же сообщение потрясло ее, и она застыла с вымытой тарелкой в руке, устремив невидящий взгляд в окно на задний дворик. Мать Джонни Смита перенесла insult, когда смотрела по телевизору репортаж о пресс-конференции сына, и меньше часа назад скончалась в больнице.

Сара вытерла руки, выключила радио и освободила кота из объятий Денни. Потом отнесла сына в гостиную и посадила в манеж. Денни возмущенно заревел, выражая недовольство, но она, не обратив на это никакого внимания, набрала телефон больницы. Телефонистка, видимо, уставшая повторять одно и то же, заученно сообщила, что Джонни Смит покинул больницу около полуночи.

Сара повесила трубку и села. Денни продолжал реветь, а из кухни доносился звук льющейся воды. Потом Сара поднялась, прошла на кухню и выключила воду.

Представитель журнала «Инсайд вью» появился 16 октября почти сразу после того, как Джонни забрал почту.

Их дом стоял далеко от шоссе, и к нему вела покрытая гравием дорога длиной почти в четверть мили; она пролегла сквозь густые заросли сосен и елей. Джонни совершал к почтовому ящику на шоссе ежедневные пешие прогулки. Сначала он возвращался абсолютно выбившимся из сил, ноги горели, а хромота так усиливалась, что он буквально волочил ногу. Но теперь, полтора месяца спустя, прогулка в полмили уже не занимала, как раньше, целый час и даже доставляла удовольствие — в отличие от приходившей почты.

Джонни начал колоть дрова к предстоящей зиме. Вообще-то Эрб собирался нанять для этой работы кого-нибудь со стороны, поскольку сам подрядился заняться внутренней отделкой новостроек в Либертивилле.

— Знаешь, Джонни, когда человек понимает, что старость не за горами? — спросил он с улыбкой. — Когда с наступлением осени он начинает искать работу в помещении.

Джонни поднялся на крыльцо и со вздохом облегчения опустился в плетеное кресло возле кресла-качалки. Положив на перила веранды правую ногу, он, морщась от боли, поднял руками левую и поместил ее сверху. Потом начал разбирать почту.

За последние дни ее стало меньше. В первую неделю после возвращения Джонни в Паунал ежедневно приходили по две дюжины писем и восемь-девять бандеролей. Основную часть пересылала больница «Истерн-Мэн», но немало корреспонденции поступало «до востребования» в почтовое отделение Паунала. Название городка писали по-разному: «Паунел», «Поунел», а однажды даже «Поумнел».

Писали в основном люди одинокие, пытавшиеся обрести хоть какой-то смысл в жизни. Дети просили автограф, какие-то женщины выражали готовность переспать с ним, кое-кто, страдая от безнадежной любви, спрашивал совета. Присылали талисманы «на счастье» и гороскопы. Многие письма носили религиозный характер; написанные крупным старательным почерком и с орфографическими ошибками, они напоминали ему о матери.

В этих письмах Джонни называли пророком, который призван вывести измученный и утративший веру американский народ из пустыни. Считали, что он послан возвестить о конце света. К 16 октября Джонни получил восемь экземпляров книги «Покойная великая планета Земля» Хэла Линдсея — мать наверняка одобрила бы это произведение. Джонни призывали подтвердить божественное происхождение Христа и положить конец распущенности молодежи.

В меньшем количестве поступали письма прямо противоположного толка, как правило, столь же страстные и обычно анонимные. Автор одного из них написал Джонни тупым карандашом на большом листе дешевой бумаги, объявил его Антихристом и призвал покончить с собой. В четырех или пяти письмах интересовались, каково убить свою мать. Многие обвиняли Джонни в мошенничестве. Один такой «умник» написал: «Предвидение, телепатия — все это полная чушь! Чтоб ты сдох, экстрасенс поганый!»

И еще они присылали всякие *вещи*. Это было хуже всего.

Каждый день по дороге с работы Эрб заходил на почту в Паунале и забирал бандероли. В сопроводительных записках исступленно умоляли: *Скажите! Скажите! Скажите!*

«Этот шарф принадлежал моему брату, который пропал во время рыбалки на Аллагаше в 1969 году. Я чувствую, что он жив. Скажите, где он?»

«Это губная помада с туалетного столика моей жены. Мне кажется, она изменяет мне, но я не уверен. Скажите, она мне верна?»

«Это браслет моего сына. На нем его имя. Он после школы никогда не заходит домой и возвращается очень поздно. Я ужасно волнуюсь. Скажите, чем он занимается?»

Женщина из городка Шарлотт, штат Северная Каролина, — Бог знает, откуда она узнала о нем, ведь августовскую пресс-конференцию освещала только местная пресса, — прислала обожженный кусок дерева. Она объясняла, что их дом сгорел и в пожаре погибли ее муж и двое из пяти детей. Местные пожарные утверждали, что причиной возгорания была неисправность проводки, но она не верила им и считала это поджогом. Женщина просила Джонни потрогать обугленный кусок и назвать поджигателя, чтобы он гнил за решеткой до конца своих дней.

Джонни не отвечал на письма и отсылал все полученные предметы обратно (даже обугленный кусок дерева) за свой счет и без пояснений. Но многие предметы он все-таки трогал. Большая их часть, например, головешка, присланная убитой горем женщины из Шарлотта, ничего ему не сказали. Но какие-то предметы порождали в голове тревожные образы, похожие на кошмары, от которых просыпаешься в холодном поту. Чаще всего в этих смутных ощущениях не было ничего конкретного. Но однажды...

Белый вязаный шарф, присланный женщиной, которая надеялась узнать, что случилось с ее братом, ничем не отличался от сотен таких же. Но когда Джонни взял его в руки, отцовский дом куда-то исчез, а звук телевизора в соседней комнате, то нарастая, то стихая, начал напоминать жужжание летних насекомых и всплески воды вдалеке.

Джонни ясно ощутил запах леса; сквозь кроны огромных деревьев пробивались лучи солнечного света, похожие на зеленые столбы. Он шел уже три часа, утопая ногами в мягкой и вязкой почве, но еще не паниковал. Если заблудиться и запаниковать в глуши северных штатов, то шансов на выживание не останется. Он упорно продвигался на юг. Два дня назад он расстался со Стивом, Роки и Логаном. Они разбили лагерь возле (место Джонни определить не мог — оно находилось в «мертвой зоне») какой-то речушки, где ловили форель, а потом он сам виноват — слишком сильно напился.

Теперь он видел, что его рюкзак лежит у старого, поваленного ветром дерева, поросшего мхом, из которого торчали белые сучья, похожие на кости. Да, он видел свой рюкзак, но не мог до него добраться, потому что отошел в сторону помочиться и угодил в жижу, погрузившись в нее почти до верха высоких туристических ботинок. Джонни хотел выбраться и перейти на место посуше, но ему не удалось... потому что это была вовсе не жижа... а нечто другое.

Он стоял, беспомощно озираясь, надеясь найти, за что бы уцепиться, почти смеясь над нелепостью своего положения: отошел «отлить» и угодил в трясины.

Сначала Джонни не сомневался, что нащупает твердую почву, пусть даже на глубине по колено. Зато будет о чем рассказать, когда его найдут.

Он стоял, не слишком нервничая, пока не погрузился в трясины выше колен. И тут задергался, пытаясь выбраться и совершенно забыв о том, что в трясине следует совершать как можно меньше резких движений. Очень скоро он погрузился в жижу по пояс: она засасывала его, как огромные коричневые губы, не давая дышать. Джонни начал кричать, но никто не отозвался. Прискакала только пушистая рыжая белка; выскочив из-за покрытого мхом бревна, она уселась на рюкзаке и разглядывала его блестящими черными глазами-бусинками.

Теперь Джонни уже погрузился по шею, в нос бил сильный затхлый запах трясин, продолжавшей душить его. Летали птицы, издавая резкие крики. Столбы солнечных лучей, похожие на позеленевшие медные колонны, пробивались сквозь кроны деревьев, а трясина уже подобралась ко рту. Его ожидала одинокая смерть — Джонни открыл рот, чтобы издать последний вопль, но не смог: жижа просочилась между зубами, заползла внутрь, обволокла

язык, и он уже *глотал* ее вместе с беззвучным криком...

Джонни очнулся в холодном поту: по телу бегали мурашки. Крепко зажав в руках шарф, он отрывисто и часто дышал. Он бросил шарф, и тот свернулся на полу, как белая змея. Больше Джонни не прикасался к нему. Отец упаковал его в пакет и отправил назад.

Но теперь, слава Богу, почты стало меньше. Психи переключились на какой-то другой объект для проявления нездорового интереса. Газетчики больше не донимали просьбами об интервью. Отчасти потому, что Джонни и Эрб сменили номер телефона и он не значился в справочнике, а отчасти потому, что новость устарела.

Роджер Дюссо напечатал в газете, где вел колонку репортажей с места событий, большую и злую статью. Утверждал, что случившееся было жестоким и дешевым розыгрышем. Джонни наверняка покопался в прошлом нескольких репортеров, чье присутствие на пресс-конференции считал вероятным. Так, на всякий случай. Дюссо признал, что его сестру Энн действительно все звали Терри, что она умерла сравнительно молодой и злоупотребляла наркотиками. Но вся эта информация, писал он, доступна любому, кто хотел ее найти. Дюссо изложил все довольно логично, правда, не объяснил, как Джонни, не покидая больницы, мог раскопать все это, но большинство читателей об этом и не задумывались. Джонни это вполне устраивало. Инцидент был исчерпан, а давать новые информационные поводы в его планы не входило. Зачем писать женщине, приславшей шарф, что ее брат утонул в трясине, куда угодил, отойдя помочиться? Разве это облегчит ей жизнь?

В сегодняшней почте было шесть писем. Счет за электричество. Открытка из Оклахомы от кузена Эрба. Какая-то женщина прислала маленькое распятие. На ступнях Христа была выведена золотом надпись: «Сделано в Тайване». Пришла короткая записка от Сэма Вейзака. Когда Джонни увидел обратный адрес на маленьком конверте, у него перехватило дыхание: С. Хазлетт, Бангор, Понд-стрит, 12.

Сара! Он вскрыл конверт.

Через пару дней после похорон матери он получил от нее открытку с соболезнованиями, написанную аккуратным почерком с ровным наклоном.

Джонни, я очень сожалею о случившемся. Я услышала по радио, что твоя мама умерла, и это ужасно, что твое личное горе сделали новостью. Может, ты уже и не помнишь, что накануне аварии немного рассказал мне о матери. Я спросила, как она отреагирует, если ты приведешь домой никудашнюю католичку, а ты ответил, что она улыбнулась бы, приняла меня и вручила пачку брошюр. И по твоей улыбке я поняла, как сильно ты любишь ее. Твой отец рассказывал, как она изменилась, но это потому, что она очень любила тебя и не могла смириться с тем, что произошло. Мне кажется, ее вера была вознаграждена. Пожалуйста, прими мои соболезнования и знай, что ты всегда можешь рассчитывать на своего друга Сару. И сейчас, и в будущем.

Сара.

Джонни поблагодарил Сару за открытку и участие. Он тщательно подбирал слова, чтобы не выдать своих чувств и не написать лишнего. Теперь она была замужней женщиной, и изменить этого он не мог. Но Джонни отлично помнил тот разговор с ней о матери, как, впрочем, и многое другое из того вечера. Открытка Сары воскресила в памяти все, что тогда произошло, и в ответе Джонни невольно звучала горечь. Он по-прежнему любил Сару Брэкнелл и постоянно напоминал себе о том, что ее больше нет, а у другой женщины, пятью годами старше его, есть маленький сын.

Вынув из конверта небольшой листок, Джонни быстро пробежал его глазами. Сара с сыном уезжали на выходные в Кеннебунк к Стефани Константин, с которой она два года жила в одной комнате, когда училась в университете. Тогда ее звали Стефани Карслей, и Сара писала, что Джон мог помнить ее, но он не помнил. Уолт застрял в Вашингтоне на три недели по партийным делам и по делам своей фирмы, и Сара хотела приехать на день в Паунал навестить Джонни и Эрба, если, конечно, Джонни не возражал.

Ты можешь связаться со мной по телефону Стефани 814-6219 в любое время между семнадцатым и двадцать третьим октября. Конечно, если тебя что-то смущает, то просто позвони или мне домой, или в Кеннебунк и скажи об этом, я все пойму правильно. С любовью,

Сара.

Держа письмо в руке, Джонни посмотрел на лес, стоявший за домом. За последнюю неделю листва оделась в багрянец и золото. Скоро начнется листопад, а затем наступит зима.

С любовью, Сара. Он задумчиво провел пальцами по строчке. Наверное, лучше не звонить, не писать и вообще ничего не делать. Она все поймет. Как и в случае с женщиной, приславшей шарф, никому от этого лучше не станет. Зачем ворошить прошлое? Сара могла написать эти слова чисто формально, но для Джонни все было иначе. Боль еще не прошла, и ему казалось, что время грубо сжато и изуродовано. По его внутренним часам Сара была его девушкой всего полгода назад. Умом он понимал, что находился в коме, поэтому время выпало из его жизни. Однако чувства Джонни упорно противились этому и не желали слушать голос разума. Ему было непросто ответить даже на открытку с соболезнованиями, хотя ее всегда можно переписать, если слова вдруг выйдут за рамки дозволенного в дружбе — единственного, что доступно в нынешней ситуации. А что, если, увидев Сару, он скажет или совершит какую-нибудь глупость? Лучше не звонить. Пусть все останется как есть.

Но Джонни знал, что позвонит. Позвонит и пригласит приехать.

Разволновавшись, он сунул листок в конверт.

В глаза ему ударило солнце, отразившееся от сверкающего хромом кузова «форда», который медленно двигался по дорожке. Джонни прищурился и пытался понять, знакомая ли эта машина. К ним редко кто заезжал. Почты приходило много, а визитеры навевались всего три-четыре раза. Паунал — маленький городок, и даже на карте отыскать его непросто. Если за рулем «форда» окажется какой-нибудь охотник до откровений, Джонни быстро отошлет его назад — вежливо, но твердо. Именно это при расставании посоветовал ему Вейзак. Надо признать, отличный совет!

«Не позволяйте никому превращать себя в профессионального провидца, Джон. Проявите твердость, и о вас забудут. Сначала вам самому это покажется бессердечным, ведь большинство из них просто несчастные люди со своими проблемами и без всяких дурных намерений, но от этого зависит ваша жизнь и внутренний покой. Поэтому проявите твердость...»

Джонни послушался его.

«Форд» подрулил к площадке между сараем и поленницей дров, и Джонни заметил на ветровом стекле маленькую наклейку фирмы по прокату автомобилей «Херц». Очень высокий мужчина в новеньких синих джинсах и рубашке в красную клетку вышел из машины и огляделся. Мужчина держался как типичный городской житель, отлично знающий, что волки и пумы в Новой Англии больше не водятся, но на всякий случай желающий удостовериться в этом.

Горожанин. Приезжий перевел взгляд на крыльцо, увидел Джонни и приветственно махнул ему рукой.

— Добрый день! — У него был глуховатый выговор, похожий, как показалось Джонни, на бруклинский.

— Привет, — отозвался Джонни. — Заблудились?

— Очень надеюсь, что нет. — Незнакомец подошел к крыльцу. — Вы — или Джон Смит, или его брат-близнец.

— У меня нет братьев, — улыбнулся Джон, — так что вы, похоже, попали по адресу. Чем могу быть полезен?

— Возможно, мы окажемся полезны друг другу. — Незнакомец поднялся по ступенькам и протянул руку Джонни. — Меня зовут Ричард Дис. Журнал «Инсайд вью».

Его модно подстриженные седые волосы слегка прикрывали уши. Джонни с изумлением заметил, что седина была крашеной. И что можно сказать о человеке, который красит волосы под седину и говорит, будто через картонную коробку?

— Слыхали про такой?

— Да, я знаю этот журнал. Его продают в супермаркетах на кассах. Но интервью я не даю, поэтому мне жаль, что вы проделали путь впустую.

Эти журналы действительно продавались в супермаркетах. Заголовки только что не прыгали со страниц, чтобы завлечь читателей: «Разбитая горем мать обвиняет в убийстве своего ребенка пришельцев из космоса!», «Продукты травят детей», «12 медиумов предсказывают землетрясение в Калифорнии в 1978 г.».

— Вообще-то дело не в интервью, — пояснил Дис. — Можно, я присяду?

— Я действительно...

— Мистер Смит, я прилетел из Нью-Йорка, а от Бостона добирался на таком крошечном самолетике, что всерьез забеспокоился о судьбе жены, если она станет вдовой.

— «Авиалинии Портленд — Бангор», — заметил Джонни.

— Точно.

— Хорошо, — сказал Джонни. — Я впечатлен проявленным героизмом и преданностью делу. Я выслушаю вас, но даю вам не больше пятнадцати минут. Мне предписан ежедневный послеобеденный сон.

— Пятнадцати минут хватит за глаза. — Дис подался вперед. — По моим прикидкам, правда, довольно обоснованным, ваш долг составляет сейчас около двухсот тысяч долларов, мистер Смит. А это внушительная сумма, верно?

Джонни нахмурился.

— Что и кому я должен, касается только меня.

— Конечно, кто спорит. У меня и в мыслях не было обидеть вас, мистер Смит. Журнал «Инсайд вью» хотел бы предложить вам работу. Исключительно выгодную.

— Нет! Решительно — нет!

— Позвольте мне хотя бы изложить...

— Я не практикующий медиум. Я не Джин Диксон, не Эдгар Кейс, не Алекс Таноус, и покончим с этим. Я не собираюсь ворошить прошлое.

— Я прошу у вас всего несколько минут...

— Мистер Дис, кажется, вы не понимаете, что я...

— Всего несколько минут! — Дис обезоруживающе улыбнулся.

— Откуда вы узнали, где меня искать?

— У нас есть внештатный корреспондент из газеты «Кеннебек джорнал», что издается в центральной части штата Мэн. Он и сказал, что раз вы исчезли из поля зрения, то, наверное,

уехали к отцу.

— Выходит, это его я должен благодарить за нашу встречу?

— Выходит, так, — согласился Дис. — Но я уверен, что вы не будете иронизировать, выслушав мое предложение. Так я могу изложить его?

— Ладно, только не надейтесь, что я передумаю из уважения к полету, нагнавшему на вас страху.

— Кто знает? Мы ведь живем в свободной стране, верно? Верно! Как вам, наверное, известно, мистер Смит, «Инсайд вью» специализируется на паранормальных явлениях. Если честно, наши читатели без ума от всего этого. Еженедельный тираж журнала составляет три миллиона экземпляров. Как вам три миллиона читателей, мистер Смит? Неплохая основа для процветания? Чем мы привлекаем? Мы ориентируемся на позитив, на духовное...

— «Медведь-людоед сожрал двух младенцев-близняшек», — пробормотал Джонни.

Дис пожал плечами:

— Да, верно, но мы живем в жестоком мире, не так ли? Люди должны знать о подобных вещах. Они имеют на это право. Но на каждую мрачную историю у нас приходится три других материала, — их авторы рассказывают, как безболезненно похудеть, как достичь сексуального удовлетворения и гармонии, как стать ближе к Богу...

— А вы сами-то верите в Бога, мистер Дис?

— Вообще-то нет, — признался Дис и снова обезоруживающе улыбнулся. — Но мы живем в демократическом обществе, в величайшей стране мира, верно? Каждый сам решает, во что ему верить. Нет, все дело в том, что в Бога верят наши читатели. Они верят в ангелов и чудеса...

— В экзорцизм, бесов и черные мессы...

— Вот именно! Вы ухватили суть. Наша аудитория — спиритическая и верит во всю эту потустороннюю чепуху. У нас заключен контракт с десятью медиумами, в том числе и с самой знаменитой ясновидящей Америки Кэтлин Нолан. Мы хотели бы предложить сотрудничество и вам, мистер Смит.

— Вот как?

— Да. В чем оно будет заключаться? Примерно раз в месяц наш номер посвящается только паранормальным явлениям. В нем будут размещены ваша фотография и короткая колонка. Например, рубрика «Десять знаменитых медиумов предсказывают» расскажет о втором президентстве Форда и тому подобном. Мы всегда готовим выпуски к Новому году и Дню независимости, где сообщаем о перспективах Америки в предстоящем году. Они очень информативны, там содержатся «прорицания» относительно внешней политики и экономики и еще много чего интересного.

— Мне кажется, вы не поняли, — медленно, будто разговаривая с ребенком, произнес Джонни. — Пару раз у меня были «озарения», которые, наверное, можно назвать «ясновидением», но я не умею вызывать их. И предсказать переизбрание Форда на второй срок я могу с таким же успехом, как и подоить быка.

— А кто сказал, что от вас это требуется? — удивился Дис. — Все статьи пишут наши штатные сотрудники.

— Сотрудники?

— Ну конечно! — Дис явно терял терпение. — Послушайте! Последние пару лет один из наших самых популярных медиумов — Фрэнк Росс; он специализируется на стихийных бедствиях. Росс — отличный парень, но, видит Бог, не закончил даже средней школы. Отслужил пару сроков в армии, а потом мыл автобусы дальнего следования на нью-йоркском портовом терминале, где мы и разыскали его. И вы считаете, что мы доверим ему колонку? Да он в слове из трех букв сделает четыре ошибки!

— Но предсказания...

— Полная и абсолютная свобода фантазии. Вы удивитесь тому, как наши читатели падки на самые невероятные вымыслы.

— «Вымыслы»?! — Джонни разозлился. Его мать покупала «Инсайд вью» с незапамятных времен, когда там еще печатались снимки разбитых в авариях и залитых кровью машин, обезглавленных трупов и тайно сделанных фотографий с мест казни. Она свято верила каждому напечатанному там слову. Как, судя по всему, и подавляющая часть остальных трех миллионов читателей. И вот перед ним сидит парень с крашеными под седину волосами, в дорогих ботинках и новенькой рубашке со следами складок от упаковки и откровенничает о газетных утках.

— Все отлажено до мелочей, — продолжал Дис. — Если вдруг у вас случится «озарение», просто позвоните нам, причем за наш счет, и мы вместе это оформим. У нас есть право включать антологию ваших колонок в выпускаемый журналом ежегодник предсказаний. Однако вы имеете право заключить контракт с любым другим издательством. Мы можем только запретить печататься в другом журнале, но, уверяю вас, на практике редко этим пользуемся. А гонорары у нас очень щедрые. Они намного превышают цифры, указанные в контракте. Так что хватит не только на хлеб с маслом, но и с икрой тоже.

— И о какой сумме может идти речь? — осведомился Джонни, сжимая подлокотники кресла-качалки.

— Тридцать тысяч долларов каждый год из первых двух. Если дело у вас пойдет, эту сумму потом пересмотрим. Все наши медиумы на чем-то специализируются. Насколько я понимаю, у вас хорошо получается с предметами. — Дис мечтательно прикрыл глаза. — Зачем закапывать талант в землю? Я уже вижу вашу колонку два раза в месяц: «Джон Смит приглашает читателей журнала «Инсайд вью» присылать свои вещи для экстрасенсорного обследования»... Что-нибудь в этом роде. Конечно, мы заранее предупредим, чтобы присылали недорогие вещи, поскольку ничего возвращать не будем. Но человеческая глупость поистине безгранична, прости Господи, и вас наверняка удивит, что могут начать присылать: бриллианты, золотые монеты, обручальные кольца... В приложении к контракту можно было бы сразу оговорить, что все предметы, присылаемые для обследования, становятся вашей собственностью.

Глаза Джонни налились кровью.

— Люди будут присылать вещи, а я присваивать их. Я правильно понял вас?

— Правильно, не вижу с этим никаких проблем. Главное в этом деле — подстраховаться юридически. А это добавит икры на ваш бутерброд.

— А если, — продолжил Джонни, стараясь говорить спокойно, — если, к примеру, меня «озарит», что президента Форда убьют 31 сентября 1976 года?

— Вообще-то в сентябре только тридцать дней, — уточнил Дис, — а в остальном — в самую точку. Вы сразу уловили суть, Джонни, как будто родились для этого. Вы мыслите масштабно, что очень хорошо. Даже трудно представить, насколько мелко мыслит основная масса читателей. Боятся даже рот открыть там, где пахнет деньгами. Тим Кларк из Айдахо — один из наших экстрасенсов — написал, что у него было «видение», будто министра сельского хозяйства Эрла Батса заставят уйти в отставку в будущем году. Но кого, извините за выражение, это кольшет? Кто такой Эрл Батс для обычной домохозяйки? Вы мыслите правильными категориями, Джонни. Вы просто созданы для этого бизнеса.

— «Создан для этого бизнеса», — тихо повторил Джонни.

Дис внимательно на него посмотрел.

— С вами все в порядке, Джонни? Вы что-то побледнели.

Джонни подумал о женщине, приславшей шарф. Наверное, она тоже читательница «Инсайд

ВЬЮ».

— Позвольте мне подвести итоги, — сказал он. — Вы платите мне тридцать тысяч в год за имя...

— И вашу фотографию, не забывайте!

— *И мою фотографию* под несколькими статейками, которые напишут другие. И еще колонку, где я буду рассказывать людям о присланных ими предметах. А как дополнительный бонус, я могу оставить эти предметы...

— Если юристы сумеют все правильно обосновать.

— ...в личной собственности. Я правильно изложил суть сделки?

— *Это только ее остов*, Джонни. На самом деле вы удивитесь, как одно тянет за собой другое. Через полгода вы приобретете известность, а потом уже развернетесь вовсю. Телешоу Карсона. Телеинтервью и беседы. Выступления с лекциями. Разумеется, книга, причем в издательстве по вашему выбору — на экстрасенсов денег не жалеют. Кэти Нолан начала с такого же контракта, как у вас, а сейчас зарабатывает по двести с лишним тысяч в год. Мало того, она основала собственную церковь и теперь не платит с доходов ни цента налогов. Да, нашей Кэти пальца в рот не клади! — Дис, ухмыляясь, подался вперед. — Я же говорю, Джонни, открывающиеся возможности буквально беспредельны!

— Еще бы!

— Итак? Что скажете?

Джонни схватил Дису за рукав и воротник новенькой рубашки.

— Эй! Что вы себе позволяя...

Джонни притянул Дису к себе за рубашку. За пять месяцев непрерывных упражнений он здорово накачал мышцы.

— Ты спросил мое мнение, и я скажу его. — Он чувствовал, как голову сжимает пульсирующая боль. — Я думаю, что ты — упырь, наживающийся на людских страданиях. И работать тебе нужно только с нечистотами. Твоей матери следовало умереть от рака на второй день после того, как она зачала тебя. Если ад действительно существует, надеюсь, ты будешь гореть в нем вечно!

— Не смей так разговаривать со мной! — завизжал Дис. — Псих ненормальный! И забудь! Забудь обо всем, что я предлагал, сукин ты сын! Ты упустил свой шанс! И даже не думай, что сможешь приползти за прощением...

— И от слов твоих смердит! — Джонни поднялся, увлекая за собой Дису, и начал трясти его. Тот бормотал что-то невразумительное.

Джонни пинком спустил Дису с лестницы. Тот растянулся в пыли. Поднявшись, он злобно сказал:

— Тебя надо сдать в полицию. Может, я так и сделаю.

— Делай что хочешь, — ответил Джонни. — Но в наших краях полиция не очень-то привечает непрошенных гостей.

— Ты еще очень пожалеешь об этом, — говорил Дис, направляясь к машине. — Три миллиона читателей! И это не пустые слова. Когда мы с тобой разделаемся, никто в Америке тебе не поверит, даже если ты предскажешь наступление весны после зимы. Никто не поверит, даже если ты заявишь, что чемпионат страны по бейсболу стартует в октябре. Тебе не поверят, даже если... если... — Дис запнулся, не находя слов от бешенства.

— Вон отсюда, подонок! — закричал Джонни.

— И попрощайся с книгой! Тебя поднимут на смех во всех издательствах Нью-Йорка! Когда я разделаюсь с тобой, к тебе не притронутся даже те, кому все равно, что читать на ночь! На таких, как ты, есть управа, и ты узнаешь это на своей шкуре! Мы...

— Пожалуй, я схожу за ружьем и пристрелю незваного гостя, — заметил Джонни.

Дис ретировался к машине, выкрикивая проклятия. Джонни молча наблюдал за ним с крыльца. Боль отдавалась у него в висках. Дис забрался в машину, двигатель взревел, и колеса, взвизгнув, подняли клубы пыли. Машина вильнула и сбила чурбак, на котором кололи дрова. Несмотря на головную боль, Джонни ухмыльнулся. Вернуть чурбак на место куда проще, чем объяснить в прокатной фирме, откуда на бампере «форда» взялась вмятина.

Солнце снова блеснуло на хромированных частях автомобиля, из-под колес которого разлетался гравий. Джонни опустил в кресло-качалку и, обхватив голову руками, стал дожидаться, пока успокоится боль.

2

— Что ты собираешься сделать? — переспросил банкир.

Внизу, за окном, по главной улице Риджуэя, штат Нью-Хэмпшир, неслись машины. На стенах кабинета на третьем этаже, обшитых деревянными панелями, висели репродукции картин Фредерика Ремингтона с изображениями Дикого Запада и фотографии банкира, запечатленного на местных торжествах. В прозрачный куб на столе была вмонтирована фотография его жены и сына.

— Я собираюсь баллотироваться в палату представителей на выборах в будущем году, — повторил Грег Стилсон. На нем были брюки цвета хаки, голубая рубашка с закатанными рукавами и черный галстук с синим рисунком. В кабинете банкира Грег выглядел неуместно. Казалось, он с трудом сдерживается, чтобы не разнести кабинет вдребезги.

Банкир Чарльз Гендрон по прозвищу Чак, председатель местного отделения «Лайонс клубс», неуверенно хохотнул. Стилсон обладал даром заставлять людей чувствовать себя не в своей тарелке. В детстве он был щуплым, и, как сам любил рассказывать, «его мог запросто сбить с ног порыв ветра», но с возрастом отцовские гены возобладали, и теперь своей плотной фигурой Грег напоминал оклахомского нефтяника, которым и был его отец.

Услышав в голосе банкира насмешку, он нахмурился.

— Я в том смысле, что у Джорджа Харви, наверное, есть на этот счет свои соображения. Разве не так, Грег?

Джордж Харви был не только самым влиятельным человеком в городе, но и возглавлял комитет республиканской партии в третьем округе.

— Джордж будет молчать в тряпочку, — спокойно отозвался Грег. Сейчас он напоминал того молодого человека, который забил ногами пса на ферме в Айове. — Джордж не станет выступать ни на чьей стороне, но, по сути, окажется на моей, если ты понимаешь, о чем я. Я не буду вмешиваться в его планы, поскольку собираюсь баллотироваться как независимый кандидат. У меня нет двадцати лет, чтобы, потекаяя всем, пробиться изнутри.

— Ты ведь шутишь, Грег? — неуверенно спросил Чак Гендрон.

Грег снова нахмурился, на этот раз предостерегающе.

— Чак, я никогда не шучу. Люди... полагают, что я шучу. Ребята из газеты «Юнион лидер» и недоумки из «Дейли демократ» не принимают меня всерьез. Но наведи справки у Джорджа Харви. Спроси у него, шучу ли я или делаю дело. Ты и сам должен знать не хуже других. Как-никак мы и с тобой кое-что прокручивали вместе, не так ли, Чак?

На его лице заиграла зловещая улыбка, во всяком случае, именно такой она показалась Гендрону, позволившему Грегу Стилсону втянуть себя в пару сомнительных строительных проектов. Да, они прилично на них заработали, но проблема заключалась в том, что застройка в Саннингдейле (да и в Лореле, кстати, тоже) не была стопроцентно законной. Они дали взятку

чиновнику из Управления по охране окружающей среды, но это не самое неприятное.

С застройкой в Лореле дело застопорилось из-за одного старика, не желавшего продавать свой участок. Сначала внезапно сдохли все его четырнадцать или сколько там кур, потом сгорел сарай, где хранилась картошка. Мало того, пока старик навещал в Кине свою сестру в доме для престарелых, кто-то перемазал дерьмом всю его столовую и гостиную. В конце концов старик уступил и продал участок; теперь там возведен жилой комплекс.

И еще одно обстоятельство: в округе снова появился Санни Эллиман, этот беспредельщик-байкер. Они с Грегом были приятелями, и если в городе не судачили об этом, то только потому, что Грег много общался с хиппи, байкерами и всяким отребьем, попадавшим в созданный им наркологический центр. К тому же в Риджуэе Грег устроил довольно необычную программу наказания для молодых наркоманов, алкоголиков и лихачей на дорогах. Вместо того чтобы сажать их за решетку, городские власти использовали их на разных работах. Считая эту идею Грега на редкость удачной, банкир отдавал ему должное. Отчасти благодаря этому Стилсона и избрали мэром.

Но его новая идея была сущим безумием.

Грег что-то спросил, но задумавшийся Гендрон не расслышал.

— Извини, я отвлекся, — сказал он.

— Я спросил, не хочешь ли ты стать руководителем моего предвыборного штаба? — повторил Стилсон.

— Грег... — Гендрон откашлялся. — Грег, ты, кажется, не понимаешь. От третьего округа в Вашингтоне сидит Харрисон Фишер. Он уважаемый республиканец и, наверное, будет там вечно.

— В этом мире нет ничего вечного, — возразил Грег.

— Похоже, Харрисон так не думает, — заметил Гендрон. — Спроси у Харви. Они вместе ходили в школу. По-моему, еще в девятнадцатом веке.

Грег пропустил остроту мимо ушей.

— Я назовусь членом прогрессивной партии. Той самой, что основал Рузвельт на выборах 1912 года, или еще как-нибудь... все решат, что я валяю дурака... и смеха ради избиратели третьего округа приведут меня прямо в Вашингтон.

— Грег, ты сошел с ума.

Улыбка сползла с лица Стилсона, и его лицо неузнаваемо и страшно изменилось.

— Никогда не произноси таких слов, Чак! Никогда!

Банкиру стало совсем не по себе.

— Грег, извини. Я просто...

— Не вздумай еще раз произнести нечто подобное, если не хочешь встретиться с Санни Эллиманом, когда однажды вечером будешь вылезать из своего шикарного «крайслера-империала».

Гендрон только беззвучно шевелил губами.

Грег снова улыбнулся, и лицо его сразу изменилось, словно сквозь грозовые тучи вдруг проглянуло солнце.

— Ладно, не будем ссориться, раз уж нам предстоит работать вместе.

— Грег...

— Ты мне нужен, потому что знаком с каждым чертовым бизнесменом в этой части Нью-Хэмпшира. Чтобы раскрутиться, нам понадобятся деньги, так что, полагаю, надо найти их источник. Мне уже тесно в Риджуэе, пора выходить на федеральный уровень. Думаю, что пятидесяти тысяч долларов должно хватить, чтобы обо мне узнали избиратели.

Банкира, работавшего на Харрисона Фишера в последних четырех избирательных

кампаниях, настолько обескуражила политическая наивность Грега, что он не находил слов. Наконец Гендрон сказал:

— Грег, деловые люди жертвуют на избирательные кампании не по доброте душевной, а потому, что победитель становится их должником. Если шансы на победу у кандидатов примерно равны, то бизнесмены охотно финансируют их обоих, поскольку расходы на проигравшего ничем не отличаются для них от налоговых вычетов. Но ключевое понятие здесь — *шанс на победу*. Так вот, Фишер...

— Бесспорный фаворит, — закончил за него Грег и вытащил из заднего кармана брюк конверт. — Взгляни-ка сюда.

Гендрон с сомнением посмотрел на конверт и перевел взгляд на Грега. Тот ободряюще кивнул.

Банкир вскрыл конверт и судорожно вздохнул. В представительном кабинете, обшитом сосновыми панелями, наступила долгая тишина, нарушаемая лишь едва слышным жужжанием электронных часов на столе и шипением спички, которой чиркнул Грег, раскуривая сигару. На стенах висели репродукции Фредерика Ремингтона, в прозрачном кубике поблескивали семейные снимки, а на столе лежала теперь фотография банкира. Снимок запечатлел тот момент, когда его голова утопала в бедрах молодой брюнетки. Правда, ее волосы могли оказаться не черными, а рыжими, поскольку глянцевые снимки были черно-белыми и точно определить цвет волос не представлялось возможным. Лицо женщины получилось очень отчетливо, и оно принадлежало отнюдь не жене банкира. Местные жители без труда опознали бы в ней официантку из придорожного кафе Бобби Стрэнга в соседнем городке.

Правда, эта фотография не представляла особой опасности, поскольку лица банкира никто не мог бы разглядеть. Но зато на других даже подслеповатая бабушка узнала бы своего внука. На них Гендрона и официантку запечатлели в самых разнообразных позах в минуты любовных утех. Конечно, до Камасутры они не дотягивали, но некоторые позы никогда не попали бы в иллюстрации раздела «Сексуальные отношения» пособия по семейной жизни для старшеклассников Риджуэя.

Гендрон поднял глаза: лицо его покрылось испариной, руки тряслись. Сердце бешено колотилось, и Гендрон боялся, что оно не выдержит.

Грег, отвернувшись, смотрел в окно на узкую полоску ярко-синего неба, видневшуюся между домами с магазинами.

— Подул ветер перемен, — задумчиво и загадочно произнес он и повернулся к Гендрону. — Знаешь, что мне дал один наркоман из Центра?

Чак Гендрон тупо покачал головой, массируя дрожащей рукой грудь слева — на всякий случай. Его глаза неотрывно смотрели на фотографии. Проклятые снимки! А что, если войдет секретарша? Он начал собирать фотографии и засовывать их в конверт.

— Он дал мне маленький красный цитатник Мао, — продолжил Грег. Из его широкой груди, некогда хилой и вызывавшей отвращение отца, вырвался смешок. — И там была цитата... Не помню точно, как она звучала, но смысл был такой: «Если человек чувствует ветер перемен, он должен строить не ветролом, а ветряную мельницу». — Грег подался вперед. — Харрисон Фишер больше не фаворит. Он уже в прошлом. И Форд тоже в прошлом. И Маски. И Хамфри. Немало политиков самого разного калибра проснутся после выборов и выяснят, что их время кончилось и они вымерли, как в свое время дронты. Сначала заставили уйти Никсона, на следующий год — тех, кто выступал против импичмента, и по этой же самой причине в будущем году уберут Джерри Форда. — Грег Стилсон сверкнул глазами. — Хочешь знать, куда дует ветер? Посмотри на выборы губернатора в штате Мэн и на парня по имени Лонгли. Кандидатом от республиканцев был Эдвин, а от демократов — Митчелл, а когда подсчитали голоса, то обе

партии сильно удивились: люди отдали предпочтение какому-то страховому агенту из Льюистона, не желавшему иметь ничего общего с партиями. Теперь о нем толкуют, как о «темной лошадке» на президентских выборах.

Гендрон так и не обрел дара речи.

Грег глубоко вздохнул.

— Никто не воспримет меня всерьез, понимаешь? Как и Лонгли. Но я не валяю дурака. Я строю мельницы, а ты достанешь мне строительный материал.

Он замолчал, и в кабинете снова повисла тишина, нарушаемая только едва слышным гудением часов.

Наконец Гендрон прошептал:

— Откуда у тебя эти снимки? Эллиман постарался?

— Брось ты! Забудем об этом. Оставь их себе.

— А у кого негативы?

— Чак, — серьезно сказал Грег, — ты не понимаешь. Я предлагаю тебе Вашингтон. И беспредельные возможности! Я даже не прошу тебя финансировать мою избирательную кампанию. Мне нужно всего лишь ведро воды, чтобы запустить насос. А когда все закрутится, деньги сами потекут рекой. Ты знаком с ребятами, у которых есть деньги. Ты обедаешь с ними, играешь в покер, даешь кредиты по самым льготным ставкам, какие они сами тебе называют. И ты знаешь, как прихватить их.

— Грег, ты не понимаешь, ты не...

— Как я прихватил тебя. — Грег поднялся.

Банкир стоял, беспомощно опустив руки. Грег Стилсон подумал, что он похож на барана, которого заманили на бойню.

— Пятьдесят тысяч долларов, — напомнил он. — Найди их.

Грег вышел, прикрыв за собой дверь. Даже сквозь толстые стены было слышно, как он остановился и пошутил с секретаршей, и та захихикала, как школьница, несмотря на свои шестьдесят лет. Грег был настоящим фигляром. И шутовство вкупе с программами по борьбе с малолетней преступностью принесло ему кресло мэра Риджуэя. Но люди не посылают фигляров в Вашингтон.

По крайней мере не посылали до сих пор.

Но это уже не его проблема. Его проблема — найти пятьдесят тысяч долларов на избирательную кампанию. И мысли о том, как решить задачу, стремительно закрутились в его голове. Да, задача выполнима, но закончится ли все на этом?

Белый конверт все еще лежал на столе. Из прозрачного кубика улыбалась жена. Он сунул конверт во внутренний карман пиджака. Наверняка это дело рук Эллимана! Это ему удалось все разнюхать и снять на пленку.

Но команду он получил от Стилсона.

Может, Грег и не такой уж безмозглый фигляр. Его характеристика политической ситуации семьдесят пятого — семьдесят шестого годов не лишена здравого смысла. *Надо строить ветряные мельницы, а не ветроломы... беспредельные возможности.*

Но это не его проблема. Его проблема — пятьдесят тысяч долларов.

Чак Гендрон — председатель местного отделения «Лайонс клубс» и вообще славный парень (в прошлом году на городском параде в честь Дня независимости он ехал на маленькой смешной мотоциклетке) — вытащил из верхнего ящика стола чистый лист бумаги и начал составлять список. А на Мейн-стрит Грег Стилсон, обратив лицо к яркому осеннему солнцу, поздравил себя с удачным началом.

Позже Джонни решил, что визит Ричарда Диса из журнала «Инсайд вью» немало способствовал тому, что почти через пять лет после посещения ярмарки они с Сарой все-таки оказались в постели вместе. То, почему он все-таки не выдержал и позвонил Саре, пригласив ее приехать, было не просто желанием видеть возле себя кого-то приятного и избавиться от горького привкуса во рту. Во всяком случае, так ему казалось.

Джонни позвонил в Кеннебунк. К телефону подошла ее бывшая соседка по комнате и сказала, что Сара сейчас возьмет трубку. В наступившей тишине Джонни еще поразмыслил (правда, не всерьез), не повесить ли трубку, перевернув эту страницу жизни навсегда. Затем прозвучал голос Сары:

— Джонни, это ты?

— Он самый.

— Как ты?

— Нормально. А ты?

— Все хорошо. Я рада, что ты позвонил... Честно говоря, я не была уверена.

— Все еще балуешься кокаином?

— Нет, я теперь подседа на героин.

— А сын с тобой?

— Конечно! Я без него никуда.

— Тогда, может, вы оба сядете в машину и приедете сюда, прежде чем вернуться домой?

— Мне очень хотелось бы этого, Джонни.

— Отец работает в Вестбруке, поэтому я главный по кухне и мытью посуды. Он возвращается около половины пятого, и примерно через час мы ужинаем. Не присоединитесь ли к нам? Только сразу предупреждаю, что в основе всех моих фирменных блюд — франко-американские спагетти.

— Приглашение принято, — засмеялась Сара. — А в какой день лучше приехать?

— Как насчет завтра или послезавтра?

— Завтра удобно. Тогда до встречи.

— Буду ждать, Сара.

— Я тоже.

Джонни повесил трубку, охваченный возбуждением и чувством вины. Но разве мыслям прикажешь? Ему очень хотелось помечтать о том, как все обернется; впрочем, лучше не думать об этом.

Она знает все, что нужно. Она знает, когда возвращается отец, а что еще требуется?

Но в голове неотвязно стучало: А как ты поступишь, если она приедет в полдень?

Никак, ответил он себе не слишком уверенно. При одной мысли о Саре, изгибе ее губ, чуть раскосых зеленых глазах Джонни овладевала слабость, нерешительность, даже отчаяние.

Он прошел на кухню и занялся ужином — они с отцом жили по-холостяцки и обходились самым простым. Жизнь мало-помалу налаживалась, и Джонни выздоравливал. Они с отцом говорили о четырех с половиной годах, вычеркнутых из жизни, и о матери — очень осторожно и постепенно приходя к пониманию. Вернее, даже не к пониманию, а к схожему восприятию того, что случилось с ней. Да, жизнь брала свое, и они оба пытались найти себя в новых условиях и обрести точку опоры. В январе Джонни снова вернется в Кливс-Миллс и займется

преподаванием. Неделю назад он получил от Дейва Пелсена контракт на полгода, подписал его и отослал назад. Как его отец справится с одиночеством? Наверное, будет просто жить дальше, полагал Джонни. Люди приспособивались и продолжали жить по некогда заведенному порядку, не особо над этим задумываясь. Джонни решил почаще приезжать к отцу. Каждые выходные, если понадобится. В его жизни произошло так много внезапных перемен, что ему оставалось только медленно продвигаться на ощупь, как слепому в незнакомом помещении.

Джонни сунул мясо в духовку, прошел в гостиную и включил телевизор. Потом, выключив его, стал думать о Саре.

С ней приедет ребенок, размышлял он, и это не позволит нам совершить ничего предосудительного. Он будет нашей дуэньей, если они приедут рано. Так что беспокоиться не о чем, все тылы прикрыты.

Но навязчивые мысли продолжали тревожить его.

2

Она приехала на следующий день в четверть первого и, подрулив к дому на щегольском красном «пинто», вылезла из машины, высокая и красивая. Легкий октябрьский ветерок шевелил ее русые волосы.

— Привет, Джонни! — крикнула она, взмахнув рукой.

— Сара! — Он пошел к ней навстречу. Она подняла лицо, и Джонни поцеловал ее в щеку.

— Дай-ка мне сначала вытащить императора.

Она открыла пассажирскую дверцу.

— Помочь?

— Нет, мы отлично управляемся сами, правда, Денни? Вылезай, малыш.

Сара ловко отстегнула ремни, удерживавшие пухленького малыша на переднем сиденье, и вытащила его. Денни обвел удивленным и радостным взглядом двор и замер, остановив его на Джонни. Потом улыбнулся.

— Ба! — воскликнул мальчик и замахал ручонками.

— Кажется, он просится к тебе, — изумилась Сара. — На него это совсем не похоже. Обычно он очень сдержан в проявлении чувств — настоящий республиканец, как и его отец. Хочешь его подержать?

— Конечно, — опасливо подтвердил Джонни.

Сара улыбнулась:

— Он не разобьется, и ты не уронишь его. — Она передала ему Денни. — А даже если и уронишь, он наверняка подпрыгнет, как мячик. *Отвратительно толстый ребенок!*

— Бах-бах! — произнес Денни, безмятежно обвив рукой Джонни за шею и весело поглядывая на мать.

— Невероятно! Он никогда не тянется к другим... Джонни! *Джонни!*

Едва малыш обвил шею Джонни рукой, как тому показалось, будто на него ниспадают ласковые струи теплой воды. Они не угрожали, не тревожили. Все предельно просто. В мыслях ребенка ничто не говорило о будущем. Никаких намеков на неприятности или перенесенные беды. Только ощущение тепла, чистоты, матери и мужчины, которым и был Джонни.

— Джонни? — Сара с тревогой смотрела на него.

— Хм?

— Все в порядке?

Он понял, что она спрашивает о Денни. Все ли в порядке с ее малышом? Есть ли основания для беспокойства?

— Все отлично, — заверил ее Джонни. — Если хочешь, войдем в дом, но я обычно устраиваюсь на веранде. Скоро на улице похолодает, и здесь уже нельзя будет сидеть.

— Веранда меня вполне устроит. А Денни, похоже, намерен исследовать двор. Говорит, что он очень большой. Да, малыш? — Она потрепала сына по волосам, и тот засмеялся.

— Это не опасно? — спросил Джонни.

— Если не попытается съесть какую-нибудь щепку.

— Я колол дрова для печки. — Джонни опустил Денни на землю так осторожно, будто имел дело с китайской вазой династии Мин. — Хорошая нагрузка для мышц.

— А как сейчас твое здоровье?

— Грех жаловаться. — Джонни вспомнил, как разобрался с Ричардом Дисом несколько дней назад.

— Отлично! Когда мы виделись в прошлый раз, ты был настроен не очень оптимистично.

— Это из-за операций, — кивнул Джонни.

— Джонни...

Он поднял на Сару глаза и снова ощутил влечение, надежду и чувство вины. Сара ответила ему открытым и честным взглядом.

— Да?

— Ты помнишь... насчет обручального кольца?

Джонни кивнул.

— Оно было в чемодане. Там, где ты сказал. Я выбросила его.

— Правда? — Почему-то он не удивился.

— Я выбросила его и ничего не сказала Уолту. — Она покачала головой. — Сама не знаю почему. И до сих пор мне как-то не по себе.

— Не думай об этом.

Они стояли на ступеньках, не сводя друг с друга глаз. Щеки Сары залил румянец.

— Я хотела бы закончить одно дело, — сказала она. — То, что мы собирались, но так и не успели сделать.

— Сара... — Джонни смущенно замолчал. Денни, проковыляв несколько шагов, плюхнулся на землю, но не заплакал.

— Да, — продолжила она. — Не знаю, хорошо это или плохо. Я люблю Уолта. Он хороший человек, и его легко любить. Кажется, единственное, чему я научилась, — это отличать хорошего человека от плохого. Дэн — тот парень, с которым я встречалась в колледже, — был плохим. Благодаря тебе я узнала, что бывают другие, Джонни. Без тебя я никогда не смогла бы по достоинству оценить Уолта.

— Сара, ты ничего не должна...

— Нет, должна! — решительно возразила она. — Потому что подобные вещи говорят только раз в жизни. И как бы ты к этому ни отнесся, они должны быть сказаны. Нужно подвести черту, потому что говорить об этом слишком больно, а другого раза может не быть. — Она жалобно посмотрела на него. — Ты понимаешь меня?

— Да. Думаю, что понимаю.

— Я люблю тебя, Джонни. И всегда любила. Я пыталась убедить себя, что в нашей разлуке проявилась воля Господня. Не знаю... Неужели испорченная сосиска — это тоже воля Божья? Как и двое подростков, устроивших гонки на машинах посреди ночи? Я хочу только одного... — Ее голос зазвенел в прохладном октябрьском воздухе. — Я хочу получить то, что у нас отняли. — Сара опустила глаза. — Хочу всей душой, Джонни. А ты?

— Я тоже. — Он протянул руки, но Сара, покачав головой, отступила.

— Только не при Денни. Может, это глупо, но при нем мне будет казаться, будто я изменяю

мужу у него на глазах. А я хочу всего, Джонни! Я хочу, чтобы ты обнимал меня, целовал и любил. — У нее перехватило дыхание, и голос дрогнул. — Наверное, это нехорошо, но я ничего не могу с этим поделать. Пусть нехорошо, но зато правильно. Потому что справедливо!

Джонни вытер слезу, катившуюся по ее щеке.

— И это будет всего один-единственный раз, верно?

Она кивнула.

— Этот раз будет платой за все. За все, что могло бы быть, не случись той аварии. — Ее зеленые глаза наполнились слезами. — Мы рассчитаемся за все в этот единственный раз, да, Джонни?

— Нет, — улыбаясь, ответил он, — но попытаемся, Сара.

Она с нежностью взглянула на Денни, который безуспешно пытался взгромоздиться на чурбак.

— Когда он уснет, — сказала Сара.

3

Они сидели на веранде и наблюдали за Денни, который играл во дворе под высоким синим небом. Они не спешили и не проявляли нетерпения, но оба ощущали, как неуклонно нарастает возбуждение. Сара расстегнула пальто и устроилась в кресле-качалке, скрестив ноги. Ветер разметал по плечам ее волосы. С ее щек не сходил румянец. По небу с запада на восток медленно плыли высокие белые облака.

Они говорили обо всяких пустяках — торопиться было некуда. Впервые после комы Джонни не чувствовал, что время — его враг. Оно лишило их самого важного, а взамен украденного предоставило им только сегодняшний день, но этот день они могли использовать до конца. Они говорили об общих знакомых, которые женились или вышли замуж, о выпускнице их школы в Кливс-Миллс, получившей национальную стипендию за успехи в учебе, о губернаторе штата Мэн, который победил на выборах как независимый кандидат.

— Посмотри-ка на него. — Сара кивнула в сторону Денни.

Малыш сидел на траве возле подпорок для плюща, поставленных Верой Смит, и, засунув в рот большой палец, сонно смотрел на них.

Она вынула из багажника «пинто» походную кровать.

— Мы можем устроить его на веранде? — спросила она у Джонни. — Здесь так хорошо, и мне хотелось бы оставить его на свежем воздухе.

— Конечно, можем, — ответил Джонни.

Сара поставила кровать в тени, уложила Денни и закрыла его двумя одеялами.

— Спи, малыш.

— Так просто? — удивился Джонни.

— Да. — Сара обняла сына и повернулась к Джонни. — Поцелуй меня, — попросила она. — Я ждала этого целых пять лет.

Он обнял ее за талию и нежно поцеловал.

— О, Джонни, — прошептала Сара, обняв руками его шею. — Я люблю тебя.

— И я люблю тебя, Сара.

— Куда мы пойдём? — спросила она, отстраняясь. Глаза, похожие на изумруды, сияли. — Куда?

4

Он расстелил выцветшее, но чистое армейское одеяло на сеновале в сарае. Воздух был напоен сладким и сильным ароматом. Над ними таинственно щебетали и хлопали крыльями ласточки, но вскоре они успокоились. Наверху располагалось маленькое запыленное окошко, откуда был виден дом с верандой. Сара расчистила на стекле пятнышко и обернулась к Джонни.

— Здесь удобно? — спросил он.

— Да. Здесь лучше, чем в доме. Там было бы... — Она замялась.

— Как будто в присутствии отца?

— Да. А так только мы с тобой.

— Без посторонних.

— Без посторонних... — Сара легла на живот, прижалась щекой к одеялу и сбросила туфли. — Расстегни мне молнию, Джонни.

Он опустил на колени и расстегнул молнию на ее платье. Звук скользящей застежки нарушил тишину сарая. По контрасту с белыми трусиками кожа Сары казалась особенно смуглой. Джонни поцеловал ее между лопатками, и она задрожала.

— Сара, — прошептал он.

— Что?

— Я должен признаться тебе.

— В чем?

— Во время одной операции доктор ошибся и случайно кастрировал меня.

Сара рассмеялась.

— Ты не меняешься! И еще у тебя есть друг, который свернул себе шею на аттракционе в Топшеме.

— Верно.

Ее рука нежно скользнула по его животу вверх и вниз.

— На ощупь не очень-то похоже, что тебя изувечили. — Ее глаза засияли. — Даже совсем не похоже! Может, проверим?

Запах сена дурманил голову. Время остановилось. Грубое одеяло, шелковистая кожа, пьянящая нагота Сары. Погружение в нее походило на волшебный сон, воспоминания о котором сохранятся на всю жизнь.

— О, Джонни, любовь моя... — Голос Сары дрожал от возбуждения. Слова доносились до Джонни будто издалека, а разметавшиеся волосы Сары ласкали его грудь и плечи. Зарывшись в них лицом, он погружался в ароматную тьму.

Все было пронизано пряным запахом сена. Лежа на тонком одеяле, они слышали слабое поскрипывание. Сквозь щели кровли струился мягкий свет, и в лучах солнца плясали, кружась, пылинки.

Сара вскрикнула, вцепилась пальцами ему в спину. Она произносила его имя снова и снова, будто припев какой-то неведомой песни.

Потом они вместе сидели у окна и смотрели во двор. Накинув платье на голое тело, Сара вышла. Джонни смотрел в окно и не мог думать ни о чем. Он видел, как Сара пересекла двор, поднялась на веранду и, склонившись над кроватью, поправила одеяло. Затем направилась назад, и ветер играл ее русыми волосами.

— Он проспит еще полчаса, — сообщила она.

Джонни улыбнулся:

— Думаю, я составлю ему компанию.

Сара провела босой ногой по его груди.

— Только попробуй!

И все повторилось снова. Только на этот раз она была наверху и, склонившись почти в

молитвенной позе, опустила голову, а упавшие вниз волосы медленно покачивались взад-вперед. Потом все кончилось.

5

— Сара...

— Нет, Джонни, ничего не говори. Наше время закончилось.

— Я хотел сказать, что ты очень красивая.

— Правда?

— Правда, любимая.

— Мы за все расквитались?

— Во всяком случае, мы очень старались, Сара! — улыбнулся он.

6

Вернувшись из Вестбрука, Эрб, казалось, не удивился, застав Сару. Он поздоровался с ней, повожился с малышом и побранил ее за то, что не привозила сына раньше.

— У него твои волосы и цвет кожи, — заметил Эрб. — И глаза, наверное, будут твоими, когда перестанут меняться.

— Лишь бы умом пошел в отца, — отозвалась Сара. Поверх голубого шерстяного платья она надела передник, собираясь хозяйничать. Солнце садилось; через двадцать минут совсем стемнеет.

— Вообще-то за готовку отвечает Джонни, — сказал Эрб.

— Я ничего не мог поделать. Она пригрозила мне пистолетом.

— Может, оно и к лучшему, — согласился Эрб. — Все, что ты готовишь, имеет вкус франко-американских спагетти.

Джонни запустил в отца журналом, и веселый смех Денни наполнил весь дом.

Неужели он догадался? — спрашивал себя Джонни. *Наверное, у меня все написано на лице.*

А когда отец достал из чуланчика коробку со старыми игрушками Джонни, которые не позволил Вере вынести из дому, сказал себе: *Он все понимает.*

Они сели за стол. Эрб спросил у Сары, зачем Уолт уехал в Вашингтон, и та рассказала, что индейцы требуют вернуть им земли, чему и посвящена конференция. Она объяснила, что на таких встречах республиканцы пытаются прощупать общественное мнение.

— Многие из тех, с кем он встречается, — продолжила Сара, — считают, что если на выборах в следующем году республиканцы вместо Форда выдвинут Рейгана, то «Великой старой партии» придет конец. И тогда Уолт не сможет баллотироваться на место Билла Коуэна в 1978 году, когда тот займет место сенатора Билла Хатавея.

Эрб внимательно наблюдал, как Денни с серьезным видом расправляется со стручками фасоли, используя все шесть своих зубов.

— Вряд ли Коуэн станет дожидаться семьдесят восьмого года, чтобы попасть в сенат. Он выступит против Маски на будущий год.

— По мнению Уолта, Билл Коуэн не так глуп и предпочтет подождать, — возразила Сара. — Что касается самого Уолта, он полагает, что его шанс не за горами, и я начинаю верить в это.

После ужина они расположились в гостиной и о политике больше не говорили. Они наблюдали, как Денни играет со старыми деревянными машинками, которые Эрб Смит смастерил для сына больше четверти века назад. Тогда, женатый на жизнерадостной женщине с

сильным характером, иногда по вечерам выпивающий бутылочку светлого пива, он был в расцвете сил и, уж конечно, не думал о том, что когда-нибудь поседеет. Тогда будущее сына представлялось ему безоблачным.

Он точно все понимает, думал Джонни, отпивая кофе. Не важно, знает ли он, что произошло сегодня между мной и Сарой, или только догадывается, но он понимает главное — этот мир основан на самообмане. Его нельзя ни изменить, ни исправить, но можно принять таким, какой он есть. Сегодня мы с Сарой заключили брачный союз, хотя в жизни это никогда не осуществится. И дед играет вечером с внуком.

Джонни вспомнил, как «Колесо фортуны» замедляет ход и наконец останавливается.

Зеро. Все проигрывают.

Почувствовав отчаяние и гнетущую безысходность, он усилием воли прогнал эти мысли. Сейчас не время впадать в уныние. Во всяком случае, сегодня вечером.

К половине девятого Денни начал капризничать и Сара сказала:

— Пожалуй, нам пора. Пару миль он еще будет сосать из бутылочки, а потом отключится.

Спасибо за гостеприимство.

Она перехватила взгляд Джонни.

— Это вам спасибо. — Эрб поднялся. — Верно, Джонни?

— Верно. Давай я помогу с кроватью, Сара.

В дверях Эрб поцеловал Денни в макушку (а тот схватил его за нос и сжал так сильно, что у Эрба выступили слезы) и Сару в щеку. Джонни отнес кровать к машине, и Сара дала ему ключи, чтобы он уложил ее в багажник.

Сара ждала у открытой дверцы, когда Джонни закончит, и не сводила с него глаз.

— Мы сделали все, что смогли. — Она попыталась улыбнуться. Но глаза ее блестели от навернувшихся слез.

— Кажется, мы не подкачали, — усмехнулся Джонни.

— Мы еще увидимся?

— Не знаю, Сара. А ты как думаешь?

— Вряд ли. Это было бы слишком просто, верно?

— Верно.

Она поцеловала его в щеку. Джонни ощутил запах ее волос — чистый и свежий.

— Будь осторожен, — прошептала она. — Я буду думать о тебе.

— Веди себя хорошо, Сара. — Он коснулся ее носа.

Она повернулась и села в машину — красивая молодая жена человека, который делал успешную карьеру. Джонни не сомневался, что уже на будущий год они переседут с «пинто» на более престижный автомобиль.

Заглись фары, и заурчал маленький мотор. Сара махнула рукой на прощание, и через мгновение машина уже направлялась к шоссе. Джонни стоял возле чурбака, сунув руки в карманы, и провожал ее взглядом. Часть его сердца умерла. Но гораздо хуже было другое — он ничего не чувствовал.

Дождавшись, когда задние фонари скрылись из виду, он вернулся в дом. Телевизор был выключен. Отец сидел в большом кресле в гостиной и смотрел на игрушки, разбросанные на полу.

— Я был рад повидать Сару, — сказал Эрб. — Вы с ней... — Он чуть помедлил. — Вы хорошо провели время?

— Да, — ответил Джонни.

— Она еще приедет?

— Вряд ли.

— Может, оно и к лучшему, — подытожил Эрд.

— Может, и так.

— Ты играл в эти игрушки, — сказал Эрд, опускаясь на колени и собирая их. — Мы отдали целую кучу Лотти Гедро, когда она родила двойню, но я знал, что не все. Кое-что сохранил.

Он складывал машинки по одной в коробку, внимательно разглядывая их перед тем, как убрать. Гонимый автомобиль. Бульдозер. Полицейский автомобиль. Пожарная машина, на которой красная краска почти целиком стерлась в тех местах, где ее брала маленькая рука... Эрд отнес коробку в чулан.

Джонни и Сара встретились только через три года.

В тот год снег выпал рано. В начале ноября его покров составлял уже шесть дюймов, и, чтобы дойти до почтового ящика, Джонни шнуровал старые зеленые ботинки на толстой подошве и надевал такую же старую куртку с капюшоном. Пару недель назад Дейв Пелсен прислал бандероль с материалами для январских занятий, и Джонни приступил к составлению поурочных планов. Он с нетерпением ждал, когда вернется в школу. Дейв также подыскал ему квартиру в Кливс-Миллс в доме номер 24 по Хауланд-стрит. Джонни записал адрес на листочке и носил с собой в бумажнике, потому что никак не мог запомнить улицу и номер дома.

День выдался пасмурным, по небу плыли низкие облака, а температура упала до минус семи. Когда Джонни отправился на обычную прогулку, закружились первые снежинки. Вокруг никого не было, поэтому он, высунув язык, поймал на него несколько снежинок. Джонни чувствовал себя отлично и почти не хромал. В последние недели голова не болела ни разу.

Он вынул из почтового ящика рекламный листок, экземпляр «Ньюсуик» и небольшой конверт без обратного адреса. Джонни отправился домой и на полпути вскрыл конверт, сунув остальную корреспонденцию в задний карман брюк. Там оказался всего один листок, и, увидев наверху логотип «Инсайд вью», Джонни остановился.

Это была третья страница номера за прошлую неделю. Первым шел «разоблачительный» материал об импозантном втором ведущем телевизионного криминального шоу. Оказывается, того дважды исключали из школы за хулиганство (двенадцать лет назад) и задерживали (шесть лет назад) за хранение кокаина. Это — для американских домохозяек. Затем статья о зерновой диете с фотографией прелестного мальчика и заметка о чудесном исцелении девятилетней девочки от церебрального паралича («Врачи разводят руками», — сообщал заголовок). Заметка без подписи внизу страницы была обведена. «Экстрасенс из Мэна признается в обмане», — гласил заголовок. Анонимный автор писал:

Инсайд вью» всегда стремился не только подробно рассказать об экстрасенсах и медиумах, о которых умалчивает так называемая большая пресса, но и вывести на чистую воду мошенников и шарлатанов, мешающих официальному признанию паранормальных явлений.

Недавно один из таких мошенников признался в обмане нашему источнику. «Ясновидящий» Джонни Смит из Паунала, штат Мэн, подтвердил нашему представителю, что его «откровение» в больнице было подстроено, поскольку ему предстояло оплатить счета за лечение. Он со смехом добавил, что в случае выхода его книги надеется рассчитаться с долгами и пару лет прожить, ни в чем себе не отказывая. «Раз сегодня люди готовы поверить во что угодно, так почему же на этом не заработать?» — цинично заявил он.

Благодаря нашему журналу, который всегда предупреждал, что на одного настоящего экстрасенса приходится два мошенника, Джонни Смит не удалось нажиться на доверчивости американцев. И мы подтверждаем свою готовность выплатить тысячу долларов каждому, кто уличит любого знаменитого ясновидящего в мошенничестве.

Жулики и шарлатаны, берегитесь!

Джонни дважды перечитал заметку, не заметив, что снегопад усилился, и невольно усмехнулся. Да, недремлющая пресса не любит, когда какой-то неотесанный мужлан спускает ее представителя с лестницы пинком под зад. Он убрал листок в конверт и сунул его в задний карман к остальной почте.

— Дис, — громко сказал он, — надеюсь, твои синяки еще не исчезли.

2

У Эрба заметка вызвала совсем другие чувства. Прочитав ее, он с отвращением швырнул листок на стол.

— Ты должен подать в суд на этого сукина сына, Джонни! Это чистой воды клевета! Специально чтобы опорочить тебя!

— Согласен на все сто, — сказал Джонни. На улице совсем стемнело, и начавшийся после обеда снегопад сменился метелью. За окном пронзительно выл ветер, заносивший снегом подъездную дорожку. — Но разговор был с глазу на глаз, и Дис это отлично понимает. Так что мое слово будет против его слова.

— У него даже не хватило духу подписаться под этой клеветой! — не унимался Эрб. — Что это еще за таинственный «источник»? Пусть журнал назовет его!

— А вот это точно не получится! — возразил Джонни улыбаясь. — Это все равно что бросить вызов самому отъявленному хулигану квартала, прикрыв промежность листком с надписью «Ударь сюда посильнее». Тогда на меня ополчится вся пресса и объявит священную войну, публикуя статьи на первой полосе и прочее. Нет уж, спасибо! Я считаю, что они оказали мне услугу! Я не собираюсь посвящать жизнь розыскам акций, засунутых куда-то стариками, или предсказывать, кто победит в четвертом заезде на скачках в Скарборо-Даунс. Или взять хотя бы ту же лотерею! — Оправившись после комы, Джонни поразился, что в Мэне и нескольких других штатах официально разрешили проводить лотереи. — За последний месяц я получил шестнадцать писем с просьбой сообщить, какой номер выигрывает. Безумие какое-то! Даже если бы я и мог это сказать, то что им с того? В лотерее нашего штата человек не сам проставляет цифры, а получает билет, где номер уже стоит. А они все равно спрашивают!

— Не понимаю, какое отношение это имеет к фальшивке в журнале.

— Если люди будут думать, что я мошенник, они, возможно, оставят меня в покое.

— Теперь понятно, — сказал Эрб, раскуривая трубку. — Тебе это всегда было не по душе, верно?

— Верно. Ты сам старался обходить эту тему, и я благодарен тебе. Мне кажется, что остальные ни о чем другом не хотят разговаривать со мной.

Однако гораздо больше Джонни задевало не это. Когда он заходил в магазин купить пива или батон хлеба, продавщица старалась взять у Джонни деньги, не касаясь его руки, а в ее взгляде сквозил страх. Друзья отца избегали пожимать Джонни руку. В октябре отец нанял старшеклассницу, чтобы та раз в неделю приходила к ним домой убраться и вытереть пыль, но через три недели она отказалась, не объяснив причину. Наверное, в школе ей рассказали о Джонни. Казалось, тех, кто мечтал пообщаться с ним, прикоснуться к нему и узнать что-то благодаря его удивительному дару, было столько же, сколько и других, считавших Джонни кем-то вроде прокаженного. В такие моменты Джонни вспоминал, как смотрели на него медсестры, когда он сообщил Айлин Магоун о пожаре. Он вспоминал, как отшатнулся от него репортер на той злополучной пресс-конференции, признавая, что Джонни не в чем себя упрекнуть, но не желая прикасаться к нему. Такую реакцию на его особу он не мог назвать здоровой.

— Да, — согласился отец, — мы редко говорили об этом. Наверное, потому, что это

напоминало мне о матери. Она была так уверена, что этот... дар ниспослан тебе по какой-то особой причине. Иногда мне кажется, что в этом что-то есть.

Джонни пожал плечами:

— Я хочу жить, как самый обычный человек, и никогда не вспоминать об этом. И если эта статейка поможет мне, я буду только рад.

— Но этот дар никуда не делся, верно? — Эрб пристально посмотрел на сына.

Джонни вспомнил, как меньше недели назад они с отцом решили поужинать в ресторане, что позволяли себе крайне редко из-за стесненности в средствах. «Ферма Коула» в Грее считалась лучшим рестораном в округе, и там всегда было полно народа. На улице стоял мороз, а зал для посетителей привлекал теплом и атмосферой веселья. Джонни направился в гардероб, чтобы повесить куртки, и перебирал висевшую там одежду, пытаясь найти пустые вешалки, как вдруг перед его глазами возникли на редкость яркие образы. Такое иногда случалось, как, впрочем, и другое: он мог продержать чужое пальто в руках двадцать минут и ровно ничего не почувствовать. Наткнувшись на женское пальто с меховым воротником, Джонни вдруг осознал, что у его обладательницы роман с одним из партнеров мужа по покеру. Боясь, как бы это не выплыло наружу, она мечтает положить конец этой связи. Утепленная джинсовая куртка, отороченная овчиной. Ее владелец тоже сильно нервничал, но из-за брата, получившего травму на стройке неделю назад. Маленькая детская куртка принадлежала мальчишке; его бабушка из Дарема сегодня подарила ему транзистор, оформленный под игрушку, и он ужасно злился, что отец не разрешил взять приемник с собой в ресторан. А от одного черного пальто у Джонни побежали мурашки по коже и пропал аппетит. Владелец пальто терял рассудок. Внешне это пока не проявлялось, и даже жена ни о чем не подозревала, но мужчину уже посещали кошмарные галлюцинации. Дотронуться до этого пальто было все равно что взять в руки клубок змей.

— Не делся, — подтвердил Джонни. — Что меня очень огорчает.

— Seriously?

Джонни подумал о черном пальто. В тот вечер он едва прикоснулся к пище и постоянно вертел головой, разглядывая посетителей и пытаясь определить его владельца, но так и не смог.

— Seriously, — ответил он.

— Тогда не будем больше об этом! — Эрб похлопал сына по плечу.

3

Прошло еще около месяца, и казалось, Джонни действительно оставили в покое. Он съездил в Кливс-Миллс, чтобы принять участие в совещании учителей, работавших во втором полугодии. Заодно Джонни отвез вещи на новую квартиру, маленькую, но вполне пригодную для жилья.

Когда он усаживался в отцовскую машину, Эрб спросил:

— Не боишься вести ее?

Джонни покачал головой. Мысли о возможной аварии совсем не тревожили его. Во-первых, чему быть — того не миновать, а во-вторых, он не верил, что снаряд дважды падает в одну воронку. В глубине души Джонни не сомневался, что если ему и суждено погибнуть, то не в автомобильной аварии.

Долгая поездка прошла спокойно, а совещание напомнило встречу выпускников. Все старые коллеги, продолжавшие работать в школе, заглянули, чтобы поздороваться и пожелать Джонни успехов. Но он заметил, что многие насторожены и опасаются обменяться с ним рукопожатием. Возвращаясь домой, он пытался убедить себя, что это ему показалось. А если нет, то это даже забавно: журнал «Инсайд вью» написал открытым текстом, что Джонни — мошенник, поэтому

они не имели оснований тревожиться.

После совещания ему было нечего делать в Кливс-Миллс, и он вернулся в Паунал дожидаться наступления Рождества и окончания рождественских каникул. Словно по команде, посылки с вещами перестали приходить, что лишний раз засвидетельствовало множество прессы, как объяснил Джонни отцу. Однако на смену посылкам хлынул поток возмущенных, в основном анонимных писем и открыток от людей, которые чувствовали себя оскорбленными.

В одном таком послании, отправленном на почтовой бумаге гостиницы «Рамада» из Йорка, штат Пенсильвания, говорилось:

Вы будете гореть в АДУ за свои грязные дилишки и абман Соединенных Штатов. Вы — просто жулик и машеник! Я благодарю Господа, что журнал раскусил вас. Как не стыдно, сэр! В библии гаварится, что обычный грешник утонет в море огня, а ЛОЖНЫЙ ПРАРОК будит гореть ВЕЧНО! Вы — Ложный Прарок, который продал свою бессмертную душу за пару баксов. На этом заканчиваю письмо и надеюсь для вашего же блага никогда не встретить вас на улицах вашего города.

Друг (Бога, а не ваш, сэр).

За двадцать дней после появления заметки в журнале «Инсайд вью» пришло почти три десятка писем подобного содержания. Несколько предприимчивых корреспондентов предложили Джонни свои услуги в качестве партнеров. Один из них похвалялся:

Я работал ассистентом фокусника и мог запросто надуть даже выдавшую виды шлюху! Если вы планируете устроить какой-нибудь психологический трюк, я вам точно пригожусь!

Затем поток подобных писем иссяк, как до этого — посылок и бандеролей. Не найдя в конце ноября в почтовом ящике никаких посланий, Джонни вспомнил слова художника и продюсера Энди Уорхола о том, что настанет день, когда каждый американец получит свои пятнадцать минут славы. Судя по всему, его пятнадцать минут славы прошли, чему он искренне радовался.

Однако, как выяснилось, эта радость оказалась преждевременной.

4

— Смит? — раздался голос в телефонной трубке 17 декабря. — Джон Смит?

— Да.

Голос был незнаком ему, но звонивший явно не ошибся номером. Это было странно: Эрб сменил номер телефона три месяца назад, и в справочниках он не числился. К Рождеству они нарядили елку, и она стояла в углу гостиной на деревянной крестовине, которую отец смастерил, когда Джонни был еще маленьким. За окном шел снег.

— Вас беспокоит Баннерман. Шериф Джордж Баннерман из Касл-Рока. У меня... как бы это сказать... есть к вам предложение.

— Откуда у вас этот номер?

Баннерман откашлялся:

— Ну, в принципе, я, как полицейский, мог бы получить его в телефонной компании. Но вообще-то мне дал его ваш друг, доктор Вейзак.

— Сэм Вейзак дал вам мой номер?

— Именно так.

Озадаченный Джонни опустил на стул возле телефона. Теперь он сообразил, что совсем недавно читал о Баннермане в воскресном приложении. Тот был шерифом в округе Касл, располагавшемся в районе озер к западу от Паунала. Касл-Рок, центр округа, находился в тридцати милях от Норуэя и в двадцати — от Бриджтона.

— Ваш звонок связан с работой?

— Пожалуй, да. Не могли бы мы встретиться и выпить по чашке кофе?

— Дело касается Сэма?

— Нет, доктор Вейзак не имеет к этому никакого отношения. Он звонил мне и назвал ваше имя. Это было... наверное, месяц назад. Я тогда еще подумал, что у него, видимо, не все дома, а теперь у нас самих ум за разум заходит.

— Вы о чем? Мистер... *шериф* Баннерман, я понятия не имею, о чем вы говорите.

— Нам действительно лучше встретиться за чашкой кофе. Может, сегодня вечером? В Бриджтоне есть ресторанчик «У Джона». Это примерно на полпути между нашими городами.

— Нет, извините, — сказал Джонни. — Я должен знать, в чем дело. И почему Сэм не позвонил мне сам?

— Вы, наверное, не читаете газет, — вздохнул Баннерман.

Но он ошибался. Чтобы наверстать упущенное и поскорее адаптироваться, Джонни, выйдя из комы, читал газеты жадно и внимательно. Имя Баннермана там упоминалось совсем недавно. Ну конечно! Он же оказался в центре ужасных событий и отвечал за расследование... Сообразив, в чем дело, Джонни отвел от уха телефонную трубку и смотрел на нее, как на ядовитую змею.

— Мистер Смит? — раздалось в трубке. — Алло? Вы меня слышите, мистер Смит?

— Слышу. — Джонни приложил трубку к уху. В нем нарастала злость на Сэма Вейзака, еще летом призывавшего его держаться в тени. А тут вдруг Сэм передумал и втайне от Джонни наговорил невесть чего какому-то сельскому шерифу.

— Речь идет о Душителе, верно?

Помолчав, Баннерман спросил:

— Мы можем встретиться, мистер Смит?

— Нет! И еще раз нет! — Глухая злость сменилась яростью, к которой примешивалось что-то еще. Джонни охватил страх.

— Мистер Смит, это очень важно. Сегодня...

— Нет! Оставьте меня в покое! И почитайте «Инсайд вью»! Вы разве не знаете, что я — шарлатан?

— Доктор Вейзак сказал...

— Он не имел права ничего говорить! — закричал Джонни. Его била дрожь. — Прощайте!

Бросив трубку на рычаг, он быстро отошел в сторону, будто это могло оградить его от дальнейших звонков. В висках глухо застучала боль. Джонни подумал, что, может, стоит позвонить матери Сэма в Калифорнию, рассказать, где находится ее сынок и как с ним связаться. Око за око.

Но вместо этого он достал из ящика телефонный справочник, разыскал служебный номер Сэма в Бангоре и набрал его. Услышав в трубке гудки, Джонни опять испугался и повесил ее. Почему Сэм так поступил с ним? Почему, будь он проклят?

Его взгляд остановился на рождественской елке.

Те же старые игрушки. Всего два дня назад они достали их с мансарды, распаковали и повесили на елку. Елочные украшения имеют удивительную особенность. Не так много вещей переходит из детства человека в его взрослую жизнь. Все преходяще, и очень немногое

одинаково служит людям и в детстве, и во взрослой жизни. Детские вещи раздают знакомым или отсылают в Армию спасения, часы с Дональдом Даком на циферблате ломаются, подошвы на ковбойских сапогах, как у Красного Всадника из комиксов, стаптываются. Вместо самодельного первого бумажника появляется настоящий кожаный, а на смену детской коляске и велосипеду приходят игрушки для взрослых: машина, теннисная ракетка или модная игровая приставка для телевизора. Человек забирает из детства очень немного: возможно, пару книг, счастливую монетку или коллекцию марок, которая с годами только пополняется.

И конечно, елочные украшения в родительском доме.

Те же ангелочки с облупившейся краской, та же блестящая звезда для макушки, та же крестовина и стеклянные шары, похожие на уцелевший в битвах взвод батальона. Причем мы всегда помним о павших: один шар случайно раздавил в руке ребенком, другой выскользнул из руки отца и разбился, когда наряжали елку, а красный шар с Вифлеемской звездой по неведомой причине раскололся сам, когда игрушки доставали с мансарды. Джонни помнил, как горько тогда плакал. Но иногда, размышляя он, рассеянно потирая виски, было бы лучше, милосерднее оставить все это в прошлом, чтобы не будить никаких воспоминаний. И тогда не разочарует при новом прочтении любимая в детстве книга и то, что счастливая монетка уже не способна уберечь от невзгод и превратностей судьбы. А при взгляде на игрушки не будешь вспоминать, что когда-то елку наряжали под неусыпным руководством матери, которая требовала повесить игрушку «чуть выше» или «чуть ниже» или говорила, что «слева слишком много мишуры». А эта рождественская елка напоминала о том, что они с отцом наряжали ее вдвоем, поскольку мать тронулась умом и умерла, а хрупкие игрушки выжили и теперь украшали новую елку, срубленную в соседнем лесу. И стоит ли удивляться тому, что на Рождество приходится больше самоубийств, чем на любое другое время года? Это вполне понятно!

Какой силой наградил тебя Господь, Джонни!

Вот уж поистине! Господь выбросил меня через ветровое стекло машины, сломал мне обе ноги и отправил в кому на пять лет, а три человека погибли в аварии. Девушка, которую я любил, вышла замуж за другого и родила сына от какого-то адвоката, мечтающего попасть в Вашингтон и играть с другими в большие политические игры. А ведь ее сын мог бы быть моим! Стоит мне провести на ногах больше двух часов, как они начинают болеть так, будто в них вогнали стальной стержень до самого паха. Да, Бог — настоящий затейник! И ради забавы создал мир, где елочные украшения живут дольше людей. Изумительный мир с первоклассным Богом в качестве управляющего. Наверное, во Вьетнаме Господь был на нашей стороне — уж слишком это похоже на то, как Он правит миром со дня его сотворения.

Он уготовил тебе великую миссию, Джонни.

Вытащить из дерьма шерифа захудалого городка, чтобы его переизбрали на будущий год.

Не прячься от Него, Джонни. Не скрывайся в пещере.

Он потер виски. Ветер за окном усиливался, и Джонни надеялся, что отец по дороге с работы будет ехать осторожно.

Джонни поднялся и, натянув толстый свитер, направился в сарай, выпуская изо рта клубы пара. Слева стояла большая, аккуратно уложенная поленница дров, наколотых совсем недавно. Рядом находился ящик со щепой для разжигания, и лежала куча старых газет. Джонни опустил на корточки и стал копаться в них. Пальцы быстро закоченели, но он не сдавался и вскоре нашел то, что искал. Воскресный выпуск трехнедельной давности.

Он взял газету в дом, разложил на кухонном столе и начал просматривать. Найдя нужную статью, перечитал ее.

Статья сопровождалась несколькими фотографиями. На одной — пожилая женщина, запирающая дверь, на другой — полицейская машина на безлюдной улице, а на двух оставшихся

— почти пустые магазины. Заголовок гласил: «Охота на Душителя из Касл-Рока продолжается».

В статье рассказывалось, что пять лет назад изнасиловали и убили молодую официантку из местного ресторанчика Альму Фречетт, когда она возвращалась домой. Совместное расследование прокуратуры штата и полицейского управления округа Касл ни к чему не привело. Через год в Касл-Роке, в маленькой квартирке на третьем этаже дома на Карбайн-стрит, нашли изнасилованную и задушенную пожилую женщину. А месяц спустя убийца нанес новый удар — на этот раз его жертвой стала старшекласница.

К новому, более тщательному расследованию подключилось ФБР, но и оно закончилось безрезультатно. В ноябре отправили в отставку местного шерифа Карла Келсо, возглавлявшего полицию округа чуть ли не со времен Гражданской войны, и избрали Джорджа Баннермана, клятвенно обещавшего поймать «Касл-рокского душителя».

С тех пор минуло два года. Душителя так и не поймали, но убийства прекратились. А потом, в конце января, два маленьких мальчика нашли тело семнадцатилетней Кэрол Данбарджер. После заявления родителей о ее исчезновении она считалась пропавшей без вести. В школе Кэрол не отличалась примерным поведением, постоянно опаздывала и прогуливала, дважды ее задерживали за мелкие кражи в магазинах, а один раз она даже сбежала из дома и добралась до Бостона. И Баннерман, и полиция штата решили, что Кэрол ловила попутку и села в машину к убийце. Во время неожиданной оттепели посреди зимы снег растаял, и мальчишки наткнулись на тело возле ручья Стриммера. Патологоанатом штата определил, что смерть наступила за два месяца до этого.

Второго ноября произошло еще одно убийство. На этот раз жертвой стала учительница начальной школы мисс Ринггоулд. В округе ее любили — она имела ученую степень, обожала поэзию Роберта Браунинга, активно занималась благотворительностью и прилежно посещала местную методистскую церковь. Ее тело нашли в водопропускной трубе, проложенной под проселочной дорогой. Весь север Новой Англии захлестнуло возмущение этим убийством. Невольно напрашивались аналогии с «Бостонским душителем» Альбертом Десальво, что еще больше накалило страсти. Подлила масла в огонь и манчестерская газета «Юнион лидер» Уильяма Лоуба, напечатавшая передовицу под заголовком «Бездействие полицейских в соседнем штате».

В газете, пропахшей дровами, приводились интервью с двумя местными психиатрами, согласившимися прокомментировать ситуацию на условиях анонимности. Один из них указал на специфическое сексуальное извращение — желание совершить насилие в момент оргазма. Джонни брезгливо поморщился: душить в такой момент! Головная боль усиливалась.

Другой эксперт указывал, что все пять убийств были совершены в конце осени или начале зимы. И хотя данная маниакально-депрессивная личность не подпадала ни под одну из известных психиатрии категорий, она, судя по всему, отличалась характерными перепадами настроения при смене времен года. Агрессивность, спадая с конца апреля до конца августа, затем нарастает и достигает пика к моменту совершения убийств.

В период маниакального или «пикового» состояния преступник испытывал крайнее сексуальное возбуждение и прилив сил, становился дерзким и уверенным в своей безнаказанности. «Он наверняка убежден, что полиция не поймают его, и пока его расчеты полностью оправдываются», — утверждал анонимный психиатр.

Джонни отложил газету и взглянул на часы: отец вернется с минуты на минуту, если его не задержит снегопад. Потом он поднялся и сунул газету в печьку.

Какое мне дело?! Черт бы побрал этого Вейзака!

Не прячься в пещере, Джонни.

А он и не прятался ни в какой пещере. Дело вовсе не в этом! Просто так случилось, что у

него из жизни выпал целый кусок, а это ожесточит кого угодно.

Чудесный предлог пожалеть себя?

— Да пошел ты! — ругнулся он на себя и подошел к окну. Из-за белой пелены разбушевавшейся стихии ничего не было видно. Джонни снова с тревогой подумал о том, что отцу надо быть поосторожнее. Скорее бы он пришел и положил конец его бесполезному самокопанию. Подойдя к телефону, Джонни нерешительно посмотрел на трубку.

Так или иначе, но он действительно потерял несколько лет жизни, причем в самом расцвете сил. Он много потрудился, чтобы наверстать упущенное. Разве он не заслужил права подумать о себе? Права пожить самой обыкновенной нормальной жизнью?

Но ее не существует в принципе, приятель!

Может, нормальной жизни и не существует, но зато ненормальная существует точно! Взять хотя бы тот случай в ресторане «Ферма Коула». Он трогал одежду посетителей и узнавал их страхи, тайны и надежды. Разве это нормально? Это — не дар, а настоящее проклятие!

Даже встреча с шерифом не дает гарантии, что ему удастся чем-то помочь. А если удастся? Если он возьмет и преподнесет ему убийцу «на блюдечке»? Тогда повторится история с больницы пресс-конференцией, только на этот раз масштабы и последствия этого «цирка» окажутся для него совсем иными.

В голове сквозь приступы боли едва слышно пробивалась нескончаемая детская песенка, которую он пел в воскресной школе: «Огонек мой маленький... ты гори, гори... огонек мой маленький... ты свети, свети... ты гори, гори... ярко мне свети...».

Джонни взял трубку и набрал рабочий номер Вейзака. Сейчас уже шестой час, и он не рассчитывал застать доктора на месте: тот наверняка ушел с работы, а домашних телефонов такие известные неврологи в справочниках не регистрировали. После шестого или седьмого длинного гудка Джонни уже хотел положить трубку, но тут к телефону подошел сам Вейзак:

— Алло? Слушаю!

— Сэм?

— Джон Смит? — Вейзак явно обрадовался, но вместе с тем смутился.

— Да, я.

— Как вам снегопад? У вас идет снег? — поинтересовался Вейзак нарочито бодрым тоном.

— Идет.

— У нас начался примерно час назад. Говорят... Джон? Это из-за шерифа вы говорите так натянуто?

— Он звонил мне, — подтвердил Джонни, — и я пытаюсь понять, что, собственно, произошло. Зачем вы дали ему мой телефон? Почему не позвонили мне и не сказали, что... Почему не спросили, можно ли его дать?

Вейзак тяжело вздохнул.

— Джонни, я мог бы солгать, но лучше скажу правду. Я не стал вас спрашивать, потому что боялся услышать отказ. И не предупредил заранее, потому что шериф посмеялся над моими словами. А если мое предложение вызывает смех, я предполагаю, что им не воспользуются.

Джонни потер рукой пульсирующий висок и закрыл глаза.

— Но почему, Сэм? Вы же знаете, как я к этому отношусь. Вы же сами советовали мне не высываться и просто дожидаться, когда страсти улягутся и обо мне забудут. Это же ваши слова!

— Все дело в той газетной статье, — пояснил Сэм. — Я подумал, что вы живете неподалеку, и уже убиты пять женщин. Пять!

Ему было явно не по себе, и он с трудом подбирал слова. От этого Джонни почувствовал себя еще хуже и пожалел, что позвонил.

— Две из них — школьницы. Молодая мать. И учительница начальных классов, которая

обожала Браунинга. Сюжет настолько банальный и избитый, что не заинтересует ни телевизионщиков, ни киношников. Хотя все это правда. Особенно меня потрясло, как убийца обошелся с учительницей. Засунул ее тело в трубу, будто мешок с мусором...

— Ваше чувство вины не имеет ко мне ни малейшего отношения, и вам не следовало впутывать меня!

— Наверное, нет.

— Никаких «наверное»!

— Джонни, с вами все в порядке? У вас такой голос...

— Со мной все в порядке! — закричал Джонни.

— Судя по голосу, нет.

— У меня разламывается от боли голова, вас это удивляет? Я хочу только, чтобы меня оставили в покое. Когда я рассказал вам о матери, вы не стали ей звонить. И сказали, что...

— Есть такие вещи, которые лучше потерять, чем найти. Но бывают исключения, Джонни. Этот человек, кем бы он ни был, страдает сильнейшим душевным расстройством. Он может покончить с собой. Не сомневаюсь, полиция так и решила, когда убийства прекратились на два года. Но у людей с маниакально-депрессивным психозом бывают длительные периоды затишья, которые мы называем «стадией нормальности», а потом эта стадия вновь сменяется нестабильностью. Да, он мог покончить с собой после убийства учительницы в прошлом месяце. А если нет, что тогда? Он может снова убить женщину. Или двух женщин. Или четырех...

— Перестаньте!

— А зачем вам звонил шериф Баннерман? Почему он передумал?

— Не знаю. Наверное, на него насели избиратели.

— Я жалею, что позвонил ему, Джонни, и мне жаль, что это так расстроило вас. Но еще больше меня огорчает, что я не позвонил вам сам и не рассказал обо всем. Я поступил неправильно. Видит Бог, вы заслужили спокойную жизнь.

Когда доктор как бы озвучил его, Джонни почувствовал себя несчастным и еще более виноватым.

— Хорошо, — сказал он. — Все в порядке, Сэм.

— Я больше никому и ничего не скажу. Хотя вам от этого не легче, ведь сделанного уже не воротишь, но это все, что в моих силах. Я поступил опрометчиво. Я — врач, и мне стыдно за себя.

— Хорошо, — повторил Джонни. Он чувствовал неловкость, а смущение Сэма только усиливало ее.

— Когда увидимся?

— В следующем месяце я переезжаю в Кливс, где начну преподавать. Я обязательно заеду.

— Отлично! Пожалуйста, извините меня, Джон.

Да хватит уже извиняться, в конце концов!

Они попрощались, и Джонни повесил трубку, жалея, что позвонил ему. Возможно, он не хотел, чтобы Сэм так легко признал свою ошибку. Возможно, он рассчитывал, что Сэм скажет: *Да, я звонил ему. Хотел, чтобы вы наконец очнулись и сделали хоть что-нибудь!*

Джонни снова подошел к окну и бросил взгляд в разбушевавшуюся мглу.

Засунул ее тело в трубу, как мешок с мусором...

Господи, как же сильно болела голова!

Эрб приехал домой через полчаса и, бросив взгляд на бледное лицо Джонни, спросил:

— Болит голова?

— Да.

— Сильно?

— Не очень.

— Надо бы посмотреть новости, — предложил Эрб. — Я рад, что успел вернуться до них. В Касл-Роке сегодня была съемочная бригада из Эн-би-си. Во главе с репортершей, которая тебе так нравится. Я — про Кэсси Маккин.

Увидев, как Джонни посмотрел на него, Эрб оторопел: его взгляд выражал почти нечеловеческую боль.

— Касл-Рок? Новое убийство?

— Да. В городском парке утром нашли задушенную маленькую девочку. Даже представить себе невозможно! Пошла в библиотеку подготовиться к урокам и возвращалась через парк, но до дома так и не добралась... Джонни, да на тебе лица нет!

— Сколько ей было?

— Всего девять. Того, кто надругался над ней, я подвесил бы за причинное место!

— Девять, — повторил Джонни и тяжело опустился на стул. — Боже милостивый!

— Джонни, с тобой точно все нормально? У тебя в лице ни кровинки!

— Все нормально. Включи телевизор.

Вскоре на экране появился Джон Чанселлор с вечерним обзором новостей. Вначале шли политические новости: усилия сенатора-демократа Фреда Харриса стать кандидатом на пост президента пока не приносят плодов. Потом последние решения правительства: по словам президента Форда, города Америки должны научиться жить по средствам. Из международных событий внимание привлекала национальная забастовка во Франции. На бирже зафиксирован рост индекса Доу — Джонса. Потом Чанселлор поведал «трогательную» историю о мальчике с церебральным параличом, который ухаживал за коровой в рамках национальной программы по развитию молодежи.

— Наверное, решили не давать, — предположил Эрб.

Однако после рекламной паузы Чанселлор продолжил:

— Жители городка Касл-Рок на западе штата Мэн охвачены ужасом. За последние пять лет там произошло пять жестоких убийств. Изнасилованы и задушены пять женщин в возрасте от четырнадцати лет до семидесяти одного года. Сегодня Касл-Рок потрясла новая трагедия: жертвой стала девятилетняя девочка. Кэтрин Маккин ведет репортаж с места событий.

На экране появилась журналистка, будто по мановению волшебной палочки перенесшаяся из студии к зданию мэрии. На ее пальто и светлые волосы падали первые снежинки начинавшейся метели.

— Этот небольшой фабричный городок Новой Англии охватила настоящая паника, — начала она. — Жители Касл-Рока давно уже забыли о спокойной жизни из-за преступника, которого местная пресса окрестила «Касл-рокским душителем» и «Ноябрьским убийцей». Их тревога сменилась настоящим ужасом — и это вовсе не преувеличение! — когда неподалеку от эстрады парка, где в свое время нашли тело самой первой жертвы, Альмы Фречетт, обнаружили труп Мэри Кейт Хендрасен.

На экране появилась унылая панорама безлюдного в это время года парка, а затем школьная фотография Мэри Кейт Хендрасен; она широко улыбалась, совершенно не стесняясь брекетов. Чудесные пепельно-серые волосы. Голубое платье.

Наверное, самое красивое ее платье, содрогнувшись, подумал Джонни. Для школьной фотографии мама нарядила ее во все самое лучшее.

Репортаж продолжался, и сейчас рассказывали о предыдущих убийствах, но Джонни уже подошел к телефону и набрал сначала справочную, а потом — муниципалитет Касл-Рока. В висках стучала боль.

Эрб вышел из гостиной и с удивлением посмотрел на него.

— Кому ты звонишь, сынок?

Джонни покачал головой и прижал трубку к уху. На том конце ответили:

— Офис шерифа округа Касл.

— Я хотел бы поговорить с шерифом Баннерманом.

— Представьтесь, пожалуйста.

— Джон Смит из Паунала.

— Одну минуту.

Джонни обернулся к экрану. Там показывали Баннермана в меховой парке с нашивками окружного шерифа. Отвечая на вопросы наседавших журналистов, он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Шериф оказался крупным широкоплечим мужчиной с высоким лбом и темными вьющимися волосами. Очки без оправы смотрелись на его лице довольно странно, как, впрочем, и любые очки на лицах очень крупных людей.

«Мы отработываем ряд версий», — сказал Баннерман.

— Алло? Мистер Смит? — раздался в телефоне его голос.

Снова то же странное чувство раздвоенности. Баннерман одновременно находился в двух разных местах. Можно сказать, что и в двух временах. У Джонни вдруг закружилась голова, как на американских горках.

— Мистер Смит? Вы слышите меня?

— Да, — ответил Джонни. — Я согласен.

— Отлично! Чертовски рад это слышать!

— Только не уверен, что мне удастся помочь.

— Понимаю. Но попытка — не пытка. — Баннерман откашлялся. — Меня в два счета вышибут из города, если узнают, что я обратился за помощью к ясновидящему.

— К тому же объявленному мошенником! — не удержался Джонни.

— Вы знаете ресторанчик «У Джона» в Бриджтоне?

— Найду.

— В восемь вам удобно?

— Думаю, да.

— Спасибо, мистер Смит.

— До встречи.

Повесив трубку, Джонни посмотрел на отца. Тот не спускал с него глаз. На экране шли титры бригады «Вечерних новостей».

— Он звонил тебе сам?

— Да. Сэм Вейзак сказал ему, что я могу помочь.

— Думаешь, сможешь?

— Не знаю, но голову немного отпустило.

Он добрался до Бриджтона на четверть часа позже условленного времени. Ресторанчик «У Джона» казался единственным работающим заведением на Мейн-стрит. Снегоочистители не успевали расчищать заносы на дорогах, на перекрестке 302-й и 117-й автострад раскачивался на ветру мигающий светофор. Перед рестораном была припаркована полицейская патрульная

машина с золоченой надписью на дверце: «Шериф округа Касл». Джонни поставил свою машину рядом и вошел.

На столике перед Баннерманом стояли чашка кофе и тарелка с чили. Телевизор ввел Джонни в заблуждение: шериф был не просто крупным, а огромным. Джонни подошел и представился.

Баннерман поднялся и пожал ему руку. Увидев бледного и худого Джонни в слишком просторном бушлате, шериф подумал, что его новый знакомый сильно болен и вряд ли долго протянет. Живыми казались только пронзительно-синие глаза, с любопытством смотревшие на него. При рукопожатии Баннерман ощутил странное чувство, как будто от него к Джонни перебежала электрическая искра, но длилось это всего один миг.

— Рад, что вы согласились приехать, — сказал Баннерман. — Кофе?

— Да.

— А как насчет порции чили? Здесь его потрясающе готовят. Мне вообще-то нельзя из-за язвы, но не могу удержаться. — Заметив удивление Джонни, Баннерман улыбнулся. — Понимаю, трудно представить, что здоровяки вроде меня страдают язвой, верно?

— Наверное, язва может быть у любого.

— Вы правы, черт возьми! А что заставило вас согласиться?

— Новости. Маленькая девочка. Вы уверены, что это тот же тип?

— Уверен. Тот же способ совершения преступления. Та же группа спермы.

Он внимательно наблюдал за Джонни, пока тот разговаривал с официанткой.

— Кофе? — спросила она.

— Чай, — ответил он.

— И принесите ему порцию чили, мисс, — попросил Баннерман. Дождавшись, когда официантка уйдет, он обратился к Джонни: — Доктор сказал, что иногда, потрогав вещь, вы можете определить, откуда она, чья и все такое.

Джонни улыбнулся:

— Ну, пожав вам руку, я узнал, что у вас есть ирландский сеттер по кличке Расти. Еще я знаю, что он стар и слепнет, и вы подумываете, не усыпить ли его, только вам будет трудно объяснить это дочке.

Баннерман смотрел на Джонни, разинув рот, и вилка, выскользнув из пальцев, упала в тарелку.

— Господи Боже! И вы узнали это от меня? Прямо сейчас?

Джонни кивнул.

Баннерман покачал головой.

— Одно дело — услышать о чем-то таком, но столкнуться... А вы от этого сильно устаете?

Джонни удивился: подобный вопрос ему еще никто не задавал.

— Да. Сильно.

— Но все в самую точку! Будь я проклят!

— Послушайте, шериф...

— Джордж. Зовите меня просто Джордж.

— Хорошо. А я — Джонни, просто Джонни. Джордж, того, что я не знаю о вас, хватит на несколько книг. Я не знаю, где вы росли, где учились, где живете и кто ваши друзья. Я знаю, что у вас есть маленькая дочка, ее имя похоже на Кэти, но не Кэти точно. Я не знаю, чем вы занимались на прошлой неделе, какое любите пиво и какие программы смотрите.

— Мою дочь зовут Катрина. Ей девять лет. Они с Мэри Кейт учились в одном классе.

— Я просто хочу сказать, что есть вещи... недоступные мне. Из-за мертвой зоны.

— «Мертвой зоны»?

— Да, какие-то сигналы у меня в голове не проходят, — объяснил Джонни. — Я не могу запомнить названия улиц или адрес. С цифрами тоже проблема, хотя и не всегда.

Официантка принесла чай и порцию чили. Джонни попробовал и одобительно кивнул:

— Вы правы. Очень вкусно. Особенно в такую погоду.

— Ешьте! Чили — моя слабость. Язва, конечно, моментально реагирует самой что ни на есть острой болью, но я посылаю ее подальше и продолжаю наворачивать.

Они ненадолго замолчали. Джонни занялся чили, а Баннерман с интересом разглядывал его. Наверное, кличку собаки Смит мог узнать заранее. Как и то, что собака старая и слепнет. Точно так же, зная, что дочку зовут Катрина, Смит для убедительности мог «предположить», что ее имя похоже на Кэти. Правда, непонятно, зачем ему это было нужно. И как объяснить странное ощущение от рукопожатия? Если Смит действительно мошенник, то самого высокого класса.

Ветер завывал на улице с такой силой, что небольшое строение подрагивало от его порывов. Здание кегельбана напротив заносило снегом.

— Вы только послушайте, как завывает! — воскликнул Баннерман. — И до утра точно не стихнет. А еще говорят, что зимы стали мягче!

— Вы нашли хоть что-то, принадлежащее убийце?

— Мы предполагаем, что да, хотя особой уверенности нет.

— Расскажите-ка подробнее.

Баннерман объяснил, что начальную школу и библиотеку разделяет городской парк. И если на занятии нужна какая-то книга для доклада или выступления, учитель обычно посылает кого-нибудь за ней в библиотеку, дав специальный пропуск, в котором библиотекарь проставляет время. В центре парка есть небольшой склон: на восточной его стороне находится музыкальная эстрада, а на самом склоне — скамейки. На них сидят зрители во время концертов или спортивных состязаний.

— Мы считаем, что он сидел на скамейке и ждал, когда кто-то из учениц пройдет мимо. Это место не видно ни со стороны входа в парк, ни со стороны выхода, но тропинка проходит рядом со скамейками.

Баннерман покачал головой.

— Самое ужасное, что девушка по фамилии Фречетт была убита как раз на той самой эстраде. Представляю, что мне предстоит выслушать в марте на собрании горожан, если, конечно, я еще буду шерифом. Понятно, что я могу сослаться на свою докладную мэру, в которой предлагал организовать патрулирование парка во время занятий в школе. Правда, вовсе не из-за убийцы: мне и в страшном сне не могло привидеться, что он вернется на старое место.

— И мэр не поддержал идеи патрулирования?

— Не нашлось средств. Разумеется, он переложит вину на членов городского совета, те — на меня, а на могиле Мэри Кейт Хендрасен будет расти трава и... С другой стороны, это вряд ли что-то изменило. На патрулирование мы обычно отряжаем женщин, а для этого подонка, судя по всему, возраст совершенно не важен.

— Так вы считаете, что он ждал на скамейке?

— Да.

Баннерман добавил, что возле скамейки нашли дюжину окурков и возле эстрады — еще четыре вместе с пустой пачкой. К сожалению, это были «Мальборо» — вторая или третья по популярности марка сигарет. Целлофан на коробке проверили на отпечатки пальцев, но их не нашли.

— Никаких? — удивился Джонни. — Странно!

— А что вас удивляет?

— Ну, убийца мог быть в перчатках, даже если и не думал об отпечатках пальцев, а из-за

холода, но продавец...

Баннерман одобрительно улыбнулся:

— А вы годитесь для нашей работы, но явно не курильщик.

— Верно. В колледже я еще изредка баловался, но после аварии бросил совсем.

— Мужчины носят сигареты в нагрудном кармане. Достают пачку, вытаскивают сигарету, убирают пачку на место. Если делать это в перчатках и каждый раз засовывать пачку в нагрудный карман, то даже старые следы на целлофане сотрутся. Но объяснение может быть и другим, Джонни. Сказать?

— Пачку могли взять из блока, а блоки упаковываются автоматически, — предположил Джонни.

— Точно! Вы действительно хорошо соображаете в нашем деле.

— А акцизная марка на пачке?

— Штата Мэн.

— Выходит, если убийца и курильщик — одно и то же лицо... — задумчиво начал Джонни.

Баннерман пожал плечами:

— Конечно, теоретически возможно допустить, что это были разные люди. Но я тщетно пытался представить себе хоть кого-то, кто сидел бы на скамейке в холодный зимний день и выкурил двенадцать или шестнадцать сигарет.

— И никто из детей ничего не видел?

— Никто и ничего. Мы опросили всех ребят, которых послали в библиотеку тем утром.

— А ведь это еще удивительнее, чем отсутствие отпечатков на пачке. Не думаете?

— Меня это не столько удивляет, сколько пугает. Представьте, наш парень сидит на скамейке и поджидает, когда по тропинке пойдет одна девочка. Он слышит, когда дети идут вдвоем, и прячется за эстрадой...

— Следы, — сказал Джонни.

— Сегодня утром снега не было, только мерзлая земля. И вот этот подонок, которого не то что кастрировать, разорвать на части мало, прячется за эстрадой. Примерно без десяти девять, то есть через двадцать минут после начала занятий, здесь проходят Питер Харрингтон и Мелисса Логгинс. Когда они скрываются из виду, он возвращается на скамейку. В четверть десятого он снова прячется — на этот раз идут две маленькие девочки. Сьюзен Флархэти и Катрина Баннерман.

Джонни со стуком поставил кружку на стол.

— *Ваша дочь* проходила по парку утром? Боже милостивый!

Лицо Баннермана потемнело от ярости.

— Да, моя дочь. Она прошла в каких-то сорока футах от этого... скота. Вы представляете себе, что я чувствую?

— Догадываюсь.

— Нет! Как будто я почти шагнул в пустую шахту лифта. Или передал за столом грибы, а они оказались ядовитыми, и человек умер. Я чувствую, будто меня вывалили в грязи и изгадили с головы до ног. Наверное, поэтому я и позвонил вам. Сейчас я готов на все, лишь бы остановить этого типа. Буквально на все!

Снаружи из снежных вихрей, как в фильме ужасов, вдруг показался огромный оранжевый снегоочиститель. Из кабины вылезли двое, направились к ресторану и устроились возле стойки. Джонни допил чай. Аппетит у него пропал.

— Наш парень возвращается на скамейку, — продолжил Баннерман, — но ненадолго. В девять двадцать пять он слышит, как Харрингтон и Логгинс идут из библиотеки. Библиотекарь отметил время их ухода как девять восемнадцать. Без четверти десять три пятиклассника

прошли мимо эстрады в библиотеку. Одному из них показалось, что он видел кого-то за эстрадой. Вот и все описание преступника, которым мы располагаем. «Кто-то». Наверное, надо разослать его по участкам — пусть будут повнимательнее и не дадут ему ускользнуть. — Баннерман горько усмехнулся. — Без пяти десять моя дочь и ее подружка Сьюзен прошли по тропинке в школу. А через десять минут там оказалась Мэри Кейт Хендрасен. Одна. Катрина и Сью встретили ее на ступеньках школы, когда входили в здание, и поздоровались.

— Бог мой! — прошептал Джонни.

— И последнее. Двадцать минут одиннадцатого. Трое пятиклассников возвращаются в школу. Один из них замечает что-то на эстраде. Они подходят ближе и видят Мэри Кейт, рейтузы и трусики спущены, ноги залиты кровью. А лицо... лицо...

— Успокойтесь! — Джонни положил руку на плечо Баннерману.

— Не могу говорить об этом спокойно. Я прослужил в полиции восемнадцать лет, но никогда не видел ничего подобного. Он изнасиловал малышку, и уже одно это убило бы ее... патологоанатом сказал, что он там что-то порвал внутри, и она все равно не выжила бы... но ему все было мало, и он задушил ее. И бросил на эстраде. Задушенную и со спущенными рейтузами!

Баннерман заплакал. Слезы текли из-под очков двумя ручейками. Два парня из дорожной службы за стойкой обсуждали кубковые игры по футболу. Баннерман снял очки и вытер лицо платком. Его мощные плечи судорожно подрагивали. Джонни молча ждал, рассеянно ковыряя вилкой чили.

Наконец Баннерман успокоился. Глаза его покраснели, а без очков лицо казалось беззащитным.

— Извините, — сказал он. — День выдался очень трудный.

— Все в порядке, — заверил его Джонни.

— Я знал, что этим кончится, но надеялся продержаться до дома.

— Оказалось, что это слишком долго.

— Вы умеете слушать, — заметил Баннерман. — Нет, даже не так. У вас есть дар. Не знаю, как выразиться, но у вас он точно есть!

— Имеются ли хоть какие-то зацепки?

— Никаких! Вообще-то все шишки достаются мне, но от полиции штата толку никакого. Как и от следователя прокуратуры, и от всеми любимых сотрудников ФБР. Окружной судмедэксперт определил группу спермы, но на данном этапе это ничего не дает. Больше всего меня тревожит полное отсутствие улики: ни волоска, ни кусочка кожи под ногтями жертвы. Все жертвы наверняка сопротивлялись, но нам совершенно не за что зацепиться. Будто его прикрывал сам дьявол! Он ни разу не потерял пуговицы, не обронил чека из магазина и не оставил ни одного следа! Прокуратура штата прислала нам психиатра, который заверяет, что эти ребята рано или поздно, но обязательно на чем-нибудь проколются! Утешил — нечего сказать! А что, если это «рано или поздно» отстоит от сегодня на дюжину трупов?

— Пачка от сигарет находится в Касл-Роке?

— Да.

Джонни поднялся.

— Тогда поехали.

— На моей машине?

Услышав, как на улице завывает ветер, Джонни улыбнулся:

— В такой вечер прокатиться в машине полицейского никто не откажется.

Метель разбушевалась не на шутку, и даже на внедорожнике Баннермана дорога до Касл-Рока заняла полтора часа. Они вошли в вестибюль ратуши в четверть одиннадцатого и отряхнули с обуви снег.

Там находилось с полдюжины журналистов. Они расположились на скамейке под портретом какого-то на редкость неприятного с виду отца-основателя города и развлекали друг друга байками о предыдущем ночном дежурстве. Увидев Баннермана и Джонни, они тут же окружили их.

— Шериф Баннерман, а это правда, что в деле наметился сдвиг?

— На данном этапе я не могу сообщить ничего конкретного.

— Прошел слух, что вы задержали человека из Оксфорда, шериф. Вы можете это подтвердить?

— Нет. Дайте, пожалуйста, нам пройти...

Но внимание журналистов уже переключилось на Джонни, и он с ужасом узнал двух человек из тех, что были на пресс-конференции в больнице.

— Господи Боже! — воскликнул один из них. — Вы ведь Джон Смит, верно?

Джонни ужасно захотелось воспользоваться пятой поправкой, как какому-нибудь гангстеру на слушаниях сенатского комитета, и не свидетельствовать против себя.

— Да, — ответил он. — Это я.

— Тот самый ясновидящий? — переспросил другой.

— Дайте в конце концов нам пройти! — вмешался Баннерман, повышая голос. — Неужели вам больше нечем заняться, как...

— «Инсайд вью» утверждает, что вы — мошенник! — выкрикнул молодой человек в теплом пальто. — Это правда?

— Я могу сказать одно: «Инсайд вью» печатает то, что считает нужным, — ответил Джонни. — Послушайте...

— Так вы не согласны с тем, что они написали?

— Мне нечего добавить.

Не успели за ними закрыться двери в офис шерифа с матовыми стеклами, как газетчики бросились к двум телефонам-автоматам возле каморки ночного дежурного.

— Вот теперь, что называется, влипли по полной! — огорчился Баннерман. — Клянусь всеми святыми, мне даже в голову не приходило, что они проторчат здесь всю ночь! Надо было провести вас через заднюю дверь.

— А вы разве не знаете? — с горечью заметил Джонни. — Нас, ясновидящих, хлебом не корми — только дай пообщаться с прессой. Ради этого мы и подаемся в медиумы!

— Глупости! Во всяком случае, это не про вас! Ладно, что случилось, то случилось. Теперь ничего не поделаешь.

Но Джонни уже представлял заголовки, которые послужат неплохой приправой к заварившейся каше. «Шериф Касл-Рока ищет Душителя с помощью экстрасенса». «“Ноябрьского убийцу” будет разыскивать ясновидящий». «Смит заявляет, что статья о его признании в мошенничестве — ложь».

В приемной находились два помощника шерифа: один из них дремал, а второй пил кофе и хмуρο проглядывал отчеты.

— Его что — жена выставила из дома? — недовольно спросил Баннерман, кивнув на спящего.

— Он только что вернулся из Огасты, — ответил помощник, совсем еще мальчишка с запавшими от усталости глазами, и с любопытством оглядел Джонни.

— Джонни Смит, Фрэнк Додд. А того Спящего Красавца зовут Роско Фишер.

Джонни кивнул.

— Роско говорит, что прокуратура затребовала все дело, — доложил обозленный и растерянный Додд Баннерману. — Хорошенький подарок к Рождеству, ничего не скажешь!

Баннерман похлопал его по плечу.

— Ты слишком близко принимаешь все к сердцу, Фрэнк. И слишком много работаешь над этим делом.

— Никак не могу отделаться от мысли, что найду в этих отчетах какую-то зацепку. — Он провел пальцем по стопке бумаг. — Ну хоть что-нибудь!

— Ступай домой и отдохни, Фрэнк. И заberi с собой Спящего Красавца. Не хватало только, чтобы его здесь сфотографировали. А потом в газетах появится снимок: «Расследование в Касл-Роке идет полным ходом!», и нас всех отправят мести улицы.

Баннерман провел Джонни в свой кабинет. Стол был завален бумагами, а на подоконнике стояли три фотографии: сам шериф, его жена и дочь Катрина. На стене висел диплом в аккуратной рамке, а рядом — тоже в рамке — первая страница городской газеты «Касл-Рок колл», где сообщалось об избрании Баннермана шерифом.

— Кофе? — предложил Баннерман, отпирая картотечный шкаф.

— Нет, спасибо. Лучше чаю.

— Миссис Шугарман бережет чай как зеницу ока и каждый день уносит его с собой, так что, к сожалению, угостить чаем не могу. Я бы предложил вам тоник, но, чтобы добраться до автомата, придется снова пройти сквозь строй. Господи, как же они меня достали!

— Не обращайтесь внимания.

Баннерман вынул небольшой запечатанный конверт.

— Здесь та самая пачка.

Он протянул конверт Джону.

Джонни взял конверт.

— Напоминаю еще раз, что ничего не обещаю. Иногда у меня получается, иногда — нет.

Баннерман устало пожал плечами и повторил:

— Попытка — не пытка.

Джонни открыл конверт и вытряхнул пустую пачку на ладонь. Красно-белая пачка «Мальборо». Чуть сжав ее, он бросил взгляд на противоположную стену кабинета. Обычная серая стена. Обычная красно-белая сигаретная пачка. Джонни сжал ее обеими руками. Ничего не происходило. Он подождал еще немного, надеясь на чудо, хотя и знал, что «озарения» если и случаются, то сразу.

Он отложил пачку.

— Мне очень жаль.

— Не получилось?

— Нет.

В дверь настойчиво постучали, и показалось смущенное лицо Роско Фишера.

— Джордж, мы с Фрэнком идем по домам. Похоже, я немного задремал.

— Главное, чтобы с тобой такого не случилось в патрульной машине. И передай от меня привет жене.

— Обязательно.

Посмотрев на Джонни, Фишер закрыл дверь.

— Что ж, — сказал Баннерман, — попробовать стоило — чем черт не шутит. Я отвезу вас обратно...

— Я хочу осмотреть парк.

— Не имеет смысла. Там сейчас навалило снега по колено.

— Но вы можете найти это место?

— Конечно! Только зачем?

— Не знаю. Давайте съездим.

— За нами наверняка увяжутся журналисты, Джонни. Как пить дать!

— А как насчет задней двери?

— Она есть, но служит и пожарной перемычкой. Войти с улицы можно, а если через нее выйти из здания, включится сигнализация.

Джонни огорченно присвистнул:

— Тогда пусть увязываются.

С сомнением посмотрев на него, Баннерман кивнул:

— Хорошо!

8

Едва они вышли в вестибюль, как газетчики, вскочив с мест, окружили их. Они напомнили Джонни свору собак в Дареме, которых одна чудаковатая старуха держала в своей ветхой лачуге. Стоило пройти мимо них с удочкой, как они мчались, рыча и лая, окружали, но даже не кусались, а только прихватывали за ноги и пугали до смерти.

— Вы знаете, кто это сделал, Джонни?

— Выяснили хоть что-нибудь?

— Как насчет «озарений», мистер Смит?

— Пригласить ясновидящего — это ваша идея, шериф?

— Шериф Баннерман, а полиция штата и прокуратура в курсе ваших действий?

— Вы можете раскрыть дело, Джонни?

— Шериф, вы оформили его своим помощником?

Баннерман прокладывал себе путь, на ходу застегивая куртку.

— Без комментариев, без комментариев.

Джонни не проронил ни слова.

Журналисты столпились у выхода, глядя, как Джонни и Баннерман спустились по заснеженным ступенькам и направились не к машине, а через дорогу. Догадавшись, что они идут в сторону парка, несколько человек бросились назад за куртками, а те, кто уже был одет, скатились гурьбой по лестнице, галдя, как школьники.

9

В снежной мгле плясали лучи фонарей. Порывистый ветер непрерывно менял направление и швырял снежные комья то в спину, то в лицо.

— В такую погоду все равно ни черта не видно! — сказал Баннерман. — Вы... какого черта?!

Его чуть не сбил с ног репортер в мешковатом пальто и нелепой шерстяной вязаной шапочке.

— Извините, шериф, — сконфуженно произнес он. — Очень скользко. А галоши забыл.

Впереди показалась натянутая желтая нейлоновая веревка, огораживавшая участок парка. На ней на ветру раскачивалась табличка «Полицейское расследование».

— И голову тоже! — проворчал Баннерман. — Нет, а ну-ка все назад! Я сказал — назад!

— Парк — это общественная собственность, шериф! — крикнул один из репортеров.

— Верно, но сейчас здесь ведется полицейское расследование, так что не заходите за веревку, если не хотите провести ночь за решеткой.

Баннерман лучом фонаря показал журналистам, где натянута веревка, и приподнял ее, помогая Джонни пройти. Они направились по склону к заваленным снегом скамейкам. За ограждением столпились репортеры и светили своими фонарями, стараясь не упустить их из виду.

— Ни черта не видно! — повторил Баннерман.

— Тут все равно смотреть не на что, — отозвался Джонни. — Или все-таки есть?

— Сейчас — нет. Я разрешил Фрэнку убрать веревку, но рад, что у него так и не дошли до этого руки. Хотите пройти к эстраде?

— Не сейчас. Покажите, где были окурки.

Они прошли чуть дальше, и Баннерман остановился.

— Вот здесь...

Он осветил на скамейку, походившую на бугорок, занесенный снегом.

Джонни снял перчатки, убрал их в карманы куртки, опустил на колени и начал счищать снег со скамейки. Баннермана снова поразила бледность его изможденного лица. Со стороны стоявший на коленях Джонни походил на кающегося грешника.

Руки у него замерзли и, став мокрыми от снега, начали неметь. Он добрался до выщербленной поверхности выдавшей виды скамьи, и она вдруг предстала перед его внутренним взором с поразительной резкостью и четкостью. Когда-то доски были выкрашены в зеленый цвет, но краска давно облупилась и стерлась. Спинка прикручена к сиденью двумя ржавыми болтами.

Джонни ухватился за доски обеими руками, и вдруг его захлестнуло необычайное чувство: никогда прежде он не ощущал ничего подобного, а столь яркие и насыщенные образы ему предстояло увидеть в жизни лишь еще один раз.

Он сдвинул брови и опустил глаза, вцепившись в скамейку изо всех сил. На ней сидели... летом.

Сотни людей в самое разное время слушали на ней «Боже, храни Америку», марш «Звезды и полосы навсегда» или детские песенки вроде «Утка тоже чья-нибудь мама, и не надо ее обижать...», или боевой марш, призывавший к победе местную спортивную команду «Касл-рокские кугуары». Зеленая листва лета и дрожащее марево осени навевают мысли о кукурузе и фермерах, орудующих граблями в сгущающихся сумерках. Уханье большого барабана. Мягкое звучание блестящих золотом духовых инструментов. Школьный оркестр в форме...

(Утка тоже... чья-нибудь мама... и не надо... ее обижать...)

Довольная публика сидит, слушает, аплодирует. В руках у людей программки, изготовленные в школьной художественной мастерской.

Но сегодня утром здесь сидел убийца. Джонни чувствовал его.

Серое небо видно сквозь темные ветки, похожие на древние руны. Я (он) сижу, курю сигарету и жду. Мне хорошо, и даже кажется, что по силам перемахнуть через крышу мира и мягко приземлиться на обе ноги. Я мурлычу под нос песенку. Что-то из «Роллинг Стоунз». Не могу понять, но нет сомнений, что все... что все?

В порядке! Все в порядке, небо потемнело, и вот-вот пойдет снег, и...

— Скользкий! — пробормотал Джонни. — Я — скользкий! Очень и очень скользкий!

— Что? — Баннерман подался к Джонни, силясь разобрать слова сквозь завывания ветра.

— Скользкий! — повторил Джонни и поднял глаза на шерифа. Тот отшатнулся.

Взгляд Джонни стал отстраненным и чужим. Темные волосы разметались по бледному лицу, руки судорожно вцепились в скамейку.

— Я весь такой скользкий, что нельзя ухватить меня! — отчетливо произнес Джонни, и на его губах заиграла торжествующая улыбка. Заглянув ему в глаза, Баннерман сразу поверил в перевоплощение — сыграть или подстроить такое невозможно. Но самым страшным было другое: Джонни кого-то *напоминал* шерифу. Сам Джонни Смит исчез, а на его месте оказался кто-то другой, и этим другим был убийца.

Черты лица убийцы кого-то точно напоминали шерифу. Он знал этого человека.

— Меня ни за что не поймать, потому что не за что ухватить! — издевательски хохотнул Джонни. — Я надеваю его каждый раз, и они не могут ни оцарапать меня, ни укусить, потому что я ужасно скользкий! — торжествующе прокричал Джонни, и его голос сорвался на визг, перекрывший завывания ветра. Баннерман невольно отступил еще на шаг. По коже его побежали мурашки, а сердце сдавило страхом.

Перестань! — мысленно взмолился он. *Прошу тебя, перестань!*

Джонни перегнулся через скамейку. С ладоней его капал растаявший снег.

(Снег. Тихий и молчаливый снег...)

(Она защемила мне это «место» прищепкой, чтобы я знал, как это больно. Как больно, когда подцепишь заразу от потаскух. А они все потаскухи, и их надо остановить, да, остановить, остановить, ОСТАНОВКА, ГОСПОДИ, ЗНАК «СТОП»!)

Он снова маленький мальчик. Идет в школу по тихому, молчаливому снегу. И вдруг из белой мглы выступает ужасный ухмыляющийся черный человек с горящими глазами. И рукой в перчатке держит красный с белыми буквами знак «Стоп». Это он!.. он!.. он!

(ГОСПОДИ, ЗАЩИТИ... СПАСИ ОТ НЕГО... МАМА... СПАСИ МЕНЯ ОТ НЕГО!!!)

Джонни закричал и упал на землю, прижимая ладони к щекам. Перепуганный Баннерман склонился над ним, а репортеры за ограждением зашумели и задвигались.

— Джонни! Очнитесь! Джонни...

— Скользкий, — пробормотал Джонни и поднял на Баннермана глаза, полные боли и страха.

Он все еще видел перед собой темную фигуру, вырвавшуюся из снега, с блестящими глазами. Его пах болел от прищепки, которую нацепила мать убийцы. Тогда он еще не был ни убийцей, ни скотом, ни ублюдком, или как там еще называл его шериф, а был лишь маленьким мальчиком с прищепкой на... на...

— Помогите мне подняться, — едва слышно попросил Джонни.

Баннерман помог ему встать.

— Теперь эстрада, — сказал Джонни.

— По-моему, нам лучше вернуться, Джонни.

Джонни оттолкнул его и, пошатываясь, направился к эстраде. Отсюда она казалась зловещим круглым склепом, притаившимся в тени. Баннерман нагнал его.

— Джонни, кто это? Вы знаете, кто он?

— Вы не находили никаких следов под ногтями жертв, потому что на убийце был дождевик. Плащ с капюшоном. Из скользкого винила. Посмотрите отчеты. Посмотрите отчеты и увидите сами. В те дни всегда шел дождь или снег. Жертвы царапались. Сопrotивлялись, защищались изо всех сил. Но пальцы соскальзывали с поверхности дождевика.

— Кто это, Джонни? Кто?

— Не знаю. Но выясню.

Он споткнулся о первую из шести ступенек, которые вели на эстраду, и, потеряв равновесие, чуть не упал, но Баннерман поддержал его. На самой сцене снега было мало, и благодаря конической крыше над помостом пол лишь слегка запорошило. Баннерман направил луч фонаря на пол, и Джонни, опустившись на четвереньки, начал медленно по нему ползать.

Вдруг Джонни замер на месте, как собака, взявшая след.

— Вот здесь! — пробормотал он. — Он сделал это здесь!

На Джонни нахлынули образы и ощущения. Металлический привкус возбуждения, опасность, что их увидят прохожие. Девочка извивается и пытается закричать. Он зажимает ей рот рукой в перчатке.

Невероятное возбуждение! Никто и никогда не поймает меня! Я — человек-невидимка! Ну как, мамуля? Грязи достаточно?

Джонни начал постанывать.

Звук рвущейся одежды. Что-то теплое и мокрое. Кровь? Сперма? Моча?

Его бьет дрожь, волосы прилипли к лицу. Лицо скрывает капюшон, а губы растягиваются в улыбке, когда наступает оргазм, и его (мои) пальцы сжимают горло и... давят, давят, давят...

Силы вдруг оставили Джонни, и образы померкли. Всхлипывая, он вытянулся во всю длину. Баннерман осторожно дотронулся до его плеча. Джонни вскрикнул и отшатнулся. Но постепенно напряжение спало, и Джонни, приподнявшись, оперся спиной о перила и закрыл глаза. Мышцы непроизвольно подергивались, как у гончих. Брюки и куртка были в снегу.

— Я знаю, кто это, — сказал он.

10

Через четверть часа Джонни сидел в кабинете шерифа в одном нижнем белье и грелся, придвинувшись к электрообогревателю. Дрожь прекратилась, но вид у него был все такой же замерзший и несчастный.

— Уверены, что не хотите кофе?

Джонни покачал головой:

— Организм не принимает.

— Джонни... — Баннерман сел рядом. — Вам правда удалось что-то узнать?

— Я знаю, кто убил их. Вы все равно вышли бы на него, просто он оказался слишком близко. Вы даже видели его в этом блестящем дождевике с капюшоном. Потому что по утрам он переводит детей через дорогу. Он поднимает знак «Стоп» на палке, перекрывает движение, и дети переходят на другую сторону.

Баннерман изумленно смотрел на него:

— Вы о Фрэнке? Фрэнке Додде? Да вы спятили!

— Фрэнк Додд — убийца, — сказал Джонни. — Это он убил их всех.

Баннерман по-прежнему смотрел на Джонни, не зная: посмеяться над ним или просто выставить вон?

— Это полная чушь! — воскликнул он. — Фрэнк Додд — хороший полицейский и славный малый. В ноябре будущего года он собирается баллотироваться на пост начальника городской полиции, и я поддержу его! — Шериф презрительно улыбнулся. — Сейчас Фрэнку двадцать пять. По-вашему выходит, что он занялся этим безумным делом в девятнадцать?! Он живет с матерью; у нее давление, щитовидка и начальная стадия диабета. Живут они очень тихо. Джонни, вы попали пальцем в небо. Фрэнк Додд не может быть убийцей! Головой ручаюсь!

— Убийств не было два года, — заметил Джонни. — Где в это время находился Фрэнк Додд? В городе?

Баннерман не на шутку разозлился:

— Ну вот что! Напрасно я не поверил вам, когда вы заговорили про мошенничество! Что ж, внимание прессы вам обеспечено, но я не обязан выслушивать бредни об отличном полицейском, к которому я...

— Относитесь как к сыну, — тихо закончил фразу Джонни.

Баннермана как будто ударили под дых, но он овладел собой и сдержался.

— Убирайтесь! — воскликнул шериф. — И попросите кого-нибудь из своих дружков-газетчиков подбросить вас до дома. По пути можете дать пресс-конференцию. Но — клянусь всеми святыми! — если вы хотя бы заикнетесь о Фрэнке Додде, я приеду и собственными руками сломаю вам шею. Понятно?

— Ну как же! Мои дружки-газетчики! — закричал Джонни. — Еще бы! Разве я не отвечал на все их вопросы? Разве не позировал перед камерами, выбирая нужный ракурс, чтобы получиться получше? Разве не напоминал, как меня зовут, чтобы не переврали мое имя?

— Нечего орать! Сбавьте-ка тон! — рявкнул Баннерман.

— Еще чего! — громче завопил Джонни. — Если забыли, кто кому звонил, я напомним! Это вы звонили мне, а не я! Вот уж чудесный способ выйти на журналистов, правда?

— Но это не значит, что вы...

Джонни двинулся к Баннерману, наставив на него указательный палец, как дуло пистолета. Он был на несколько дюймов ниже ростом и фунтов на восемьдесят легче шерифа, но тот невольно попятился, совсем как раньше в парке. Щеки Джонни пылали, лицо исказилось.

— Да, ваш звонок ровным счетом ничего не значит, но вы не хотите, чтобы убийцей оказался Додд, верно? Если кто-то другой, то — пожалуйста, мы, может, даже соизволим проверить, лишь бы не старина Фрэнк Додд. Потому что он — славный парень, заботливый сын, смотрит в рот шерифу Джорджу Баннерману, и был бы святее самого папы римского, если бы не насильничал и не душил старух и девочек. А ведь на их месте могла оказаться ваша дочь, Баннерман. Неужели это надо объяснять? Про вашу дочь?

Баннерман ударил его. В последний момент он все-таки сдержался и стукнул не так сильно, как мог бы, но Джонни отлетел назад и, опрокинув стул, растянулся на полу. Перстень выпускника полицейской академии оцарапал ему скулу.

— Сам виноват, — бросил Баннерман, но без прежней уверенности. Он подумал, что впервые в жизни поднял руку на калеку. Или почти калеку.

У Джонни в голове шумело. Голос казался чужим, будто принадлежал диктору на радио или актеру в дешевом фильме.

— Ты должен благодарить Бога, что убийца не оставил следов. При таком отношении к Додду ты бы точно закрыл на них глаза. И тогда до конца жизни считал бы себя виновным в смерти Мэри Кейт Хендрасен, потому что, по сути, оказался бы пособником.

— Это гнусная ложь! Я не задумываясь арестовал бы собственного брата, окажись он этим убийцей. Поднимайся с пола! Извини, что не сдержался.

Он помог Джонни подняться и осмотрел царапину.

— Я принесу аптечку. Надо смазать йодом.

— Ерунда, — отмахнулся Джонни. — Наверное, я сам виноват, не стоило провоцировать.

— Говорю же, что это не может быть Фрэнк! Да, ты не гонишься за рекламой, признаю, что был не прав и погорячился. Но твои флюиды, выходы в астрал или что там еще — на этот раз дали сбой!

— Так проверь! — предложил Джонни и, поймав взгляд Баннермана, удержал его. — Проверь! Докажи, что я не прав! Сравни время и даты убийств с дежурствами Фрэнка. Это можно сделать?

— Тут на карточках в шкафу все графики за последние четырнадцать или пятнадцать лет, — неохотно проговорил Баннерман. — Думаю, проверить можно.

— Так проверь!

— Мистер... — Баннерман замялся. — Джонни, если бы ты знал Фрэнка, то сам поднял бы

себя на смех. Серьезно. И дело не во мне: спроси любого...

— Если я ошибаюсь, то первым признаю это.

— Безумие какое-то! — недовольно пробормотал Баннерман, но все-таки подошел к шкафу с архивами и отпер его.

11

Прошло два часа, и время приближалось к часу ночи. Джонни позвонил отцу и предупредил, что заночует в Касл-Роке. Метель уже завывала на одной нескончаемо-пронзительной ноте, и ехать в такую погоду было бы сущим безумием.

— Есть новости? — поинтересовался Эрд. — Можешь сказать?

— Лучше не по телефону, пап.

— Хорошо, Джонни. Не слишком переутомляйся.

— Ладно.

Но он чувствовал себя совершенно опустошенным. Таким разбитым и усталым он не был даже после истязаний, которые Айлин Магуон называла курсом физиотерапии. Джонни изредка вспоминал о ней. *Славная женщина!* Приятная и душевная, во всяком случае, она казалась такой до инцидента с пожаром у нее дома. А потом отдалилась и держалась очень настороженно. Конечно, Айлин была благодарна и сказала спасибо, но потом ни разу не дотронулась до него. Ни разу! И с Баннерманом произойдет то же самое, когда все закончится. А жаль! Как и Айлин, он хороший человек. Но люди сильно нервничают в обществе тех, кто, потрогав вещь, узнает все о ее владельце.

— Это еще ничего не доказывает, — послышался голос Баннермана, в котором звучало детское упрямство. Джонни хотелось взять его за грудки и хорошенько встряхнуть, чтобы привести в чувство. Но сил на это не было.

Они рассматривали примитивную табличку, составленную Джонни на обратной стороне полицейского циркуляра. На полу стояли семь или восемь коробок с архивами; из них шериф извлек и сложил на письменном столе карточки дежурств Фрэнка Додда, начиная с 1971 года. Табличка выглядела следующим образом:

УБИЙСТВА — ФРЭНК ДОДД

Альма Фречетт (официантка) 15:00 12.11.70 — **Тогда работал на заправке на Мейн-стрит**

Полин Тутейкер 10:00 17.11.71 — **Выходной**

Черил Моуди (школьница) 14:00 16.12.71 — **Выходной**

Кэрл Данбаргер (школьница) ?.11.74 — **Двухнедельный отпуск**

Этта Ринггоулд (учительница) 29?.10.75 — **Патрулирование**

Мэри Кейт Хендрасен 10:10 17.12.75 — **Выходной**

Время смерти указано предположительно, на основании заключения патологоанатома.

— Верно, не доказывает, — согласился Джонни, потирая виски. — Но и не снимает с него подозрений.

— Когда убили мисс Ринггоулд, он находился на работе.

— Да, если ее действительно убили двадцать девятого, а не двадцать восьмого или двадцать

седьмого. Но даже если он и разъезжал на патрульной машине, кто заподозрит полицейского?

Баннерман внимательно изучал маленькую табличку.

— А что насчет перерыва? — спросил Джонни. — Когда два года убийств не происходило?

Баннерман ткнул пальцем в графики дежурств.

— Фрэнк служил здесь и в семьдесят третьем, и в семьдесят четвертом годах. Ты сам видел.

— Может, в ту зиму им не овладевала жажда убийств. По крайней мере нам о них не известно.

— Нам вообще ничего не известно, если уж на то пошло! — резко возразил Баннерман.

— А как насчет семьдесят второго года? Конца семьдесят второго и начала семьдесят третьего? Нет никаких отметок о его работе. Он что — брал отпуск?

— Нет. Фрэнк и еще один парень по имени Том Харрисон прослушали курс об обеспечении правопорядка в сельской местности в отделении Колорадского университета в Пуэбло. Таких программ в Америке нигде больше нет. Часть стоимости оплачивает штат, часть — округ и часть — федеральное правительство. Курс рассчитан на восемь недель, и Фрэнк с Томом находились там с 15 октября почти до Рождества. Я выбрал Харрисона — он сейчас руководит полицией в Гейтс-Фоллс — и Фрэнка. Фрэнк отказывался ехать, не желая оставлять мать. По правде говоря, мне кажется, что это она не хотела отпускать его. Я поговорил с ним и убедил в том, что такой курс здорово поможет ему в продвижении по службе. Помню, когда они вернулись в конце декабря, Фрэнк выглядел ужасно. Он подцепил там какой-то вирус, похудел на двадцать фунтов и утверждал, что там во всем штате никто не умеет готовить, как его матушка.

Баннерман помолчал. Что-то в этом рассказе смутило его самого.

— Он взял недельный отпуск по болезни на время рождественских каникул, потом оклемался и вышел на работу. Не позже пятнадцатого января, — сказал шериф, словно оправдываясь. — Можешь сам убедиться по формулярам.

— Это — лишнее. Как и говорить, что делать дальше.

— Верно, — согласился Баннерман. — Я уже говорил, что ты соображаешь в нашем деле, но даже не подозревал насколько.

Он взял трубку, достал из нижнего ящика стола толстый телефонный справочник в синей обложке и начал листать его.

— По закону о полиции у каждого шерифа есть такой справочник с телефонами офисов всех шерифов страны.

Отыскав нужный номер, Баннерман набрал его.

Джонни беспокойно заерзал на стуле.

— Здравствуйте! Это офис шерифа в Пуэбло? Хорошо. Меня зовут Джордж Баннерман, я — шериф округа Касл в западном Мэне... Да, все правильно, штат Мэн. А с кем я говорю? Хорошо, шериф Тейлор, проблема вот в чем. Мы тут расследуем серию изнасилований с убийствами. За последние пять лет их было шесть. Все происходили в самом конце осени или начале зимы. Наш подозреваемый находился в Пуэбло с 15 октября примерно до 17 декабря. Меня интересует, нет ли у вас нераскрытого убийства, случившегося в этот период? Жертва — женщина любого возраста, изнасилованная и задушенная. Если такое преступление у вас зарегистрировано, то удалось ли определить группу спермы преступника, и можно ли получить ее образец? Что? Да, хорошо. Я буду ждать вашего звонка. До свидания, шериф Тейлор.

Баннерман повесил трубку.

— Он удостоверится, что звонил именно я, а потом перезвонит. Хотите чашечку... Нет, вы же кофе не пьете, верно?

— Верно, — подтвердил Джонни. — стакан воды вполне устроит меня.

Он подошел к кулеру и налил себе полный бумажный стаканчик. За окном бушевала метель.

Сзади послышался голос смущенного Баннермана:

— Ладно, чего там. Вы правы. Я хотел бы иметь такого сына. При родах Катрины у жены было осложнение, и ей делали кесарево. Больше жене нельзя иметь детей — доктор сказал, что это убьет ее. Ей сделали лапароскопию, а я решился на вазэктомию. Для страховки.

Джонни подошел к окну, держа стаканчик в руке, и бросил взгляд в темноту. Кроме снега, он ничего там не видел, но знал, что если повернется, Баннерман замолчит. Чтобы понимать это, не нужно никакого ясновидения.

— Отец Фрэнка работал на железной дороге и погиб от несчастного случая, когда парню было всего пять лет. Полез сцеплять вагоны пьяным в стельку, его и раздавило. Фрэнк остался единственным мужчиной в доме. По словам Роско, в старших классах он завел подружку, но миссис Додд быстро положила этому конец.

Еще бы, подумал Джонни. Женщина, способная... на трюк с прищепкой... с собственным сыном... ни перед чем не остановится. Она такая же сумасшедшая, как и он.

— Он пришел ко мне в шестнадцать лет и спросил, берут ли полицейских на полставки. Сказал, что мечтает стать полицейским с самого детства. Он мне сразу понравился. Я взял его и платил из собственного кармана. Платил, сколько мог, и он никогда не жаловался. Фрэнк — из тех, что работают не за деньги. За месяц до окончания школы он подал заявление о приеме на работу, но в тот момент у нас не было вакансий. Тогда Фрэнк устроился на заправку Донни Хаггара, а вечерами учился полицейскому делу в Горемском университете. Думаю, что его мать была против, считала, что он слишком часто оставляет ее одну. На этот раз Фрэнк настоял на своем... не без моей поддержки. Мы приняли его на службу в июле 1971-го, и с тех пор он у нас... Вот ты сказал про него, а я подумал про Катрину, как она проходила вчера вечером... мимо того преступника... для меня это все равно что кровосмешение. Фрэнк бывал у нас в доме, ел с нами, даже пару раз оставался посидеть с Кэти... а ты говоришь...

Джонни повернулся. Баннерман, сняв очки, вытирал глаза.

— Если ты и в самом деле видишь то, что рассказываешь, мне искренне жаль тебя. Это какая-то аномалия, причуда Господа вроде коровы с двумя головами, которую я как-то видел на ярмарке. Извини, я не должен был так говорить.

— В Библии сказано, что Господу одинаково дороги все его твари, — ответил Джонни дрожащим голосом.

— Правда? — Баннерман кивнул и потер переносицу. — Тогда он избрал довольно сомнительный способ показать это.

12

Через двадцать минут зазвонил телефон, и Баннерман быстро взял трубку. Сказал несколько слов и начал слушать. Джонни видел, как у шерифа вытянулось лицо, и он на глазах постарел. Положив трубку и помолчав, Баннерман проговорил:

— 12 ноября 1972 года. Студентка Энн Саймонс. Изнасилована и задушена. Тело нашли в поле возле автомагистрали. Группа спермы не установлена. Это еще не доказательство, Джонни.

— Думаю, тебе самому уже и так все ясно. Если припереть его этими фактами, он наверняка расколется.

— А если нет?

Джонни вспомнил видение на эстраде. Оно налетело внезапно. Рвущаяся ткань. Приятное ощущение, напомнившее о боли от прищепки и ставшее настоящим искуплением.

— Заставь его спустить штаны, — сказал Джонни.

Баннерман промолчал.

Журналисты ждали в вестибюле. Но даже если бы они и не рассчитывали на дальнейшее развитие событий, то вряд ли им удалось бы уехать. Все дороги завалило снегом, и проехать по ним не представлялось возможным.

Баннерман и Джонни вылезли на улицу через окно кладовки.

— Ты уверен, что поступаешь правильно? — спросил Джонни.

— Нет, — ответил Баннерман, — но считаю, что ты должен там быть. Может, ему стоит посмотреть тебе в глаза, Джонни. Пошли, Додды живут в двух кварталах отсюда.

Два человека в капюшонах тронулись в путь, с трудом пробираясь сквозь пургу. Под курткой у Баннермана был пистолет, а к ремню он пристегнул наручники. Они не прошли и квартала по глубокому снегу, как Джонни начал сильно хромать. Однако, стиснув зубы, он упрямо продвигался вперед.

Баннерман заметил это. Они остановились у входа в магазин запчастей.

— Что с тобой, приятель?

— Ничего, — ответил Джонни, чувствуя, что начинает болеть голова.

— Как «ничего»? Ты идешь, будто у тебя ноги сломаны.

— После того как я вышел из комы, мне делали операции на ногах. Мышцы атрофировались. Начали «растворяться», как выразился доктор Браун. Суставы сгнили. Поэтому все, что можно, заменили синтетикой...

— Как в телесериале «Человек на шесть миллионов долларов»?

Джонни подумал об аккуратных стопках больничных счетов в верхнем ящике комода у них в гостиной.

— Что-то в этом роде. При большой нагрузке ноги немеют, вот и все.

— Хочешь вернуться?

Еще бы! Вернуться и навсегда забыть об этом кошмаре. Жаль, что я вообще приехал. Это не моя проблема — а как раз того парня, который сравнил меня с двухголовой коровой.

— Да нет, я в порядке, — ответил Джонни.

Они вышли на дорогу, и ветер едва не сбил их с ног, но они устояли и упрямо двинулись вперед. Уличные фонари, облепленные снегом, раскачивались на ветру и тускло светили. Баннерман и Джонни свернули на боковую улицу и, миновав пять домов, остановились перед типичным для Новой Англии аккуратным коттеджем с двускатной крышей. Как и соседнее здание, он был погружен в темноту и казался необитаемым.

— Пришли, — сказал Баннерман. Они перебрались через сугроб возле ступенек и поднялись на крыльцо.

Миссис Генриетта Додд оказалась невероятно грузной женщиной, и Джонни удивил ее крайне нездоровый вид: серовато-желтая кожа, покрытые сыпью руки, похожие на конечности рептилии. Глаза, смотревшие из щелочек набухших век, имели то же выражение, что и у Веры Смит в те минуты, когда ее обуревало религиозное неистовство.

Баннерман барабанил в дверь не меньше пяти минут, прежде чем мать Фрэнка открыла. Джонни, едва держась на больных ногах, уже не верил, что эта ночь когда-нибудь закончится. Пурга будет наметать все новые и новые сугробы, пока совсем не погребет их под ними.

— Что тебе понадобилось посреди ночи, Джордж Баннерман? — с подозрением

осведомилась она. Как у многих полных женщин, ее высокий голос дребезжал и походил на жужжание мухи или пчелы, залетевшей в бутылку.

— Надо поговорить с Фрэнком, Генриетта.

— Поговоришь утром! — отрезала она и хотела закрыть дверь у них перед носом.

Баннерман придержал дверь рукой.

— Прошу прощения, Генриетта. Дело срочное.

— Я не собираюсь будить его! — закричала она, загораживая проход. — Он спит без задних ног! И не важно, что ночами у меня бывают приступы! Я могу звонить в колокольчик хоть до второго пришествия: его все равно не добудиться! Ничего, как-нибудь он проснется и узнает, что я не варю ему эти чертовы яйца на завтрак, а уже умерла от сердечного приступа! А все потому, что на работе его загоняли!

На ее губах заиграла такая торжествующая и язвительная улыбка, будто ей наконец удалось вывести всех на чистую воду.

— Работа круглые сутки, ночные дежурства, погони за пьяными посреди ночи — а у любого из них может оказаться под сиденьем пистолет! Бесконечные рейды по пивным и притонам, а там собирается такое отребье! Но разве это волнует вас?! Я знаю, кто там правит бал: там за пару центов грязные потаскухи готовы наградить моего чудесного мальчика дурной болезнью.

Ее дребезжащий нудный голос отдавался в висках Джонни мучительной болью. Хоть бы она замолчала! Наверное, из-за усталости, стресса и переживаний ему казалось, что перед ним стоит Вера, и она вот-вот переключится с Баннермана на него и снова заведет свою бесконечную песню о чудесном даре, которым наградил его Господь.

— Миссис Додд... Генриетта, — пытался остановить ее Баннерман.

Она вдруг повернулась к Джонни и смерила его взглядом поросячьих глазок — туповатых и вместе с тем проницательных.

— А это еще кто такой?

— Мой помощник по особым делам, — нашелся Баннерман. — Генриетта, Фрэнка нужно разбудить. Я беру на себя всю ответственность.

— Ах, ответственность! — саркастически передразнила миссис Додд, и Джонни вдруг сообразил, что она смертельно напугана. От нее буквально исходили удушливые волны страха, отчего так и разболелась у него голова. Интересно, Баннерман понял это? — От-вет-ствен-ность! Ах, какие мы все из себя *важные*! Я не позволю будить моего мальчика посреди ночи, Джордж Баннерман! Так что отправляйся со своим помощником перебирать свои чертовы бумажки!

Она снова попыталась захлопнуть дверь, но на этот раз Баннерман распахнул ее настежь. Его голос дрожал от бешенства, и он едва сдерживался.

— Пусти нас, Генриетта! Я не шучу!

— Ты не имеешь права! — закричала она. — У нас не полицейское государство! Ты дорого заплатишь за это! Покажи мне ордер!

— Я должен поговорить с Фрэнком! — Баннерман решительно шагнул внутрь, оттеснив ее.

Джонни последовал за ним. Генриетта Додд попыталась удержать его. Он перехватил ее запястье, и голову вдруг пронзила дикая боль, заглушив тупую ломоту в висках. *И женщина тоже почувствовала это.* Какое-то мгновение, показавшееся им вечностью, они смотрели друг на друга, ощущая, как два сознания вдруг слились в единое целое. Теперь они были полностью открыты друг для друга. Отпрянув, женщина схватилась за грудь.

— Сердце... сердце... — Судорожно пошарив в кармане, она достала пузырек с таблетками. Лицо ее мертвенно побледнело. Сняв крышку, Генриетта судорожно вытряхивала таблетки на ладонь. Они сыпались на пол, но одну она все-таки удержала и сунула под язык. Джонни

смотрел на нее в немом ужасе. Голова раскальвалась от напряжения.

— *Вы знали?* — прошептал он.

Ее рот беззвучно открывался и закрывался, как у рыбы, выброшенной на берег.

— Все это время *вы знали?*

— Дьявол! — завизжала она. — Чудовище! Дьявол! Мое сердце... я умираю... вызовите врача. *Джордж Баннерман, не смей будить моего мальчика!*

Джонни отпустил ее запястье и, вытирая пальцы о куртку, будто очищал грязь, захромал по лестнице за Баннерманом. Ветер на улице жалобно всхлипывал. Добравшись до середины лестницы, Джонни обернулся. Генриетта Додд опустилась на плетеное кресло и хватала воздух открытым ртом, придерживая огромную грудь обеими руками. Голова у Джонни продолжала раскальваться, и он с надеждой подумал, что *она сейчас лопнет и кончатся все его мучения. И слава Богу!*

На полу узкого коридора лежала потертая дорожка. Обои были в потеках. Баннерман барабанил в закрытую дверь. На втором этаже оказалось гораздо холоднее, чем внизу.

— Фрэнк? Фрэнк! Это я, Джордж Баннерман! Просыпайся, Фрэнк!

Никто не отвечал. Баннерман повернул ручку, и дверь открылась. Он нащупал рукоять пистолета, но доставать не стал. Это могло стать роковой ошибкой, но, к счастью, в комнате Фрэнка Додда не было.

Они остановились в дверях и огляделись. Детская. Обои с танцующими клоунами и лошадками тоже в потеках. Тряпичная кукла на маленьком стульчике таращит пустые глаза. В одном углу — коробка с игрушками, в другом — узкая деревянная кровать с отброшенным одеялом. В этом окружении особенно странно смотрелся ремень с кобурой, перекинутый через спинку кровати. Из кобуры торчал пистолет.

— Господи Боже! — тихо произнес Баннерман. — Да что же это?

— Помогите! — донесся снизу голос миссис Додд. — Помогите!

— Она знала, — сказал Джонни. — Знала с самого начала, с первой жертвы, с Фречетт. Он все рассказал ей, и она покрывала его.

Баннерман медленно попятился из комнаты и открыл другую дверь. Его лицо выразило недоумение и боль. Они попали в комнату для гостей. От холода изо рта валил пар. Баннерман заглянул в шкаф: пусто, если не считать плоски с крысиным ядом. Шериф огляделся и заметил еще одну дверь в конце ступенек. Он направился к ней, и Джонни последовал за ним. Дверь оказалась запертой.

— Фрэнк? Ты здесь? — Баннерман подергал ручку. — Открой, Фрэнк!

Не дождавшись ответа, Баннерман примерился и вышиб дверь ногой, ударив чуть ниже ручки. Дверь с треском вылетела.

— О Боже! — воскликнул Баннерман. — Фрэнк!

Джонни заглянул ему через плечо. Фрэнк Додд сидел на опущенной крышке унитаза голый, в накинутом на плечи блестящем черном дождевике. Черный капюшон (*капюшон палача*, подумал Джонни) лежал на сливном бачке, свернувшись в нелепый стручок. Фрэнк исхитрился перерезать себе горло, что показалось Джонни невероятным. На краю раковины лежала пачка лезвий, а одно зловеще поблескивало на полу. Все вокруг было залито кровью из яремной вены и сонной артерии, и даже в складках плаща она собралась в загустевшие лужицы. Кровь была на клеенчатой занавеске с изображениями шагающих под зонтиками уточек. Кровь забрызгала потолок.

На шее Фрэнка Додда висела табличка; на ней он вывел губной помадой слова: «Я признаюсь».

Головная боль стала нестерпимой. Пошатнувшись, Джонни ухватился за косяк.

Он догадался, вдруг подумал он. Понял все, когда увидел меня. Понял, что это конец. Вернулся домой. И покончил с собой.

Перед глазами разбегались черные круги.

Каким даром наградил тебя Господь, Джонни.

(Я признаюсь...)

— Джонни? — слышалось откуда-то издалека. — Джонни, с тобой все в...

Перед глазами все поплыло и стало исчезать. Это хорошо. А еще лучше было бы вообще не выходить из комы. Лучше для всех. Что ж, этот свой шанс он упустил.

— Джонни...

Фрэнк Додд пришел сюда и, пока метель завывала так, будто все темные силы вырвались из преисподней, исхитрился полоснуть себя бритвой по горлу от уха до уха. «Ничего себе фонтан!» — как выразился отец двенадцать лет назад, когда у них зимой в подвале лопнули трубы. Лучше и не скажешь: ничего себе фонтан! Брызнуло аж до потолка!

Джонни показалось, что он закричал, но потом он сомневался в этом. Возможно, ему действительно только показалось. Но Джонни хотелось закричать и выплеснуть с криком весь ужас и боль, переполнявшие сердце.

Он начал проваливаться в темноту, и это обрадовало его.

15

Из статьи в «Нью-Йорк таймс» от 19 декабря 1975 года:

ПОСЕТИВ МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ЯСНОВИДЯЩИЙ ИЗ МЭНА ПРИВЕЛ ШЕРИФА В ДОМ УБИЙЦЫ

Возможно, Джон Смит из Паунала вовсе не ясновидящий, но в этом теперь трудно убедить шерифа Джорджа Баннермана из округа Касл, штат Мэн. Доведенный до отчаяния шестым убийством в маленьком городке Касл-Рок на западе штата Мэн, он позвонил мистеру Смиту, попросив приехать в Касл-Рок и помочь расследованию. О мистере Смите страна узнала, когда он, выйдя из комы, в которой находился пятьдесят пять месяцев, проявил экстрасенсорные способности. Еженедельник «Инсайд вью» объявил мистера Смита мошенником, но на вчерашней пресс-конференции шериф Баннерман сказал по этому поводу: «В нашем штате не особенно верят тому, что пишут нью-йоркские газетчики».

По словам шерифа Баннермана, мистер Смит облазил на четвереньках место шестого убийства, совершенного в городском парке. Он получил легкое обморожение, но назвал имя убийцы: им оказался Франклин Додд, помощник шерифа, прослуживший в полиции Касл-Рока пять лет, то есть столько же, сколько и сам шериф Баннерман.

В этом году мистер Смит уже стал однажды объектом всеобщего обсуждения у себя в штате, когда у него появилось «видение» начинавшегося пожара в доме его физиотерапевта. Как выяснилось, видение соответствовало действительности. На посвященной этому пресс-конференции один из журналистов подверг сомнению...

Из статьи в «Ньюсуик» от 24 декабря 1975 года:

Не исключено, что в нашей стране появился первый настоящий ясновидящий со времен Питера Гуркоса — выходца из Германии, который мог рассказать подробности жизни собеседника, коснувшись его руки, украшений или каких-то мелочей.

Джон Смит — застенчивый и скромный молодой человек из маленького городка Паунала на юге штата Мэн. В начале этого года он вышел из комы, в которой пролежал больше четырех лет после автомобильной аварии (см. фото). По словам лечащего врача, доктора Сэмюэла Вейзака, возвращение Смита к нормальной жизни «представляется уникальным событием». Джону Смицу удалось раскрыть серию убийств, наводивших ужас на жителей Касл-Рока, правда, при этом он отморозил пальцы, потерял сознание от перенапряжения и провел в беспомощности четыре часа. Сейчас он выздоравливает и...

27 декабря, 1975 г.

Дорогая Сара!

Мы с отцом очень обрадовались, получив от тебя сегодня письмо. Со мной все в порядке, так что волноваться нет никаких причин. Но твоё беспокойство меня очень тронуло. Про «обморожение» пресса сильно преувеличила. Там всего лишь три пятнышка на подушечках пальцев левой руки. А «потеря сознания» была небольшим обмороком, вызванным, по словам Вейзака, эмоциональной перегрузкой. Он сам примчался сюда и настоял, чтобы меня перевезли в портлендскую больницу. Да, на него стоит посмотреть в действии! Он выбил у них и кабинет, и аппарат ЭЭГ, и лаборанта. Так вот, Вейзак не обнаружил ухудшения в состоянии мозга. Он хотел бы провести целый ряд исследований; некоторые из них сильно смахивают на пытки инквизиторов: «Отрекись, еретик, иначе тебя ждет пневматическое сканирование головного мозга!». (Шучу. А кстати, дорогуша, ты так и не бросила нюхать кокаин?) Как бы то ни было, я отверг их любезное предложение надуть меня, как воздушный шарик, а потом проткнуть. Отец злится; он почему-то вбил себе в голову, что мой отказ от обследования и нежелание матери принимать лекарство от давления — вещи одного порядка. Мне не удастся объяснить ему, что даже если Вейзак и найдет какие-то отклонения, то все равно ничего поделаться с ними не сможет.

Да, я видел статью в «Ньюсуике». Мою фотографию они взяли с той злополучной пресс-конференции, только обкорнали. На ней у меня такой вид, что не дай Бог столкнуться в темном переулке. Не приведи Господи, как выражается твоя подружка Энн Страфффорд! Жаль, что обо мне написали. Не зная обратного адреса, я даже не вскрываю письма, а сразу пишу на конверте: «Вернуть отправителю». В них слишком много человеческого горя, надежд и ненависти, веры и неверия, и они постоянно напоминают мне о маме.

Что-то мрачную я нарисовал картину, а вообще-то все не так уж плохо. Я просто не хочу быть ни практикующим медиумом, ни выступать с лекциями, ни появляться на телеэкране. (Какой-то придурок с Эн-би-си сумел раздобыть мой номер телефона и зазывал на их шоу, которое ведет Джонни Карсон. Представляешь? Дон Риклс отпускает свои оскорбительные шуточки, старлетка демонстрирует прелести, а я делаю пару предсказаний, и все в одном флаконе! Под эгидой какой-нибудь «Дженерал фудс».) Не желаю иметь с этим ничего общего! Я хочу поскорей

оказаться в Кливс-Миллс и стать самым обычным школьным учителем, и пусть мои «озарения» касаются только футбольных баталий.

Ладно, на этом, пожалуй, завершу письмо. Надеюсь, ваша семья хорошо встретила Рождество и с оптимизмом (во всяком случае, Уолт, судя по твоим словам) ждет выборов в предстоящий год двухсотлетнего юбилея. Рад, что твоего супруга выдвинули в сенат штата, но ему понадобится удача: для республиканцев 1976 год вряд ли станет триумфальным. И благодарить за это надо нынешнюю администрацию.

Отец передает привет и просит сказать спасибо за фотографию Денни, которая произвела на него неизгладимое впечатление. Я присоединяюсь. И отдельное спасибо за проявленное беспокойство. Хотя для него и нет оснований, но мне все равно очень приятно. Со мной все в порядке, и я с нетерпением жду дня, когда снова окунусь в работу.

С любовью и наилучшими пожеланиями,

Джонни.

P.S. И доставь мне удовольствие: завязывай с этим кокаином!

Дж.

29 декабря 1975 г.

Дорогой Джонни!

За шестнадцать лет, проведенных на административном посту в школе, мне еще никогда не приходилось писать писем с таким чувством горечи. Ведь ты не только мой друг, но и потрясающий учитель. Но это и так понятно, поэтому не буду ходить вокруг да около и сразу перейду к делу.

Вчера вечером состоялось специальное заседание школьного совета, созванное по инициативе двух членов, чьи имена называть не хочу. Но они входили в совет еще при тебе, так что ты, думаю, сам поймешь, о ком идет речь. Пятью голосами против двух совет проголосовал за расторжение контракта с тобой. Причина: ты слишком неоднозначная личность, чтобы быть хорошим учителем. Беспредельно возмущенный, я чуть не подал в отставку — меня остановила только мысль о жене и детях. Это решение даже хуже запрета изучать романы Андайка «Кролик, беги» или «Над пропастью во ржи» Сэлинджера. От него очень дурно пахнет.

Я так и заявил им, но с таким же успехом мог говорить с глухими. Для них важно только то, что твоя фотография появилась в «Ньюсуик» и «Нью-Йорк таймс», а о событиях в Касл-Роке рассказывали все федеральные телеканалы. «Слишком неоднозначен!» Пять старых и замшелых консерваторов, которых больше волнует длина волос школьников, чем их учебники. Они с удовольствием будут выяснять, кто из учителей покуривает травку, но не станут ломать голову над тем, где найти средства на современное оборудование для кабинетов.

Я адресовал гневное письмо расширенному составу совета, и, думаю, мне удастся уговорить Ирвинга Файнгоулда подписать его. Однако признаюсь: рассчитывать, что ему удастся переубедить этих пятерых мракобесов, не приходится.

Искренне советую тебе, Джонни, нанять адвоката. С тобой вступили в

договорные отношения и подписали контракт, и я думаю, что тебе удастся заставить их выплатить жалование до последнего цента, независимо от того, переступишь ли ты порог школы в Кливс-Миллс или нет. Позвони мне, как только захочешь поговорить.

Мне ужасно жаль, что так вышло.

Твой друг Дейв Пелсен.

Стоя возле почтового ящика с письмом Дейва в руках, Джонни не верил своим глазам. Последний день 1975 года выдался на редкость холодным, и при дыхании из носа вырывались струйки пара.

— Черт! — прошептал он. — Черт бы их побрал!

Он машинально наклонился к ящику посмотреть, нет ли в нем чего-то еще. Как всегда, он был набит до отказа, но письмо Дейва, по случайности, торчало уголком наружу.

В почтовом извещении Джонни предлагали забрать пришедшие бандероли. Ох уж эти бандероли!

«В 1969 году меня бросил муж. Посылаю его носки — скажите, где он, чтобы я смогла выбить из мерзавца алименты».

«Мой маленький ребенок в прошлом году задохнулся насмерть, вот его погремушка, скажите, попал ли он в рай? Я не крестила его, потому что возражал муж, а теперь не могу себе простить...»

Нескончаемый перечень просьб.

Каким даром наградил тебя Господь, Джонни!

Причина: ты слишком неоднозначная личность, чтобы быть хорошим учителем.

Джонни яростно выгребал открытки и конверты из ящика. Некоторые упали в снег. В висках начала пульсировать боль; она, как черная туча, заволакивала сознание. По щекам вдруг потекли слезы, но на морозе они сразу застывали, превращаясь в блестящие полоски.

Джонни наклонился, чтобы собрать упавшие письма. Сквозь слезы он разглядел на одном из них жирно выведенную карандашную надпись: «Правидцу Джону Смити».

«Правидец» — это я.

Руки у Джонни задрожали, и он выронил все письма, в том числе и Дейва. Оно спланировало, как опавший лист, и медленно опустилось на землю, накрыв собой всю остальную корреспонденцию. На логотипе бланка знакомая эмблема школы: факел, а под ним девиз «Учить, учиться, знать, помогать».

— Будьте вы все прокляты! — в сердцах воскликнул Джонни. Он опустился на колени и начал собирать письма, сгребая их рукавицами. Обмороженные пальцы ныли от боли, напоминая о Фрэнке Додде, сидящем на крышке унитаза, его перепачканных кровью светлых волосах и табличке на шее. «Я признаюсь».

Собрав все письма, Джонни услышал свой голос, он повторял, как заезженная пластинка:

— *Вы меня убиваете, оставьте меня в покое, вы меня убиваете...*

Усилием воли он заставил себя замолчать. Нет, так нельзя. Жизнь продолжается. Что бы ни случилось, но жизнь все равно будет продолжаться.

Джонни двинулся в обратный путь, размышляя над тем, что делать дальше. Может, что-то подвернется само собой. В любом случае он выполнил материнский наказ. Если Господь и возложил на него некую миссию, он выполнил ее. И не важно, что миссия была

самоубийственной. Он все равно выполнил ее.

Он за все рассчитался сполна и никому ничего не должен.

Часть II
Смеющийся тигр

На ярком июньском солнце, в шезлонге возле бассейна, сидел юноша и, вытянув длинные тренированные ноги, медленно читал вслух, водя пальцем по строчке.

— «Молодой Денни Джу... Денни Джунипер был, безусловно, мертв... и вряд ли на свете нашлось бы много таких, кто не счел бы его смерть зас... зас...» Черт, не знаю!

— «...и вряд ли на свете нашлось бы много таких, кто не счел бы его смерть заслуженной», — прочитал Джонни Смит. — Проще говоря, многие полагали, что Денни получил по заслугам, и туда ему и дорога.

На приветливом лице Чака отразились удивление, досада, смущение и даже подавленность. Он вздохнул и опустил взгляд в приключенческий роман Макса Брэнда.

— «...кто не счел бы его смерть заслуженной. Но меня особенно удру... удру...»

— Удручало, — подсказал Джонни.

— «Но меня особенно удручало, что он умер в тот самый момент, когда мог оказать миру большую услугу и хотя бы частично искупить свои зло... злодеяния. Конечно, такое... такое...»

Чак захлопнул книгу и лучезарно улыбнулся:

— Джонни, может, хватит на сегодня? — От этой неотразимой улыбки болельщицы Нью-Хэмпшира теряли голову, чем он всю пользовался. — Хочешь искупаться? Вижу, что хочешь. С тебя пот льет в три ручья, хоть ты и худющий!

Джонни внутренне согласился, что бассейн действительно выглядит очень заманчиво. Первые недели лета юбилейного 1976 года выдались на редкость жаркими. С лужайки, называемой Чаком — по аналогии с футболом — 40-ярдовой зоной, от дальнего крыла просторного белого особняка доносилось равномерное стрекотанье газонокосилки; вьетнамский садовник Нго Фат подравнивал траву. Так и хотелось выпить пару стаканов холодного лимонада и подремать.

— Толстый я или худющий — тебя не касается, — ответил Джонни. — К тому же мы только начали главу.

— Верно, но до этого прочитали целых две! — умоляюще воскликнул Чак.

Джонни вздохнул. Обычно ему не составляло труда заставить юношу заниматься, но только не сейчас. Сегодня Чак отважно преодолел описание охраны, расставленной Джоном Шербурном вокруг тюрьмы Эмити, и того, как подлому Красному Ястребу удалось пробраться сквозь нее и прикончить Денни Джунипера.

— Ладно, дочитай до конца страницы, — сдался Джонни. — А слово, на котором ты застрял, — «обескуражит». И ничего страшного в нем нет, Чак!

— Какой ты все-таки замечательный человек! — расплылся юноша. — И без всяких вопросов, верно?

— Там посмотрим.

Чак нахмурился, но, скорее, для виду, понимая, что уже выторговал неплохую поблажку. Он открыл книгу, на обложке которой ковбой расправлялся в салуне с целой шайкой бандитов, и начал медленно читать неуверенным голосом, непохожим на его обычный.

— «Конечно, такое... обескуражит любого. Но главная неприятность ждала меня у постели бедного Тома Ке... Кениона. Его подстрелили, и он искупал дух, когда я появился».

— Испускал, — поправил Джонни. — Следи за смыслом, Чак.

— «Искупал дух», — повторил Чак и, весело хмыкнув, продолжил: — «...и он *испускал* дух,

когда я появился».

Джонни почувствовал жалость к юноше, склонившемуся над дешевым изданием «Смертельной погони». Незамысловатая проза Макса Брэнда обычно проглатывается на одном дыхании, а Чак с трудом продирался сквозь простые фразы, водя пальцем по строчке. Его отец Роджер Четсворт владел чуть ли не крупнейшим в Нью-Хэмпшире прядильно-ткацким производством. Они жили в Дареме в большом особняке из шестнадцати комнат и имели прислугу в пять человек, включая Нго Фата, который раз в неделю отправлялся в Портсмут на занятия для тех, кто хочет получить американское гражданство. Четсворт ездил на отреставрированном «кадиллаке» 1957 года с откидным верхом. Его жена, приятная и рассудительная женщина сорока двух лет, разъезжала на «мерседесе», а Чак — на «корвете». Состояние семьи оценивалось примерно в пять миллионов долларов.

Джонни часто думал о том, что семнадцатилетний Чак похож на человека, которого, наверное, и задумывал Господь, вдыхая жизнь в кусок глины. Он был великолепно сложен: его рост составлял шесть футов два дюйма, а вес — сто девяносто фунтов, причем в основном за счет мышечной массы. В чертах лица Джонни не усматривал ничего необычного, зато кожа была удивительно гладкой и чистой, а таких ярких зеленых глаз он не видел ни у кого, кроме Сары Хазлетт. В школе лидерство и авторитет Чака никто не оспаривал. Чака, капитана бейсбольной и футбольной команд и старосту класса, избрали на предстоящий учебный год председателем ученического совета школы. При этом в Чаке не появилось ни спеси, ни зазнайства. Эрб Смит, заезжавший посмотреть, как устроился Джонни на новом месте, сказал, что Чак «славный малый», а это в его устах означало высшую степень одобрения. И этот «славный малый» когда-нибудь станет невероятно богатым славным малым.

И вот Чак угрюмо склонился над книгой, как стрелок в пулеметном гнезде, отстреливающийся одиночными словами. И он превратил динамичное и увлекательное противоборство Джона Шербурна и преступного команча Красного Ястреба в нечто столь же «занимательное», как объявление о продаже радиодеталей.

Но Чак вовсе не был глуп. Он отлично успевал по математике, имел хорошую память и умелые руки. Его проблема заключалась в неспособности уловить общий смысл печатного текста. С устной речью все было в полном порядке, он вполне владел фонетикой в теории, но не на практике. Чак безупречно воспроизводил прочитанное предложение, но не мог пересказать его смысл. Роджер Четсворт боялся, что Чак страдает дислексией^[9], но Джонни сомневался в этом. Он вообще не встречал детей, неспособных к чтению, хотя многие родители цеплялись за этот научный термин, стараясь найти в нем объяснение или оправдание трудностей с чтением у их детей. Проблема Чака заключалась в своеобразной фобии — навязчивого внутреннего страха перед чтением.

За последние пять лет учебы эта фобия усилилась, но родители Чака, да и он сам, всерьез озаботились этим только сейчас, когда из-за нее шансы юноши попасть в колледж благодаря его спортивным достижениям сильно сократились. Положение осложнялось тем, что зимой Чаку предоставлялась последняя реальная возможность пройти необходимые отборочные тесты, если он рассчитывал начать учебу в колледже осенью 1977 года. С математикой проблем не было, что же до остальных испытаний... Если бы ему прочитали вопросы вслух, он наверняка набрал бы необходимые баллы. Уж не меньше пятисот точно. Но приводить с собой на экзамен чтеца никто не позволит, даже если твой отец — большая шишка в деловых кругах Нью-Хэмпшира.

— «Но я увидел совершенно... изменившегося человека. Он знал, что ждет его впереди, и держался с удивлени... с удивительным мужеством. Он ничего не просил и ни о чем не жалел. Все страхи и пережитки... переживания перед лицом неизвестности, которые так долго мучили его...»

Прочитав в «Мэн таймс» объявление о том, что требуется репетитор, Джонни предложил свои услуги, хотя особо ни на что не рассчитывал. В середине февраля он переехал в Киттери, желая убраться подальше от Паунала с его переполненным почтовым ящиком, от репортеров, появлявшихся все чаще и чаще, от женщин с затравленным взглядом, которые «решили заскочить просто так, раз уж оказались неподалеку». Между тем у одной из «случайно заглянувших» номерной знак на машине оказался мэрилендским, а у другой, приехавшей на старом разбитом «форде», — аризонским. И они тянули руки, стараясь прикоснуться к нему...

В Киттери он впервые столкнулся с тем, что у такого безликого имени, как Джон Смит, есть свои преимущества. На третий день пребывания в городе он предложил свои услуги одной закусочной в качестве повара дежурных блюд. Описывая свой опыт, Джонни сказал, что работал в столовой университета и в летнем лагере для мальчиков на озерах Рейнджли, где провел целый сезон. Прочитав его резюме, владелица заведения, выдавшая виды вдова Руби Пеллтиэй, сказала:

— По-моему, парень, готовить тебя нигде не учили. Или это не так?

— Верно, — согласился Джонни. — Но жизнь быстро научит всему, если деваться некуда.

Руби Пеллтиэй уперлась руками в тощие бока и, запрокинув голову, расхохоталась.

— А не сдрейфишь, если посреди ночи заявится дюжина дальнобойщиков и потребует яичницу, ветчину, сосиски, гренки и оладьи?

— Пожалуй, нет.

— Думаю, ты понятия не имеешь, о чем я толкую, но дам тебе шанс, парень. Пройди медосмотр, чтобы у меня не было неприятностей с санитарной службой, и, если все в порядке, приступай.

Джонни приступил, и после двух суматошных недель (и болезненных волдырей от ожогов на правой руке, когда он слишком поспешно сунул в кипящее масло лоток с картофелем фри) ему удалось войти в нужный ритм. Увидев в газете объявление Четсворта, Джонни отправил по указанному адресу свое резюме, отметив в качестве специальной подготовки прослушанный курс по проблемам необучаемости и трудностей с чтением.

В конце апреля, когда заканчивался второй месяц его работы в закусочной, он получил приглашение от Роджера Четсворта прибыть на собеседование 5 мая. Джонни взял выходной и в 14:10 чудесного весеннего дня потягивал из высокого запотевшего бокала пепси-колу со льдом в кабинете бизнесмена, слушая, как трудно Чаку дается чтение.

— Как считаете, это дислексия? — поинтересовался Роджер.

— Думаю, нет. Это похоже на обычный страх чтения.

Четсворт поморщился.

— Синдром Джексона?

Джонни был поражен. Да и как не удивиться?! Девять лет назад Майкл Кэри Джексон, специалист по технике чтения из Университета Южной Калифорнии, выпустил книгу «Невосприимчивый читатель», наделавшую много шума. Он описывал разнообразные проблемы, возникавшие при чтении. Они получили название «синдрома Джексона». Это была очень хорошая книга для тех, кому удавалось совладать с научной терминологией. И то, что Четсворту это удалось, красноречиво свидетельствовало о его решимости помочь сыну выкарабкаться.

— Что-то вроде этого, — согласился Джонни. — Но, как вы понимаете, я не видел вашего сына и не слышал, как он читает.

— У него остались «хвосты» за прошлый год. Их нужно досдать. Американская литература, материал по истории за два месяца, да еще и граждановедение. Он завалил выпускной экзамен, потому что не смог ни черта прочитать! У вас есть лицензия на преподавание в Нью-Хэмпшире?

— Нет, но получить ее — не проблема.

— И как бы вы поступили с моим сыном?

Джонни изложил свои рекомендации. Чаку нужно много читать вслух, причём упор следует сделать на литературу с увлекательным сюжетом: фантастику, боевики, приключения. Постоянный контроль за тем, понимает ли он прочитанное. И техника расслабления, описанная в книге Джексона.

— Зачастую отличникам приходится труднее, чем другим, — пояснил Джонни. — Они находятся в постоянном напряжении и невольно сами перенапрягают мозг, чем вызывают своего рода умственное заикание...

— Это Джексон так считает? — перебил его Четсворт.

— Нет, так считаю я, — улыбнулся Джонни.

— Хорошо, продолжайте.

— Если после чтения ученик имеет возможность расслабиться и у него нет необходимости тут же воспроизводить прочитанное, заблокированные каналы начнут прочищаться. И тогда у него произойдет переосмысление своего подхода, появится позитивное мышление...

Глаза Четсворта заблестели. Джонни невольно затронул краеугольный камень его жизненной философии и, не исключено, кредо всех, кому удалось самостоятельно пробиться в жизни.

— Ничто так не способствует успеху, как успех, — заметил он.

— Можно и так выразиться.

— Сколько нужно времени, чтобы получить лицензию на преподавание в Нью-Хэмпшире?

— Для соблюдения всех формальностей нужно недели две.

— Значит, вы можете приступить к занятиям двадцатого?

Джонни растерялся:

— То есть вы берете меня?

— Если это место интересует вас, считайте, что оно ваше. Жить вы можете в гостевом домике. Этим летом чертовы родственники и друзья Чака как-нибудь обойдутся, тем более что я намерен заставить его «пахать». Я буду платить вам шестьсот долларов в месяц. Это, конечно, не бешеные деньги, но если дела у Чака пойдут на лад, получите серьезные премиальные. Очень серьезные.

Четсворт снял очки и провел рукой по лицу.

— Мистер Смит, я люблю своего мальчика и желаю ему только добра. Помогите нам.

— Постараюсь.

Четсворт снова надел очки и взял резюме Джонни.

— Вы уже очень давно не преподавали. Разонравилось?

Начинается, подумал Джонни.

— Нет, просто я попал в аварию.

Четсворт бросил взгляд на шею Джонни, где остались шрамы от операций на сухожилиях.

— Автомобильная катастрофа?

— Да.

— Серьезная?

— Да.

— Сейчас, похоже, вы в полном порядке, — заметил Четсворт и убрал резюме в ящик стола.

Как ни странно, вопросов у него больше не было.

Вот так после пятилетнего перерыва Джонни снова приступил к преподаванию, правда, на этот раз в его классе оказался всего один ученик.

— «И хотя я не... невольно оказался виновен в его смерти, он взял мою руку и, слабо сжав, улыбнулся, показывая, что не де... не держит зла. Это была тяжелая минута, и я ушел, чувствуя, что мне никогда не ис... не искупить того зла, что принес в этот мир».

Чак с треском захлопнул книгу.

— Все! Кто нырнет последним, тот слабак!

— Подожди, Чак!

— О-ох! — Чак тяжело опустился в шезлонг с тем страдальческим выражением, которое неизменно появлялось у него на лице при *обсуждении прочитанного*. Сквозь природный оптимизм и добродушие нет-нет да и проглядывали страх и растерянность. Причем страх был сильным, а растерянность — полной. Потому что в современном мире читают все, а неграмотный человек в Америке — это динозавр, неведомо как попавший в наше время. Отлично понимая это, Чак с ужасом ждал начала нового учебного года и вполне реальных неприятностей.

— Всего пара вопросов, Чак.

— А смысл? Ты же знаешь, что я на них все равно не отвечу.

— Ответишь! На этот раз ты точно на все ответишь.

— Я никогда не понимаю того, что читаю, и ты в этом давно убедился. — Чак насупился, и вид у него был несчастный. — И мне непонятно, зачем ты у нас остался, разве что из-за еды.

— Ты ответишь на мои вопросы, потому что они не про книгу.

Чак поднял голову.

— Не про книгу? Тогда зачем задавать их? Я думал...

— Доставь мне удовольствие ладно?

Сердце Джонни бешено колотилось, и он вдруг понял, что сам боится, правда, совсем не удивился этому. Он давно выжидал подходящего случая, и сейчас такая возможность наконец представилась. Миссис Четсворт не крутилась поблизости и не бросала на них озабоченные взгляды, отчего Чак только нервничал. В бассейне не плескались приятели Чака — при них чтение вслух казалось ему унижительным занятием отстающего первоклашки. Но самое главное — сейчас здесь не было отца Чака, которого он боготворил. Роджер уехал в Бостон на заседание комиссии по охране окружающей среды, где обсуждалось загрязнение водоемов Новой Англии.

Из книги Эдварда Стэнни «Исследование необучаемости»:

Пациент Руперт Дж. сидел в третьем ряду кинотеатра. Он находился на шесть рядов ближе к экрану, чем остальные зрители, и был единственным, кто заметил, как загорелся мусор на полу. Руперт Дж. вскочил и закричал: «П-п-п...», но сзади на него зашикали и велели сесть.

— И что вы при этом почувствовали? — спросил я у Руперта Дж.

— Объяснить, что я почувствовал, невозможно, — ответил он. — Я испугался, но отчаяние, охватившее меня, было гораздо сильнее страха. Я ощущал свою неадекватность и полную никчемность. Из-за заикания я всегда комплексовал, а тут добавилось и чувство беспомощности!

— А что-нибудь еще вы чувствовали?

— Да. Я чувствовал зависть, потому что огонь заметит кто-то другой и...

— Станет героем, спасшим жизни?

— Да, именно так. Я — единственный, кто увидел, что начинается пожар. А ничего, кроме «П-п-п...», как заевшая пластинка, выдавить из себя не мог. Неполноценный член общества — иначе и не скажешь.

— И как же удалось преодолеть этот барьер?

— Накануне у моей матери был день рождения. Я купил ей букет роз. И вот со всех сторон на меня продолжают шикать, а я стою и думаю, что сейчас открою рот и закричу что есть силы: «Розы!» Я знал, что это слово мне удастся.

— И что было дальше?

— Я открыл рот и заорал что было сил: «Пожар!»

Джонни прочитал об этом случае восемь лет назад в предисловии к книге Стэнни, но помнил о нем до сих пор. Он всегда считал, что ключевым словом в воспоминаниях Руперта Дж. было «бессилие». Если мужчина считает, что в какой-то конкретный момент для него нет ничего важнее, чем проявить состоятельность в постели с женщиной, то риск импотенции увеличивается в десятки, если не в сотни раз. А если самым важным на свете становится чтение...

— А у тебя есть второе имя, Чак?

— Мэрфи, — ответил тот с ухмылкой. — Ужас, правда? Девичья фамилия матери. Но если проболтаешься об этом Джеку или Элу, то сильно пожалеешь: я не посмотрю, что ты такой худой.

— Не проболтаюсь. А когда у тебя день рождения?

— Восьмого сентября.

Джонни засыпал Чака вопросами, не давая времени на размышление, правда, ответы и не требовали раздумий.

— А как зовут твою девушку?

— Бет. Ты же с ней знаком, Джонни...

— А как ее второе имя?

— Альма, — ухмыльнулся Чак. — Ужасное, верно?

— А как зовут твоего деда по отцовской линии?

— Ричард.

— Кто тебе понравился больше всех в восточном дивизионе Американской бейсбольной лиги?

— «Янки». Как они всех «несли».

— А кого бы хотел в президенты?

— Джерри Брауна.

— Ты собираешься продавать свой «корвет»?

— В этом году — нет. Может, на будущий год.

— Из-за матери?

— Ну да! Говорит, что потеряла покой, видя, как я гоняю.

— А как Красный Ястреб сумел обойти посты и убить Денни Джунипера?

— Шербурн не обратил внимания на люк, который вел на чердак тюрьмы, — быстро ответил Чак не думая, и Джонни почувствовал ликование. У него перехватило дыхание, как от большого глотка крепкого виски. Сработало! Он заставил Чака говорить о «розах», и тот закричал: «Пожар!».

Чак удивленно смотрел на него.

— Красный Ястреб пробрался на чердак через слуховое окно, открыл люк, застрелил Денни Джунипера и Тома Кениона.

— Все верно, Чак.

— Я вспомнил! — пробормотал тот, и его глаза округлились, а губы растянулись в улыбке. — Ты одурачил меня и заставил вспомнить!

— Я просто взял тебя за руку и помог обойти препятствие, в которое ты все время

упирался, — объяснил Джонни. — Но оно никуда не делось, Чак, поэтому обольщаться не стоит. Как звали девушку, которой увлекся Шербурн?

— Ее звали... — Взгляд Чака затуманился, и он удрученно покачал головой: — Не помню! — Он со злостью стукнул себя по колену. — *Ничего* не помню! Ну что же я за кретин?!

— А ты помнишь, как, по рассказам, познакомились твои родители?

Чак перевел взгляд на Джонни и слегка улыбнулся:

— Конечно! Мама работала в конторе по прокату автомобилей в Чарлстоне, штат Южная Каролина, и дала отцу машину со спущенным колесом. — Чак засмеялся. — Она до сих пор утверждает, что вышла за него замуж, чтобы дать ему шанс выбиться в люди.

— А как звали девушку, которой увлекся Шербурн?

— Дженни Лэнгхорн. Себе на беду. Она же была с Грэшем! Рыжая. Как Бет. Она... — Он осекся и вытаращил на Джонни глаза, будто тот достал из кармана рубашки живого кролика. — У тебя снова получилось!

— Нет, это у тебя получилось. Простой прием переключения внимания. Так почему ты считаешь, что Джон Шербурн увлекся ею «себе на беду»?

— Да потому что Грэшем — большая шишка в том городе...

— В каком городе?

Чак открыл рот, но ничего не произнес. Он отвернулся, посмотрел на бассейн и, улыбнувшись, снова перевел взгляд на Джонни.

— Эмити! Как в фильме «Челюсти»!

— Отлично! А как ты вспомнил название?

— Наверное, это глупо, но я подумал, не поучаствовать ли в отборочных соревнованиях по плаванию, и — бац! — все получилось! Вот так штука! Обалдеть!

— Хорошо. На сегодня, думаю, достаточно. — Джонни чувствовал себя выжатым как лимон, но совершенно счастливым. — Сегодня ты совершил настоящий прорыв, если сам еще не понял. Пошли купаться! Кто нырнет последним, тот слабак!

— Джонни!

— Что?

— Это всегда будет срабатывать?

— Да, если войдет в привычку. И каждый раз, когда тебе удастся обходить это препятствие, а не лезть напролом, оно будет становиться все меньше и меньше. Не сомневаюсь, ты сам скоро убедишься, насколько легче станет читать. У меня в заглавнике есть еще два-три хитрых приема. — Он замолчал, рассчитывая, что эти слова подтолкнут Чака к самовнушению.

— Спасибо! — Лицо юноши выразило искреннюю благодарность. — Если сможешь мне с этим справиться, я... да я готов за это ноги целовать! Иногда мне так страшно! Кажется, что я подвожу отца...

— Чак, неужели ты не понимаешь, что в этом отчасти и кроется причина всех твоих проблем?

— Правда?

— Да. Ты стараешься всех и во всем обогнать. Все делаешь с перехлестом! Но знаешь, проблема, возможно, и не в психологической блокировке. Есть мнение, что проблемы с чтением, синдром Джексона и прочие подобные фобии — некое... умственное родимое пятно. Что-то вроде забитого канала, неисправного реле, мертвой... — Джонни замолчал.

— Чего? — переспросил Чак.

— Мертвой зоны. Не важно, как это называется. Важен результат. Перенаправление внимания, по сути, никакая не хитрость. Просто этот прием обучает незадействованный участок твоего мозга выполнять работу вместо того, что дал сбой. Для тебя это означает, что ты должен

научиться переключать внимание каждый раз, как только столкнешься с препятствием. Ты изменишь отправную точку мысли и соответственно путь, по которому она будет проходить. Это — умение переключаться.

— Думаешь, у меня получится? Я научусь?

— Не сомневаюсь.

— Ладно! Значит, научусь! — Чак, красиво прыгнув, погрузился в воду и, вынырнув, замотал головой. Длинные волосы взметнулись, и с них веером посыпались брызги. — Ну же! Вода отличная!

— Сейчас...

Джонни не спешил лезть в бассейн и с удовольствием наблюдал, как Чак мощными гребками рассекает воду, празднуя одержанную победу. Джонни совсем не обрадовался, ни узнав о пожаре на кухне Айлин Магоун, ни разоблачив Фрэнка Додда. Если Господь и наградил его даром, то это талант учителя, а вовсе не способность узнавать нечто, совершенно чуждое ему. Еще в семидесятом, работая в школе, Джонни понял, что его истинное призвание — преподавание. И, что еще важнее, ребята чувствовали это и отвечали ему доверием и признательностью, как и Чак.

— Будешь стоять как памятник? — спросил Чак, и Джонни нырнул.

Как обычно, без четверти пять Уоррен Ричардсон вышел из небольшого офисного здания, добрался до парковки и, втиснув свое грузное тело за руль «шевроле», завел двигатель. Все как обычно. Необычным было только неожиданное появление в зеркале заднего вида незнакомого лица, обрамленного длинными волосами, — смуглого, небритого и с неправдоподобно зелеными глазами, как у Сары Хазлетт или Чака Четсворта. От страха сердце Уоррена Ричардсона прыгнуло в груди и замерло: так пугаются только в детстве.

— Привет, — сказал Санни Эллиман, подаваясь вперед.

— Привет, — выдохнул Ричардсон. Сердце его неистово колотилось, а перед глазами прыгали черные точки. Он боялся, что его хватит удар.

— Спокойно, — произнес человек на заднем сиденье. — Спокойно, не надо нервничать.

И Уоррен Ричардсон вдруг проникся искренней благодарностью к незнакомцу. У того, кто так сильно испугал его, нет дурных намерений. Он наверняка хороший парень и...

— Кто вы? — с трудом выговорил он.

— Друг, — ответил Санни.

Ричардсон начал поворачиваться, но в его дряблую шею клещами впились пальцы. От резкой боли перехватило дыхание, и он судорожно заскулил.

— Не стоит поворачиваться, приятель. Вы меня и так хорошо видите в зеркало. Понятно?

— Да, — прохрипел Ричардсон. — Да, да, да! Только отпустите!

Хватка чуть ослабла, и Ричардсон вновь ощутил благодарность, противоречащую здравому смыслу. Но теперь он не сомневался, что человек на заднем сиденье не только опасен, но и оказался в его машине не случайно. Хотя и не представлял себе, кому и зачем понадобилось...

И тут до него *дошло*: от обычного кандидата на выборах такого ждать *не приходилось*, но Грег Стилсон — не обычный кандидат. Он — сумасшедший и...

Уоррен Ричардсон взвыл от страха.

— Нам надо поговорить, приятель, — мягко и доброжелательно произнес Санни, но зеленые глаза злобно блеснули. — Поговорить честно и откровенно, чтобы не осталось никаких неясностей.

— Это из-за Стилсона, верно? Это...

И снова пальцы незнакомца сдавили шею как клещи, и Ричардсон взвизгнул от боли.

— Никаких имен! — заявил страшный человек на заднем сиденье тем же мягким и сочувственным тоном. — Ваше право — предполагать, мистер Ричардсон, но имена оставьте при себе. Большим пальцем я упираюсь в вашу сонную артерию, а остальными — в яремную вену, так что легко могу превратить вас в труп.

— Что вам нужно? — простонал Ричардсон. Он не собирался стонать, но произносить слова иначе не получалось. И все это происходит среди бела дня в столице Нью-Хэмпшира. На парковке возле его конторы по недвижимости. На башне ратуши из красного кирпича он видел часы; они показывали без десяти пять. Сейчас Норма отправляет в духовку свиные отбивные, обильно сдобренные специями, а Шон смотрит по телевизору «Улицу Сезам». В его же машине сзади сидит человек, угрожающий перекрыть подачу крови в мозг и в лучшем случае превратить его в растение. Все это похоже на какой-то ночной кошмар, из объятий которого никак не удастся вырваться.

— Мне ничего не нужно, — ответил Санни Эллиман. — Вопрос в том, что нужно вам?

— Не понимаю, о чем вы!

На самом деле он все уже понял.

— Статейка в «Нью-Хэмпшир джорнал» о сомнительных сделках с недвижимостью, — пояснил Санни. — Вы там немало наговорили, мистер Ричардсон, верно? Особенно в отношении... определенных лиц.

— Я...

— Например, о «Кэпитал-Молл». Всякие намеки о взятках и круговой поруке. И прочая *полная чушь!*

Пальцы снова сдавили горло, и Ричардсон, не выдержав, издал стон. Но его имя в статье не называлось! Там просто ссылались на «информированный источник». Откуда они узнали? Откуда узнал *Грег Стилсон?*

Незнакомец быстро заговорил ему в самое ухо, обдавая жарким дыханием:

— Вы понимаете, мистер Ричардсон, что, болтая всякую чушь, можете доставить неприятности определенным людям? Скажем, тем, кто баллотируется на важный государственный пост? А избирательная кампания похожа на игру в бридж, ясно? Человека легко опорочить и замазать грязью, от которой потом не отмыться. Особенно в наши дни. Сейчас ничего страшного пока не случилось. И я рад сообщить вам об этом, поскольку *иначе* вы выковыривали бы из носа зубы, а не вели со мной дружеской беседы.

Несмотря на дикое сердцебиение и леденящий страх, Ричардсон сказал:

— Этот... эта персона... Молодой человек, полагая, что вам удастся выгородить его, вы сильно ошибаетесь. Он же действует, как шарлатан, всучивший чудодейственное снадобье от всех болезней простодушным жителям маленького городка, и рано или поздно...

Большой палец с силой ткнулся ему в ухо и начал поворачиваться. Дернувшись от дикой, невыносимой боли, Ричардсон ударился головой о боковое стекло и громко закричал, пытаясь нащупать клаксон.

— Только нажми на гудок, и я убью тебя! — прошептал голос.

Ричардсон убрал руку с руля. Незнакомец оставил ухо в покое.

— Вам нужно прочистить уши, приятель, — произнес сзади голос. — Весь палец перемазал серой. Ужас!

Уоррен Ричардсон, не выдержав, заплакал и никак не мог остановить слезы, стекавшие по толстым щекам.

— Пожалуйста, не причиняйте мне боль! Пожалуйста, очень прошу...

— Как я уже говорил, — ответил Санни, — все зависит от того, что вам нужно самому. Пусть другие болтают о... об определенных людях... это не ваше дело. Ваше дело следить за тем, что исходит из ваших уст. И думать, прежде чем открыть рот, когда снова появится парень из «Джорнал». Вы не должны забывать, как легко найти «информированный источник». Или как было бы неприятно, если бы вдруг сгорел ваш дом. Или сколько придется платить за пластическую операцию жене после того, как ей плеснут в лицо кислотой.

Незнакомец тяжело задышал, как хищник, преследующий жертву в джунглях.

— Или как легко перехватить вашего сынишку по дороге из детского сада.

— Только посмейте! — хрипло закричал Ричардсон. — Только посмейте!

— Я просто объясняю, что вам следует определиться с тем, чего вы хотите сами, — продолжал Санни. — Выборы — такая замечательная американская забава, верно? Особенно в год двухсотлетнего юбилея. Все должны радоваться. А такие тупые и *завистливые* брехуны, как вы, эту радость омрачают.

Он убрал руку. Задняя дверца открылась. Слава Богу! Слава Богу!

— Вам просто нужно все взвесить и определиться, — повторил Санни Эллиман. — Мы поняли друг друга?

— Да, — прошептал Ричардсон. — Но если вы рассчитываете, что Гре... что некой персоне

удастся пробиться к власти подобным образом, то сильно ошибаетесь.

— Нет, — возразил Санни, — это вы ошибаетесь. Потому что все довольны всем. И не нужно себя противопоставлять всем.

Ричардсон не ответил. Вцепившись в руль, он чувствовал, как сильно ноет шея. Казалось, в окружающем мире уже не осталось ничего нормального, разве что часы на ратуше, показывавшие пять минут шестого. Свиные отбивные уже наверняка в духовке.

Незнакомец удалялся быстрым шагом, не оглядываясь. Его длинные волосы, развеваясь на ветру, падали на ворот рубашки.

Перед тем как исчезнуть, он крикнул:

— Палочки с ватными тампонами!

Ричардсона била дрожь, и он долго не мог унять ее. Первое внятное чувство, которое он испытал после ухода незнакомца, была ярость. Он уже собрался отправиться в полицию (управление полиции располагалось неподалеку от доков) и заявить о случившемся. Сообщить об угрозах расправы с семьей, о физическом насилии и о том, кто был инициатором.

Подумайте, сколько придется заплатить за пластическую операцию жене после того, как ей плеснут в лицо кислотой... или как легко будет перехватить сынишку по дороге из детского сада...

Но зачем? Зачем рисковать? Он сказал этому бандиту чистейшую правду. Все, кто имел дело с недвижимостью в южной части Нью-Хэмпшира, отлично знали, что Стилсон пустился в опасную авантюру и наживался на операциях, которые обязательно приведут его за решетку, причем не когда-нибудь, а в весьма обозримом будущем. Его избирательная кампания — верх идиотизма! А теперь еще и запугивание! В Америке, тем более в Новой Англии, такое не может продолжаться долго.

Но пусть разоблачением займется кто-нибудь другой.

Кто не рисковал бы столь многим.

Уоррен Ричардсон завел машину и поехал домой, где его ждали отбивные. Он ничего никому не сказал. Пусть конец этому положат другие.

В один из ближайших дней после первого знаменательного успеха Чака Джонни Смит стоял перед зеркалом с электробритвой в руке и внимательно разглядывал себя. В последнее время его не покидало ощущение, что в зеркале отражается не он, а его старший брат. Лоб прорезали две глубокие морщины, а еще две залегли возле уголков рта. Особенно странно выглядела седая прядь, да и вообще волосы тронула седина. Казалось, все это случилось сразу, буквально за одну ночь.

Джонни вытащил шнур бритвы из розетки и перешел в гостиную, совмещенную с кухней. «Купаюсь в роскоши», — подумал он и слегка улыбнулся.

Джонни стал чаще улыбаться и понемногу обретал душевный покой. Он включил телевизор, достал из холодильника бутылку пепси и сел смотреть новости. Вечером должен вернуться Роджер Четсворт, а завтра Джонни порадует его сообщением об успехах сына.

К отцу Джонни ездил примерно раз в две недели. Эрб, очень довольный его новой работой, с неподдельным интересом слушал рассказы о Четсвортах, их доме в чудесном университетском городке, о проблемах Чака. Сам он рассказывал Джонни, как помогает Шарлин Маккензи в соседнем Нью-Глостере привести в порядок дом.

— Ее муж был отличным терапевтом, но по хозяйству ничего не умел, — говорил Эрб. Шарлин и Вера раньше дружили, но потом, когда Вера увлеклась одиозными религиозными течениями, они перестали общаться. В 1973 году муж Шарлин умер от сердечного приступа. — Дом разваливался на глазах, и надо было помочь. Я приезжаю туда по субботам утром, а вечером после ужина возвращаюсь. Не обижайся, Джонни, но готовит она лучше, чем ты.

— И выглядит тоже, — понимающе отозвался Джонни.

— Да, она, конечно, привлекательная женщина, но между нами нет *ничего такого*, Джонни. Еще ведь и года не прошло, как умерла твоя мать...

Но Джонни подозревал, что между ними все же *что-то было*, и его это радовало. Он не хотел, чтобы отец провел конец жизни в одиночестве.

По телевизору Уолтер Кронкайт сообщал вечерние политические новости. Праймериз уже прошли, и через несколько недель должны состояться партийные съезды. Судя по всему, демократы выдвинут кандидатом в президенты Джимми Картера, а вот у республиканцев Форд не на шутку сцепился с Рональдом Рейганом, бывшим губернатором Калифорнии и ведущим телесериала «Театр “Дженерал электрик”». Их совершенно равные шансы на выдвижение побудили журналистов подсчитывать голоса отдельных выборщиков. В одном из своих редких писем Сара Хазлетт писала: «Уолт молит Бога (и вообще всех святых), чтобы победил Форд. Он баллотируется сейчас в сенат штата и рассчитывает, что при победе Форда пройдет «паровозом». По его словам, в Мэне у Рейгана нет никаких шансов».

Работая в закусочной в Киттери, Джонни пару раз в неделю обязательно ездил в Дувр, Портсмут и другие города Нью-Хэмпшира. Там перебивали все кандидаты в президенты, и это давало отличную возможность посмотреть на них вблизи без того царственного антуража, который окружит победителя президентской гонки. Эти поездки превратились в своеобразное хобби, правда, в силу своей специфики недолговечное. После окончания первых в стране праймериз в Нью-Хэмпшире кандидаты переберутся во Флориду, даже не бросив прощального взгляда. И немало из них распрощаются со своими политическими амбициями на полпути между Портсмутом и Кином. Раньше Джонни, абсолютно равнодушный к политике, не следил за

ней, разве что во время вьетнамской войны. Однако в период реабилитации, после расследования в Касл-Роке, всерьез увлекся политической жизнью, причем его дар — или проклятие — сыграл в этом немаловажную роль.

Джонни пожимал руки Моррису Юдоллу и Генри Джексону. Фред Харрис похлопал его по спине, а Рональд Рейган отработанным жестом политика встряхнул ему руку и сказал: «Приходите на избирательный участок. Нам нужен ваш голос». Джонни кивнул, решив оставить мистера Рейгана в заблуждении относительно своих политических пристрастий.

Он почти пятнадцать минут разговаривал с Сарджентом Шрайвером в вестибюле гигантского торгового центра «Ньюингтон-Молл». Шрайвер, аккуратно подстриженный, благоухал одеколоном, но держался довольно неуверенно. Его сопровождали помощник с полными карманами рекламных листовок и агент Секретной службы, украдкой ковырявший прыщик. Шрайверу явно льстило, что его узнают. Когда Джонни прощался, к Шрайверу подошел какой-то мужчина, баллотировавшийся в некий местный орган власти, и попросил расписаться в списках тех, кто поддерживал его кандидатуру. Шрайвер с удовольствием выполнил просьбу.

Кое-что о претендентах Джонни узнавал, правда, ничего особо примечательного. Казалось, рукопожатия и похлопывания по плечу стали для них привычным ритуалом, а их истинные чувства скрывались как за ширмой из плексигласа. Он видел всех кандидатов на президентский пост и прикасался ко всем, кроме президента Форда, но только однажды испытал «озарение», сравнимое с тем, что произошло в случае с Айлин Магоун и Фрэнком Доддом.

Это случилось в четверть восьмого утра в Манчестере, куда Джонни добрался на своем стареньком «плимуте». После ночной смены, продолжавшейся с десяти вечера до шести утра, он, конечно, устал, но мягкий рассвет был так хорош, что ему не хотелось проспать его. К тому же Джонни нравился Манчестер с его узкими улочками, старинными кирпичными домами и готическими строениями ткацких фабрик. В то утро Джонни не собирался охотиться за очередным политиком и хотел просто покататься по еще пустынным улицам, а когда проснувшиеся жители нарушат очарование тихого февральского утра, вернуться в Киттери и немного поспать.

Повернув за угол, он увидел у ворот обувной фабрики три ничем не примечательные машины, хотя стоять там запрещалось. Возле проходной Джимми Картер пожимал руки рабочим, заступавшим на смену. На морозном воздухе изо рта теплых и не до конца проснувшихся мужчин и женщин валил пар. В руках они держали корзинки и пакеты с обедом. У Картера нашлось слово для каждого из них. Его знаменитая улыбка, еще не растиражированная на весь мир, была искренней, а нос покраснел от холода.

Джонни проехал чуть дальше, оставил машину и направился к воротам фабрики. Под ногами скрипел и похрустывал снег. Агент Секретной службы, сопровождавший Картера, смерил его быстрым взглядом и отвернулся, потеряв к нему интерес.

— Я проголосую за любого, кто сократит налоги, — говорил мужчина в старой куртке-аляске с прожженными на рукаве дырками. — Эти проклятые налоги убивают меня! Я серьезно!

— Мы займемся налогами, — заверил Картер. — Как только я окажусь в Белом доме, налоговая политика станет нашим приоритетом. — Безмятежная уверенность, прозвучавшая в его голосе, удивила и насторожила Джонни.

Ясный взгляд голубых глаз Картера остановился на Джонни.

— Привет! — сказал он.

— Здравствуйте, мистер Картер, — ответил Джонни. — Я не работаю здесь. Просто проезжал мимо и увидел вас.

— Рад, что вы остановились. Я баллотируюсь на пост президента.

— Я знаю.

Картер протянул руку, и Джонни пожал ее.

— Надеюсь, вы... — начал Картер и осекся.

Между ними пробежала искра, похожая на удар электрическим током. Картер замер и не сводил с Джонни глаз. Казалось, они смотрели друг на друга целую вечность.

Агенту Секретной службы это не понравилось. Он придвинулся к Картеру и начал расстегивать пальто. Где-то далеко, за миллион миль от них, раздался фабричный гудок, возвещавший в морозном воздухе о начале семичасовой смены.

Джонни отпустил руку Картера, но они продолжали смотреть друг на друга.

— Что, черт возьми, это было? — очень тихо спросил Картер.

— Вы, кажется, куда-то спешили? — осведомился агент Секретной службы и положил на плечо Джонни тяжелую руку. — Даже наверняка!

— Все в порядке, — успокоил его Картер.

— Вы станете президентом, — сказал Джонни.

Агент оставил руку на плече, но хватку чуть ослабил. Джонни почувствовал, что и от него получает сигналы. Агенту Секретной службы

(глаза)

не нравились его глаза. Он считал, что они

(глаза убийцы или сумасшедшего)

холодные и странные; и если этот незнакомец сунет руку в карман, если хоть что-то в его действиях будет расценено как угроза, Джонни уложат на месте. И при оценке ситуации в голове агента Секретной службы рефреном крутились два слова:

(Лорел, Мэриленд, Лорел, Мэриленд, Лорел, Мэриленд, Лорел)^[10].

— Да, — отозвался Картер.

— Вы победите с минимальным преимуществом. Перевес будет совсем небольшим, даже меньше, чем вы предполагаете, но он будет.

Картер с улыбкой смотрел на него.

— У вас есть дочь. Она будет учиться в Вашингтоне, в школе... — Но название оказалось в мертвой зоне. — Эта школа носит имя раба, получившего свободу.

— Парень, я хочу, чтобы ты ушел, — вмешался агент.

Картер взглянул на него, и агент замолчал.

— Рад нашей встрече, — сказал Картер. — Немного необычной, но интересной.

И Джонни снова стал самим собой. Напряжение спало. Внезапно он понял, что замерз, что ему надо в туалет.

— Всего доброго, — пробормотал он.

— Спасибо. И вам того же.

Джонни направился к машине, чувствуя на себе взгляд агента. Картер вскоре отправился во Флориду и уже не вспоминал о Нью-Хэмпшире.

Уолтер Кронкайт закончил с политиками и перешел к гражданской войне в Ливане. Джонни поднялся и, налив себе еще пепси-колы, чокнулся с экраном.

Твое здоровье, Уолт! За три «с» — за смерть, сокрушение и судьбу! Куда бы мы без них?

В дверь тихо постучали.

— Входи! — отозвался Джонни, думая, что это Чак решил пригласить его прокатиться в Сомерсворт. Но это был Роджер.

— Привет, Джонни! Можно войти?

— Конечно! Я думал, вы приедете позже.

— Мне позвонила Шелли. — Так звали его жену. Роджер вошел и закрыл за собой дверь. — К ней приходил Чак. Расплакался, как маленький ребенок. Он сказал, что у вас получается, Джонни. Сказал, что верит в успех.

Джонни поставил стакан.

— Еще предстоит немало потрудиться.

— Чак встретил меня в аэропорту. Я не видел его таким лет... с десяти или одиннадцати. Когда я дал ему пострелять из винтовки, о чем он мечтал пять лет. Чак прочитал мне газетную вырезку. Прогресс... просто невероятный! Я пришел поблагодарить вас.

— Благодарить надо Чака. Он схватывает все на лету. То, что с ним сейчас происходит, называется закреплением позитивного рефлекса. Он поверил, что может это сделать, и теперь быстро развивает успех. Наверное, лучше я объяснить не смогу.

— Он говорит, что вы учите его «переключаться». — Роджер сел.

— Можно и так выразиться, — улыбнулся Джонни.

— Он справится с отборочными тестами?

— Трудно сказать. Мне очень не хотелось бы полагаться на волю случая. Экзамены — всегда стрессовая ситуация. Если он запаникует, его может «заклинить», и тогда не избежать серьезной психологической травмы. А вы не думали отправить его на год в хорошую частную школу, где готовят абитуриентов к поступлению в колледж? Например, Питсфилдскую?

— Такая мысль появлялась, но, если честно, я счел это самообманом и желанием отдалить то, чего все равно не миновать.

— Вот это как раз и усугубляет проблему для Чака. Он чувствует себя загнанным в угол: или пан, или пропал.

— Но я никогда не давил на Чака.

— Сознательно — нет, я знаю. И он знает. С другой стороны, вы — богатый и успешный человек, а колледж закончили *с отличием*. Мне кажется, у Чака такое ощущение, будто ему предстоит отбивать мяч, посланный Хэнком Аароном, лучшим хиттером за всю историю бейсбола.

— Я не могу изменить этого, Джонни.

— Думаю, год на подготовительных курсах, проведенный вдали от дома, поможет ему обрести уверенность. И еще он хотел бы поработать на одном из ваших предприятий следующим летом. Если бы он был моим сыном и это были мои фабрики, я разрешил бы.

— Чак хочет этого? Но почему он сам мне об этом не сказал?

— Боится, что вы сочтете его лизоблюдом.

— Он так и сказал?

— Да. Чак считает, что практический опыт принесет ему пользу в будущем. Парень хочет пойти по вашим стопам, мистер Четсворт. В свое время вы обошли немало серьезных соперников. И проблемы Чака с чтением объясняются во многом именно этим. Его начинает бить нервная дрожь, как новичка перед началом охоты.

В определенном смысле Джонни покривил душой. В разговорах Чак смутно намекал на это, но никогда не говорил так открыто, как представил Джонни его отцу. Во всяком случае, сам он этого не озвучивал. Однако Джонни иногда прикасался к нему и получал соответствующие сигналы. Он видел, какие фотографии Чак хранил в бумажнике и как относился к отцу. И есть кое-что, о чем Джонни никогда не скажет этому хорошему, но суховатому человеку, сидящему напротив. Чак боготворил своего отца. За внешней бесшабашностью, очень похожей на уверенность в себе Роджера, скрывался тайный страх Чака не оправдать надежд и не стать сыном, достойным отца. Десять процентов акций пришедшей в упадок ткацкой фабрики Роджер

превратил в текстильную империю Новой Англии. Чак считал, что любовь отца основана на его уверенности в том, что его сын способен свернуть горы. Стать спортивной звездой. Попасты в престижный колледж. Читать, наконец.

— Вы уверены, что все обстоит именно так? — спросил Роджер.

— Абсолютно! Но мне не хотелось бы, чтобы Чак когда-нибудь узнал о нашем разговоре. Ведь я поделился его тайнами! И не сомневайтесь, что все это правда!

— Хорошо. Мы с женой и Чаком поговорим о частной подготовительной школе. А пока возьмите. Это — вам. — Роджер вытащил из заднего кармана белый конверт и передал Джонни.

— Что это?

— Откройте и посмотрите.

Джонни распечатал конверт. Там оказался чек на пятьсот долларов.

— Послушайте... я не могу это взять.

— Можете и возьмете. Я обещал вам премию в случае успеха, а свои обещания я выполняю. Перед отъездом вы получите еще один чек.

— Послушайте, мистер Четсворт, я просто...

— Тсс! Послушайте, что я вам скажу, Джонни...

Роджер подался вперед, и на его губах заиграла едва заметная улыбка. И за его вежливостью Джонни вдруг увидел того настоящего человека, благодаря которому появились и этот дом, и огромный участок, и бассейн, и фабрики. И конечно, страх перед чтением у сына, судя по всему, не что иное, как самый обыкновенный истерический невроз.

— Мой опыт свидетельствует о том, что девяносто пять процентов всех людей на Земле — инертная масса, Джонни. Один процент составляют святые, и еще один — полные кретины. Оставшиеся три процента — это люди, у которых слова не расходятся с делом и кто умеет добиваться своего. Я отношусь к этим трем процентам, и вы тоже. Вы заработали эти деньги. У меня на фабриках люди зарабатывают по одиннадцать тысяч долларов в год, если не только валяют дурака. Я понимаю, как все устроено в мире и что им движет. Топливная смесь состоит на десять процентов из высокооктанового компонента и на девяносто — из всякой дешевой дряни. А вы — не дешевка. Поэтому уберите деньги и в следующий раз оценивайте себя дороже.

— Хорошо, — согласился Джонни. — Не скрою, мне есть, на что их потратить.

— Счета за лечение?

Джонни взглянул на Роджера Четсворта, и его глаза сузились.

— Мне все известно о вас, — пояснил Роджер. — Неужели вы думаете, что я доверил бы заниматься с сыном первому встречному?

— Так вы знаете, что...

— Вас считают ясновидящим или кем-то вроде этого. Вы помогли распутать дело в Мэне. По крайней мере если верить газетам. В прошлом январе вы собирались приступить к работе в школе, но совет от вас шарахнулся как от прокаженного, едва ваше имя замелькало в газетах.

— Так вы *знали*? И давно?

— С самого начала.

— И все равно наняли меня?

— Мне был нужен репетитор. И показалось, что вам удастся вытащить моего парня. Считаю, что проявил завидную проницательность, прибегнув к вашим услугам.

— Спасибо.

— Я же сказал, что вы недооцениваете себя.

Пока они разговаривали, Уолтер Кронкайт закончил с новостями и перешел к курьезам, которыми иногда завершал выпуск. Например: «человек укусил собаку».

— ...в третьем избирательном округе западного Нью-Хэмпшира баллотируется

независимый кандидат... — говорил телеведущий.

— Деньги точно придутся кстати, — повторил Джонни. — Это...

— Погодите! Я хочу послушать.

Четсворт подался вперед, сжав ладони коленями и явно предвкушая удовольствие. Джонни повернулся к экрану.

— ...Стилсон, — закончил фразу Кронкайт. — Сорокатрехлетний агент по страхованию и продаже недвижимости проводит самую экстравагантную избирательную кампанию семьдесят шестого года, но кандидатам Харрисону Фишеру от республиканцев и Дэвиду Боузу от демократов от этого не легче. По данным опросов, Грег Стилсон опережает их с приличным отрывом. С подробностями — Джордж Герман.

— Кто такой этот Стилсон? — поинтересовался Джонни.

Четсворт рассмеялся.

— Джонни, на него стоит посмотреть! Этот тип совсем бесноватый. Он настырен и безумен, как загнанная в угол крыса. Но похоже, рассудительный и трезвомыслящий электорат третьего округа все-таки отправит его в ноябре в Вашингтон. Если, конечно, раньше тот не грохнется оземь и не забьется в припадке. Чего лично я исключать не стал бы.

На экране появился симпатичный молодой человек в белой сорочке с расстегнутым воротом. Стоя на платформе, украшенной звездно-полосатыми флагами, он обращался к небольшой толпе, собравшейся на парковке у супермаркета. Несмотря на все его усилия заинтересовать слушателей, те явно скучали. За кадром раздался голос Джорджа Германа:

— Это — кандидат от демократов Дэвид Боуз, которого многие считают жертвенным агнцем в третьем избирательном округе Нью-Хэмпшира. Дело в том, что этот округ *никогда* не голосовал за демократов, даже в 1964 году при триумфальном избрании президентом Линдона Джонсона. Но своим соперником Боуз считал вот этого человека.

Теперь на экране появился представительный мужчина лет шестидесяти пяти. Он выступал на роскошном благотворительном банкете, и ему внимали добродушные, склонные к полноте и запорам бизнесмены, обычно и составляющие провинциальный электорат «Великой старой партии». Внешне оратор удивительно походил на Эдварда Гэрни из Флориды, которого избирали сначала в палату представителей, а потом и в сенат чуть ли не со времен Гражданской войны, правда, Гэрни был стройнее и мужественнее.

— Это — Харрисон Фишер, — представил его Герман. — Последние шестнадцать лет он каждые два года регулярно переизбирался в палату представителей по третьему округу. Фишер — влиятельная политическая фигура, член пяти комитетов. Он возглавляет Комитет палаты представителей по лесным и водным ресурсам. Никто не сомневался, что он легко обойдет юного Дэвида Боуза. Но ни Фишер, ни Боуз не ожидали, что их карты спутает темная лошадка. А вот и она.

Картина на экране сменилась.

— Боже милостивый! — воскликнул Джонни.

Четсворт расхохотался и хлопнул себя по коленям.

— Ну что? *Видите?*

Здесь ничто не напоминало вялое собрание у супермаркета или помпезный прием в Зале «Гранитного штата»^[11] портсмутского отеля «Хилтон». Грег Стилсон стоял на платформе, на окраине Риджуэя, на фоне памятника солдату Конфедерации с винтовкой в руке и в надвинутой на глаза фуражке. Улица была запружена ликующими людьми, в основном молодежью. Все взирали на Стилсона в вытертых джинсах и армейской рубашке с двумя карманами. Один из них украшала вышивка «Дайте миру шанс», второй — название фирмы «Момз эпл пай», специализирующейся на домашней выпечке. На его строительной каске, лихо сдвинутой набок,

виднелась большая зеленая наклейка защитников окружающей среды. Рядом со Стилсоном стояла небольшая тележка из нержавеющей стали. Из динамиков неслась песня Джона Денвера «Я, слава Богу, не из города».

— А что это за тележка? — спросил Джонни.

— Увидите сами. — Роджер продолжал ухмыляться.

— Эта темная лошадка — сороклетний Грегори Аммас Стилсон, бывший торговец библиями «Американский праведный путь», бывший маляр, а в свое время и продавец дождя в Оклахоме, откуда он родом.

— Продавец дождя? — изумился Джонни.

— Это один из пунктов его предвыборной программы. В случае избрания с дождем никаких проблем не будет.

— Политическая платформа Стилсона, — продолжал Джордж Герман, — весьма... своеобразна.

Джон Денвер закончил песню воплем, который толпа с готовностью подхватила. Затем заговорил Стилсон, и мощные динамики далеко разнесли его голос. Усилители оказались самыми современными, поэтому все слова доносились до публики четко и без искажений. Услышав его, Джонни поежился. Так выступали проповедники, заводившие толпу настойчивыми и истеричными призывами к духовному возрождению. Джонни заметил, что Стилсон, распалаясь, брызгал слюной.

— Зачем нам сдался Вашингтон? Что мы будем там делать? — бушевал Стилсон. — Что у нас за программа? А программа, друзья мои, — это всего пять пунктов. Пять старых и проверенных лозунгов. Вы спросите — каких? И я вам отвечу как на духу. Лозунг первый: «*Вышибем оттуда всех засранцев!*»

Толпа отозвалась одобрителем ревом. Кто-то швырнул в воздух конфетти, и раздались крики: *Ура-а-а!* Стилсон подался вперед.

— Друзья мои, вы хотите знать, зачем я надел каску? Я отвечу! Если вы пошлете меня в Вашингтон, то я напощадам им всем в этой каске! *Напощадам вот так!*

И, к изумлению Джонни, Стилсон опустил голову и заметался по трибуне как разъяренный бык, то и дело встряхивая каской и испуская дикие вопли. Роджер Четсворт вдавился в кресло от смеха. Толпа обезумела. Боднув напоследок еще раз, Стилсон сорвал каску и бросил ее в толпу. Там тут же завязалась потасовка за право завладеть ею.

— Второй лозунг! — проревел Стилсон в микрофон. — Мы очистим правительство от всех, кто затаскивает в постель девочек вместо своих жен! И не посмотрим на их должности! Если они хотят распутничать, пусть делают это за свой счет, а не за наш!

— Что он несет? — Джонни не верил своим ушам.

— Это он только разогревается, — пояснил Роджер, вытирая глаза. Джонни почему-то не было весело.

— Третий лозунг! — не унимался Стилсон. — Мы отправим все отходы в космос! Упакуем в мешки для мусора и запустим на Марс, на Юпитер, на кольца Сатурна! И у нас будет чистый воздух, чистая вода — и все это через полгода!

Толпа изнемогала от веселья. Джонни заметил, что многие, как и Роджер, буквально лопались от смеха.

— Четвертый лозунг! Даешь нефть и газ без ограничений! Хватит нянчиться с арабами! Пора заняться делом! Не допустим, чтобы старики в Нью-Хэмпшире превращались в эскимо, как прошлой зимой.

Буря восторга. Предыдущей зимой одна старушка в Портсмуте замерзла насмерть у себя в квартире после того, как у нее за неуплату отключили газ.

— У нас хватит решимости и сил, друзья мои. Мы сделаем это! Кто-то сомневается?

— Нет! — проревела в ответ толпа.

— И последний лозунг. — Стилсон подошел к металлической тележке, откинул крышку, и оттуда вырвалось облако пара. — Горячие сосиски!

Он начал выгребать оттуда пригоршни сосисок и швырять их в толпу. Теперь Джонни видел, что тележка — это мармит для подачи пищи горячей. Горячие сосиски летели во все стороны.

— Горячие сосиски для всех мужчин, женщин и детей! И если благодаря вам Грег Стилсон окажется в палате представителей, вы сможете сказать: «*Горячие сосиски! Наконец-то хоть кто-то занялся делом!*»

На экране сменилась картинка, и теперь длинноволосые парни, похожие на бригаду техников гастролирующей рок-группы, разбирали помост. Трое из них убирали мусор после толпы. Джордж Герман подвел итог:

— Кандидат от демократов Дэвид Боуз называет Стилсона клоуном, который вставляет палки в колеса демократических процессов в стране. Харрисон Фишер, более резкий в своих оценках, назвал Стилсона дешевым фигляром, который глумится над самой идеей свободных выборов и превращает их в шутовской балаган. В своих речах он именует Стилсона первым и последним членом Американской партии горячих сосисок. Однако факт остается фактом: недавний опрос общественного мнения, проведенный Си-би-эс в третьем округе Нью-Хэмпшира, показывает, что за Дэвида Боуза готовы отдать голоса двадцать процентов избирателей, за Харрисона Фишера — двадцать шесть, а независимый кандидат Грег Стилсон безоговорочно лидирует с сорока одним процентом. Конечно, до самих выборов еще далеко, и все может измениться. Однако на сегодняшний момент Грегу Стилсону удалось завоевать если не умы, то сердца избирателей третьего округа Нью-Хэмпшира.

На экране появилось изображение репортера; он поднес ко рту сосиску и откусил добрую половину.

— Джордж Герман вел репортаж из Риджуэя, штат Нью-Хэмпшир, для отдела новостей Си-би-эс.

Теперь уже Уолтер Кронкайт, хмыкнув, заметил в студии:

— Горячие сосиски! Надо же! И вот так...

Джонни поднялся и выключил телевизор.

— Глазам своим не верю! Этот парень действительно баллотируется? Это не шутка?

— Каждый сам решает, как к этому относиться, — ответил Роджер усмехаясь, — но то, что он баллотируется на самом деле — это точно! Всю свою жизнь я поддерживал республиканцев, но, признаюсь, этот парень мне по душе. Знаете, для своей охраны он нанял с полдюжины бывших байкеров, имевших проблемы с законом. Настоящие «железные всадники». Конечно, не «Ангелы ада» или им подобные, но наверняка и не пай-мальчики. Похоже, ему удалось перевоспитать их.

Байкеры для охраны. Джонни это совсем не понравилось. «Ангелы ада» обеспечивали безопасность выступления «Роллинг Стоунз» в Атамонте, штат Калифорния, и там один из байкеров ударом ножа убил зрителя, вынудившего оружие во время драки на концерте.

— И люди мирятся... с шайкой бандитов на мотоциклах?

— Не совсем так. Те ведут себя вполне прилично. И в Риджуэе Стилсона считают человеком, который умеет наставить трудных подростков на путь истинный.

Джонни недоверчиво хмыкнул.

— Вы видели его. — Роджер показал на телевизор. — Этот человек — клоун. Он бежит по платформе, имитируя бодание, каждый божий раз. Он всегда швыряет в толпу свою каску и горячие сосиски. Он проделывал это не меньше сотни раз. Да, он — шут, и что с того? Может,

время от времени людям нужна такая комическая разрядка. У нас нехватка нефти, инфляция медленно, но верно выходит из-под контроля, налоговое бремя никогда не было таким тяжелым, и мы недалеко от избрания президентом губернатора из Джорджии с сомнительными убеждениями. Люди хотят посмеяться разок-другой. И щелкнуть по носу политическую элиту, неспособную решить никаких проблем. Стилсон безобиден.

— Просто ловит кайф, — заметил Джонни, и они оба засмеялись.

— У нас хватает полоумных политиков, — заметил Роджер. — В Нью-Хэмпшире это Стилсон, желающий проложить себе дорогу в палату представителей горячими сосисками. В Калифорнии — Хаякава. А взять нашего губернатора Мелдрима Томсона? Разве не он в прошлом году попытался вооружить Национальную гвардию Нью-Хэмпшира тактическим ядерным оружием? Вот это я называю безумием по-крупному!

— Вы считаете нормальным, если избиратели третьего округа выберут деревенского дурачка, чтобы он представлял их интересы в Вашингтоне?

— Вы не понимаете, Джонни, — начал терпеливо объяснять Четсворт. — Поставьте себя на место избирателей. В третьем округе это в основном работяги и лавочники. В сельских районах до сих пор нет никаких развлечений. Эти люди смотрят на Дэвида Боуза и видят в нем честлюбовивого парня, желающего пролезть наверх за счет неплохо подвешенного языка и отдаленного сходства с Дастином Хоффманом. А синие джинсы должны продемонстрировать, что он — свой в доску.

А теперь возьмите Фишера. Моего кандидата, во всяком случае, номинально. Я собирал деньги на его избирательную кампанию, как, впрочем, и других кандидатов от республиканцев в этой части Нью-Хэмпшира. Фишер стал такой неотъемлемой частью конгресса, что, кажется, купол Капитолия непременно расколется пополам, если вдруг лишится его моральной поддержки. У него нет ни одной оригинальной мысли, он ни разу в жизни не выступал против линии партии. Его имя не запятнано никакими скандалами, поскольку он слишком глуп, чтобы в чем-то словчить, хотя не исключено, что он все-таки окажется причастным к «Кореягейт»^[12]. Его речи столь же увлекательны, как каталог сантехники. Избиратели обычно ничего такого *не знают*, но иногда чувствуют. И сама мысль, что Харрисон Фишер делает хоть что-то для своих избирателей, кажется им просто смехотворной.

— И выход — избрать полоумного?

Четсворт снисходительно улыбнулся:

— Иногда эти полоумные оказываются очень даже толковыми политиками. Возьмите хотя бы феминистку Беллу Абцуг, которую избрали в конгресс от Манхэттена. Под ее безумными шляпками скрываются отличные мозги! Но даже если в Вашингтоне Стилсон продолжит паясничать так же, как в Риджуэе, он проведет там всего два года. А в семьдесят восьмом его переизберут и поменяют на того, кто сумеет сделать правильные выводы.

— И в чем они?

Роджер поднялся.

— Нельзя слишком долго пудрить людям мозги! — ответил он. — Вот в чем правильный вывод. Это узнали на собственной шкуре и Адам Клейтон Пауэлл, и Спиро Агню, и Ричард Никсон. Нельзя слишком долго морочить людям голову! — Он взглянул на часы. — Пойдемте в дом и выпьем что-нибудь, Джонни. Нам с Шелли скоро надо уходить, но пропустить по маленькой я с вами успею.

Джонни улыбнулся и поднялся.

— Хорошо. Как я могу отказать вам?

В середине августа Джонни остался в поместье почти один; только Нго Фат жил в комнате над гаражом. Четверты заперли дом и уехали на три недели в Монреаль, где собирались отдохнуть перед началом учебного года и осенним ажиотажем на фабриках.

Роджер оставил Джонни ключи от «мерседеса» жены, и тот отправился навестить отца в Паунал, чувствуя себя настоящим хозяином жизни. Отношения отца и Шарлин Маккензи вошли в завершающую стадию. Эрб больше не делал вид, что его интерес к вдове вызван всего лишь желанием уберечь ее дом от обрушения. Он так откровенно ухаживал за ней, что это смущало Джонни. Через три дня он вернулся в поместье и занялся чтением и перепиской, наслаждаясь тишиной и спокойствием.

Он нежился в надувном кресле посреди бассейна, лениво потягивая лимонад и просматривая «Книжное обозрение “Нью-Йорк таймс”», когда к бассейну подошел Нго. Скинув сандалии, он присел на бордюр и опустил ноги в воду.

— О-ох! Как же хорошо! — выдохнул он и, улыбнувшись, посмотрел на Джонни. — Тихо, правда?

— Очень тихо, — согласился Джонни. — Как занятия на курсах, Нго?

— Хорошо, — отозвался тот. — В субботу мы едем на экскурсию. В первый раз. Очень волнует. Потащится весь класс.

— Поедет, — поправил Джонни и улыбнулся, представив себе, как выглядела бы группа желающих получить гражданство, наглотавшись ЛСД или псилоцибина.

— Прошу прощения? — Нго вежливо изогнул брови.

— Весь класс поедет.

— Понятно, спасибо. Мы поедем на политическое мероприятие в Тримбулл. Мы все радуемся, как нам повезло, что в этом году выборы. Это очень полезно.

— Еще бы! А кто будет выступать?

— Грег Стер... — Он запнулся и поправился: — Грег Стилсон. Он независимый кандидат на избрание в палату представителей США.

— Я слышал о нем, — отозвался Джонни. — А вы уже обсуждали его кандидатуру на занятиях?

— Да, мы говорили о нем. Родился в 1933-м. Сменил много мест работы. Приехал в Нью-Хэмпшир в 1964-м. Наш учитель сказал, что он живет здесь достаточно долго, чтобы не считаться ушлым кандидатом.

— Пришлым, — поправил Джонни.

Нго непонимающе смотрел на него с вежливой улыбкой.

— Человек, пытающийся сделать политическую карьеру в чужом городе или регионе, называется «пришлым кандидатом» или «чужаком».

— Понятно, спасибо.

— А тебе он не показался несколько странным?

— Для Америки — может быть, — согласился Нго. — А во Вьетнаме таких людей было много. Людей... — Он замялся, задумавшись, и тихо водил маленькими, как у женщины, стопами по воде. Потом поднял глаза на Джонни. — Я не знаю, как это сказать по-английски. На моей родине есть игра, которая называется «Смеющийся тигр». Она очень старая, и все любят ее, как у вас бейсбол. Один ребенок наряжается тигром, а другие дети пытаются поймать его. Он

бегает и танцует, смеется с ними, но еще рычит и кусается, потому что это такая игра. В моей стране до коммунистов многие правители деревень играли в эту игру. Мне кажется, что Стилсон тоже знает ее.

Джонни с тревогой посмотрел на Нго.

Но тот безмятежно улыбался.

— Мы поедem и все сами увидим. А потом устроим пикник. Я приготовлю два пирога. Думаю, будет вкусно.

— Звучит заманчиво.

— Так и будет! — сказал Нго, поднимаясь. — А потом на занятии мы обсудим, что видели в Тримбулле. Может, напишем сочинение. Сочинения писать легче, потому что можно посмотреть в словаре нужное слово. Le mot juste^[13].

— Да, иногда писать легче, чем говорить. Но мне никогда не удавалось убедить в этом учеников.

Нго улыбнулся:

— А как дела у Чака?

— Все нормально.

— Да, сейчас он счастлив. И не притворяется. Чак — хороший мальчик. — Нго поднялся. — Отдыхайте, Джонни, а я пойду подремлю.

— Ладно.

Джонни проводил взглядом маленькую, щуплую фигурку Нго в джинсах и выцветшей рабочей рубашке.

Ребенок, наряженный тигром, смеется, но еще рычит и кусается, потому что это такая игра... Мне кажется, что Стилсон тоже знает ее.

Снова укол беспокойства.

Надувное кресло мягко покачивалось. Солнце жарко пекло. Джонни снова опустил глаза в «Книжное обозрение», но читать расхотелось. Он отложил журнал, подгреб к краю бассейна и вылез из воды. До Тримбулла всего тридцать миль. Может, стоит туда съездить в субботу на «мерседесе» миссис Четсворт? Посмотреть на Грега Стилсона вблизи? Повеселиться. А то и пожать ему руку.

Нет! Ни в коем случае!

А почему нет? В конце концов, в год выборов политики стали его хобби. Так почему не посмотреть еще на одного?

Но что-то очень смущало Джонни. Сердце учащенно забилось, и он уронил журнал в воду. Чертыхаясь, Джонни успел вытащить его из воды, пока тот не размок.

По непонятной причине при мысли о Грегe Стилсоне он постоянно вспоминал Фрэнка Додда.

Глупость какая-то! Он же видел Стилсона только раз по телевизору, и у него не могло сложиться никакого отношения к нему! И все же...

Держись от него подальше!

Может, так и следовало поступить, а может, и нет. Наверное, в субботу все-таки лучше съездить в Бостон. И сходить там в кино.

Но когда Джонни добрался до гостевого домика и переоделся, его охватило непонятное чувство страха, похожее на старого друга, которого втайне ненавидишь. Да, решено: в субботу он поедет в Бостон. Так будет лучше.

Месяцы спустя Джонни часто перебирал в памяти все детали той субботы и никак не мог вспомнить, как и почему он все-таки оказался в Тримбулле. Он выехал в Бостон — а это совсем другая дорога — и намеревался посмотреть игру «Ред сокс» в Фенвей-парке, а потом

прокатиться в Кембридж и порыться там в книжных магазинах. А если останутся деньги (четыреста долларов из премии, полученной от Роджера, он переслал отцу, чтобы тот перечислил их на счет клиники «Истерн-Мэн», — сухая капля в море его долга), можно сходить в кино на музыкальный фильм «Тернистый путь». Отличная развлекательная программа, да и день 19 августа выдался под стать: мягкий и ласково теплый, как бывает только в Новой Англии.

Джонни наведлся на кухню большого дома, приготовил себе три внушительных сэндвича с ветчиной и сыром, убрал их в старомодную плетеную корзинку для пикников, которую нашел в кладовке, и нерешительно добавил упаковку пива. Он чувствовал себя превосходно. Никаких мыслей о Грее Стилсоне и его доморощенной охранной команде из байкеров.

Джонни поставил корзинку с припасами на пол «мерседеса» и поехал на юг по 95-й автостраде. До этих пор никаких вопросов. А потом в голову полезли всякие мысли. Сначала вспомнилась мать на смертном одре. Ее перекошенное лицо, скрюченная рука на одеяле, глухой невнятный голос, будто рот был забит ватой.

Разве я не предупредила? Разве не говорила, что так будет?

Джонни усилил звук радио. Из стереодинамиков несся старый добрый рок-н-ролл. Он пролежал в коме четыре с половиной года, а рок-н-ролл продолжал жить полной жизнью и отлично сохранился. И слава Богу! Джонни начал подпевать.

Он уготовил тебе великую миссию. Не беги от Него, Джонни.

Радио не могло заглушить голос матери, звучащий в голове. Она все равно выскажет все, что считает нужным. Даже из могилы!

Не прячься, подобно Илие, в пещере и не заставляй Его посылать кита, чтобы он проглотил тебя, как Иону.

Но морское чудовище проглотило его. Только называлось оно не левиафаном, а комой. И провел он в ее чреве четыре с половиной года! Куда уж больше?!

Джонни так погрузился в свои мысли, что проскочил поворот. Старые призраки не сдавались и не желали оставить его в покое. Ладно, придется проехать дальше и развернуться.

Ты не горшечник, а глина в Его руках, Джонни.

— Да что такое?! — с досадой пробурчал он. Надо выкинуть эту ерунду из головы. Его мать тронулась умом на религиозной почве — не очень-то лестная формулировка, зато точная. Рай в созвездии Ориона, ангелы в летающих тарелках, подземные царства. Она была так же безумна в одной области, как Грег Стилсон — в другой.

Бога ради, перестань заикливаться на этом парне!

...И если благодаря вам Грег Стилсон окажется в палате представителей, вы сможете сказать: «Горячие сосиски! Наконец-то хоть кто-то занялся делом!»

Джонни добрался до шестьдесят третьей нью-хэмпширской автострады. Поворот налево вел в Конкорд, Берлин, Риддерз-Милл и Тримбулл. Он машинально повернул налево, занятый совершенно другими мыслями.

Роджер Четсворт — а он отнюдь не доверчивый простака — смеялся над Грегом Стилсоном, будто тот был комиком, как Джордж Карлин и Чев Чейз в одном флаконе. *Он — клоун, Джонни.*

А если это так, то и проблем со Стилсоном никаких нет, верно? Он просто забавный чудак, чистый лист, на котором избиратели напишут свое послание политикам: «Ребята, вы нас так достали, что на пару лет мы решили избрать этого придурка». Может, этим все и ограничивается. И Стилсон всего лишь безобидный дурень, не имеющий ничего общего с расчетливым и разрушительным безумцем Фрэнком Доддом. И все же... у них есть нечто общее!

Впереди показалась развилка дорог. Налево — к Берлину и Риддерз-Миллу, направо — к Тримбуллу и Конкорду. Джонни повернул направо.

Но что случится страшного, если просто пожать руку?

Наверное, ничего. Просто еще один политик для его коллекции. Кто-то собирал марки, кто-то — монеты, а Джонни коллекционировал рукопожатия...

...и признайся: ты все время искал в колоде крапленую карту!

Эта мысль так потрясла Джонни, что он едва не съехал на обочину. Он посмотрел на себя в зеркало заднего вида, и в нем отразилось лицо не того человека, который был очень доволен жизнью еще сегодня утром. Теперь он выглядел, как на той злополучной пресс-конференции, или когда ползал на четвереньках по парку в Касл-Роке. В лице ни кровинки, под глазами темные круги, морщины резкие и глубокие.

Но этого не может быть!

И все же это была правда, и обманывать себя не имело смысла. За первые двадцать три года своей жизни он пожал руку только одному известному политику. Это случилось в 1966 году, когда к ним в школу приезжал сенатор Эдмунд Маски. А за последние семь месяцев он обменялся рукопожатиями по крайней мере с дюжиной весьма знаменитых людей. И разве он не задавался вопросом каждый раз, когда пожимал им руки: «А что он за человек? И что может поведать мне?»

Разве он подсознательно не искал в политике двойника Фрэнка Додда?

Да, искал.

Но ни один из них, кроме Картера, пожалуй, ничего толком не мог сообщить ему, а при общении с Картером Джонни не ощутил ничего тревожного. Рукопожатие Картера не вызвало в нем того гнетущего чувства, какое он испытал, увидев Грега Стилсона по телевизору. Ему казалось, что Стилсон переиначил игру «Смеющийся тигр» на свой лад. Да, под шкурой тигра скрывался человек, но под кожей человека — зверь.

2

В конце концов вышло так, что Джонни оказался вовсе не на дешевых трибунах стадиона в Фенвее, а в городском парке Тримбулла, где и устроил себе пикник. Он приехал вскоре после полудня, а на доске объявлений прочел, что встреча с кандидатом состоится в три часа.

Поскольку до встречи оставалось почти три часа, Джонни надеялся, что народу в парке будет мало, но ошибся. Кругом расстилали одеяла на траве, перебрасывались фрисби или перекусывали на свежем воздухе.

Впереди на эстраде суетилось несколько человек. Двое обтягивали перила звездно-полосатой тканью; еще один, взобравшись на стремянку, подвешивал к полукруглой крыше разноцветные ленты. Остальные возились с акустической системой и устанавливали колонки. Как и догадался Джонни по телерепортажу Си-би-эс, это были не какие-нибудь дешевые громкоговорители за четыреста долларов, а самые настоящие профессиональные колонки фирмы «Альтек-Лансинг». Их аккуратно расставляли по периметру, чтобы добиться стереофонического звучания.

Сотрудники предвыборного штаба (они сильно смахивали на техническую бригаду, готовившую концерт «Иглз» или «Гейлз бэнд») работали умело и слаженно. Все движения, отработанные до автоматизма, говорили о высоком профессионализме, что никак не вязалось с образом Стилсона, выдававшего себя за дружелюбного дикаря с острова Борнео.

Публика — в основном средних лет — отлично проводила время. Женщины болтали и смеялись. Мужчины тянули пиво из пластиковых стаканчиков. Ребятишки носились с тающим в руках мороженым. Под ногами крутилось несколько собак; они заигрывали со всеми. Солнце ласково светило, и кругом царил атмосфера праздника.

— Проверка, — произнес один из рабочих в два микрофона на сцене. — Раз, два, три...

Один из динамиков в парке жалобно взвыл, и его перенесли чуть дальше, чтобы избежать наводки звука.

Так тщательно готовятся не к обычной встрече с избирателями, а к любовному свиданию, подумал Джонни.

— Проверка раз, проверка два... проверка, проверка, проверка.

Джонни увидел, что огромные динамики крепились на деревьях ремнями. Их привязывали, а не прибивали гвоздями. Стилсон слыл горячим защитником окружающей среды, и не дай Бог повредить в парке хотя бы одно деревце! Все действия персонала были продуманы до мелочей и отточены до автоматизма. Никакой самодеятельности и никаких экспромтов.

К стоянке (уже забитой машинами) подъехали два школьных автобуса, и из них вышли, оживленно беседуя, мужчины и женщины. В отличие от отдохавших в парке посетителей они были одеты очень нарядно: мужчины — в костюмах или пиджаках спортивного покроя, женщины — в элегантных платьях или юбках с блузками. Они восторженно озирались по сторонам и почти по-детски предвкушали праздник. Джонни улыбнулся: приехала группа людей, которые готовились получить гражданство.

Он подошел поближе. Нго стоял рядом с высоким мужчиной в вельветовом костюме и двумя китаянками.

— Привет, Нго!

Тот просиял:

— Джонни! Вот так встреча! Сегодня — важный день для штата Нью-Хэмпшир!

— Наверное.

Нго представил своих спутников. Мужчина в вельветовом костюме оказался поляком, а две женщины — сестрами с Тайваня. Одна из них рассказала, что мечтает пожать кандидату руку после встречи, и, смущаясь, показала Джонни свой блокнот для автографов.

— Я так рада, что нахожусь в Америке, — сказала она. — Но здесь многое кажется странным, правда?

Джонни согласился, потому что ему тоже многое казалось странным.

Два преподавателя, приехавшие с группой, предложили всем собраться вместе.

— Увидимся позже, Джонни, — улыбнулся Нго. — Мне пора тащиться.

— Идти, — поправил Джонни.

— Да, спасибо.

— Желаю хорошо провести время, Нго.

— Обязательно! — Глаза Нго блеснули. — Уверен, что будет очень интересно!

Их приехало около сорока человек, и преподаватели повели всех в южную часть парка, чтобы они перекусили на траве. Джонни вернулся на свое место и с трудом заставил себя съесть один сэндвич. Его вкус напомнил ему бумагу с канцелярским клеем.

Он чувствовал, как внутри растет напряжение.

3

К половине третьего было уже не протолкнуться: люди стояли плечом к плечу. Городские полицейские, усиленные небольшим подкреплением из полиции штата, перекрыли улицы, ведущие в городской парк Тримбулла. Атмосфера все больше напоминала начало рок-концерта. Из динамиков неслись зажигательные мелодии в стиле кантри. По синему небу плыли большие белые облака.

Вдруг люди начали вставать на цыпочки и вытягивать шеи. По толпе пробежал трепет. Джонни тоже привстал, удивляясь, что Стилсон появился раньше времени. Теперь уже слышался

мерный рокот приближавшихся мощных мотоциклов. По глазам полоснули солнечные блики, отраженные сверкающим хромом, и через несколько мгновений на стоянку завернула колонна примерно из десятка мотоциклов. Машины среди них не было. Джонни решил, что прибыл авангард.

Чувство тревожного беспокойства усилилось. Большинство довольно опрятных байкеров были в потертых джинсах и белых рубашках; мотоциклы — в основном навороченные «харлеи» и «БСА» — модифицировали почти до неузнаваемости: изогнутые рули, хромированные накладки, необычной формы обтекатели.

Байкеры заглушили двигатели, слезли с мотоциклов и двинулись к эстраде. Оглянулся только один из них и не спеша обвел толпу взглядом: даже на расстоянии Джонни бросился в глаза бутылочно-зеленый цвет его глаз. Казалось, он пересчитывает присутствующих. Байкер посмотрел налево, где группа городских полицейских стояла возле ограждения детской бейсбольной площадки, и помахал рукой. Один из полицейских демонстративно отвернулся и сплюнул. Его манера держаться походила на некий ритуал, что вызвало у Джонни тревогу. Зеленоглазый байкер не спеша проследовал к эстраде.

Тревога обостряла все чувства, и Джонни охватили ужас и нездоровое возбуждение. Ему казалось, что он находится в центре сюрреалистического полотна, среди кирпичных каминов, паровых машин и деревьев, на сучьях которых висят циферблаты часов. Мотоциклисты походили на статистов из фильма о жизни байкеров, решивших взяться за ум и стать добропорядочными. Из-под линялых, но чистых джинсов выглядывали мотоботы с тупыми носками, украшенные хромированными, зловеще сверкающими на солнце цепочками. Лица почти всех байкеров выражали ленивое добродушие, видимо, скрывающее презрение к студентам Университета Нью-Хэмпшира и к рабочим местных предприятий. Однако их встретили аплодисментами. У каждого байкера было по два политических значка. На одном красовалось изображение желтой строительной каски с зеленой экологической наклейкой, на другом — лозунг: «Стилсон никому не даст спуска!»

У каждого из правого заднего кармана торчал обрубок бильярдного кия.

Джонни взглянул на стоявшего рядом мужчину, который пришел на митинг с женой и ребенком.

— А эти штуки разве разрешены? — спросил он.

— Да кого это волнует? Они же только для виду! — Мужчина рассмеялся и крикнул, продолжая аплодировать: *Давай, Грег, покажи им!*

Почетный караул из мотоциклистов оцепил эстраду и замер в ожидании.

Аплодисменты постепенно стихли, зато разговоры оживились. Перед горячим блюдом толпа получила закуску, и она пригласила ей по куску.

Коричневорубашечники, подумал Джонни, сев на землю. *Настоящие фашисты, вот кто они.*

И что с того? Может, это к лучшему. Американцы всегда недолюбливали фашистов, и даже такие столпы правых, как Рональд Рейган, старались держаться от них подальше. Причем эта неприязнь никак не была связана с кампаниями «новых левых» и песнями Джоан Баэз. Восемь лет назад фашистские методы чикагской полиции похоронили президентские надежды Хьюберта Хамфри. Опрятная внешность байкеров ничего не меняла: тот факт, что они служат человеку, баллотировавшемуся в палату представителей, свидетельствовал — Стилсон непременно проколется и покажет свое истинное лицо. *Все это, пожалуй, могло бы позабавить, если бы не было так ужасно.*

И все равно Джонни пожалел, что приехал.

Около трех часов воздух сотряс удар большого барабана, и ноги ощутили вибрацию еще до того, как звук докатился до ушей. Потом вступили другие инструменты, и духовой оркестр заиграл национальный марш «Звезды и полосы навсегда». Самый надежный способ создать праздничное настроение в маленьком городке в погожий летний день.

Толпа вновь приподнялась на цыпочки и повернулась в сторону музыки. Вскоре показался и сам оркестр: впереди вышагивала девушка-капельмейстер в короткой юбке. Она высоко вскидывала коленки, демонстрируя беленькие кожаные сапожки с помпонами. За ней двое прыщавых подростков с подчеркнуто серьезными лицами несли транспарант с надписью «Духовой оркестр Тримбулльской старшей школы», чтобы, не дай Бог, для кого-то сие не осталось тайной. А за ними уже шествовали и сами оркестранты в белоснежных мундирах с латунными пуговицами, сверкая медью труб и обливаясь потом.

Толпа расступилась, освобождая проход оркестру, и заплодировала. За оркестром ехал белый фургон «форд», на крыше которого, широко расставив ноги, стоял сам кандидат в сдвинутой на затылок каске — загорелый и широко улыбающийся. Он поднес ко рту мегафон и проревел во всю глотку: «Всем привет!»

— Привет, Грег! — отозвалась толпа.

Грег, снова занервничал Джонни. Избиратели с ним уже на ты!

Стилсон с видимой легкостью спрыгнул с крыши фургона. Он был одет так же, как и в теленовостях: в джинсы и рубашку цвета хаки. Он начал пробираться сквозь толпу к эстраде, пожимая руки не только тем, кто стоял рядом, но и тем, кто тянулся через их головы. Толпа замороженно подалась к нему, увлекая Джонни за собой.

Я не стану его касаться! Ни за что на свете!

Вдруг перед Джонни образовалось свободное пространство, он машинально шагнул вперед и очутился в первом ряду. Возле него оказался трубач из оркестра — при желании он мог протянуть руку, дотронуться до трубы и постучать по ней.

Стилсон быстро перебрался сквозь строй музыкантов на другую сторону, чтобы пожать руки там, и Джонни видел только верхушку его желтой каски. Он испытал облегчение. Слава Богу! Их пути разошлись. Подобно фарисею из известной притчи, тот предпочел уйти в сторону. И отлично! Просто замечательно! Когда Стилсон доберется до эстрады, Джонни соберет свои вещи и тихо исчезнет. Хорошего понемножку.

Байкеры расчищали проход, сдерживая толпу и не позволяя ей поглотить кандидата. Дубинки из обрезанных киев по-прежнему находились в задних карманах, но лица их владельцев выражали настороженность и готовность к любым неожиданностям. Джонни не понимал, от какой опасности они хотели уберечь кандидата — разве что кто-то запустит в него пирожным, — но впервые за все время на лицах байкеров был написан живой интерес.

А затем и правда что-то произошло, но Джонни так и не понял, что именно. К желтой каске потянулась женская рука — наверное, чтобы дотронуться до нее «на счастье», — и один из подручных Стилсона тут же нырнул в толпу. Послышался испуганный женский крик, и рука мгновенно исчезла. Но все это происходило по ту сторону от оркестра, и разобрать конкретно, что там случилось, было невозможно.

Стоял такой невообразимый шум, что Джонни снова вспомнил о рок-концертах, где ему случалось бывать. Если бы Элвис Пресли или Пол Маккартни вдруг решили пожать фанатам руки, творилось бы то же самое.

Кругом нараспев скандировали: «Грег... Грег... Грег...»

Мужчина, явившийся со всей семьей, посадил сына на плечи, чтобы тому было лучше

видно. Молодой человек с большим шрамом от ожога на щеке размахивал плакатом: «Живи свободно иль умри, нам с Греггом точно по пути!»

Удивительно красивая девушка лет восемнадцати размахивала арбузным ломтем — по ее загорелой руке стекала струйка розового сока. Толпа неистовствовала и гудела, как высоковольтные провода под напряжением.

Неожиданно Грегг Стилсон снова пробрался через строй музыкантов туда, где стоял Джонни. Он двигался, не останавливаясь, и все же успел похлопать по спине юного трубача.

Потом Джонни не раз перебирал в памяти все детали, пытаясь убедить себя, что не мог нырнуть в толпу и окружающие буквально *толкнули* его в объятия Стилсона. Он пытался уверить себя, что Стилсон чуть ли не силком схватил его за руку. Но все это было неправдой. Джонни имел время, поскольку какая-то толстуха в нелепых канареечных бриджах бросилась Стилсону на шею и с чувством поцеловала его. Тот, не растерявшись, тоже чмокнул ее в щеку и пообещал запомнить этот поцелуй на всю жизнь. Толстуха завизжала от восторга.

Джонни почувствовал знакомый холодок, неизменно сопровождавший наступление транса. Все мысли и желания вдруг отошли на задний план, уступив место *жажде знать*. Он даже чуть улыбнулся, но это была не его улыбка. Джонни протянул руку, и Стилсон, схватив ее обеими руками, несколько раз встряхнул.

— Дружище, надеюсь, вы поддержи...

Стилсон осекся. Точно так же, как в свое время Айлин Магоун. Или доктор Джеймс Браун (полный тезка всемирно известного «крестного отца соула»). Или Роджер Дюссо. Глаза Стилсона расширились от... страха? Нет! *От ужаса!*

Казалось, время остановилось и замерло. Встретившись, их взгляды уже не оторвались друг от друга, и они слились в единое целое. Джонни снова оказался в коридоре с тускло поблескивавшими стенами, только на этот раз не один, а со Стилсоном, и все у них было...

(общим)

Никогда прежде такое сильное озарение не вспыхивало в нем. Осознание происходящего нахлынуло на Джонни и смяло его. Казалось, будто из узкого черного тоннеля вылетел на бешеной скорости зловеющий товарный состав, а луч одинокого прожектора, скользнувшего по мчащейся машине, оказался лучом абсолютного знания. И этот луч пронзил Джонни Смита насквозь. Бежать было некуда — знание расплющило и прижало его к земле, а черный поезд продолжал стремительно мчаться дальше, не замечая распластавшегося под ним Джонни.

Ему хотелось закричать, но не было ни сил, ни голоса.

А перед глазами стояла все та же картина:

(появляется дымка, которая постепенно окрашивает видение в синий цвет)

...Грега Стилсона приводит к присяге какой-то старик с жалким и испуганным взглядом мышонка в когтях матерого и закаленного в битвах...

(тигра)

...нет... деревенского кота. Одна рука Стилсона лежит на Библии, другая поднята вверх. Это происходит в далеком будущем, потому что шевелюра Стилсона сильно поредела. Старик произносит слова клятвы, а Стилсон повторяет за ним. Он говорит, что...

(милосердная синяя дымка сгущается, заволакивая детали, и вскоре можно различить только лицо Стилсона... и появляется нечто желтое — как на тигриных полосках)

...сделает это. «Да поможет ему Бог!» Его лицо торжественно и даже сурово, но внутри все поет, и от радости кружится голова. Потому что человек с обреченным взглядом пойманной мыши не кто иной, как председатель Верховного суда США, который приводит к присяге вновь избранного президента.

(Боже милостивый! Дымка, дымка, синяя дымка, желтые полоски)

Теперь дымка скрывает уже почти все, только это уже не дымка, а что-то реальное. Это...
(сокрыто в мертвой зоне)

...происходит в будущем. В чем? Его? Стилсона? Джонни не знал.

У него было ощущение полета — полета сквозь синеву — над сценами ужасного опустошения, постигшего землю, но разглядеть детали не удавалось. Только слышался какой-то безликий голос — то ли Стилсона, то ли второстепенного божества, то ли мертвеца из комической оперы: «Я пройду через них, как нож сквозь масло. Растопчу, как дорожную пыль».

— Тигр, — глухо прошептал Джонни. — За синей дымкой залег тигр. И за желтой.

Затем все картинки, образы, слова стали проваливаться в нарастающий рокот забытья. Джонни почувствовал сладковатый запах горячей резины. Казалось, его внутреннее око раскрылось еще шире, испытующе вглядываясь в поисках ответа... Синева и желтизна, поглотившие все образы, вдруг стали застывать, превращаясь... во что-то непонятное. Издалека послышался исступленный женский крик, полный невыразимого ужаса: «Верни его мне, негодяй!»

Затем все исчезло.

Сколько же времени они стояли бок о бок? Секунд пять. Джонни решил потом обязательно спросить. Тут Стилсон начал *вырывать* свою руку, не отводя взгляда от Джонни. Челюсть у него отвисла, в лице не было ни кровинки, чего не мог скрыть даже сильный загар, приобретенный на митингах под жарким летним солнцем. Джонни видел даже пломбы на его задних зубах.

Взгляд Стилсона выражал неопиcуемый ужас.

Ну же! — хотелось крикнуть Джонни. *Ну же! Сгинь! Исчезни! Провались на месте! Сделай всем одолжение — исчезни с лица земли!*

Два байкера уже рванулись к ним, и на этот раз дубинки, сделанные из бильярдных киев, были у них *в руках*. Джонни испугался, потому что они собирались бить его киями по голове, будто та была восьмым шаром, который они хотели загнать в лузу — обратно в небытие комы, откуда ему уже никогда не выбраться, не рассказать об увиденном и ничего не изменить.

У Стилсона мания разрушения! Боже милостивый! *Вот в чем дело!*

Джонни попытался податься назад. Люди то расступались, то снова напирали, кругом слышались крики — то ли от испуга, то ли от возбуждения. Стилсон, придя в себя, повернулся к телохранителям. Он качал головой, пытаясь успокоить их.

Что случилось дальше, Джонни так и не увидел. Он пошатнулся, голова бессильно упала на грудь, а веки сомкнулись. Слыша мягкий нарастающий рокот забытья, Джонни с благодарностью провалился в него и потерял сознание.

— Нет, ты ни в чем не обвиняешься и не задержан, — заверил Джонни начальник тримбулльской полиции Бейс. — И не обязан отвечать на наши вопросы. Но мы будем весьма признательны, если ты ответишь.

— *Весьма* признательны, — подтвердил Эдгар Лэнкти, мужчина в строгом деловом костюме, служивший в бостонском отделении Федерального бюро расследований. Он не сомневался, что со здоровьем у Джонни не все в порядке. Шишка над левой бровью на глазах становилась лиловой. Потеряв сознание, Джонни сильно расшибся, упав лицом на ботинок то ли оркестранта, то ли байкера. Сам Лэнкти склонялся ко второму варианту, причем в момент удара тупоносый ботинок байкера, судя по всему, находился во встречном движении.

Бледный как полотно Джонни взял дрожащими руками бумажный стаканчик с водой, протянутый ему Бейсом. Одно веко у него нервно подергивалось. Хотя самым опасным предметом, найденным при нем, был клипсер для обрезания ногтей, он сильно смахивал на террориста, и Лэнкти, человек профессиональный, заметил это.

— Что вы хотите узнать от меня? — спросил Джонни. Он очнулся на койке в незапертой камере. Голова раскалывалась от нестерпимой боли. Сейчас боль отступала, оставляя ощущение странной пустоты. Казалось, из головы изъяли все содержимое и заменили его каким-то странным наполнителем. В ушах звенело, вернее, даже не звенело — в них стоял тонкий и монотонный гул. Девять часов вечера. Стилсон и его окружение уже давно убрались из города. Все горячие сосиски розданы и съедены.

— Что именно там произошло? — осведомился Бейс.

— Было жарко. Я слишком перевозбудился и потерял сознание.

— У тебя проблемы со здоровьем? — поинтересовался Лэнкти.

Джонни внимательно посмотрел на него.

— Не нужно играть со мной, мистер Лэнкти. Если вам известно, кто я такой, так и скажите!

— Мне известно, — ответил Лэнкти, — что тебя считают ясновидящим.

— Чтобы остерегаться агента ФБР, сверхъестественных способностей не требуется, — заметил Джонни.

— Ты уроженец штата Мэн, Джонни. Ты там родился и вырос. Что же понадобилось жителю Мэна в Нью-Хэмпшире?

— Я здесь преподаю.

— Сыну Четсворта?

— Повторяю: если вы знаете, зачем спрашиваете? Или меня в чем-то подозревают?

— Богатая семья.

Лэнкти закурил.

— Да, богатая.

— Так ты — почитатель Стилсона, Джонни? — спросил Бейс. Джонни не нравилось, когда к нему обращались на ты при первом знакомстве, а оба его собеседника поступали именно так. Ему стало не по себе.

— А вы?

Бейс презрительно фыркнул.

— Около пяти лет назад в Тримбулле устроили фолк-роковый концерт на целый день. На земле Хэйка Джеймисона. У городского совета были определенные сомнения, но он все же дал

согласие на проведение, потому что молодежь должна развлекаться. Мы рассчитывали, что на западных угодах Хэйка соберется сотни две местных ребят — и все. А собралось больше полутора тысяч; все курили «травку» и пили спиртное прямо из горлышка. Там творилось черт знает что! Городской совет пришел в ярость и заявил, что больше никогда не разрешит ничего подобного. А молодежь обиделась и никак не могла взять в толк, в чем проблема. По их мнению, если никого не увечат, то все остальное не важно. Вот и со Стилсоном, мне кажется, то же самое. Помню, как однажды...

— Ты же не имеешь ничего против Стилсона, Джонни? — спросил Лэнкти. — Между вами не пробежала никакая кошка? — Он отечески улыбнулся, предлагая облегчить душу.

— Полтора месяца назад я не знал о его существовании.

— Это не ответ на мой вопрос.

Помолчав, Джонни признался:

— Стилсон вызывает у меня тревогу.

— И опять-таки это не ответ на мой вопрос.

— Напротив.

— А мы рассчитывали на твою помощь, — с сожалением сказал Лэнкти.

Джонни перевел взгляд на Бейса.

— Шериф Бейс, в вашем городе каждый, кто падает в обморок на людях, удостоивается внимания ФБР?

Бейс смутился.

— Ну-у... нет. Конечно, нет!

— Ты потерял сознание, когда жал руку Стилсону, — уточнил Лэнкти. — И изменился в лице. А сам Стилсон побелел от страха. Ты настоящий везунчик, Джонни! Ведь его сподвижники не сделали из твоего черепа урну для голосования, хотя решили, что ты представляешь угрозу.

Джонни переводил взгляд с Лэнкти на Бейса с возрастающим изумлением.

— Вы были там! Бейс не вызывал вас по телефону, а вы были там сами! На том самом митинге!

Лэнкти затушил сигарету.

— Да, я был там.

— И чем же Стилсон заинтересовал ФБР? — вырвалось у Джонни.

— Лучше поговорим о тебе, Джонни. Что ты...

— Нет уж, поговорим о Стилсоне! И его «сподвижниках», как вы их называете. Разве закон разрешает носить дубинки из бильярдных киев?

— Разрешает, — сказал Бейс. Лэнкти бросил на него предостерегающий взгляд, но он этого не заметил. — Кии, бейсбольные биты, клюшки для гольфа — все это разрешено законом.

— Я слышал, что раньше эти ребята были членами байкерских банд.

— Верно, кто — в Нью-Джерси, кто — в Нью-Йорке, и это...

— Шериф Бейс, — вмешался Лэнкти, — по-моему, сейчас не время...

— А что плохого, если он узнает правду? — возразил Бейс. — Они — подонки, отребье, мразь! Кое-кто из них околачивался в Хэмптоне, когда несколько лет назад там были массовые беспорядки. Кое-кто входил в шайку байкеров «Чертова дюжина», распущенную в 1972 году. Ее возглавлял Санни Эллиман, который сейчас — правая рука Стилсона. Его неоднократно задерживали, но ни разу ни за что так и не привлекли.

— Ошибаетесь, шериф. — Лэнкти закурил новую сигарету. — В 1973 году в штате Вашингтон он свернул налево в неполюженном месте и был приговорен к штрафу в двадцать пять долларов. Эллиман заплатил, не став оспаривать решение суда.

Джонни поднялся и медленно пересек комнату, чтобы налить себе еще воды из автомата. Лэнкти наблюдал за ним, не скрывая интереса.

— Значит, просто потерял сознание? — повторил Лэнкти.

— Нет, — ответил Джонни, не оборачиваясь. — Я собирался пристрелить его из гранатомета, но в самый последний момент случился сбой, и мне не удалось послать мысленную команду.

Лэнкти тяжело вздохнул.

— Ты можешь уйти в любой момент, — заметил Бейс.

— Благодарю вас.

— Но я все равно дам тебе совет, и мистер Лэнкти наверняка со мной согласится. Если хочешь остаться целым и невредимым, держись впредь подальше от сборищ Стилсона. С теми, кто не нравится Грегу Стилсону, вечно что-то случается...

— Вот как? — Джонни сделал глоток.

— Эти вопросы выходят за рамки вашей компетенции, шериф, — вмешался Лэнкти, бросив сердитый взгляд на Бейса.

— Как скажете, — примирительно отозвался тот.

— Но я готов подтвердить, что на подобных встречах действительно происходили несчастные случаи, — продолжил Лэнкти. — В Риджуэе сразу после встречи Стилсона с избирателями, которую снимала Си-би-эс, избили молодую беременную женщину, да так сильно, что у нее случился выкидыш. По словам женщины, она не запомнила, кто это сделал, но у нас есть основания подозревать байкеров Стилсона. Месяц назад четырнадцатилетнему парнишке с водяным пистолетом проломили голову. Он тоже не смог опознать того, кто это сделал. Но водяной пистолет наводит на мысль, что это охрана проявила чрезмерную бдительность.

Как славно сформулировано, подумал Джонни.

— И вам не удалось найти никаких свидетелей?

— Никого, кто пожелал бы говорить, — усмехнулся Лэнкти и стряхнул пепел с сигареты. — Он же любимчик публики!

Джонни вспомнил о молодом отце, который поднял сына повыше, чтобы тот лучше разглядел Грегга Стилсона.

Всем наплевать! Все же и явились сюда посмотреть представление!

— Выходит, и ФБР удостоило его вниманием.

Лэнкти пожал плечами и обезоруживающе улыбнулся:

— Ну что сказать? Поверь, никакого задания я не получал. Но этот парень здорово пугает меня. Он буквально излучает обаяние и умеет подчинять себе людей. Если он ткнет на меня с трибуны пальцем и скажет, кто я такой, меня запросто вздернут на первом же фонарном столбе.

Джонни подумал о сегодняшней толпе и симпатичной девчонке, истерически размахивавшей арбузным ломтем.

— Наверное, вы правы.

— Поэтому, если ты можешь хоть чем-то мне помочь... — Лэнкти подался вперед, и в его улыбке появилось что-то хищное. — Не было ли у тебя видения о нем? И не от этого ли ты потерял сознание?

— Возможно, — невозмутимо согласился Джонни.

— И?

У Джонни на мгновение мелькнула безумная мысль рассказать все без утайки, но он тут же отбросил ее.

— Я увидел его по телевизору. На сегодня никаких планов у меня не было, поэтому я решил

приехать и посмотреть своими глазами. Наверняка я был не единственным приезжим.

— Это уж точно! — воскликнул Бейс.

— И это все? — спросил Лэнкти.

— Все, — подтвердил Джонни и, помолчав, добавил: — Мне кажется, он победит на выборах.

— Кто бы сомневался! — согласился Лэнкти. — Если, конечно, нам не удастся что-нибудь найти на него. Но я согласен с шерифом Бейсом. Держись подальше от Стилсона.

— Не беспокойтесь. — Джонни смял бумажный стаканчик и выбросил его в урну. — Был рад знакомству с вами, джентльмены, а теперь мне предстоит долгий путь в Дарем.

— А в Мэн ты скоро вернешься, Джонни? — как бы между прочим поинтересовался Лэнкти.

— Пока не знаю. — Джонни перевел взгляд с худощавого и подтянутого Лэнкти, постукивавшего новой сигаретой о циферблат часов, на крупного и усталого Бейса, похожего на бассета. — Как думаете, а он пойдет дальше? После того как получит место в палате представителей?

— Черт его знает! — пробормотал Бейс.

— Такие, как он, приходят и уходят. — Лэнкти не сводил с Джонни изучающего взгляда темных карих глаз. — Они похожи на нестабильные радиоактивные элементы, которые тут же распадаются. У людей вроде Стилсона нет твердой политической основы. Его сторонники — всего лишь временная коалиция самых разных слоев общества. Ты видел, кто сегодня пришел? Как могут студенты и работяги превозносить одного и того же человека? Это не политика, а нечто другое, вроде повального увлечения хула-хупами или модой на енотовые шапки или прически а-ля «Битлз». Стилсона выберут в палату представителей, он будет там благоденствовать до 1978 года, а потом все закончится. Никаких сомнений!

Но Джонни сомневался.

2

На следующий день синяк на лбу Джонни окрасился в разные цвета: почти черный и бурый над левой бровью, он переходил сначала в красный, а потом, ближе к волосам и виску, в омерзительно желтый. Немного припухшее веко придавало лицу ухмыляющееся выражение.

Проплыв бассейн туда и обратно десять раз, Джонни вытянулся в шезлонге и перевел дыхание. Чувствовал он себя ужасно. Минувшей ночью проспал не больше четырех часов, и все это время его мучили кошмары.

— Привет, Джонни. Как дела, приятель?

Он обернулся и увидел улыбающегося Нго в рабочей спецовке и садовых перчатках. За ним виднелась красная тележка с саженцами сосен; их корни были окутаны мешковиной. Вспомнив об отношении Нго к этой породе деревьев, Джонни заметил:

— Вижу, ты опять сажаешь сорняки.

Нго поморщился:

— Приходится. Мистер Четсворт любит их. Я говорю ему, что это сорное дерево. В Новой Англии оно растет повсюду. А он делает такое лицо... — теперь Нго сморщился так, что стал похож на карикатуру монстра из фильма ужасов, — и говорит: «Твое дело сажать, а не рассуждать!»

Джонни рассмеялся. Да, в этом весь Роджер Четсворт — он не допускает инакомыслия.

— Тебе понравилась встреча?

Нго вежливо улыбнулся.

— Очень полезная, — ответил он. По его глазам ничего прочитать было нельзя. Даже непонятно, видел ли он синяк над глазом Джонни. — Да, очень полезная, и нам всем очень понравилось.

— Хорошо.

— А вам?

— Мне — не очень. — Осторожно дотронувшись до синяка, Джонни сразу почувствовал боль.

— Вам нужно приложить сырое мясо, — посоветовал Нго.

— А что ты о нем думаешь, Нго? И что думают твои коллеги? Твой польский друг? Рут Чен и ее сестра?

— На обратном пути мы не говорили об этом. Так просили учителя и сказали подумать над тем, что мы видели. Наверное, во вторник нас попросят написать об этом на занятии. Думаю, так и будет. Сочинение в классе.

— И что ты напишешь в сочинении?

Нго поднял глаза на синее летнее небо и улыбнулся ему. Джонни не знал о маленьком вьетнамце, у которого появились первые седые волосы, практически ничего. Был ли тот женат, имел ли детей? Бежал ли из страны до Вьетконга? Жил ли раньше в Сайгоне или в одной из сельских провинций? И о политических пристрастиях Нго Джонни тоже не имел ни малейшего представления.

— Помните, мы говорили об игре «Сменяющийся тигр»? — спросил Нго.

— Да.

— Я расскажу вам о настоящем тигре. Когда я был маленьким, возле нашей деревни объявился плохой тигр. Le manger d'homme, людоед, но на самом деле он нападал только на мальчиков, девочек и старух, потому что время было военным и мужчин в деревне не осталось. Я говорю о Второй мировой войне, а не той, что случилась сейчас. Тигру понравилась человечина. И кто мог убить такое страшное чудовище, если в деревне у самого молодого мужчины не было руки и ему уже стукнуло шестьдесят, а самому старшему мальчику — а им был я — исполнилось всего семь лет? И однажды этого тигра нашли в яме, куда заманили, бросив в нее тело женщины. Я напишу в сочинении, что использовать в качестве приманки человеческое тело, сотворенное по образу Божию, ужасно, но еще ужаснее видеть, как тигр уносит маленьких детей, и ничего не делать. И еще я напишу в сочинении, что когда мы нашли тигра в яме, он был еще живой. Мы забили его до смерти мотыгами и палками. Старики, женщины и дети. Кое-кто из детей от страха и волнения даже обмочился. Мы сами били тигра мотыгами, пока тот не упал и не испустил дух, потому что все мужчины деревни отправились воевать с японцами. Думаю, этот Стилсон похож на плохого тигра, полюбившего человечину. Думаю, его надо тоже заманить в западню и, если он выживет, забить до смерти.

Нго, освещенный ярким солнцем, вежливо улыбался.

— Ты серьезно? — спросил Джонни.

— Конечно, — беззаботно подтвердил Нго, будто речь шла о чем-то совершенно заурядном. — Но я не знаю, что скажет учитель, когда прочтет мое сочинение. Возможно, скажет: «Нго, ты еще не готов стать американцем». Но я напишу правду, потому что я так считаю. А что вы думаете, Джонни? — Его взгляд на мгновение остановился на синяке и скользнул в сторону.

— Думаю, он опасен. Я... я это знаю!

— Правда? Я верю вам. В Нью-Хэмпшире его считают забавным клоуном и воспринимают точно так же, как многие в мире — чернокожего угандийца Иди Амина. Но вы к ним не относитесь.

— Нет. Но предлагать убить его...

— Политически, — пояснил Нго улыбаясь. — Я предлагаю уничтожить его политически.

— А если его нельзя уничтожить политически?

Нго снова улыбнулся и, изобразив пальцами револьвер, сказал:

— Пиф-паф!

— Нет! — воскликнул Джонни, удивившись своей горячности. — Это не выход! *Ни за что!*

— Нет? А мне казалось, что американцы часто так поступают. — Нго взялся за ручку красной тележки. — Мне пора сажать эти сорняки, Джонни. Счастливо оставаться, приятель!

Джонни проводил взглядом маленького человека в спецовке и легких туфлях, тащившего тележку с саженцами.

Нет! Убить — все равно что посеять зубы дракона. Я верю в это. Верю всем сердцем.

З

В первый вторник ноября, который оказался вторым числом месяца, Джонни Смит, расположившись в мягком кресле в своей гостиной, следил за результатами выборов. Ведущие вечерних новостей Эн-би-си Чанселлор и Бринкли комментировали выборы с помощью большой электронной карты. Каждый штат окрашивался на ней в определенный цвет, как только становилось известно, кто из кандидатов в президенты одержал в нем победу. К полуночи шансы Форда и Картера на победу были почти одинаковы, но Джонни не сомневался, что президентом станет Картер.

Одержал победу и Грег Стилсон.

Эта новость широко освещалась в местных СМИ, и даже журналисты федеральных каналов сравнивали победу Грега с избранием два года назад Джеймса Лонгли губернатором штата Мэн — он тоже баллотировался в качестве независимого кандидата.

Чанселлор говорил:

— Последние опросы, предсказавшие победу нынешнему конгрессмену от штата Нью-Хэмпшир республиканцу Харрисону Фишеру, оказались ошибочными. Стилсон провел избирательную кампанию в неизменной строительной каске и обещал очистить страну от загрязняющих веществ, запустив их в космос. Он набрал, по оценкам Эн-би-си, сорок шесть процентов голосов. За Фишера проголосовал тридцать один процент избирателей, а в округе, где у демократов традиционно слабые позиции, их представителю Дэвиду Боузу досталось всего двадцать три процента.

— Таким образом, — подхватил Бринкли, — в Нью-Хэмпшире наступают времена горячих сосисок... по крайней мере на ближайшие два года.

Оба диктора ухмыльнулись, и репортаж прервался рекламной паузой. Но Джонни было не до смеха — он думал о тиграх.

Для Джонни время между памятным посещением Тримбулла и днем голосования выдалось напряженным. Он продолжал занятия с Чаком, и тот хоть и не очень быстро, но вполне уверенно совершенствовал навыки чтения. Чак успешно сдал «хвосты» и сохранил ведущие позиции в спортивном рейтинге. Футбольный сезон заканчивался, и шансы Чака попасть в символическую сборную Новой Англии, состоящую из журналистов, оценивались очень высоко. Разные колледжи уже проявляли к нему недвусмысленный интерес, но им придется подождать еще год: Чак договорился с отцом, что позанимается в хорошей частной подготовительной школе Стюингтон в Вермонте. Джонни подумал, что, узнав об этом, в Стюингтоне сойдут с ума от радости: там традиционно были отличные команды по европейскому футболу, но никак не удавалось набрать приличных игроков в американский футбол. Чтобы заполучить Чака,

администрация школы не только предоставит ему стипендию, которая покроет все расходы на обучение, но и вручит золотой ключ от женского общежития. Джонни чувствовал, что провести еще год в этой школе — правильное решение для Чака. Когда все договоренности были достигнуты, а отборочные тесты уже не висели над Чаком как дамоклов меч, он снова стал быстро прогрессировать в учебе.

В конце сентября Джонни отправился на выходные в Паунал. Просидев с отцом у телевизора весь вечер пятницы, он заметил, что Эрб слишком громко смеялся над шутками, вовсе не такими уж смешными, и вообще держался довольно скованно.

На вопрос сына, что случилось, Эрб ответил:

— Ничего, все в порядке. — Он нервно улыбнулся и сцепил руки, словно финансист, узнавший, что вложил все свои сбережения в разорившуюся компанию. — А с чего ты взял, будто что-то не так, сынок?

— И все же?

— Даже не знаю, как лучше сказать, Джонни. В смысле...

— Это касается Шарлин?

— В общем, да.

— Догадаться несложно.

Эрб виновато взглянул на сына.

— Как ты отнесешься к тому, что в двадцать девять лет у тебя появится мачеха, Джон?

— Отлично отнесусь, папа, — улыбнулся Джонни. — Поздравляю!

На лице Эрба отразилось облегчение.

— Спасибо! Не буду скрывать — я боялся сообщить тебе об этом. Я помню, что ты сказал, когда мы говорили об этом, но одно дело рассуждать в принципе, а другое — делать по жизни. Я любил твою мать, Джонни. И, думаю, всегда буду любить.

— Знаю, папа.

— Но я одинок, и Шарлин тоже... Мне кажется, вместе нам будет лучше.

Джонни подошел к отцу и поцеловал его.

— Желаю вам счастья. Вы его заслуживаете.

— Ты хороший сын, Джонни. — Достав из заднего кармана носовой платок, Эрб вытер глаза. — Мы думали, что потеряли тебя. Во всяком случае, я. Вера никогда не теряла надежды. Она всегда верила. Джонни, я...

— Не надо, папа. Все позади.

— Нет, я должен признаться. Это висит на мне тяжким бременем уже полтора года. Я молился, чтобы ты умер, Джонни. Ты — мой собственный сын, и я молил Бога, чтобы он забрал тебя к себе. — Он снова вытер слезы и убрал платок. — Выяснилось, что Богу было виднее, как поступить. Джонни... ты будешь шафером у меня на свадьбе?

У Джонни защемило сердце.

— С удовольствием.

— Спасибо. Я рад, что... облегчил душу. Я уже очень давно так хорошо себя не чувствовал.

— Вы уже определились с датой?

— Вообще-то да. Второе января устраивает тебя?

— Вполне. Можешь на меня рассчитывать.

— Мы собираемся продать оба наших дома, — сообщил Эрб. — Присмотрели одну чудесную ферму в Биддфорде. Двадцать акров. Половина покрыта лесом. Начнем с нуля.

— Да, начать с нуля — это здорово!

— Ничего, если я продам дом, где ты вырос? — с тревогой спросил Эрб.

— Немного жалко, а так — ничего.

— И я чувствую то же самое. Немного жалко. И грустно на душе, потому что сроднился с этим домом. А ты?

— Примерно так же, — ответил Джонни.

— Как у тебя все складывается?

— Нормально.

— У парня получается?

— Не то слово! — ответил Джонни одним из любимых выражений отца и ухмыльнулся.

— Как думаешь, сколько ты там пробудешь?

— Занимаясь с Чаком? Наверное, весь учебный год, если они захотят. Для меня индивидуальное обучение — совершенно новый вид деятельности. И мне нравится! Это отличная работа! Я бы сказал — нетипично замечательная!

— А чем собираешься заняться потом?

— Пока не знаю. — Джонни покачал головой. — Но одно мне известно точно!

— И что это?

— Я иду за шампанским! Мы должны отпраздновать и выпить!

Отец поднялся и хлопнул Джонни по спине:

— Тогда бери пару бутылок!

Издредка приходили письма от Сары Хазлетт. В апреле они с Уолтом ждали второго ребенка. Джонни написал ответ с поздравлениями и пожелал Уолту удачной избирательной кампании. Иногда он вспоминал те долгие полдня, которые провел с Сарой.

Джонни редко позволял себе предаваться этим воспоминаниям, опасаясь, что если часто возвращаться к ним, они потускнеют, как старые фотографии.

Этой осенью он несколько раз ходил на свидание, причем однажды — с недавно разведенной старшей сестрой подружки Чака, но все эти свидания не имели продолжения.

Почти все свободное время той осени Джонни провел в обществе Грегори Аммаса Стилсона и стал настоящим его фанатом. В ящике комода под носками, нижним бельем и футболками хранились три блокнота с записями, размышлениями и ксерокопиями публикаций о нем.

Осознавая необычность своего увлечения, Джонни тяготился им. Иногда по ночам, делая фломастером заметки возле наклеенных вырезок из газет, он чувствовал, что ничем не отличается от Артура Бреммера, готовившего покушение на Джорджа Уоллеса, или Сары-Джейн Мур, пытавшейся застрелить Джерри Форда. Если Эдгар Лэнкти — бесстрашный рыцарь из достопочтенного ФБР — застал бы его за этим занятием, то наверняка установил бы и в гостиной, и в ванной прослушку. А на улице появился бы мебельный фургон, но без мебели, а с камерами, микрофонами и еще бог знает с чем.

Джонни убеждал себя, что он вовсе не Бреммер и Стилсон не стал для него наваждением. Однако после долгих вечеров, проведенных в университетской библиотеке с подшивками газет и журналов, после того, как он снимал копии с нужных заметок, сам Джонни почти не верил в это. Особенно в те дни, когда засиживался допоздна, записывая мысли и стараясь нащупать нужные связи. Или когда вдруг просыпался посреди ночи весь в поту, с трудом приходя в себя от ночного кошмара, преследовавшего его с завидным постоянством.

Этот жуткий сон, почти никогда не меняясь, воспроизводил эпизод со Стилсоном в тот памятный день в Тримбулле. Неожиданная мгла. Ощущение тоннеля, в котором на тебя с бешеной скоростью несется темная махина фатума с ослепительным прожектором впереди. Старик с обреченным и испуганным взглядом приводит Стилсона к немислимой присяге. Чувства сменяют одно другое, будто густые клубы дыма. И калейдоскоп видений, напоминающих гирлянду разноцветных флажков. Откуда-то Джонни знал, что все эти видения, связанные между собой, — кусочки единой мозаики, которая предсказывает надвигающуюся

гибель, возможно, даже Армагеддон.

Но что это были за видения? Что именно они показывали? Различить не представлялось возможным: расплывчатые, они скрывались за голубой дымкой, а по ней изредка пробегали рябью желтые полосы, похожие на тигриные.

Ясными видения становились в самом конце, наполняясь криками умирающих и запахом смерти. И по выжженной земле, изуродованной искореженным металлом и оплавленным стеклом, мягко ступает одинокий тигр. Он всегда смеется и несет что-то в пасти — что-то желто-голубое и истекающее кровью.

Той осенью были ночи, когда Джонни казалось, что от этого кошмара он лишится рассудка. Конечно, в этом сне не было никакого смысла. Он мог указывать только на одно, а это представлялось совершенно невероятным и поэтому невозможным по определению. Нет, лучше всего выкинуть кошмарные видения из головы.

Но поскольку выбросить их из головы Джонни не удавалось, он занялся изучением жизненного пути Стилсона, стараясь убедить себя, что это хобби, а не опасное наваждение.

Стилсон родился в Талсе — втором по величине городе Оклахомы. Его отцу, рабочему-нефтянику, приходилось часто менять место работы и нередко, как человеку широкоплечему и крупному, трудиться больше других. Возможно, в молодости мать Стилсона была хорошенькой, хотя две фотографии, найденные Джонни, заставили его усомниться в этом. Судя по всему, она быстро увяла из-за тяжелой жизни и неудачного брака. С фотографии времен Великой депрессии смотрело невыразительное обветренное лицо погруженной в заботы южанки в выцветшем ситцевом платье. Она морщилась от солнца, держа на худых руках ребенка — Грега.

Властный и деспотичный отец Грега был невысокого мнения о сыне. Грег рос бледным и болезненным ребенком. Не нашлось никаких оснований предполагать, что отец бил сына или издевался над ним, но наверняка первые девять лет жизни Грег Стилсон не знал отцовской любви и заботы. Однако на единственной фотографии Грега с отцом, которую разыскал Джонни, все выглядело вполне благополучно. На снимке, сделанном на нефтяном месторождении, отец дружески обнимал сына за шею. Гарри Стилсон, в рабочей куртке, саржевых брюках, широкой рубашке цвета хаки, щегольски сдвинул каску на затылок.

Грег пошел в школу в Талсе, а с десяти учился в Оклахома-Сити. За год до этого отец погиб при пожаре на нефтяной вышке. Мэри-Лу Стилсон переехала с сыном в Оклахома-Сити, где жила ее мать и где для нее нашлась работа. Шел 1942 год, появились военные заказы, и жизнь стала налаживаться.

До девятого класса Грег учился хорошо, но потом «пошел вразнос». Прогулы, драки, игры на деньги, возможно, даже торговля краденым, хотя его никогда на этом не ловили. В 1949 году Грега на два дня исключили из школы за то, что он взорвал хлопушку в раздевалке.

Во всех разбирательствах с властями Мэри-Лу неизменно занимала сторону сына. Хорошие времена — во всяком случае, для таких, как Стилсоны, — закончились с наступлением мира в 1945 году, и Мэри-Лу, судя по всему, считала, что на нее и сына ополчился весь мир. Ее мать умерла, оставив в наследство лишь свой маленький деревянный каркасный дом. Мэри-Лу работала официанткой в баре на буровой, а потом в круглосуточной закуской. Стоило ее сыну попасть в неприятность, как она бросалась ему на выручку, даже не пытаясь выяснить, виноват ли он.

В 1949 году бледный и болезненный мальчик, которого отец называл не иначе как «Заморыш», совершенно преобразился. В подростковом возрасте возобладали гены Грега Стилсона. С тринадцати до семнадцати лет он вытянулся на шесть дюймов и прибавил в весе семьдесят фунтов. Грег не занимался спортом в школе, но каким-то образом раздобыл пособие Чарльза Атласа по бодибилдингу и набор снарядов. «Заморыш» превратился в парня, с которым

лучше не связываться.

Джонни выяснил, что Грега могли выгнать из школы десятки раз; то, что он закончил ее, было чистым везением. Джонни часто думал, как все хорошо сложилось бы, если бы Грега *хоть раз поймали* на грабеже с поличным! Тогда всем сомнениям и переживаниям пришел бы конец, потому что осужденный преступник не может претендовать на высокий государственный пост.

В июне 1952 года Стилсон окончил школу, правда, его аттестат оказался чуть ли не самым худшим из всего выпуска. Однако плохие оценки вовсе не означали, что у Грега плохо с мозгами. Парень с хорошо подвешенным языком и обаянием терпеливо ждал своего часа. Тем летом он немного поработал подручным на автозаправке. А в августе вдруг увлекся религией и прослушал цикл проповедей под открытым небом в Уайлдвуд-Грин. Бросив работу на бензоколонке, Грег стал продавцом дождя, «осененный благодатью Господа нашего Иисуса Христа».

Случайно или нет, но то лето в Оклахоме выдалось одним из самых засушливых со времен знаменитой пыльной бури. Посевы погибли, и скот ожидала та же участь, если колодцы окончательно пересохнут. Грега пригласили на собрание местных фермеров. В описаниях того, что последовало дальше, недостатка не было: как-никак это стало одним из самых значимых событий в карьере Стилсона. Все описания разнились, но Джонни не удивился этому. Тут имелись все атрибуты типичного американского мифа, мало чем отличавшиеся от рассказов о солдате Дэви Крокетте, ковбое Пекосе Билле или дровосеке Поле Баньяне. *Что-то* там действительно произошло, это не вызывало сомнения, хотя докопаться до истины уже не представлялось возможным.

Так или иначе, та встреча фермеров оказалась весьма необычной. На нее пригласили больше двух десятков «вызывателей дождя» с Юга. Больше половины из них были чернокожими, а индейцев представляли полукровка из племени пауни и чистокровный апачи. Находившийся там мексиканец непрестанно жевал листья кактуса, содержавшие мескалин. Грег, один из девяти белых, был единственным уроженцем здешних мест.

Фермеры выслушали предложения каждого из «вызывателей дождя» и лозоходцев, которые разбились на две группы. В одну входили те, кто (независимо от результата) просил за свои услуги половину вперед; люди из второй просили всю сумму полностью.

Очередь дошла до Грега Стилсона, он поднялся и, зацепив большими пальцами шлевки джинсов, якобы произнес: «Наверное, вам известно, что когда я отдал свое сердце Иисусу, Господь наградил меня способностью вызывать дождь. Раньше я шел нечестивым путем греха и жил в пороке. И сегодня мы все имели возможность убедиться, что грех и деньги часто идут бок о бок».

Фермеры заинтересовались. Уже в девятнадцать лет Стилсон умел увлечь аудиторию оригинальностью суждений. А потом он сделал предложение, от которого фермеры не могли отказаться. Поскольку Грег, вновь обращенный христианин, уже знал, что алчность — грех, он обещал вызвать дождь просто так. Фермеры отблагодарят его потом, причем в том размере, какой сами сочтут справедливым.

Его выступление было встречено шумными криками одобрения. Не прошло и двух дней, как он разъезжал по дорогам центральной Оклахомы в черном костюме и шляпе проповедника, стоя на коленях в кузове пикапа и взывая к небесам посредством двух громкоговорителей. Увидеть необычное зрелище собирались тысячные толпы.

Дальше события развивались по предсказуемому сценарию. На второй день молений Грега на небе начали собираться тучи, а утром пошел дождь, который продолжался три дня и две ночи. Разбушевавшаяся стихия смывала в Гринвуд-Ривер дома вместе с домашней птицей, пытавшейся спастись на крышах. Она унесла жизни четырех человек. Колодцы снова наполнились водой, скот был спасен, и Ассоциация фермеров и скотоводов Оклахомы решила, что дождь все равно

пошел бы и без вмешательства Грега. На следующей встрече они пустили по кругу шляпу и, скинувшись, кто сколько считал нужным, собрали семнадцать долларов.

Грега это ничуть не смутило. На эти семнадцать долларов он дал объявление в столичной газете штата. Там указывалось, что примерно то же самое произошло с неким крысоловом, обманутым магистратом немецкого города Гамельна. Как христианин, Грег Стилсон не собирался уводить детей, чтобы отомстить за несправедливость, и понимал, что обращаться в суд с жалобой на сильную и влиятельную Ассоциацию фермеров и скотоводов Оклахомы бесполезно. Но где же справедливость? На какие средства ему содержать старую и больную мать? В объявлении говорилось, что Грег не жалел себя и молился день и ночь ради кучки бессовестных богачей, ничем не отличавшихся от тех, кто изгнал Джоудов^[14] с их земель во времена Великой депрессии. Благодаря Грегу удалось спасти скот на десятки тысяч долларов, а в награду он получил всего семнадцать. Как добрый христианин, Грег, конечно, не держал на них зла, но рассчитывал на понимание добропорядочных жителей штата. Все благонамеренные граждане, желающие восстановить справедливость, могут отправить свои пожертвования на адрес редакции газеты для абонента 471.

Джонни заинтересовался, сколько же получил Грег Стилсон благодаря этому объявлению. Цифры разнились, но уже осенью Грег разъезжал по городу на новеньком «меркьюри». Он заплатил налог, накопившийся за три года, за маленький домик, доставшийся по наследству от матери Мэри-Лу. Сама же Мэри-Лу (не страдавшая никакими болезнями сорокапятилетняя женщина) щеголяла в новой енотовой шубке. Видимо, Стилсон открыл один из удивительных парадоксов человеческой психики: если те, кто извлек из чего-то выгоду, не спешат расплатиться по счетам, за них зачастую это готовы сделать другие. Наверное, по тем же причинам у политиков никогда не будет недостатка в молодежи для пушечного мяса.

Фермеры вдруг осознали, что, пустив шляпу по кругу и достигнув столь жалких результатов, они крупно просчитались и разворошили осиное гнездо. Стоило членам Ассоциации появиться в городе, как вокруг них собирались толпы людей и осыпали их насмешками. Во всех церквях штата осуждали алчность фермеров. А говядину, которую удалось спасти благодаря дождю, продавали только в соседних штатах.

В ноябре того памятного года на пороге дома Стилсона появились два молодых человека с латунными кастетами и никелированными пистолетами калибра 7,65 мм. Судя по всему, их наняла Ассоциация фермеров и скотоводов Оклахомы, чтобы настоятельно порекомендовать Грегу подыскать более подходящий климат. Оба молодых человека оказались в больнице: один — с сотрясением мозга, второй — с переломом и четыремя выбитыми зубами. Их обнаружили за углом стилсоновского дома, причем... *без штанов*. Их кастеты были засунуты в места, которые обычно ассоциируются с сидением, и одному из молодых людей потребовалось хирургическое вмешательство, чтобы извлечь оттуда столь необычный предмет.

Ассоциация признала свое поражение. На заседании в начале декабря из ее средств было выделено семьсот долларов, и чек на эту сумму отправили Стилсону.

Он добился своего.

В 1953 году он с матерью переехал в Небраску. Видимо, спрос на дождь упал, развести простофиль в бильярдных на ставки покрупнее тоже не выходило. Как бы то ни было, Грег обосновался в Омахе, где открыл малярное дело, но через пару лет прогорел. Гораздо лучше у него пошли дела, когда он нанялся коммивояжером в «Компанию Американского праведного пути». Грег исколесил весь кукурузный край страны, сотни раз обедал в домах трудолюбивых и богобоязненных фермеров, рассказывая им истории о своем чудесном обращении. Грег продавал Библии, декоративные фарфоровые тарелки, пластиковые распятия, псалтыри, музыкальные записи и брошюры. Особенным спросом пользовался откровенно экстремистский «Праведный

путь в Америке: еврейско-коммунистический заговор против Соединенных Штатов».

В 1957 году потрепанный «меркьюри» сменил новенький «форд»-универсал.

В 1958 году Мэри-Лу Стилсон скончалась от рака, и год спустя Грег Стилсон отошел от библейского бизнеса и подался на восток. Год он прожил в Нью-Йорке, где пытался преуспеть на актерском поприще. Однако у него ничего не вышло, и лицедейство (как и малярный бизнес) оказалось одним из немногих занятий, не принесших Грегу заработка. Правда, Джонни отметил, что случилось это наверняка не из-за отсутствия у Грега актерского таланта, которого хватало с избытком.

Переехав из Нью-Йорка в Олбани, Грег поступил на работу в крупную страховую компанию «Пруденшл» и прожил в столице штата до 1965 года. В должности страхового агента Грег ничего не достиг. За пять лет он не продвинулся по служебной лестнице. Казалось, Грег Стилсон с его безудержной напористостью и практичностью погружался в спячку. Джонни отметил, что в жизни Грега существовала только одна женщина — его мать. Он ни разу не был женат, и, судя по всему, ни с кем его не связывали продолжительные отношения.

В 1965 году «Пруденшл» предложила ему место в Риджуэе, штат Нью-Хэмпшир, и Грег согласился. Примерно в тот же период его пассивное поведение закончилось. Бурные шестидесятые — эпоха коротких юбок и предприимчивости — были в разгаре. Грег с головой окунулся в деятельность местного самоуправления. Стал членом Торговой палаты и «Ротари-клуба». О нем заговорили в штате в 1967 году, когда разгорелись нешуточные страсти по поводу счетчиков на автостоянках в центре города. Целых шесть лет противоборствующие фракции ломали копья по их поводу, но так и не пришли к компромиссу. Грег предложил убрать со стоянок счетчики, а вместо них поставить контейнеры для монет, чтобы люди сами решали, сколько заплатить за стоянку. Многим эта идея показалась верхом безумия. Грег советовал попробовать, обещая удивительные результаты. А убеждать Грег умел. В конце концов городской совет дал согласие на проведение эксперимента. Хлынувший поток пяти— и десятицентовиков поразил всех, кроме Грега. Он открыл для себя этот принцип уже давным-давно.

В 1969-м о нем снова заговорили по всему штату. В обстоятельном и хорошо продуманном письме, направленном в риджуэйскую газету, Грег предложил использовать задержанных наркоманов на городских общественных работах: по благоустройству парков, по уходу за велосипедными дорожками и даже по стрижке газонов на разделительных полосах дорог. Многие опять сочли эту идею безумной. И вновь Грег предложил проверить ее на деле. Городской совет согласился. Один любитель «травки» заменил систему каталогизации книг в городской библиотеке с десятичной Дьюи на более современную классификацию библиотеки конгресса, причем городу это не стоило ни цента. Группа хиппи, арестованная за прием галлюциногенов на загородной вечеринке, превратила городской парк в предмет гордости и восхищения: там появился ухоженный пруд, а площадка с аттракционами, спроектированная особым образом, обеспечивала максимальную пропускную способность при минимальном риске. Грег пояснял, что многие хиппи приобщились к наркотикам в колледже, но стоит использовать и то положительное, чему они научились во время учебы.

Однако деятельность Грега в Риджуэе, ставшем его новой родиной, отнюдь не ограничивалась нововведениями, касающимися правил парковки и наказания наркоманов. Он рассылал письма в манчестерский «Юнион лидер», «Бостон глоуб» и «Нью-Йорк таймс», где излагал крайне правые взгляды на войну во Вьетнаме, требовал признать наркоманию уголовным преступлением и восстановить смертную казнь — для торговцев героином в первую очередь. Во время избирательной кампании в палату представителей он неоднократно утверждал, что с семидесятого года выступал против войны во Вьетнаме, однако его заявления, опубликованные в прессе, красноречиво свидетельствовали об обратном.

В 1970 году Грег Стилсон открыл собственную компанию. Она занималась недвижимостью и страхованием. Он достиг невероятного успеха. Через три года вместе с тремя другими бизнесменами Грег профинансировал и построил торговый пассаж на окраине Конкорда — столицы штата и центра избирательного округа, который он теперь представлял в конгрессе. В тот год арабы объявили нефтяной бойкот, а Грег пересел на представительский «линкольн-континенталь». В тот же год Стилсон выдвинул свою кандидатуру на пост мэра Риджуэя.

Мэр избирался на два года, а за пару лет до этого, в 1971 году, ему предлагали выдвинуть свою кандидатуру и республиканцы, и демократы этого городка, довольно значительного (население восемь с половиной тысяч человек) по масштабам Нью-Хэмпшира. Тогда Грег вежливо отверг предложение, а в семьдесят третьем в качестве независимого кандидата выступил против весьма популярного республиканца, чьи позиции были ослаблены безоговорочной поддержкой, оказанной им Никсону, и номинального кандидата от демократов. Тогда Грег впервые водрузил на голову строительную каску, ставшую его фирменным знаком. Избирательная кампания Грега проходила под лозунгом «Сделаем наш город лучше!». Он победил с огромным перевесом. В следующем году в соседнем штате Мэн избиратели отвергли и демократа Джорджа Митчелла, и республиканца Джеймса Эрвина и выбрали губернатором обыкновенного страхового агента из Льюистона по имени Джеймс Лонгли.

Грегори Аммас Стилсон сделал нужные выводы.

4

Рядом с вырезками из газет и копиями статей Джонни делал пометки и записывал вопросы, на которые хотел найти ответы. Он столько раз мысленно прокручивал в голове собранные материалы, что теперь мог и не слушать Чанселлора и Бринкли, поскольку отлично знал все, что те скажут.

Во-первых, Грег Стилсон не имел ни одного шанса победить на выборах. Даже теоретически. Его предвыборные обещания годились только для анекдотов. В биографии не нашлось ничего стоящего. Из образования — только школа, а после нее — аж до 1965 года — Стилсон мало чем отличался от обычного «перекати-поля». В стране, где избиратели доверяли законотворчество юристам, Стилсон сталкивался с законодательством совсем по другой причине. Он не был женат. А его частная жизнь вызывала недоуменные вопросы.

Во-вторых, по абсолютно непонятной причине пресса не проявляла к нему никакого интереса. В год выборов журналисты не щадили никого, и даже среди людей, облеченных властью, никто не чувствовал себя в безопасности от жадных до сенсаций репортеров. Именно благодаря прессе конгрессмену-демократу Уилбуру Миллсу пришлось признаться в том, что он имел любовницу. Именно из-за любовницы был вынужден покинуть конгресс влиятельнейший Уэйн Хейз, избравшийся в палату представителей целых четырнадцать раз подряд. И в этом плане Стилсон, казалось, должен был стать настоящей находкой для газетчиков! Однако национальные СМИ лишь одобрительно посмеивались, не удостоивая столь противоречивую личность особым вниманием, а тревогу Стилсон вызывал, похоже, только у Джонни Смита. Телохранители Стилсона всего пару лет назад были байкерами, наводившими ужас на мирных жителей, и на его встречах с избирателями уж больно часто кто-то получал увечья, однако никаких журналистских расследований не проводилось. На митинге в Конкорде, проходившем в том самом торговом пассаже, в строительстве которого принимал участие Стилсон, восьмилетней девочке сломали руку и сместили шейный позвонок. Ее мать кричала в истерике, что девочка пыталась взобраться на подиум, желая взять автограф у кандидата, а ее грубо толкнул вниз один из этих «психов-байкеров». Газета ограничилась короткой заметкой

«Несчастный случай на предвыборном митинге», но она быстро забылась.

Увидев опубликованные Стилсоном сведения о его финансовом положении, Джонни не поверил своим глазам. В 1975 году Грег уплатил одиннадцать тысяч долларов федерального налога на доходы в тридцать шесть тысяч. В Нью-Хэмпшире доходы не облагаются налогом штата, поэтому местные налоги указаны не были. Согласно декларации, источником доходов была фирма по страхованию и недвижимости и символическая зарплата мэра. Ни одного упоминания о весьма прибыльном торговом пассаже в столице штата. Никаких объяснений об источнике средств для приобретения полностью выкупленного дома стоимостью восемьдесят шесть тысяч долларов, где он проживал. В тот год, когда от президента Соединенных Штатов требовали отчета чуть ли не за каждый потраченный на себя цент, удивительная финансовая декларация Стилсона ни у кого не вызвала вопросов.

Как ни странно, деятельность Грега на посту главы муниципалитета оказалась гораздо эффективнее, чем позволяла предположить его предвыборная кампания. Он проявил себя практичным и расчетливым мэром, интуитивно разбиравшимся в тонкостях человеческой психологии и понимавшим пружины, которые приводят в действие политику и бизнес. К несказанной радости городских избирателей, в 1975 году, когда истекал срок полномочий Грега, ему удалось впервые за десять лет закончить финансовый год с положительным сальдо платежного баланса. Стилсон заслуженно гордился тем, как решил проблему парковки, а также «Программой трудовой терапии хиппи», как он ее называл. Риджуэй одним из первых городов Америки учредил Комитет по празднованию двухсотлетия страны. Благодаря компании по изготовлению картотечных шкафов, которые производили в Риджуэе, уровень безработицы в городе во времена экономического спада составил всего 3,2 процента. Короче говоря, по всем направлениям — полный порядок!

Однако за время пребывания Стилсона на посту мэра произошли еще кое-какие события, и они тревожили Джонни.

Ассигнования на городскую библиотеку сократились с одиннадцати с половиной тысяч долларов до восьми, а в последний год правления Стилсона — до шести с половиной. В то же время расходы на муниципальную полицию возросли на сорок процентов. Парк полицейских машин пополнился еще тремя автомобилями, и было закуплено оснащение для борьбы с уличными беспорядками. Штат полицейских увеличился на две единицы, и, по настоянию Стилсона, городской совет одобрил программу пятидесятипроцентной компенсации стоимости оружия, приобретаемого полицейскими в личную собственность. В результате несколько полицейских из этого безмятежно мирного городка Новой Англии приобрели револьверы «Питон-357», которые обессмертил Клинт Иствуд, сыграв детектива Каллагана в фильме «Грязный Гарри». Кроме того, во времена правления Стилсона был закрыт реабилитационный молодежный центр, введен добровольный на словах и принудительный по сути комендантский час для подростков и на треть урезаны социальные программы.

Да, Джонни пугало многое, связанное с Грегом Стилсоном.

Деспотичный отец и безвольная, все позволяющая мать. Политические митинги, больше похожие на рок-концерты. Обращение с толпой, телохранители...

Еще при Синклере Льюисе народ выражал уверенность в том, что Америка не приемлет фашизм, но, видимо, народ ошибся. Правда, был еще и сенатор от Луизианы Хьюи Лонг, но...

Его застрелили.

Джонни закрыл глаза, перед его мысленным взором появился Нго, нажимающий на спусковой крючок. Пиф-паф! Тигр, полосы которого светятся в ночной мгле. Какая страшная картина...

Но сеять зубы дракона нельзя. Иначе окажешься в одной компании с Фрэнком Доддом в

виниловом плаще с капюшоном. Или с Ли Харви Освальдом, убийцей президента Кеннеди, или Сирханом, застрелившим Роберта Кеннеди, или Бреммером, стрелявшим в Джорджа Уоллеса. Психи всего мира, объединяйтесь! Не забывайте делать записи в дневниках и просматривать их ночами, а когда станет совсем невмоготу, закажите по почте винтовку! Джонни Смит, познакомься с Линнет Фромм по прозвищу Пискля, покушавшейся на Джеральда Форда! Рада познакомиться с вами, Джонни, мне очень близко все, что я прочитала в ваших записях. Позвольте представить вам моего духовного наставника — лидера секты «Семья» и серийного убийцу Чарльза Мэнсона. Чарли, это — Джонни. Когда вы покончите со Стилсоном, мы вместе разберемся с остальными свиньями и спасем секвойи от вырубки.

Голова у Джонни шла кругом. Скоро заломит в висках: размышления о Грее Стилсоне всегда заканчивались тяжелой головной болью. Пора ложиться спать, и только бы ничего не приснилось!

Но вопрос оставался открытым и не давал покоя.

Он написал его крупными буквами в одном из блокнотов и обвел несколько раз, словно пытаясь удержать взаперти. Вопрос звучал так: «Если бы ты вернулся на машине времени в 1932 год, то убил бы Гитлера?»

Джонни взглянул на часы. Без четверти час. Наступило 3 ноября, и выборы в год двухсотлетнего юбилея стали частью истории. Хотя в штате Огайо голоса еще не подсчитаны, но Картер опережал соперника. Все уже ясно. Все переживания позади, выборы проиграны одним и выиграны другим, Джерри Форду больше ничего не светило, по крайней мере до 1980 года.

Джонни подошел к окну. Большой особняк был погружен в темноту, но в комнате Нго над гаражом горел свет. Будущий американский гражданин смотрел великий американский ритуал, совершаемый каждые четыре года: одни пройдохи уходят, и на их место приходят другие. Не исключено, что Гордон Старчан, помощник президента Никсона, был не так уж не прав, давая ложные показания Уотергейтскому комитету. Придя к такому выводу, Джонни лег спать, но заснуть удалось не сразу.

И ему приснился смеющийся тигр.

Как и планировалось, Эрб Смит сочетался вторым браком с Шарлин Маккензи 2 января 1977 года. Церемония состоялась в конгрегационной церкви на Саутвест-Бенд. К алтарю невесту вел ее восьмидесятилетний отец, почти слепой. Джонни стоял рядом со своим отцом и в нужный момент передал ему кольца. Все прошло безукоризненно: очень торжественно и трогательно.

На бракосочетание приехали Сара Хазлетт с мужем и сыном. Денни уже выходил из младенческого возраста, и беременная Сара светилась от счастья. Глядя на нее, Джонни почувствовал острый укол ревности, но вскоре неприятное ощущение прошло, и на приеме после церемонии он подошел к ним.

Мужа Сары он видел впервые. Тот оказался высоким и представительным мужчиной с тонкими усиками и ранней сединой. Уолтер, уже сенатор штата Мэн, с удовольствием рассказывал о перипетиях национальных выборов и трудностях работы с независимым губернатором, не обращая внимания на Денни, который тянул его за штанину и просил воды.

Сара говорила мало, но Джонни чувствовал на себе взгляд ее сияющих глаз — от него ему было немного не по себе, но все же он испытывал удовольствие, соединенное с грустью.

Спиртное лилось рекой, и Джонни позволил себе на два бокала больше двух обычных. Наверное, из-за чувств, нахлынувших на него, когда он увидел Сару, а особенно потому, что она приехала со всей семьей. Да и глядя на счастливое лицо Шарлин, Джонни впервые осознал, что Вера Смит окончательно ушла из их жизни. Вскоре после отъезда Хазлеттов он подошел к отцу невесты Гектору Маркстоуну, ощущая в голове приятный шум.

Старик сидел в углу возле остатков свадебного торта, сложив скрюченные артритом пальцы на ручке трости. Одна дужка его темных очков была обмотана черной изоляцией. Рядом стояли две пустые бутылки из-под пива и недопитая третья. Подавшись вперед, Гектор Маркстоун взгляделся в лицо Джонни.

— Ты — сын Эрба?

— Да, сэр.

Снова пристальный взгляд.

— У тебя неважный вид, мальчик.

— Наверное, слишком поздно ложусь.

— Похоже, тебе нужно отвлечься. Найти для себя развлечение.

— А вы участвовали в Первой мировой? — спросил Джонни, увидев на пиджаке старика медали, в том числе французский крест «За боевые заслуги».

— А как же! — оживился Маркстоун. — Служил под началом Джона Першинга по прозвищу Блэк Джек. Американский экспедиционный корпус, 1917 и 1918 годы. Прошли огонь и воду. И грязь топтали, и дерьмо хлебали. Битва в лесу Белло^[15], мой мальчик. Лес Белло! Сейчас это просто название в учебниках истории. А я был там! И видел, как умирают! И грязь топтали, и дерьмо хлебали, и жизни в окопах свои отдавали.

— Шарлин рассказывала, что ваш сын... ее брат...

— Бадди? Да! Сейчас он приходился бы тебе сводным дядькой. Как мы к нему относились? Думаю, любили. Вообще-то его нарекли Джо, но чуть ли не с самого рождения все звали его Бадди. Для матери Шарлин получение той телеграммы о гибели было первым шагом к могиле.

— Его убили на войне?

— Да. В 1944 году, в местечке Сен-Ло. Совсем близко от леса Белло, во всяком случае, по нашим меркам. Его убила нацистская пуля.

— Я работаю над рукописью. — Джонни чувствовал хмельное удовлетворение от того, что так ловко направил разговор в нужное русло. — Надеюсь, удастся продать ее крупному издательству вроде «Атлантик» или «Харперс»...

— Так ты писатель? — Темные очки устали на Джонни.

— Надеюсь стать им. — Джонни уже жалел, что затеял этот разговор. — Да, я писатель и пишу в блокнотах по ночам. Пишу о Гитлере.

— О Гитлере? И что же?

— Ну... представьте... представьте на секунду, что с помощью машины времени вы оказались в 1932 году. В Германии. И случайно встретили Гитлера. Вы убили бы его?

Черные очки приблизились вплотную к лицу Джонни, и тот сразу протрезвел, уже не чувствуя себя ни находчивым, ни умным. Казалось, от ответа старика зависела вся его жизнь.

— Ты шутишь, сынок?

— Нет, не шучу.

Гектор Маркстоун снял одну руку с набалдашника трости и сунул ее в карман брюк. Покопавшись там, он вытащил складной нож. За долгие годы пользования рукоять стала гладкой и, пожелтев, напоминала благородную слоновую кость. Второй рукой он с величайшей осторожностью, характерной для артритиков, открыл одно лезвие. Оно зловеще блеснуло в ярком свете зала приемов. В 1917 году этот нож совершил путешествие во Францию с молодым человеком, который вместе с такими же юнцами отправился в Европу, чтобы не позволить грязным гуннам убивать младенцев и насиловать монахинь, а заодно желая показать французам, как надо воевать. Этих юнцов расстреливали из пулеметов, их косила дизентерия и «испанка», их травили фосгеном и горчичным газом. Эти мальчишки выбрались из леса Белло, оборванные и напуганные до смерти, будто повстречали самого Сатану. И все оказалось напрасным, потому что все повторилось сызнова.

Слышалась музыка, люди смеялись и танцевали, из светильников лился мягкий свет. Но все это существовало где-то в параллельном мире, а для Джонни реальность свелась к обнаженному лезвию и гипнотизирующему блеску сверкающего острия.

— Ты видишь это? — тихо спросил Маркстоун.

— Да, — выдохнул Джонни.

— Я вонзил бы его в спину, прямо в черное лживое сердце. Я вонзил бы его как можно глубже... а потом еще и повернул. — Он показал как: сначала по часовой стрелке, а потом против нее. Улыбнувшись, Маркстоун обнажил гладкие, как у младенца, десны с одним желтым зубом. — Но прежде я смазал бы лезвие крысиным ядом.

2

— Убить Гитлера? — переспросил Роджер Четсворт, выпуская клубы пара. Они гуляли по заснеженному лесу за даремским особняком. Было удивительно тихо, и, хотя уже наступил март, морозная погода напоминала разгар января.

— Да.

— Интересный вопрос, — задумчиво произнес Роджер. — Беспредметный, но любопытный. Нет. Я не стал бы убивать его. Думаю, скорее, вступил бы в партию и стал бы действовать изнутри. Добился бы его исключения или подставил, понятно, зная наперед, чем все обернется.

Джонни вспомнил о дубинках из бильярдных киев и ярко-зеленых глазах Санни Эллимана.

— Не исключено, что вас прикончили бы самого! — заметил он. — В 1933-м те парни не только распевали песни в пивных.

— Что верно, то верно. — Роджер взглянул на Джонни. — А как поступили бы вы?

— Не знаю.

Роджер сменил тему:

— А как медовый месяц вашего отца с новой женой?

Джонни усмехнулся. Как раз в это время в Майами-Бич, куда они отправились, работники гостиниц объявили забастовку со всеми вытекающими из этого обстоятельствами.

— По словам Шарлин, она чувствовала себя как дома, разбирая и убирая постель. А отец ворчал, что в марте загорают только бездельники и пижоны. Но мне кажется, что они оба довольны.

— И они продали свои дома?

— Да, причем оба в один день. И выручили за них почти столько, сколько собирались. Не будь этих чертовых больничных счетов, которые висят надо мной как дамоклов меч, все было бы просто чудесно.

— Джонни...

— Да?

— Нет, ничего. Давайте двигаться к дому. Если не возражаете, угощу вас виски: у меня есть «Чивас ригал» двенадцатилетней выдержки.

— Не возражаю.

З

Теперь они читали роман Томаса Харди «Джуд Незаметный», и Джонни удивлялся тому, как быстро и легко давалась Чаку эта книга (правда, первые сорок страниц тот одолел с трудом, не переставая жаловаться). А сейчас Чак читал даже по ночам, желая поскорее узнать, что произойдет дальше, и собирался после «Джуда» почитать еще какую-нибудь книгу Харди. Впервые в жизни чтение доставляло ему удовольствие. И как юноша, познавший радости секса благодаря опытной женщине, он купался теперь в наслаждении.

Но сейчас книга лежала у него на коленях обложкой вверх. Они снова сидели у бассейна, правда, воды в нем еще не было, и оба — в легких куртках. По небу плыли белые облака. В воздухе стоял пряный, таинственный запах, предвещавший скорую весну. На календаре было 16 апреля.

— В вопросе есть подвох? — спросил Чак.

— Нет.

— А меня поймают?

— Что? — Об этом его еще никто не спрашивал.

— Если я убью его, меня поймают? И повесят на фонарном столбе, чтобы полюбоваться, как я дрыгаю ножками?

— Не знаю. Да, наверное, поймают.

— И я не вернусь на машине времени в спасенный мир? В чудесный 1977 год?

— Думаю, нет.

— А это и не важно. Я бы все равно убил его!

— Вот так — взял бы и убил?

— Ну да! — Чак улыбнулся. — Я вставил бы себе в пломбу какой-нибудь мгновенно убивающий яд, или вшил в воротник рубашки лезвие бритвы, или что-то еще, лишь бы они не измывались надо мной, если схватят. Но я бы точно убил его. Потому что иначе меня до конца

жизни преследовали бы призраки миллионов загубленных им душ.

— До конца жизни, — повторил Джонни, и его голос дрогнул.

— Джонни, с тобой все в порядке?

Тот заставил себя улыбнуться:

— Все нормально. Просто сердце вдруг защемило.

Чак вернулся к чтению Харди, а по небу все так же плыли белые кучевые облака.

4

Наступил май.

В воздухе пахло свежескошенной травой, что предвещало пыль, к этому присоединился аромат жимолости и роз. В Новой Англии благодатная пора весны длится не больше недели, а потом диск-жокеи достают старые хиты «Бич Бойз», тишину окрестностей нарушает рев мотоциклов, и лето жаркой волной вступает в свои права.

В один из последних вечеров неповторимой недели весны Джонни сидел в гостевом домике, вглядываясь в мягкую ночную мглу. Чак отправился на школьный бал со своей новой подружкой, которая оказалась гораздо начитаннее всех предыдущих. Чак доверительно — как мужчина мужчине — сообщил Джонни, что «она дружит с книгами».

Нго тоже не было. В конце марта он получил гражданство и в апреле предложил свои услуги одному курортному отелю в Северной Каролине. Три недели назад Нго отправился туда на собеседование, и его сразу же взяли на должность главного садовника. Перед отъездом он зашел попрощаться с Джонни.

— Мне кажется, вы слишком беспокоитесь о тиграх, которых на самом деле нет, — сказал Нго. — Из-за полосок на шкуре тигр сливается с зарослями, и беспокойным людям они мерещатся повсюду.

— Но тигр существует! — возразил Джонни.

— Да, где-то он точно есть. А вы изводите себя здесь и сейчас.

Джонни поднялся, подошел к холодильнику и, налив себе пепси, вышел на веранду. Он сел и, потягивая напиток, размышлял о том, как повезло людям, что путешествие во времени невозможно. Взошла луна — оранжевый диск над кронами деревьев, — и на водной глади бассейна появилась кровавая дорожка. Послышались тяжелые всплески и кваканье первых лягушек. Джонни вернулся в дом и плеснул себе в пепси изрядную порцию рома «Ронрико», после чего снова устроился на веранде и стал наблюдать, как луна медленно поднимается по небу, постепенно превращаясь из оранжевой в таинственно-серебряную.

23 июня 1977 года Чак Четсворт окончил школу с сорок третьим результатом по успеваемости среди всех выпускников этого года. Джонни, облаченный в парадный костюм, сидел в душном зале вместе с Роджером и Шелли, наблюдая за церемонией выпуска. Шелли не могла сдержать слез.

Потом в саду особняка Четсвортов состоялось празднование. День выдался жарким и влажным. На западе грозовые тучи, зловеще наливаясь свинцом, маячили на горизонте, но, похоже, не приближались. Чак, раскрасневшийся после трех коктейлей из водки с апельсиновым соком, подошел к Джонни со своей подружкой Пэтти Строн и показал ему подарок родителей по случаю окончания школы — наручные электронные часы.

— Вообще-то я просил астромеханического дроида, как в «Звездных войнах», но у них вышло только это, — сообщил Чак.

Они еще немного поболтали, а потом Чак сказал:

— Я хочу поблагодарить тебя, Джонни. Если бы не ты, я вообще остался бы без аттестата.

— Неправда! — Джонни встревожился, опасаясь, что Чак вот-вот разрыдается. — Мозги не спрячешь.

— И я говорю ему то же самое, — поддержала его Пэтти. Было видно, что за очками скрывалась спокойная и изысканная красота.

— Может, и так, — промолвил Чак, — не буду спорить. Но я знаю, кому обязан своим аттестатом. Огромное спасибо, Джонни! — Он заключил Джонни в объятия.

И вдруг Джонни пронзило видение — настолько яркое, что он отпрянул и схватился за голову, будто Чак не обнял, а ударил его.

— Нет! — воскликнул он. — *Ни за что!* Вы оба не должны туда ехать!

Чак неловко отстранился, почувствовав *что-то* холодное, темное и зловещее. Ему расхотелось прикасаться к Джонни. Он вдруг понял, что чувствует человек, лежа в гробу и слыша, как в крышку заколачивают гвозди.

— Джонни! — Голос Чака дрогнул. — Что... что...

Роджер, направлявшийся к ним с напитками в руках, остановился. Джонни смотрел через плечо Чака на тучи, которые заволокли горизонт. Его взгляд был отсутствующим, а глаза подернула дымка.

— Туда нельзя ехать! — повторил он. — Там нет громоотводов.

— Джонни... — Чак испуганно посмотрел на отца. — Похоже, у него... припадок или что-то вроде этого.

— Молния! — звучным голосом возвестил Джонни, и на него стали оборачиваться. Он простер руки. — Пожар от вспышки. Стены вспыхнут. Двери... заблокированы. Люди стогрят заживо. Кругом запах жареного мяса.

— Что он несет?! — закричала Пэтти, и все замолчали, застыв с тарелками и бокалами в руках и глядя на Джонни.

Роджер выступил вперед.

— Джон! Джонни! Что случилось? Очнись! — Он щелкнул пальцами перед невидящим взором Джонни. На западе послышались глухие раскаты грома, будто великаны что-то не поделили между собой. — В чем дело?

Голос Джонни звучал отчетливо и громко. Его хорошо слышали все собравшиеся:

бизнесмены, преподаватели, их жены — пятьдесят с лишним человек, представлявших элиту Дарема.

— Не пускайте сегодня сына никуда из дома, иначе он сгорит вместе с другими. Там будет пожар, ужасный пожар. Не пускайте его в «Кэти». Туда ударит молния, и все сгорит еще до приезда пожарных. Изоляция не выдержит. У дверей найдут множество обугленных тел, опознать которые удастся только по зубам. Это... это...

Пэтти Строн пронзительно вскрикнула и, выронив пластиковый стаканчик, закрыла рот ладонью. Кубики льда рассыпались по траве и засверкали, как бриллианты. Какое-то мгновение Пэтти в шикарном вечернем платье пастельных тонов еще постояла, а потом, пошатнувшись, осела на землю и лишилась чувств. К ней бросилась мать, крича Джонни:

— Да что с вами? Что вы себе позволяете?!

В лице Чака не было ни кровинки, и он не спускал глаз с Джонни.

Взгляд Джонни прояснился. Он огляделся и заметил, что все с недоумением смотрят на него.

— Прощу меня извинить, — пробормотал он.

Мать Пэтти стояла возле дочери на коленях и, приподняв ей голову, легким похлопыванием по щекам пыталась привести ее в чувство. Девушка пошевелилась и застонала.

— Джонни! — воскликнул Чак и, не дожидаясь ответа, направился к девушке.

На лужайке перед домом воцарилась мертвая тишина. Все смотрели на Джонни, потому что это случилось снова. Они разглядывали его, как медсестры в больнице. И журналисты. Как глазуют вороны, сидящие на проводах. Все стояли, держа бокалы с вином и тарелки с салатом, и таращились на него, как на странную аномалию. Будто он вдруг расстегнул брюки и продемонстрировал то, что принято скрывать.

Его затошнило. Захотелось убежать и спрятаться ото всех так, чтобы никого не видеть.

— Джонни! — Роджер обнял его за плечи. — Пойдемте в дом. Вам лучше прилечь...

Издали слышались раскаты грома.

— Что такое «Кэти»? — хрипло спросил Джонни, не позволяя увести себя. — Это не частный дом, потому что там есть таблички с надписью «Выход». Что это? И где?

— Неужели вы не можете увести его отсюда? — закричала мать Пэтти. — Он снова пугает ее!

— Пойдемте, Джонни.

— Но...

— Пойдемте!

Джонни увели в гостевой домик. В наступившей тишине гулко разносились звуки шагов на гравиевой дорожке. Едва он скрылся из виду, как собравшиеся загудели, взволнованно обсуждая случившееся.

— Где находится «Кэти»? — снова спросил Джонни.

— Удивительно, что вы спрашиваете об этом. Все остальное, похоже, вам известно в деталях. Бедная Пэтти Строн так перепугалась, что упала в обморок.

— Это в мертвой зоне, поэтому я не вижу. Так что такое «Кэти»?

— Давайте сначала зайдем в дом.

— Я не болен!

— Но явно перенервничали.

Роджер говорил мягко и ласково, как с душевнобольным. Джонни стало страшно, и в висках застучала кровь, предсказывая надвигающуюся боль. Усилием воли Джонни заставил ее отступить.

Они поднялись по ступенькам в гостевой домик.

— Вам легче? — спросил Роджер.

— Что такое «Кэти»?

— Это очень модный ресторан в Сомерсворте. В нем традиционно устраиваются выпускные балы. Бог знает почему. Не хотите таблетку аспирина?

— Нет. Не пускайте его туда, Роджер. Туда ударит молния, и начнется пожар. Там все сгорит дотла!

— Джонни, — заметил Роджер Четсворт, — вы просто не можете этого знать.

Сделав маленький глоток воды со льдом, Джонни поставил стакан — его рука дрожала.

— Вы сказали, что навели обо мне справки. Я полагал...

— Да, это правда. Но вы делаете неправильный вывод. Я знал, что вас считают ясновидящим, медиумом или кем там еще, но мне нужен был не медиум, а репетитор. И вы отлично справились со своей работой. Что до меня, то я не вижу особой разницы между хорошими экстрасенсами и плохими, потому что не верю в это. Не верю, и все!

— Выходит, я — лжец?

— Вовсе нет, — возразил Роджер все тем же мягким и тихим голосом. — У меня на фабрике в Сассексе есть один бригадир, который ни за что на свете не станет прикуривать третьим от одной спички, но от этого его профессионализм не страдает. У меня есть очень верующие друзья, и хотя я сам в церковь не хожу, мы все равно дружим. Ваша убежденность, что вы способны заглянуть в будущее или увидеть что-то на расстоянии, не повлияла на мое решение нанять вас... Точнее сказать, перестала иметь значение, как только я решил, что это не помешает вам добиться успеха с Чаком. Я оказался прав. Но я не верю, что Чак сгорит сегодня ночью, как не верю и в то, что луна на небе — это сырнй круг.

— Выходит, я не мошенник, а сумасшедший, — сказал Джонни, понимая, что замечание его неуместно. В своих письмах Роджер Дюссо и ему подобные утверждали, что Джонни — шарлатан, но Четсворт расценил его поведение как проявление комплекса Жанны д'Арк, то есть комплекса самопожертвования.

— Тоже нет, — возразил Роджер. — Вы — молодой человек, переживший ужасную аварию. Вы выкарабкались и вернулись к жизни вопреки всем прогнозам, заплатив, судя по всему, ужасную цену. Я не люблю распространяться на подобные темы, Джонни, но если кто-то из оставшихся на лужайке, включая мать Пэтти, позволит себе сделать скоропалительные выводы, им недвусмысленно объяснят, что лучше помалкивать о том, в чем ничего не смыслишь.

— «Кэти»... — пробормотал Джонни. — Откуда же я узнал это название? И то, что это не частный дом?

— От Чака. На этой неделе он часто говорил о предстоящей вечеринке.

— Но не со мной.

Роджер пожал плечами:

— Может, он сказал что-то Шелли или мне, а вы были недалеко и услышали. Это отложилось в подсознании. А потом в нужный момент всплыло...

— Верно. Все, что не укладывается в рамки нашего понимания мироустройства, тут же списывается на подсознание, не так ли? Бог двадцатого века! Сколько раз вы сами, Роджер, поступали вопреки голосу разума и здравого смысла?

В глазах Роджера что-то промелькнуло, а может, Джонни так показалось.

— Вы связали воедино молнию с надвигающейся грозой, — пояснил он. — Неужели сами этого не видите? Это же так про...

— Послушайте! Я повторю медленно. В это здание ударит молния, и оно сгорит. *Оставьте*

Чака дома!

О Господи, головная боль возвращалась. Подкрадывалась, как тигр. Джонни поднес руку ко лбу и потер его.

— Джонни, вы слишком близко принимаете это к сердцу.

— Оставьте его дома!

— Я не могу принимать решения за Чака. Он свободный человек, белый, и ему исполнилось восемнадцать.

В дверь постучали.

— Джонни?

— Входи, — сказал Джонни, и в комнату вошел встревоженный Чак.

— Как ты? — спросил он.

— Со мной все в порядке. Голова разболелась, но это ерунда. Чак... пожалуйста, не ходи туда сегодня вечером. Прошу тебя как друга. И не важно, одного ты мнения с отцом или нет. Послушайся меня. Пожалуйста!

— Никаких проблем, приятель! — радостно воскликнул Чак, опустившись на диван и поддев ногой маленькую скамейку. — Пэтти не затащишь туда никакими коврижками. Ты здорово ее напугал!

— Жаль, что так вышло. — Джонни с облегчением вздохнул. — Мне жаль, и вместе с тем я ужасно рад.

— У тебя было видение, да? — Чак посмотрел на Джонни. — Я почувствовал это. Неприятное ощущение.

— Да, иногда люди чувствуют это. Насколько я могу судить, довольно мерзкое ощущение.

— Я не хотел бы испытать его вновь, — подтвердил Чак. — Но послушай... Это место ведь не сгорит на самом деле?

— Сгорит, так что держись от него подальше.

— Но... — Чак взволнованно посмотрел на отца. — Ресторан целиком снят для выпускного вечера, и там соберутся все выпускники. Школа только «за». Это намного безопаснее, чем двадцать — тридцать вечеринок в разных местах и пьянок на проселочных дорогах. Там соберется... Там будет не меньше двухсот пар! Пап...

— Боюсь, он не верит в это, — заметил Джонни.

Роджер поднялся.

— Давайте прокатимся до Сомерсворта и поговорим с управляющим. Все равно наша вечеринка не задалась. И если потом вы оба не возражаете, пригласим всех сюда.

Он посмотрел на Джонни.

— При том условии, конечно, что вы не будете пить и сможете следить за порядком.

— С удовольствием, — согласился Джонни. — Но зачем все это, если вы не верите?

— Ради вашего спокойствия, — ответил Роджер, — и ради спокойствия Чака. Но если сегодня ночью ничего не случится, я напомню вам об этом и от души посмеюсь.

— Что ж, спасибо и на том. — Теперь, когда напряжение спало, Джонни была сильная дрожь, но головная боль притупилась, давая знать о себе лишь глухими ударами в висках.

— Скажу вам без обвиняков, чтобы не было ненужных иллюзий. — Роджер покачал головой. — Я даже теоретически не в силах представить, чтобы владелец ресторана отказался от проведения банкета, поверив вам на слово, Джонни. Да этот банкет — чуть ли не самый лакомый заказ года!

— Мы что-нибудь придумаем... — предложил Чак.

— Например?

— Ну... скажем ему... в общем, сочиним какую-нибудь историю...

— То есть наврем? Нет, я на это не пойду, даже не проси, Чак.

— Ладно, — кивнул Чак.

— Нам лучше поторопиться, — заметил Роджер. — Уже без четверти пять. В Сомерсворт поедem на «мерседесе».

3

В пять сорок, войдя в ресторан, они увидели Брюса Кэррика, его владельца и управляющего, за барной стойкой. Джонни прочитал на дверях объявление: «С 19.00 ресторан закрыт для банкета. Ждем вас завтра». У него сжалось сердце.

Нельзя сказать, что в баре у Кэррика было много работы. Несколько рабочих пили пиво и смотрели выпуск новостей, да три пары потягивали коктейли. Брюс выслушал Джонни, не скрывая изумления и со скептическим видом.

— Как, вы сказали, вас зовут? Смит? — уточнил он.

— Да.

— Мистер Смит, давайте отойдем к окну.

Он подвел Джонни к окну в вестибюле возле гардероба.

— Посмотрите в окно, мистер Смит, и скажите, что вы видите.

Джонни выглянул, хотя и знал, что увидит: на запад уходило шоссе, подсыхавшее после недавнего мелкого дождика. Небо расчистилось, и грозowych туч на нем не было.

— Сейчас ничего, но...

— Никаких «но»! — оборвал его Брюс Кэррик. — Знаете, что я думаю? Если честно? Я думаю, что у вас проблемы с головой. Почему вы выбрали меня для своих фантазий, я не знаю и не хочу знать. Но если вы не очень торопитесь, я скажу вам пару слов. За эту вечеринку выпускники заплатили мне шестьсот пятьдесят долларов. Они наняли отличную рок-группу из Мэна. Еда уже в морозилке и ждет, когда ее разогреют в микроволновке. Салаты тоже готовы и охлаждаются. Спиртное оплачивается отдельно, но большинство выпускников уже старше восемнадцати и могут пить что хотят... А сегодня они точно не станут себя ограничивать, и их трудно осудить, потому что школу заканчиваешь раз в жизни. Думаю, сегодня за выпивку я легко выручу пару тысяч долларов. Я нанял еще двух барменов, обслуживать гостей будут шесть официанток и метрдотель. Если я отменю заказ, то потеряю весь вечер, да еще придется вернуть шесть с половиной сотен, полученных мной за еду. У меня не будет даже обычных посетителей, потому что объявление висит здесь целую неделю. Вам все ясно?

— У вас тут установлены громоотводы? — поинтересовался Джонни.

Кэррик всплеснул руками.

— Я рассказываю ему, что к чему, а он талдычит о громоотводах! Да, у меня установлены громоотводы! Лет пять назад сюда заезжал парень, который наговорил с три короба о том, что я сэкономлю на страховке, если установлю громоотводы. Я купился на его слова и установил! Довольны? Господи Боже! — Он перевел взгляд на Роджера и Чака. — А вы куда смотрите? И почему не держите этого психа взаперти? Вам лучше уйти! У меня много работы.

— Джонни... — начал Чак.

— Оставь, — вмешался Роджер. — Пошли. Спасибо, что уделите нам время, мистер Кэррик. Благодарим за радушие и понимание.

— Не стоит благодарности. Что за люди?! — С этими словами Кэррик вернулся в бар.

Они вышли на улицу. Чак с сомнением взглянул на безоблачное небо, а Джонни, опустив глаза, направился к машине, чувствуя себя раздавленным и униженным. В висках стучала боль. Роджер остановился и, сунув руки в карманы, разглядывал длинную пологую крышу.

— Куда ты смотришь, пап? — спросил Чак.

— Здесь нет никаких громоотводов, — задумчиво произнес Роджер Четсворт. — Никаких!

Они устроились в гостиной особняка, и Чак, взяв трубку телефона, нерешительно посмотрел на отца.

— Вряд ли кто-то захочет менять свои планы в последнюю минуту, — сказал он.

— Планы у всех одни — отпраздновать событие на стороне, — возразил Роджер. — Они с таким же успехом могут сделать это здесь.

Чак, пожав плечами, начал набирать номер.

В конце концов примерно половина пар, которые собирались отпраздновать окончание школы в «Кэти», решили поехать к Четсвортам, что стало для Джонни полной неожиданностью и приятно удивило его. Наверное, часть приехала сюда, решив, что у Четсвортов будет интереснее, да и выпивку давали бесплатно. К тому же «сарафанное радио» разносило новости очень быстро, а родители многих выпускников были на приеме у Четсвортов. В результате Джонни весь вечер чувствовал себя экспонатом витрины, которую все с любопытством разглядывали. Роджер с непроницаемым лицом устроился в углу на табурете и пил мартини с водкой.

Без четверти восемь он пересек огромный зал, занимавший три четверти первого этажа, наклонился к уху Джонни и, перекрывая рев колонок, разносивших по округе песню Элтона Джона, прокричал:

— Может, поднимемся наверх и сыграем партию в криббидж?

Джонни благодарно кивнул.

Шелли писала письма на кухне. Когда они вошли, она подняла глаза и улыбнулась:

— А я уж решила, что вы как настоящие мазохисты проторчите там всю ночь. По правде говоря, вы там не нужны.

— Мне жаль, что так получилось, — сказал Джонни. — Я понимаю, это кажется безумием.

— Не стану кривить душой и объективности ради соглашусь с этим, — улыбнулась Шелли. — Но я не возражаю против того, что у нас собрались ребята, и даже рада этому.

Роджер пошел в гостиную искать доску для криббиджа. Вдалеке послышались раскаты грома. Джонни обернулся. Шелли заметила это и снова улыбнулась:

— Пройдет стороной. Немного погремит и чуть покапает.

— Наверное.

Шелли подписала письмо, вложила в конверт, запечатала и наклеила марку.

— Вы действительно что-то почувствовали, Джонни? — спросила она.

— Да.

— Вы просто отключились на мгновение. Наверное, из-за неправильного питания. Посмотрите, какой вы худой, Джонни. Это могла быть галлюцинация, верно?

— Едва ли.

Вдалеке снова послышались раскаты грома.

— Но я очень рада, что Чак дома. Я не верю в астрологию, хиромантию, ясновидение и все такое... но я рада, что он дома. Он — наш единственный ребенок... Вы наверняка думаете, что ребенком его вряд ли кто-то сейчас назовет, но я хорошо помню Чака в коротких штанишках на карусели в городском парке. Отлично помню. И так приятно быть рядом, когда он прощается с детством.

— Чудесно, что вы так думаете.

Слова Шелли так тронули Джонни, что на глаза навернулись слезы. В последние шесть-семь месяцев ему было трудно сдерживать эмоции.

— Вы очень помогли Чаку. Я говорю не только о чтении, а вообще...

— Я привязался к нему.

— Да, я знаю.

Роджер вернулся с доской для криббиджа и транзисторным приемником, настроенным на местную радиостанцию. Передавали классическую музыку.

— Небольшое противоядие от Элтона Джона, «Аэросмит», «Фогхэт» и иже с ними, — сказал он. — По доллару за партию, Джонни?

— Годится.

Роджер сел, потирая руки.

— Домой вы вернетесь нищим, Джонни.

5

За криббиджем время летело быстро. Между партиями один из них спускался вниз, чтобы удостовериться, не устроены ли пляски на бильярдном столе и не уединилась ли какая-нибудь парочка в укромное место, где никто не мешает предаться любви.

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы этой ночью никто в моем доме не забеременел! — рассмеялся Роджер.

Шелли отправилась в гостиную с книгой. Каждый час музыка прерывалась на выпуск новостей, и Джонни отвлекался и слушал. Но о «Кэти» в Сомерсворте ничего не сообщалось ни в восемь, ни в девять, ни в десять.

Прослушав десятичасовые новости, Роджер осведомился:

— Не пора ли вам подкорректировать ваше предсказание, Джонни?

— Нет!

Бюро прогноза погоды обещало отдельные грозы, которые должны прекратиться к полуночи.

От характерного уханья баса «Гарри Кейси и Саншайн Бэнд» пол под ногами подрагивал.

— Становится шумно, — заметил Джонни.

— Да пусть их! — махнул рукой Роджер. — Они уже здорово напились. Спайдер Пармело отключился и валяется в углу, а на него водрузили поднос с пивом. Представляю, как с утра у них будет трещать голова. Помню, на моем выпускном вечере...

— Мы прерываем передачу для срочного сообщения службы новостей, — сказал диктор по радио.

Джонни, тасовавший колоду, выронил карты.

— Спокойнее, наверное, что-то новое о похищении во Флориде...

— Не думаю, — возразил Джонни.

Диктор продолжал:

— Судя по всему, самый крупный за всю историю Нью-Хэмпшира пожар в пограничном городке Сомерсворт уже унес жизни почти восьмидесяти молодых людей. Пожар произошел в ресторанном комплексе «Кэти» в самый разгар вечеринки, на которой выпускники отмечали окончание школы. По словам начальника пожарной службы Сомерсворта, нет никаких оснований подозревать поджог: скорее всего пожар вызван ударом молнии.

Белый как мел Роджер Четсворт застыл на стуле, уставившись в какую-то точку поверх головы Джонни. Снизу доносились обрывки разговоров и смех, сквозь которые прорывалась песня Брюса Спрингстина.

В комнату вошла Шелли. Бросив взгляд на мужа и на Джонни, она спросила:

— Что случилось?

— Тихо! — крикнул Роджер.

— ...огонь еще бушует, и, по словам Хоуви, окончательное число погибших будет известно не раньше утра. Более тридцати человек, в основном выпускников Даремской старшей школы, отправили в больницы окрестных городов для оказания им помощи. Около сорока человек — тоже выпускников школы — сумели выбраться через маленькие окна туалетов в вестибюле, но остальные, похоже, оказались в западне, устроив давку возле дверей...

— Это — «Кэти»?! — взвизгнула Шелли Четсворт. — Тот ресторан?

— Тот самый, — подтвердил Роджер с пугающим спокойствием.

Крик Шелли услышали внизу, и в наступившей тишине послышался топот ног на лестнице. Дверь на кухню распахнулась. Вбежал Чак, ища глазами мать.

— Мам? Что случилось?

— Похоже, мы обязаны вам жизнью сына, — произнес Роджер тем же бесстрастным тоном. Джонни никогда не видел такой смертельной бледности. Роджер походил на ожившую восковую фигуру.

— Он сгорел? — опешил Чак. За ним сгрудились другие ребята и испуганно зашептались. — Как он мог сгореть?

Никто не ответил, и вдруг где-то за спиной Чака раздался истерический крик Пэтти Строн:

— Это он во всем виноват! Это все из-за него! Это он вызвал пожар своими мыслями. Совсем как в книге «Кэрри». Убийца! Убийца! Ты...

— Молчать! — взревел Роджер, повернувшись к ней.

Пэтти разрыдалась.

— Он сгорел? — повторил Чак, будто спрашивая себя, правильно ли он все понял.

— Роджер? — прошептала Шелли. — Родж? Милый!

С лестницы и из зала внизу слышались невнятные голоса, похожие на шелест листьев. Музыка выключили. Голоса стали громче.

А Майк отправился туда? И Шеннон тоже? Уверена? Да, я уже собиралась уходить сама, когда позвонил Чак. Мама была здесь, когда этот парень выкинул номер, и сказала, что ей стало так жутко, что она просила меня пойти сюда. А Кейси там был? А Морин Онтелло? Господи, неужели? А..

Роджер медленно поднялся и огляделся.

— Предлагаю посадить за руль самых трезвых и всем отправиться в больницу. Наверняка понадобится кровь для переливания.

Джонни сидел не двигаясь. Ему казалось, будто он никогда уже больше не сможет пошевелиться.

С улицы донеслись раскаты грома. Едва они стихли, как в ушах явственно зазвучали слова умирающей матери.

...Выполни свой долг, Джонни...

12 августа 1977 г.

Дорогой Джонни!

Разыскать вас оказалось вовсе не так сложно: иногда мне кажется, что, имея деньги, в Америке можно отыскать кого угодно, а денег у меня достаточно. Возможно, вам не понравится прямота, с которой я об этом пишу, но мы все — и Чак, и Шелли, и я — обязаны вам слишком многим, чтобы ходить вокруг да около. Деньги могут купить многое, но ими нельзя откупиться от молнии. В одном мужском туалете при входе в зал нашли двенадцать тел. Огонь туда не добрался, но окно оказалось заколоченным, и все ребята задохнулись. Мне никак не удастся не думать об этом, потому что одним из них мог запросто оказаться Чак. Вот почему я решил «выследить» вас, как вы сами выразились в письме. И по той же причине я не могу оставить вас в покое, как вы просите. По крайней мере пока не получу сообщение, что направленный мной чек вами получен и погашен.

Вы наверняка заметите, что сумма в нем значительно меньше той, что была на чеке, который вы вернули месяц назад. Я связался с бухгалтерией больницы «Истерн-Мэн» и полностью погасил вашу задолженность за лечение. Так что в этом отношении вы теперь абсолютно свободный человек, Джонни. Это было в моих силах, и я это сделал, причем, добавлю, — с огромным удовольствием.

Вы пишете, что не можете принять деньги. А я говорю, что не только можете, но и должны. Должны! Я разыскал вас в Форт-Лодердейле на восточном побережье Флориды, а если вы оттуда уедете, то разыщу и в другом месте, даже если решите скрыться в Непале. Можете считать меня надоедливой мухой, которая никак не отвяжется, но я напоминаю себе скорее «Гончую небес» из поэмы Фрэнсиса Томпсона. Я не хочу выслеживать вас, Джонни. Помню, как вы тогда просили меня не приносить в жертву сына. А я едва не сделал этого. А как с остальными? Восемьдесят один человек погиб, еще тридцать обожжены и искалечены. Я помню, как Чак предложил сочинить какую-нибудь историю, а я с апломбом праведного глупца заявил: «Нет, я не пойду на это, даже не проси». Я мог не допустить этого, и это не дает мне покоя. Я мог заплатить этому мяснику Кэррику три тысячи долларов и добиться, чтобы он аннулировал заказ на проведение банкета. Выходило бы по тридцать семь долларов за жизнь. Поэтому поверьте: желание не преследовать вас искреннее — мне вполне хватает себя самого. И я наверняка не найду покоя еще много-много лет. Я плачу за свое неверие в существовании того, что выходит за рамки моих пяти чувств. И пожалуйста, не думайте, что оплата ваших больничных счетов и этот чек — попытка обмануть свою совесть. От молнии нельзя откупиться, как и от ночных кошмаров. Примите эти деньги ради Чака, хотя он об этом понятия не имеет.

Возьмите чек, и я оставляю вас в покое. Другого предложить не могу. Если хотите, пошлите их в ЮНИСЕФ, передайте приюту бездомных собак или проиграйте на скачках. Мне все равно. Но только не отказывайтесь.

Мне жаль, что вы решили уехать так быстро, но я понимаю вас. Мы все надеемся на скорую встречу. Чак уезжает в Стюарттонскую школу 4 сентября.

Джонни, возьмите чек. Пожалуйста!

С наилучшими пожеланиями,

Роджер Четсворт.

1 сентября 1977 г.

Дорогой Джонни!

Неужели вы не поняли, что я не отступлюсь? Пожалуйста, возьмите чек!

С уважением,

Роджер.

10 сентября 1977 г.

Дорогой Джонни!

Мы с Шарлин очень обрадовались, узнав, где ты есть, и было так приятно получить письмо, написанное прежним Джонни. Но одна вещь в нем меня сильно встревожила, сынок. Я позвонил Сэму Вейзаку и прочитал ему тот отрывок, где ты жалуешься на участившиеся головные боли. Он настоятельно рекомендует немедленно показаться врачу. Он опасается, что вокруг старого шрама могло образоваться опасное уплотнение. Это беспокоит и меня, и Сэма. После комы у тебя постоянно был нездоровый вид, а в начале июня, когда я видел тебя в последний раз, ты выглядел очень усталым. Хотя Сэм и не произнес это вслух, но я знаю, чего он хочет: чтобы ты сел на первый самолет из Финикса, прилетел домой и позволил ему осмотреть тебя. Уж теперь-то деньги у тебя есть!

Роджер Четсворт звонил мне два раза, и я сообщил что мог. Мне кажется, он искренен, когда говорит, что эти деньги не для успокоения совести и не награда за жизнь сына. Думаю, твоя мать сказала бы, что этот человек кается единственным известным ему способом. Как бы то ни было, ты взял деньги, и, надеюсь, вовсе не потому, что «хотел от него отвязаться», как написал. Полагаю, ты никогда и ничего не сделаешь по такой причине — просто в силу своего характера.

Мне трудно об этом говорить, но все же постараюсь. Пожалуйста, Джонни, возвращайся домой. Шумиха вокруг твоего имени уже улеглась, хотя ты наверняка скажешь, что после такого она никогда не уляжется. Отчасти это так, но лишь отчасти. Когда мы разговаривали по телефону, мистер Четсворт просил втолковать тебе, что из всех ясновидящих только Нострадамусу удалось сохранить к себе интерес, а все остальные оказались «калифами на час». Я очень переживаю за тебя, сынок. Меня огорчает, что ты казнишь себя за смерть погибших, а не радуешься, что сумел спасти других, тех, кто оказался в тот вечер в доме Четсвортов. Я переживаю и скучаю. «Скучаю как проклятый», как выразилась бы твоя бабушка. Поэтому не тяни и возвращайся поскорее домой.

Папа.

P.S. Посылаю газетные вырезки о пожаре, где говорится и о тебе. Их собрала Шарлин. Ты сам увидишь, что не зря опасался «откровений» в прессе всех, кто был тогда на приеме у Четсвортов. Если эти заметки расстроят тебя, просто выкинь их, но Чарли надеется, что ты сам убедишься: все не так плохо, как тебе представляется. Я очень на это рассчитываю.

Папа.

29 сентября 1977 г.

Дорогой Джонни!

Твой адрес мне дал отец. Как там Великая американская пустыня? Попадают ли краснокожие (ха-ха)? Я сейчас в Стюарттонской подготовительной школе. Ничего сложного. Аудиторных занятий всего шестнадцать часов в неделю. Мой любимый предмет — продвинутый курс химии, хотя по сравнению с тем, что давали в Дареме, — это суцце пустяки. Мне всегда казалось, что наш старый преп «Бесстрашный» Фарнхэм с большим удовольствием изготовил бы какую-нибудь адскую смесь, чтобы весь мир взлетел на воздух. По литературе в первый месяц мы читаем три произведения Джерома Сэлинджера: «Над пропастью во ржи», «Фрэнни и Зуи» и «Выше стропила, плотники». Мне нравится. Учитель сказал, что он по-прежнему живет в Нью-Хэмпшире, только больше не пишет. Этого я не понимаю. Зачем бросать, если все так классно? Ну да ладно. Местная футбольная команда — полный отстой, но мне начинает нравиться европейский футбол. Тренер говорит, что для европейского футбола нужны мозги, а в американский играют одни дебилы. Пока я еще не разобрался, говорит он это из зависти или так оно и есть.

А можно мне дать твой адрес кое-кому из тех, кто был тогда на вечеринке у нас дома? Они хотят написать и сказать спасибо. Между прочим, в их числе и мать Пэтти Строн — помнишь, как она выступала, когда ее «драгоценная доченька» хлопнулась в обморок во время приема на лужайке? Теперь она считает, что ты — молодец. Кстати, с Пэтти я больше не встречаюсь. В столь «нежном возрасте» (ха-ха!) ухаживания на расстоянии меня не вдохновляют, тем более что Пэтти уезжает учиться в колледж Вассара в штате Нью-Йорк. А здесь я уже успел познакомиться с одной чудесной куколкой.

Джонни, напиши, когда будет время. Судя по словам отца, ты сильно переживаешь и совсем расклеился, хотя я не понимаю, из-за чего, — ты же сделал все возможное! Наверное, отец ошибается и ты вовсе не расклеился, правда? Пожалуйста, напиши, а то я волнуюсь. Смешно, конечно, что о тебе беспокоится стопроцентный Альфред Ньюмен^[16], но это так.

Когда будешь писать, заодно объясни, что мешает Холдену Колфилду из «Над пропастью во ржи» радоваться жизни, тем более что он не черный?

Чак.

P.S. Куколку зовут Стефани Уаймен, и я уже приобщил ее к роману Брэдбери «Что-то страшное грядет». Ей тоже нравится панк-роковая группа «Рамоунз». Тебе стоит послушать — они заводные!

Чак.

17 октября 1977 г.

Дорогой Джонни!

Твое письмо порадовало меня — похоже, ты в норме. Я чуть не помер со смеху, читая, как ты вкалывал в Департаменте общественных работ Финикса. Но после четырех своих игр за команду «Стюарттонских тигров» я не испытываю никакого сочувствия к тому, что ты обгорел на солнце. Тренер прав, и американский футбол — это игра для дебилов, во всяком случае, за эту команду. Наш рекорд пока 3:1, и в игре,

что мы выиграли, я сделал три тачдауна. По глупости, слишком выложился и, запыхавшись, даже отключился. Напугал Стефани до чертиков (ха-ха).

Я не написал сразу, потому что хотел ответить на твой вопрос, что в нашем штате думают о Греге Стилсоне теперь, когда он начал работать после избрания. На прошлые выходные я ездил домой и вот что могу сообщить. Сначала я справился у отца и на его вопрос: «А что, Джонни все еще интересуется этим малым?» — ответил: «Желание узнать твое мнение показывает, что у него врожденный дурной вкус». Тогда он отправился к матери и заявил, что его худшие опасения подтвердились и подготовительная школа превратила меня в бессовестного наглеца.

Ладно, короче говоря, многие удивлены успехами Стилсона. Отец выразился так: «Если бы жителям нашего округа предложили оценить деятельность их избранника за первые десять месяцев, они бы в основном поставили ему твердую «четверку», а за работу над законопроектом Картера по энергетике и своим законопроектом по ограничению цен на топливо коммунально-бытового назначения — даже «отлично». И «пятерку» — за старательность». Отец просил передать, что был не прав, когда принимал Стилсона за деревенского дурачка.

Другие, кого я спрашивал, сообщили следующее. Здешним избирателям нравится, что Стилсон остался верен себе и не стал наряжаться в деловой костюм. Миссис Джарвис, у которой закусовая «Шустрый выбор» (извини, но она правда так называется), считает, что Стилсон не боится «крупных шишек». А Генри Бэрк — хозяин тошиловки «Черпак» в центре города — говорит, что Стилсон, по его мнению, «выше всяких похвал». Остальные думают примерно так же и сравнивают успехи Стилсона с тем, чего не удалось сделать Картеру, в котором они разочаровались и жалеют, что голосовали за него. Я спрашивал, не смущает ли их, что вокруг по-прежнему крутятся байкеры, а Санни Эллиман даже стал его официальным советником? Похоже, это никого не смущает. Владелец ночного клуба «Рекорд рок» объяснил это так: «Если уж такой бунтарь, как Том Хейден, взялся за ум, а основатель «Черных пантер» Эддридж Кливер — подался в религию, то что мешает бывшим байкерам образумиться и остепениться? Не суди да не судим будешь».

Вот такие дела. Я бы написал еще, но пора на тренировку. В выходные «Дикие кошки» из Бэри порвут нашу команду в клочья, и мне остается только надеяться, что до конца сезона я дотяну.

Будь осторожен, приятель!

Чак.

Из газеты «Нью-Йорк таймс» от 4 марта 1978 года:

В ОКЛАХОМЕ УБИТ АГЕНТ ФБР

Специально для «Нью-Йорк таймс». На парковке в Оклахоме убит Эдгар Лэнкти — 37-летний агент ФБР, прослуживший в Бюро десять лет. По данным полиции, его машина была заминирована и взорвалась, едва Лэнкти завел двигатель. Типично гангстерский способ расправы напоминает убийство аризонского следственного репортера Дона Боллза, но шеф ФБР Уильям Вебстер отказался комментировать

возможную связь между двумя преступлениями. Мистер Вебстер также отказался опровергнуть или подтвердить то, что мистер Лэнкти занимался расследованием махинаций с недвижимостью, в которых замешаны местные политики.

Последнее задание мистера Лэнкти окутано тайной, но, по сообщению конфиденциального источника из министерства юстиции, мистер Лэнкти расследовал вовсе не сомнительные махинации с недвижимостью, а нечто связанное с национальной безопасностью.

Мистер Лэнкти работал в ФБР с 1968 года и...

Количество исписанных Джонни блокнотов, хранившихся в ящике комода, возросло к концу лета 1978 года до семи. Осенью того же года, в короткий промежуток между кончинами двух пап, Грег Стилсон стал главной новостью Америки.

Его переизбрание в палату представителей прошло на «ура», и на фоне набирающего силу консерватизма, что проявилось в принятии Калифорнией «Предложения 13»^[17], Стилсон основал партию «Америка сейчас». Самым удивительным было то, что несколько конгрессменов изменили своей партийной принадлежности и «примкнули», как выразался Грег, к его движению. В основном эти деятели придерживались примерно таких же взглядов, как и Стилсон. Джонни называл их «внешне либеральными» в вопросах внутренней политики и умеренными, а то и крайне консервативными во внешней политике. Ни один из них не поддержал «договор Картера — Торрихоса» о передаче Панамского канала Панаме. Да и во внутренней политике их позиция, прикрытая либеральной риторикой, была столь же консервативной. Партия «Америка сейчас» требовала, чтобы безнадежных наркоманов подвергали уголовному преследованию, а финансовую помощь городам прекратили. «Работающий в поте лица фермер вовсе не должен оплачивать своими налогами безумные программы Нью-Йорка», — заявил Грег. Он и его сторонники выступали против выплат социальных пособий проституткам, бездельникам и тем, кто совершил уголовное преступление. Реформы по значительному сокращению налогов должны были сопровождаться радикальным урезанием социальных программ. Конечно, подобные предложения означали переделку старых идей на новый лад, однако партия Грега «Америка сейчас» придала этому некую привлекательность.

Накануне промежуточных выборов к Стилсону переметнулись семь конгрессменов и два сенатора. Шесть конгрессменов и оба сенатора были переизбраны. Восемь республиканцев из девяти переметнувшихся полностью отказались от своей партийной платформы. По меткому замечанию одного шутника, смена ими партии и последующее переизбрание их — ничуть не меньшее чудо, чем воскрешение Лазаря из мертвых после слов Иисуса: «Лазарь! иди вон».

Уже сейчас в Грегe Стилсоне видели силу, с которой придется считаться, причем довольно скоро. Он, конечно, не выполнил обещания отправить мировые отходы на Юпитер и кольца Сатурна, зато его усилиями лишились теплых мест по меньшей мере два негодяя: один конгрессмен, получавший откаты за выделение площадей для автостоянок, и советник президента, питавший слабость к барам для «голубых». Законопроект Стилсона по ограничению цен на печное топливо оказался взвешенным и смелым, а умелое проведение его через все инстанции от комитета до голосования свидетельствовало о природной смекалке и деловой хватке. Баллотироваться в восьмидесятом году, конечно, было бессмысленно, а вот в 1984 году он едва ли совладеет с искушением. Но если Грег проявит выдержку и терпение до 1988 года, если продолжит укреплять свои позиции, а ветры перемен не сметут его неоперившуюся партию, то кто знает... Республиканцы перегрызлись между собой, и даже если допустить, что после Картера президентом станет Уолт Мондейл, или Джерри Браун, или даже Говард Бейкер, то кто придет на смену? И в 1992 году Стилсон успеет, ведь он довольно молод. Да, 1992 год казался вполне вероятным сроком...

В блокнотах Джонни хранилось несколько карикатур. На всех Стилсон был изображен с заразительной кривой улыбкой и в неизменной строительной каске. Некий Олифант изобразил

Грега в сдвинутой на затылок каске; он катил по центральному проходу палаты представителей бочку с нефтью, а на ней красовалась надпись: «Потолок цен». Впереди стоял Джимми Картер, смотрел в сторону и озадаченно почесывал голову. Было ясно, что бочка вот-вот раздавит его, а подпись призывала: «Посторонись, Джимми!»

Каска! Каска почему-то особенно беспокоила Джонни. Символом республиканской партии был слон, демократической — осел, а Грега Стилсона — каска строителя. Джонни нередко видел сны, в которых каска на голове Стилсона превращалась то в мотоциклетный шлем, то в шлем шахтера.

2

В отдельный блокнот Джонни вклеил присланные отцом вырезки из газет о пожаре в «Кэти». Он вновь и вновь перечитывал их, но совсем по другим причинам, чем могли бы предположить Сэм, Роджер или даже Эрб.

«Ясновидящий предсказывает пожар. Моя дочь тоже могла бы погибнуть!» — восклицает мать со слезами благодарности на глазах... Этой преисполненной благодарности женщиной была мать Пэтти Строн.

«Медиум, раскрывший убийства в Касл-Роке, предсказал пожар. Погибло 80 человек».

«Отец Джонни Смита утверждает, что тот покинул Новую Англию, и отказывается сообщить его местонахождение».

Фотографии Джонни и Эрба. Снимки той давнишней аварии в Кливс-Миллс, когда Сара Брэкнелл была еще его девушкой. Теперь она замужняя женщина, мать двоих детей, и в последнем письме Эрб написал, что у нее появились седые волосы. Джонни самому не верилось, что ему уже тридцать один год. Невероятно, но факт!

Помимо вырезок, в блокнотах были его заметки и комментарии — отчаянные попытки окончательно во всем разобраться. Никто не понимал, что истинное значение пожара заключалось в необходимости что-то предпринять в отношении Стилсона.

Он писал:

Я должен что-то сделать со Стилсоном. Должен! Я не ошибся насчет «Кэти» и не ошибаюсь сейчас. У меня нет ни малейших сомнений. Он станет президентом и развяжет войну — или спровоцирует ее неверными решениями, что, по сути, то же самое.

Вопрос в том, насколько решительными должны быть принятые меры.

Возьмем для примера случай с «Кэти». Его вполне можно расценить как посланный мне знак. Господи, я начинаю рассуждать как мама, но это действительно так. Ладно, я знал, что случится пожар, что погибнут люди. Было ли этого достаточно для их спасения? Ответ: нет, для спасения всех этого было недостаточно, поскольку люди по-настоящему верят только в свершившийся факт. Те, кто не поехал в «Кэти» и пришел на вечеринку к Четсвортам, спаслись, но важно помнить, что Роджер устроил вечеринку вовсе не потому, что поверил в мое предсказание. Он этого ничуть не скрывал и прямо заявил, что делает это только ради моего душевного спокойствия. Он решил... потрафить мне. Роджер поверил потом, и мать Пэтти Строн тоже поверила только потом. Потом-потом-потом! Но для тех, кто погиб или получил ожоги, было уже слишком поздно.

Возникает вопрос: мог ли я предотвратить несчастье?

Да, мог. Например, врезаться на машине в ресторан и все там разнести. Или

поджечь его до вечеринки.

Вопрос третий: чем все это грозило бы мне лично?

Вероятно, лишением свободы. Если бы я выбрал вариант с машиной, а к ночи ударила молния, то меня, пожалуй, оправдали бы... Нет, этот номер не проходит. Если человек все же способен допустить существование феномена ясновидения, то закон — нет! Мне кажется, что если бы сейчас все повторилось, я наверняка действовал бы, не думая о последствиях. Может, я и сам тогда не до конца верил в свое предсказание?

Проблема со Стилсоном, по сути, абсолютно аналогична, правда, сроки сейчас, слава Богу, не поджигают.

Итак, вернемся к главному вопросу. Я не хочу, чтобы Грег Стилсон стал президентом. Как я могу воспрепятствовать этому?

1. Вернуться в Нью-Хэмпшир и «примкнуть», как он выражается, к его движению. Вставлять палки в колеса его партии «Америка сейчас». Дискредитировать его. Грязи там хватает, поэтому есть шанс сделать ее достоянием общественности.

2. Нанять кого-то, кто нашел бы компромат на него. Денег, полученных от Роджера, вполне достаточно, чтобы нанять толкового человека. С другой стороны, Лэнкти, похоже, был очень толковым, а теперь он мертв.

3. Ранить или покалечить его. Как Артур Бреммер покалечил Уоллеса... или уж не помню кто усадил в инвалидное кресло Ларри Флинта, издателя «Хаслера».

4. Убить его.

Теперь о возможных минусах разных вариантов.

Первый вариант не гарантирует успеха. Не исключено, что все закончится тем, что мне просто пересчитают ребра, как в свое время поступили с Хантером Томасом, собиравшим материал для романа о байкерской группировке «Ангелы ада». Хуже того, этот Санни Эллиман, вполне возможно, помнит меня после того злосчастного инцидента на митинге в Тримбулле. Разве в тех кругах не принято заводить досье на всех, кто представляет собой потенциальную угрозу? Я не удивлюсь, если у Стилсона есть особый человек, который ведет досье на всяких медиумов и прочих сомнительных личностей. И в этом списке я наверняка фигурирую.

Теперь о втором варианте. Предположим, что компромат на него нашли. Но если Стилсон и в самом деле метит высоко, а на это указывает вся его деятельность, то он уже наверняка успел замести все следы. Кроме того, компромат станет грязью, только если этого пожелает пресса, а она обожает Стилсона. Он нашел с ней общий язык. Случись такое в романе, я бы, вероятно, занялся частным сыском и все на него «раскопал» сам, но в реальной жизни я даже не знаю, с чего начать. Можно, конечно, возразить, что мой дар «читать» людей и находить пропавшие вещи (если вспомнить слова Сэма) дает мне серьезную фору. Скажем, если бы выяснилось, что Стилсон причастен к убийству Лэнкти, то дело было бы в шляпе. Хотя, с другой стороны, Стилсон наверняка дает подобные поручения Санни Эллиману. А у меня даже нет уверенности, что на момент убийства Лэнкти шел по следу Стилсона и это привело его к смерти. Выходит, я могу затянуть петлю на шее Санни Эллимана, но не покончить со Стилсоном.

В целом второй вариант тоже недостаточно надежен. Ставки исключительно высоки, и я стараюсь реже вспоминать о «тримбулском видении», потому что это всегда заканчивается дикой головной болью.

Я даже дошел до того, что стал всерьез подумывать, не подловить ли его на наркотиках, как Джин Хэкман в роли полицейского Дойла во «Французском связном 2». Или накачать Стилсона ЛСД, подмешав ему наркотик в газировку «Доктор Пеппер» или в то, что он пьет. Но все это сюжеты из дешевых полицейских боевиков, оторванных от жизни. Грязные приемы в стиле Гордона Лидди, одного из организаторов «прослушки» офиса Национального комитета демократической партии в отеле «Уотергейт». Опасность настолько серьезна, что этот «вариант» даже не стоит рассматривать. Может, просто похитить его? В конце концов, он всего лишь конгрессмен, и только. Я не знаю, где достать героин или морфий, а вот с ЛСД проблем не возникнет. У Ларри Макнофтона из Департамента общественных работ Финикса есть таблетки на все случаи жизни. А если (допустим, что это все-таки случилось) Стилсон просто «словит кайф» и на этом все закончится?

Ранить или покалечить? Может, мне это удастся, а может, и нет. Думаю, при определенных обстоятельствах, вроде митинга в Тримбулле, я смог бы это сделать. Допустим, у меня получилось. После выстрела в Лореле, штат Мэриленд, Джорджа Уоллеса парализовало, и он потерял былой политический вес. С другой стороны, Франклин Делано Рузвельт провел избирательную кампанию в инвалидном кресле и даже превратил это в свой козырь.

Выходит, остается убийство. Только оно гарантирует окончательное решение всех проблем: труп не может баллотироваться в президенты.

Если у меня хватит духу нажать на курок.

А если хватит, чем мне это грозит?

Как поется в песне Боба Дилана: «Малышка, неужели это важно?»

Там было еще много всяких записей и заметок, но одну из них Джонни заключил в аккуратную рамку, чтобы подчеркнуть ее особую важность:

Допустим, убийство окажется единственным реальным решением. И допустим, я нажму на курок.

Но убийство не выход!

Не выход!

Не выход!

Наверняка есть другой путь.

Слава Богу, у меня впереди годы, чтобы отыскать его.

3

Но Джонни ошибался.

В начале декабря 1978 года, вскоре после убийства в Гайане конгрессмена от Калифорнии Лео Райана, Джонни Смит понял, что время у него на исходе.

1

В половине третьего 26 декабря 1978 года Бад Прескотт обслуживал высокого и нездорового на вид молодого человека с седеющими волосами и воспаленными глазами. На следующий день после Рождества в магазин спортивных товаров по Четвертой улице Финикса, где работали Бад и еще два продавца, заглядывали клиенты, желавшие обменять полученные подарки, но этот молодой человек пришел покупать.

Он сказал, что ему нужна хорошая винтовка, легкая и со скользящим затвором. Бад показал ему несколько образцов. В первый после Рождества день у прилавка с оружием клиентов практически не было: получив в подарок на Рождество винтовку, немногие мужчины захотят поменять ее на что-то другое.

Покупатель внимательно осмотрел все образцы и выбрал «ремингтон-700» — отличный карабин с болтовым затвором, мягкой отдачей и плоской траекторией полета пули. Он подписался в книге регистрации как Джон Смит, но Бад не сомневался, что это имя вымышленное. «Джон Смит» расплатился наличными — его бумажник был туго набит «двадцатками» — и забрал винтовку с прилавка. В ответ на ироническое предложение Бада бесплатно выгравировать имя на прикладе «Джон Смит» лишь мотнул головой.

Когда «Смит» выходил из магазина, Бад заметил, что он сильно хромотает, и подумал, что из-за хромоты и шрамов на шее опознать его будет очень легко.

2

В половине одиннадцатого 27 декабря прихрамывающий худой мужчина вошел в магазин канцтоваров Финикса и обратился к продавцу Дину Клэю. Клэй позже рассказывал, что обратил внимание на «искорку» — как это называла его мать — в глазах мужчины. Тот сказал, что ему нужен большой «дипломат» и остановил выбор на самом солидном и дорогом плоском чемоданчике из воловьей кожи за 149 долларов 95 центов. За оплату наличными — а расплачивался он новенькими двадцатками — ему полагалась скидка. Вся процедура от выбора «дипломата» до оплаты заняла не больше десяти минут. Мужчина вышел из магазина и двинулся направо в сторону центра города. В следующий раз Дин Клэй увидел его на фотографии в газете «Финикс сан».

3

В тот же день высокий мужчина с проседью подошел к билетной кассе на железнодорожном вокзале и спросил у кассирши Бониты Альварес, как добраться на поезде до Нью-Йорка. Бонита показала ему, где нужно сделать пересадки. Он внимательно изучил их, водя пальцем по схеме, и все аккуратно записал. Потом осведомился, есть ли места на 3 января. Бонни пробежалась пальцами по клавишам компьютера и ответила утвердительно.

— Тогда будьте любезны... — начал высокий мужчина, но умолк и приложил руку ко лбу.

— С вами все в порядке, сэр?

— Фейерверк, — пояснил он. Бонита позже уверяла полицию, что он произнес именно это слово. *Фейерверк.*

— Сэр! С вами все в порядке?

— Заболела голова, — ответил он. — Извините.

— Дать вам таблетку аспирина? У меня есть.

— Нет, спасибо. Сейчас пройдет.

Она выписала билеты и сообщила, что он прибудет на Центральный железнодорожный вокзал Нью-Йорка шестого января после полудня.

— Сколько с меня?

Ответив, она спросила:

— Наличными или по кредитке?

— Наличными. — Он достал бумажник, набитый двадцатками и десятками.

Пересчитав деньги, Бонита дала ему сдачу и вручила квитанцию с билетами.

— Ваш поезд отправляется в десять тридцать утра, мистер Смит. Лучше прийти на посадку минут за двадцать.

— Хорошо, — ответил он. — Спасибо.

Бонни одарила его широкой профессиональной улыбкой, но мистер Смит уже отвернулся. Он очень побледнел и выглядел как человек, которого мучает сильная боль.

Бонни не сомневалась, что он произнес именно «фейерверк».

4

Элтон Карри был проводником на перегоне Финикс — Солт-Лейк-Сити. Высокий мужчина появился ровно в десять часов 3 января, и Элтон помог ему подняться в вагон, потому что тот сильно хромал. Из багажа у него был потрепанный клетчатый чемодан с потертыми углами и новенький «дипломат» из воловьей кожи — судя по всему, довольно тяжелый.

— Позвольте помочь вам, сэр? — предложил Элтон, имея в виду тяжелый «дипломат», но пассажир вручил ему чемодан вместе с билетами. — Билеты я заберу, когда мы тронемся, сэр.

— Хорошо. Спасибо.

— Очень вежливый молодой человек, — скажет Элтон Карри агентам ФБР, когда те будут допрашивать его. — И на чаевые не поскупился.

5

День 6 января 1979 года выдался в Нью-Йорке серым и пасмурным — казалось, вот-вот пойдет снег. Такси Джорджа Клементса стояло перед отелем «Билтмор» напротив здания Центрального вокзала.

Открылась дверца, и в машину осторожно, будто движения причиняли ему боль, сел сидящий мужчина. Водрузив на сиденье рядом с собой чемодан и большой «дипломат», он откинулся на спинку и закрыл глаза, будто чувствуя смертельную усталость.

— Куда едем, приятель? — осведомился Джордж.

Пассажир взглянул на клочок бумаги в руке и ответил:

— На автобусный терминал Портового управления.

Машина тронулась.

— Вы что-то неважно выглядите, приятель. Совсем как мой зять во время приступа. У вас тоже камни в желчном пузыре?

— Нет.

— По словам зятя, нет ничего страшнее камней в желчном пузыре. Разве что камни в почках. И знаете, что я ему ответил? Я сказал, что это полная чушь! Энди, — сказал я, — ты

отличный парень, и я тебя очень люблю, но ты несешь полную чушь! Энди, говорю, у тебя когда-нибудь был рак? Я ведь спросил не случайно, потому что хуже рака ничего быть не может. Это все знают. — Джордж устремил на пассажира долгий взгляд в зеркало заднего вида. — Послушайте, приятель, я серьезно... с вами все в порядке? По правде говоря, вы здорово смахиваете на покойника.

— Все нормально, — ответил пассажир. — Просто я вспомнил... другую поездку на такси. Несколько лет назад.

— Тогда ладно, — глубокомысленно заметил Джордж, словно отлично понимал, что пассажир имеет в виду. Да, в Нью-Йорке хватает чудиков, кто бы спорил. И после короткой паузы Джордж продолжил рассказ о своем зяте.

6

— Мам, а дядя заболел?

— Тсс!

— Нет, правда?

— Денни, помолчи!

Она смущенно улыбнулась мужчине, сидевшему через проход от нее в автобусе дальнего следования. Дети такие непосредственные — ну что с ними поделать? — но мужчина, казалось, вообще не слышал их. И он действительно выглядел неважно — даже четырехлетнему Денни это бросилось в глаза. Пассажир безучастно смотрел в окно на снегопад — едва они пересекли границу Коннектикута, как пошел снег. Он был слишком бледен и невероятно худ, да еще этот ужасный, как у Франкенштейна, шрам, вылезавший из воротника и заканчивавшийся у подбородка. Будто ему недавно пытались отрезать голову и почти преуспели в этом.

Автобус направлялся в Портсмут, штат Нью-Хэмпшир, и должен был прибыть туда в половине десятого вечера, если, конечно, не будет задержек из-за снегопада. Джули Браун ехала с сыном в гости к свекрови. Старая чертовка вконец избалует его, а тот и так уже испорчен дальше некуда.

— Я хочу пойти посмотреть на него.

— Нет, Денни!

— Я хочу посмотреть, какой он больной.

— Нет!

— Мам, а вдруг он умирает?! — И глаза у Денни заблестели в предвкушении потрясающего зрелища. — Может, он умирает прямо сейчас!

— Денни, замолчи!

— Эй, мистер! — закричал Денни. — Вы умираете, или как?

— Денни, сейчас же замолчи! — прошипела Джули, пунцовая от стыда.

Денни разревелся, вернее, противно расхныкался, протяжно подвывая, отчего ей всегда хотелось схватить его и сдавить со всей силы, чтобы он уже заорал от настоящей боли. В такие моменты, как сейчас, когда Джули тряслась в автобусе, пробираясь сквозь снегопад и ненастную темень вечера, а рядом хныкал сын и мотал нервы своими капризами, она жалела, что мать не стерилизовала ее задолго до совершеннолетия.

И тут мужчина, сидевший через проход, повернул голову и улыбнулся ей — устало и болезненно, но все равно ободряюще. Джули заметила, как воспалены у него глаза, будто еще не просохли от слез. Она улыбнулась в ответ, но улыбка вышла фальшивой. Налитый кровью левый глаз и тянувшийся по шее шрам делали его профиль зловещим и отталкивающим.

Джули надеялась, что попутчик сойдет раньше Портсмута, но он, как выяснилось, ехал до

конца.

В последний раз она увидела его на автостанции, когда свекровь с радостным смехом заключила Денни в объятия. Мужчина, прихрамывая, шел к дверям, неся в одной руке потертый чемодан, а в другой — новенький кожаный «дипломат». Внезапно Джули почувствовала, как по ее спине пробежала холодная дрожь. Он даже не прихрамывал, а как-то накренился и упрямо продвигался вперед. Как она потом рассказывала полицейским штата, в его облике ощущалась неумолимость. Словно он совершенно точно знал пункт назначения, и остановить его не могло ничто.

Он скрылся в темноте, и больше Джули его не видела.

7

Небольшой городок Тиммесдейл, штат Нью-Хэмпшир, расположен к западу от Дарема и входит в третий избирательный округ. На плаву его держит самая маленькая из ткацких фабрик Четсворта — покрытое копотью кирпичное строение, уродливо торчащее на берегу реки Тиммесдейл-Стрим. По данным местной Торговой палаты, в истории города достоин упоминания лишь один факт: он первым в Нью-Хэмпшире перешел на электрическое уличное освещение.

Однажды вечером в начале января в единственный в Тиммесдейле паб зашел прихрамывающий молодой человек с ранней сединой. Хозяин Дик О’Доннелл стоял за стойкой бара. Заведение пустовало, что было вполне объяснимо: день будний, да и ветер с севера уже намел сугробы и все еще не сбавлял обороты.

Хромой посетитель отряхнул на пороге обувь, подошел к стойке и заказал кружку пива, а потом, не спеша, выпил еще пару, поглядывая на экран телевизора, висевшего над стойкой. Уже пару месяцев цвета на экране барахлили, и Фонзи — персонаж сериала «Счастливые дни» — сильно смахивал на румынского вурдалака.

О’Доннелл не помнил, чтобы видел этого парня раньше.

— Налить еще? — поинтересовался он, обслужив двух старых «кошелок», сидевших в углу.

— Можно. — Парень показал на висевшую в рамке на стене увеличенную фотографию карикатуры из газеты. — Судя по всему, вы с ним встречались?

На карикатуре Грег Стилсон в сдвинутой на затылок каске спускал с лестницы Капитолия Луиса Квинна в деловом костюме — того самого конгрессмена, которого чуть больше года назад уличили в поборках с владельцем автостоянок. На подписи значилось: «Всем коленкой под зад», а сверху от руки было написано: «Дику О’Доннеллу — владельцу лучшего салуна в третьем округе. Так держать, Дик! Грег Стилсон».

— Еще бы! — подтвердил О’Доннелл. — Он выступал здесь перед выборами в конгресс. По всему городу развесили плакаты, призывавшие прийти сюда в субботу в два часа и пропустить стаканчик за счет Грега. Лучшего дня мне не припомнить! Вообще-то он обещал оплатить только одну выпивку на человека, а кончилось тем, что оплатил все! Представляете?

— Похоже, вы считаете его отличным парнем.

— Еще бы! Готов пересчитать ребра каждому, кто скажет, что это не так.

— Не буду спорить. — Парень положил на стойку три четвертака. — Угоститесь за мой счет.

— Что ж, с удовольствием. Спасибо, мистер...

— Меня зовут Джонни Смит.

— Рад познакомиться, Джонни. А я — Дик О’Доннелл. — Он налил себе кружку пива. — Да, Грег много сделал для этой части Нью-Хэмпшира. Тут немало тех, кто стесняется сказать об

этом прямо, но я к ним не отношусь и заявляю во всеуслышание: недалек тот день, когда Грег Стилсон станет президентом!

— Думаете?

— Уверен! — подтвердил О’Доннелл, возвращаясь за стойку. — Для Грега с его потенциалом Нью-Хэмпшир слишком мал. Он потрясающий политик, а услышать такое от меня дорогого стоит. Я всегда считал, что все политики — шайка проходимцев и бездельников. И до сих пор так считаю, но Грег — исключение. Он честный мальчик! Скажи мне кто-нибудь лет пять назад, что я буду говорить нечто подобное, я бы рассмеялся в лицо. Не представлял, что найду хорошее в политике. Это казалось мне таким нелепым, как вообразить, что я стану стихоплетом. Но, черт возьми, Грег — стоящий парень!

— Обычно эти ребята набиваются в друзья во время избирательной кампании, а потом посылают подальше, пока не настанет срок избираться вновь. Я сам родом из штата Мэн и как-то написал нашему сенатору Эдмонду Маски — и знаете, что получил в ответ? Формальную отписку!

— А я что говорю? — подхватил О’Доннелл. — Чего от них ждать? А вот Грег — не такой! Он приезжает в свой избирательный округ каждые выходные! Разве это похоже на то, что он нас всех «посылает»?

— Каждые выходные? — переспросил Джонни, делая глоток. — И куда? В Тримбулл? Риджуэй? Большие города?

— У него разработана целая система, — уважительно произнес О’Доннелл, явно никогда не придерживавшийся никакой системы. — Всего в округе пятнадцать городов, начиная от столицы штата и заканчивая такими крошечными, как Тиммесдейл и Куртерс-Нотч. Он посещает по одному городу в неделю, а когда объедет все, начинает заново. А вы знаете, что такое Куртерс-Нотч? Там живет всего восемьсот душ. А теперь представьте, что парень не остается на выходные в Вашингтоне, а едет в Куртерс-Нотч, где морозит себе задницу на встрече с избирателями. Непохоже, чтобы он «посылал подальше», верно?

— Не похоже, — согласился Джонни. — И что он делает на встречах? Просто жмет руки?

— Нет, в каждом городе он снимает зал на всю субботу. Около десяти утра приходит туда, и люди могут зайти и поговорить с ним. Рассказать о своих проблемах. Поделиться мыслями. Если есть вопросы, он на них отвечает, а если не может, возвращается в Вашингтон и находит ответ там! — О’Доннелл торжествующе посмотрел на Джонни.

— А когда он был в Тиммесдейле последний раз?

— Пару месяцев назад. — О’Доннелл подошел к конторке и, порывшись в бумагах, достал потрепанную газетную вырезку и положил на стойку бара возле Джонни. — Вот список. Взгляните и судите сами!

Вырезка была из довольно старой риджуэйской газеты. Заметку озаглавили «Стилсон объявляет о создании “центров обратной связи”». Первый параграф, казалось, целиком позаимствовали из рекламного пресс-релиза команды Грега. За ним следовал список городов и предполагаемых дат их посещения Стилсоном. В Тиммесдейле он должен был снова появиться только в середине марта.

— Впечатляет, — признал Джонни.

— Еще бы! И люди это видят и ценят.

— Судя по графику, на прошлой неделе он должен был посетить Куртерс-Нотч.

— Верно! — засмеялся О’Доннелл. — Старый добрый Куртерс-Нотч! Еще пива, Джонни?

— Только если за компанию. — Джонни положил на стойку пару долларов.

— Не возражаю.

Одна из двух пьянчужек бросила монету в музыкальный автомат, и бар наполнили звуки

самой известной песни в стиле кантри «Поддержи своего любимого». Ее исполняла Тэмми Уайнетт. Голос певицы звучал хрипло и устало, будто ей совсем не хотелось петь в таком месте.

— Эй, Дик! — крикнула другая. — Тут собираются обслуживать?

— Заткнись! — рявкнул бармен.

— Да пошел ты! — отозвалась она и загоготала.

— Черт тебя побери, Кларисса, я предупреждал, чтобы в моем баре не выражаться! Я предупреждал...

— Отвяжись и налей нам еще пива.

— Ненавижу этих двух потаскух! — пожаловался О'Доннелл Джонни. — Две проклятые алкашки! Они ошиваются здесь с незапамятных времен, и не удивлюсь, если обе меня переживут, чтобы плюнуть мне на могилу. Куда катится мир?!

— Да уж, — согласился Джонни.

— Извините, мне надо отойти. У меня есть помощница, но зимой она работает только по пятницам и субботам.

О'Доннелл налил два бокала пива и отнес их за столик. Он что-то сказал Клариссе; та в ответ снова громко выругалась и засмеялась. В заведении стоял запах давно съеденных гамбургеров. Голос Тэмми Уайнетт с трудом пробивался сквозь треск заезженной пластинки. Батареи отопления нагнетали тепло, а в окна снаружи стучала снежная крупа. Джонни потерял виски. В этом баре все было до мелочей знакомо — он ничем не отличался от подобных заведений в сотнях других маленьких городов. Голова раскальвалась. Пожав руку О'Доннеллу, Джонни узнал, что у того есть огромная старая дворняжка, обученная по команде бросаться на человека. Дик мечтал о том, чтобы ночью к нему в дом залез грабитель. Тогда он вполне законно спустит на него пса, и в мире станет на одного извращенца-хиппаря меньше.

Господи, как же сильно болела голова!

О'Доннелл вернулся, вытирая руки о фартук. Тэмми Уайнетт закончила петь, и теперь звучал хит любимца дальнобойщиков Реда Совайна «Медвежонок».

— Спасибо, что угостили. — О'Доннелл налил пиво в два бокала.

— Не за что, — отозвался Джонни, изучая газетную вырезку. — Куртерс-Нотч на прошлой неделе, и Джексон на этой. Я никогда не слышал о таком городе. Наверное, тоже маленький?

— Большим его назвать нельзя, — подтвердил бармен. — Раньше там был лыжный курорт, но потом разорился. Много безработных. Занимаются по мелочи переработкой древесины да копаются на фермах. Но Грег не брезгает наведываться и туда! Беседует с ними, выслушивает их жен. А в Мэне вы где живете, Джонни?

— В Льюистоне, — солгал Джонни. В заметке говорилось, что Грег Стилсон встретится с избирателями в здании муниципалитета.

— Вы, наверное, приехали покататься на лыжах?

— Нет, несколько лет назад я повредил ногу и больше не катаюсь. А здесь проездом. Спасибо, что дали посмотреть. — Джонни вернул вырезку бармену. — Очень интересно.

О'Доннелл аккуратно вернул вырезку на место в конторке. Бар был пуст, и жизнь его наполняли только пес, обученный бросаться на людей, да Грег Стилсон, устроивший столь незабываемое посещение его заведения.

Внезапно Джонни пожалел, что все еще жив. Если его дар ниспослан Богом, то Бог — псих, которого надо остановить. Если Бог хотел умертвить Грега Стилсона, то почему не убил его сразу, обмотав пуповиной горло при рождении? Или не устроил так, чтобы тот, подавившись куском мяса, задохнулся? Или не поразил ударом тока, когда тот крутил ручку радиоприемника? Или не утопил в старом водостоке? Зачем Богу понадобилось выполнять грязную работу руками Джонни? Ведь спасение мира — вовсе не его стезя. Этим занимаются безумцы, и только они не

стесняются братья за это. Джонни вдруг решил, что оставит Грегa Стилсона в живых в пику Господу Богу.

— Джонни, с вами все в порядке? — спросил О'Доннелл.

— Что? Да, конечно.

— Просто вид у вас какой-то странный...

А Чак Четсворт: *Но я точно убил бы его. Потому что иначе меня до конца жизни преследовали бы призраки миллионов загубленных им душ.*

— Задумался, — пояснил Джонни. — Знаете, я был рад выпить с вами.

— Взаимно, — отозвался О'Доннелл с довольным видом. — Жаль, что такие, как вы, редко сюда заглядывают. Люди едут на лыжные курорты. В шикарные места. Туда они везут свои деньги. Знай я, что они ко мне заглянут, я все здесь устроил бы иначе, так, как им нравится. Повесил бы плакаты с видами Швейцарии и Колорадо. Оборудовал бы камин. Зарядил музыкальный ящик пластинками с рок-н-роллом, а не этим дерьмом... Да что говорить! — Он пожал плечами. — Не такой уж я плохой!

— Конечно, нет! — заверил его Джонни, слезая со стула и думая о собаке, натасканной на людей, и мечте хозяина спустить ее на грабителя-наркомана из хиппи.

— Расскажите обо мне своим друзьям, — попросил О'Доннелл.

— Обязательно!

— Эй, Дик! — окликнула бармена одна из выпивох. — Тебя не учили обслуживать с улыбкой?

— Ты когда-нибудь заткнешься? — закричал О'Доннелл, багровея.

— Да пошел ты! — прокричала в ответ Кларисса и снова загоготала.

Джонни тихо выскользнул за дверь навстречу непогоде.

8

В Портсмуте Джонни остановился в отеле «Холидейинн». Вернувшись вечером в гостиницу, попросил портье подготовить счет к завтрашнему утру.

Поднявшись к себе в номер, он сел за письменный стол, взял несколько чистых листов бумаги с логотипом гостиницы и ручку. Голова разламывалась от боли, но нужно написать несколько писем. От недавней вспышки внутреннего протеста — если это был он — не осталось и следа, а проблема Грегa Стилсона по-прежнему требовала решения.

Я сошел с ума, подумал он. Я действительно спятил. Перед глазами возникли броские заголовки:

«Безумец стреляет в конгрессмена от Нью-Джерси».

«Стилсон пал от руки сумасшедшего».

«Град пуль обрывает жизнь конгрессмена от Нью-Джерси».

А уж как порадует «Инсайд вью»!

«Самозванный ясновидец убивает Стилсона. 12 известных психиатров раскрывают причины поведения Смита». А в колонке сбоку Дис, наверное, поделится воспоминаниями о том, как Джонни угрожал пристрелить из дробовика его, самого обычного прохожего.

Безумие!

Долг за лечение был полностью выплачен, но теперь предъявят особый счет, и отцу с его новой женой придется долгие годы рассчитывать за дурную славу сына. На них обрушится шквал гневных писем. Все, с кем Джонни общался, будут допрошены: Четсворты, Сэм, шериф Джордж Баннерман. Сара? Возможно, до Сары они не доберутся, ведь не на президента же он готовил покушение. Во всяком случае, на данный момент это так. *Тут немало тех, кто*

стесняется сказать об этом прямо, но я к ним не отношусь и заявляю во всеуслышание: недалек тот день, когда Грег Стилсон станет президентом!

Джонни потер виски. Головная боль накатывала медленными волнами и мешала сосредоточиться на письмах. Он решительно придвинул к себе лист бумаги, взял ручку и написал: «Дорогой папа!» В окна билась снежная крупа, напоминая о разыгравшейся непогоде. Наконец ручка заскользила по бумаге, сначала нехотя, но потом все увереннее и быстрее.

Джонни поднялся по деревянным ступенькам, очищенным от снега и посыпанным солью. Пройдя сквозь двойные двери, он оказался в вестибюле с развешанными на стенах образцами бюллетеней и плакатами, извещавшими о предстоящем третьего февраля специальном городском собрании жителей Джексона. Там также висело объявление о приезде Грега Стилсона и его фотография в каске, сдвинутой на затылок. Неизменная кривая ухмылка словно говорила: «Нас-то им не обдурить, верно, парни?» Справа от зеленой двери, ведущей в зал, Джонни увидел еще одно объявление на деревянной подставке: «Прием экзаменов на водительские права. Приготовьте документы заранее». Джонни нерешительно остановился. На холодном воздухе изо рта шел пар.

Помешкав, он толкнул дверь и вошел в помещение, жарко натопленное большой печью. За столом, на котором были разбросаны бумаги, сидел полицейский в расстегнутой парке. Джонни заметил на столе прибор для проверки зрения.

Полицейский поднял глаза на Джонни, и тому стало не по себе.

— Чем могу вам помочь, сэр?

Джонни прикоснулся к фотоаппарату, висевшему у него на шее.

— Я хотел здесь немного осмотреться, — объяснил он. — Приехал по заданию журнала «Янки». Мы готовим большой материал об архитектуре ратуш в штатах Мэн, Нью-Хэмпшир и Вермонт. С фотографиями.

— Валяйте, — сказал полицейский. — Моя жена постоянно читает ваш журнал. А я от него засыпаю.

Джонни улыбнулся:

— Архитектура Новой Англии отличается... некоей строгостью.

— «Строгостью», — с сомнением повторил полицейский, но решил не вдаваться в подробности. — Следующий, пожалуйста!

К столу подошел молодой человек и протянул полицейскому экзаменационный бланк. Взяв его, тот произнес:

— Посмотрите, пожалуйста, в глазок и назовите дорожные знаки, которые я буду показывать.

Молодой человек прильнул к глазку, а полицейский положил на экзаменационный бланк тестовый ключ. Джонни направился к центральному проходу и щелкнул находившуюся в ее конце трибуну.

— Знак «стоп», — сказал молодой человек за его спиной. — Потом знак «уступи дорогу», затем — предписывающий знак... «нет поворота направо», «нет поворота налево», в таком роде...

Джонни не ожидал встретить в здании муниципалитета полицейского и даже не удосужился купить пленку для фотоаппарата, взятого для отвода глаз. Но делать нечего. Сегодня уже пятница, и Стилсон появится завтра, если не случится ничего неожиданного. Он ответит на вопросы и выслушает предложения добропорядочных жителей Джексона. Его будет сопровождать приличная свита. Два помощника, два консультанта и молодые люди в темных костюмах и спортивных куртках, еще не так давно носившие джинсы и разъезжавшие на мотоциклах. Грег Стилсон по-прежнему очень заботился о личной безопасности. На митинге в Тримбулле охранники вооружились обрубками бильярдных киев. Носят ли они сейчас

пистолеты? Трудно ли конгрессмену США добиться для своих охранников разрешения на скрытое ношение оружия? Вряд ли. Джонни понимал, что у него есть только одна попытка и он должен использовать свой шанс. Вот почему так важно осмотреть зал заранее и решить, стоит ли подстерегать Стилсона здесь или лучше на автостоянке, сидя в машине с опущенным стеклом и с винтовкой на коленях. Вот почему он явился сюда и находился здесь, в тридцати футах от полицейского, принимавшего экзамены на водительские права.

Слева висела доска объявлений; Джонни навел на нее камеру и «щелкнул». Господи, ну почему он не потратил еще пару минут и не купил пленку? Объявления касались самых разных аспектов городской жизни: званых ужинов, предстоящей игры школьной команды, порядка регистрации собак и, конечно, ожидавшегося визита Грега. Увидев объявление о том, что городскому совету нужна стенографистка, Джонни сделал вид, что оно очень заинтересовало его, а сам начал лихорадочно размышлять.

Конечно, если Джексон покажется слишком рискованным, можно перенести покушение на следующую неделю, когда Стилсон поедет в городок под названием Апсон. Или еще на неделю, когда он окажется в Тримбулле. Или еще на неделю. Но так может продолжаться до бесконечности!

Нет, все должно произойти на этой неделе! Точнее — завтра!

Он «щелкнул» большую печь в углу и, взглянув наверх, увидел балкон. Даже не балкон, а галерею с перилами на уровне пояса и широкими белыми панелями, украшенными резными ромбами и завитушками. Там вполне можно укрыться и незаметно наблюдать за происходящим, а в нужный момент выпрямиться и...

— А какая у вас камера?

Джонни обернулся, не сомневаясь, что это полицейский. Сейчас он попросит фотоаппарат, выяснит, что там нет пленки, затем спросит документы, и все будет кончено.

Но это оказался не полицейский, а молодой человек, только что сдававший экзамен. Лет двадцати с небольшим, с длинными волосами, приятным открытым взглядом, в замшевом пиджаке и потертых джинсах.

— «Никон», — ответил Джонни.

— Отличная камера! У меня камеры — настоящий пунктик! Вы давно работаете на «Янки»?

— Вообще-то я работаю внештатно, — пояснил Джонни. — Иногда для «Янки», иногда для «Кантри джорнал», а то и для «Даун-ист».

— А для больших изданий? Вроде «Пипл» или «Лайф»?

— Нет. Во всяком случае, пока.

— А какую вы поставили диафрагму?

Что, черт возьми, это еще за штуковина?

— Вообще-то я всегда ставлю по наитию.

— Значит, на глаз. — Молодой человек улыбнулся.

— Ну да, на глаз!

Парень, исчезни! Ради Бога! Пожалуйста!

— Я и сам хочу стать внештатным корреспондентом, — пояснил молодой человек. — Мечтаю когда-нибудь сделать снимок, похожий на «Водружение флага на Иводзиме»^[18].

— Я слышал, что снимок был постановочным, — заметил Джонни.

— Может быть, но это не важно. Этот снимок — классика! А как насчет первой фотографии приземляющегося НЛО? Я бы точно не отказался! Знаете, у меня есть подборка удачных снимков, сделанных здесь. А с кем конкретно вы ведете дела в «Янки»?

Джонни прошиб пот.

— Вообще-то с этим заданием они вышли на меня сами, — пояснил он. — Это было...

— Мистер Клоусон, прошу вас подойти, — нетерпеливо произнес полицейский. —

Посмотрим ваши ответы вместе.

— Извините, начальник зовет! Еще увидимся.

Клоусон поспешил к столу, а Джонни облегченно выдохнул. Пора убираться отсюда, и как можно скорее.

Чтобы уход не казался бегством, он «щелкнул» еще пару-тройку раз, не отдавая себе отчета в том, на что конкретно направлен объектив, после чего удалился.

Молодому человеку в замшевом пиджаке было явно не до Джонни. Судя по всему, Клоусон провалил письменный экзамен и теперь что-то яростно доказывал полицейскому, но тот лишь качал головой.

Джонни ненадолго задержался в вестибюле. Слева был гардероб, а справа находилась дверь. Он повернул ручку. Дверь была не заперта. Вверх вели узкие ступеньки. Там наверняка располагались кабинеты. И галерея!

2

Джонни остановился в небольшой уютной гостинице «Джексон-хаус» на Мейн-стрит. Владельцы гостиницы вложили немалые средства в ее ремонт, рассчитывая, что расходы окупятся благодаря новому лыжному курорту «Джексон маунтин». Однако курорт прогорел, и теперь гостиница едва сводила концы с концами. В четыре утра субботы, когда ночной портье дремал над чашкой кофе, Джонни вышел из гостиницы с «дипломатом» в левой руке.

Джонни почти не спал и ненадолго задремал лишь после полуночи. Ему приснился сон. Снова 1970 год. Ярмарка. Они с Сарой стоят у «Колеса фортуны», и он опять ощущает прилив необычайной, сверхъестественной силы. И снова запах горящей резины.

— Давайте! — тихо произнес кто-то сзади. — Взгрейте этого барыгу!

Джонни обернулся и увидел Фрэнка Додда в черном виниловом плаще. Красная полоса на разрезанном от уха до уха горле походила на широкую улыбку, а жуткие мертвые глаза оживленно блестели. Джонни в ужасе отвернулся к аттракциону, но теперь там вместо крупье стоял понимающе подмигивавший Грег Стилсон в желтой каске, лихо сдвинутой на затылок.

— Ой-ё-ёй! — нараспев проговорил Стилсон, и его голос прозвучал гулко и зловеще. — Ставьте, где глянется, где вам больше нравится! Что скажете? Желаете сорвать куш?

Да, он желал сорвать куш, но едва Стилсон крутанул «Колесо», как вдруг внешнее поле стало зеленым, а все номера на нем — двойными зеро. Где бы «Колесо» ни остановилось, проигрывали все, кроме хозяина.

Джонни проснулся и остаток ночи смотрел в темноту сквозь заиндевевшие окна. Головная боль, не отпускавшая его после приезда в Джексон, вдруг отступила. Он чувствовал слабость, но вместе с тем спокойствие и уверенность. Джонни сел, сложив руки на коленях, и задумался. Но размышлял он не о Грегге Стилсоне, а вспоминал прошлое. Как мама заклеивала пластырем поцарапанное колено. Как однажды собака оторвала сзади клочок от смешного летнего платья бабушки Нелли, и как он засмеялся, а мама дала ему затрещину и нечаянно поцарапала лоб камнем обручального кольца. Как отец учил его наживлять червяка на крючок и приговаривал: «Червякам не больно, Джонни, по крайней мере я так думаю». Он вспоминал, как отец подарил ему, семилетнему, на Рождество перочинный нож и очень серьезно сказал: «Я доверяю тебе, Джонни». Все эти воспоминания нахлынули разом.

А теперь Джонни вышел на морозный воздух, и его ботинки скрипели на снегу. Из рта белыми клубами вырывался пар. Луны не было видно, и черное небо казалось усеянным

мириадами звезд — сокровищами Господа, как выражалась Вера. «Ты смотришь на сокровища Господа, Джонни».

Он прошел по Мейн-стрит, остановился у маленького почтового отделения и достал из куртки письма. Джонни написал отцу, Саре, Сэму Вейзаку и Джорджу Баннерману. Он поставил «дипломат» между ног и, чуть помедлив, опустил письма в почтовый ящик возле аккуратного кирпичного домика. Джонни слышал, как они ударились о дно — наверняка первые субботние почтовые отправления в Джексоне, — и этот звук странным образом ознаменовал наступление развязки. Письма отправлены, и пути назад нет.

Подняв «дипломат», Джонни пошел дальше. Тишину нарушал только скрип ботинок по снегу. Большой термометр на двери Сберегательного банка Гранитного штата показывал минус шестнадцать, и застывший воздух был напоен безмолвным покоем, как всегда при морозах в штате Нью-Хэмпшир. Никакого движения. Дорога пустынна. Ветровые стекла припаркованных машин запорошены снегом и кажутся слепыми. Темные окна задернуты шторами. Все окружающее представлялось Джонни зловещим и вместе с тем каким-то отрадным. Джонни постарался избавиться от этого ощущения. То, что он собирался сделать, отрадным не было.

А как ты поступишь, умник, если входная дверь заперта?

Что ж, если понадобится, он сообразит, что делать. Оглядевшись, Джонни убедился, что вокруг никого нет. Вот если бы на встречу в городок приезжал президент, тогда, конечно, все было бы иначе. Уже с ночи это место оцепили бы и расставили внутри людей. Но речь шла лишь об одном из четырехсот конгрессменов, не велика птица! Во всяком случае, пока!

Джонни поднялся по ступенькам и нажал на ручку. Та легко повернулась, и он, войдя в холодный вестибюль, прикрыл за собой дверь. Головная боль возвращалась, и гулкие удары сердца отдавались в висках. Поставив «дипломат» на пол, Джонни помассировал виски пальцами в перчатках.

Внезапно раздался громкий скрип, дверь гардероба начала открываться, и оттуда прямо на Джонни стало медленно вываливаться что-то белое.

Он едва сдержал крик. Сначала ему показалось, что это труп, совсем как в фильмах ужасов, но это была тяжелая подставка с объявлением: «Для экзамена необходимо предъявить полный комплект документов».

Джонни вернул подставку на место и повернулся к двери, ведущей наверх.

Однако эта дверь была заперта.

Джонни нагнулся, чтобы получше разглядеть замок в тусклом свете уличного фонаря, который просачивался сквозь одно из окон. Замок был с пружинным фиксатором, и Джонни решил попытаться открыть его крючком от вешалки. Взяв вешалку в гардеробе и просунув металлический крючок в зазор между дверью и косяком, он стал осторожно водить им, чтобы подцепить собачку. Голова раскальвалась. Наконец ему удалось отжать язычок, замок щелкнул, и дверь открылась. Джонни взял «дипломат» и прошел внутрь, не выпуская из рук вешалки. Закрыв дверь, он услышал, как снова щелкнула пружина, запирая ее. Когда Джонни поднимался по узким ступенькам, они жалобно заскрипели.

Он попал в небольшой коридор, по обе стороны которого располагались двери с табличками: «Председатель совета городских выборных», «Члены совета городских выборных», «Налоговый инспектор», «Мужской туалет», «Инспектор по делам малоимущих» и «Женский туалет».

В конце коридора находилась дверь без таблички. Не запертая, она вела на галерею над дальней частью лежавшего внизу зала. Джонни затворил за собой дверь и вздрогнул от прокатившегося гулкого эха. Двинувшись вправо, он слышал, как эхо подхватывает звук его шагов. Вскоре он добрался до участка над печью прямо напротив трибуны. На ней через пять с

половиной часов появится Стилсон.

Джонни сел, скрестив ноги. Он глубоко дышал, стараясь унять головную боль. Печь не топилась, и холод пробирал его насквозь. Предвестник могильного холода.

Немного придя в себя, Джонни расстегнул замки на «дипломате». Двойной щелчок разнесся эхом. Он напоминал звук взводимых курков.

Правосудие по-американски, почему-то подумалось ему. Именно так выразился прокурор, когда присяжные признали певицу Клодин Лонже виновной в убийстве ее любовника. Теперь она знает, что означает правосудие по-американски.

Джонни заглянул в «дипломат» и потерял глаза. Картина перед глазами расплылась, но тут же снова обрела четкость. Джонни понял, что источником «озарения» стал деревянный пол, на котором он сидел. Казалось, он разглядывал старинную фотографию в характерных для того времени коричневатых тонах. Стоявшие мужчины курили сигары, разговаривали и смеялись в ожидании начала городского собрания. Что за год? 1920-й? 1902-й? Во всем этом было нечто жутковатое, отчего Джонни стало не по себе. Один из мужчин говорил о цене виски и ковырял в носу серебряной зубочисткой, и

(а за два года до этого он отравил свою жену)

Джонни вздрогнул. Что бы сейчас он ни видел, это не имело значения. Этого мужчины уже давно нет на свете.

В «дипломате» тускло поблескивал ствол винтовки.

Во время войны мужчин за это награждают, подумал Джонни.

Он начал собирать винтовку. Каждый щелчок отдавался однократным эхом.

Джонни зарядил «ремингтон» пятью патронами.

Пристроил винтовку на коленях.

И начал ждать.

3

Светало медленно. Джонни немного подремал, но заснуть по-настоящему не мог из-за холода. Даже во время короткого забытья его преследовали тревожные и отрывистые сны.

В восьмом часу он проснулся окончательно. Дверь внизу с грохотом распахнулась, и Джонни едва сдержал крик: «Кто там?»

Это был сторож. Джонни прищелкнул глазом к прорези в балюстраде и увидел дородного мужчину в морском бушлате. Он шел по центральному проходу с охапкой дров в руках и негромко мурлыкал ковбойскую песню «Долина Красной реки». Бросив дрова в ящик перед печью, сторож исчез из виду, и через мгновение послышался скрежещущий звук открываемой дверцы печи.

Джонни вдруг сообразил, что каждый раз при выдохе у него изо рта вырывается облачко пара. А если сторож посмотрит вверх? Он что-нибудь заметит?

Он старался дышать реже, но от этого еще сильнее разболелась голова, да и перед глазами все начало расплываться.

Внизу послышалось шуршание бумаги, и чиркнула спичка. Донесся легкий запах серы. Сторож продолжал мурлыкать «Долину Красной реки», а потом вдруг запел в полный голос, правда, здорово фальшивя: «Ты долину решила покинуть... И улыбку с собой прихватить... И сияние глаз своих ясных... Как без них нам теперь здесь прожить?..»

Новый звук. Потрескивание разгоревшихся поленьев.

— Сейчас я с тобой разберусь, зараза! — воскликнул сторож прямо под Джонни, и снова грохнула дверца печки. Джонни зажал рот руками, чтобы не прыснуть со смеху. Ему вдруг

представилось, как он поднимается во весь рост на галерее, худой и бледный, как всякое уважающее себя привидение. Он представил, как раскинет в стороны руки, будто крылья, растопырит пальцы и произнесет замогильным голосом: «Это с тобой я сейчас разберусь».

Джонни казалось, что голова превратилась в огромный помидор, заполненный горячей пульсирующей кровью.

Предметы перед глазами прыгали и расплывались. Он хотел бы находиться как можно дальше от мужчины, ковырявшего в носу серебряной зубочисткой, но боялся пошевелиться. Господи, только бы не чихнуть!

Внезапно по залу пронесся пронзительный вой, от которого чуть не лопнули барабанные перепонки. Боль устремилась вверх и завибрировала в висках. Джонни открыл рот, чтобы закричать... и вдруг все стихло.

— Ах ты, зараза! — недовольно бросил сторож.

Заглянув в прорезь, Джонни увидел, что сторож стоит на трибуне и возится с микрофоном. Похожий на змею шнур тянулся к портативному усилителю. Сторож спустился с трибуны, перенес усилитель на несколько шагов подалее от микрофона и покрутил на нем ручки настроек. Затем вернулся на трибуну и включил микрофон. Тот снова зафонил, но наводка была уже слабее и понемногу стихла. Джонни прижал ладони ко лбу и потер его, стараясь унять боль.

Сторож постучал по микрофону большим пальцем, и пустой зал отозвался таким гулким стуком, будто кулаком заколачивали крышку гроба. Затем фальшивое пение сторожа усилилось, превратившись в чудовищный рев.

Прекрати! — хотелось закричать Джонни. *Пожалуйста, прекрати! Я схожу с ума! Неужели нельзя перестать?*

Пение закончилось громким щелчком, и сторож сказал обычным голосом: «То-то, зараза!»

Он снова исчез из поля зрения, и до Джонни донеслись звуки рвущейся бумаги и лопнувшего шпагата. Потом сторож появился с кипой буклетов в руках и, насвистывая, начал раскладывать их стопками на скамейках.

Закончив приготовления, он застегнул бушлат и вышел из зала. Дверь за ним гулко хлопнула. Джонни взглянул на часы: семь сорок пять. В зале становилось теплее. Он сел и стал ждать. Голова по-прежнему болела, но, как ни странно, сейчас Джонни переносил головную боль легче, чем обычно. Он то и дело напоминал себе, что скоро его мучениям придет конец.

4

Ровно в девять входная дверь со стуком распахнулась, и Джонни, очнувшись от полудремы, вцепился в винтовку, но тут же разжал пальцы и приник глазом к щели. В помещении находились четверо мужчин: уже знакомый сторож в бушлате с поднятым воротником и еще трое в пальто и костюмах. У Джонни учащенно забило сердце — среди вошедших он узнал Санни Эллимана, коротко и аккуратно подстриженного по последней моде. Однако выражение его пронзительно-зеленых глаз не изменилось.

— Все готово? — спросил он.

— Можете проверить, — отозвался сторож.

— Не обижайся, папаша, — миролюбиво заметил один из приезжих, и группа направилась к первым рядам. Другой включил микрофон и, удостоверившись, что все работает, выключил.

— Тут все с ним так носятся, будто он какой император, — недовольно проворчал сторож.

— Так оно и есть, — подтвердил третий, и Джонни показалось, что он слышал его голос на митинге в Тримбулле. — Ты разве этого еще не понял?

— Наверху проверял? — спросил Эллиман, и Джонни похолодел.

— Дверь наверх заперта, — ответил сторож. — Все как обычно. Я подергал ее.

Джонни мысленно поблагодарил защелку замка, вставшую на место.

— Все равно надо было проверить, — упрямо заметил Эллиман.

Сторож досадливо поморщился.

— Ну, не знаю, ребята. Кого вы всё ищете? Призрака Оперы^[19]?

— Пошли, Санни, — предложил тот, чей голос показался Джонни знакомым. — Наверху никого нет. А мы как раз успеем выпить кофе в ресторанчике на углу.

— Там не кофе, а помои! — отрезал Санни. — Поднимись-ка лучше наверх и убедись, что там никого нет, Мучи. Дело есть дело.

Джонни облизнул пересохшие губы и, сжав винтовку, окинул взглядом галерею. Справа она заканчивалась глухой стеной, а слева вела к коридору с кабинетами. Если он тронется с места, его наверняка услышат: пустой зал усиливает звук. Джонни понял, что он в ловушке.

Снизу послышались шаги. Скрип открывающейся и закрывающейся двери на лестницу. Джонни ждал. Внизу сторож и двое оставшихся мужчин продолжали разговаривать, но о чем, слышно не было. Джонни медленно повернул голову и уставился на дальний конец галереи, ожидая появления Мучи, подручного Санни Эллимана. Он представлял, как скучающее выражение его лица сменится изумлением, а изо рта вырвется крик: «Санни! Тут прячется мужчина!»

Джонни слышал приглушенные шаги Мучи по ступенькам и лихорадочно пытался придумать хоть какой-то выход, но в голову ничего не приходило. Через минуту его обнаружат, и Джонни понятия не имел, как помешать этому. Любые действия неминуемо сорвали бы его планы.

Он слышал, как открывались и закрывались двери, каждый раз все ближе и ближе. Джонни помнил, как располагались помещения в коридоре: Мучи уже проверил кабинеты с табличками «Председатель совета городских выборных», «Члены совета городских выборных» и «Налоговый инспектор». Сейчас он заглядывает в мужской туалет, сейчас в кабинет инспектора по делам малоимущих и, наконец, в женский туалет. Следующая дверь вела на галерею.

Она открылась.

Звук двух шагов до перил короткой галереи над входом в зал.

— Санни, слышишь меня? Ты доволен?

— Все тихо?

— Как на кладбище, — ответил Мучи, и снизу раздался взрыв смеха.

— Ладно, спускайся и пойдем выпьем кофе! — крикнул третий.

Невероятно, но все обошлось! Дверь захлопнулась, и шаги стали удаляться сначала по коридору, потом по лестнице на первый этаж.

Джонни ослабел; перед глазами вдруг все стало серым и поплыло. К действительности его вернул стук захлопнувшейся входной двери в здание: приезжие ушли пить кофе.

Внизу сторож вынес суждение, произнеся вслух: «Шайка мерзавцев!» — после чего тоже вышел из зала.

Следующие двадцать минут Джонни провел в одиночестве.

Примерно в половине десятого зал начал заполняться жителями Джексона. Первыми пришли три пожилые и строго одетые женщины. Оживленно болтая, они устроились поближе к печке, где Джонни почти не видел их, и взяли красочные буклеты, лежавшие на скамье. Судя по всему, буклеты представляли собой подборку блестящих глянецом фотографий Грега Стилсона.

— Я просто обожаю его, — сказала одна. — У меня уже есть три его автографа, и сегодня обязательно возьму еще один.

Больше о Грее Стилсоне они не говорили и переключились на предстоящую в воскресенье встречу горожан. Она традиционно устраивалась в Новой Англии раз в десять лет, чтобы собрать вместе как нынешних, так и бывших жителей города.

Замерзший утром Джонни сидел на галерее прямо над печкой и теперь изнывал от жары. Во время затишья между уходом охранников Стилсона и появлением первых горожан он снял не только куртку, но и рубашку. Джонни то и дело вытирал с лица пот, и намокший платок, казалось, был в красных разводах: больной глаз снова начал дергаться, и все виделось сквозь красноватую пелену.

Внизу открылась дверь, послышался дружный топот людей, обивавших снег с обуви, и четверо мужчин в клетчатых куртках прошли по проходу и заняли места в первом ряду. Один из них тут же начал рассказывать анекдот.

Появилась молодая женщина лет двадцати трех; она привела с собой сына в голубом спортивном комбинезоне с яркими желтыми вставками. На вид ему было года четыре, и он сразу поинтересовался, можно ли поговорить в микрофон.

— Нет, милый, — ответила женщина, и они сели позади мужчин. Мальчик немедленно начал колотить ногами по спинке скамейки перед собой, и один из мужчин обернулся.

— Шон, прекрати! — сказала женщина.

Без четверти десять. Теперь дверь постоянно открывалась и закрывалась, впуская в зал мужчин и женщин всех возрастов и самых разных занятий. В зале стоял ровный гул голосов и царила атмосфера ожидания. Они собрались вовсе не для того, чтобы расспросить своего законно избранного представителя, как тот защищает их интересы в Вашингтоне. Они пришли на встречу с настоящей звездой, удостоившей посещения их маленький городок. Джонни знал, что обычно встречи с кандидатами или уже выбранными представителями проходили в полупустых залах, где сидели лишь особо стойкие поклонники. Во время выборов 1976 года в штате Мэн на дебатах между Биллом Коуэном и его соперником Лейтоном Куни присутствовало всего двадцать шесть человек, не считая прессы. Подобные встречи носили скорее ритуальный характер; их устраивали, чтобы «kozyрнуть» ими во время следующей избирательной кампании. Для них вполне подошли бы небольшие чуланы и кладовки. Но здесь все происходило иначе. К десяти часам все места на скамейках были заняты, а в конце зала стояло еще человек двадцать — тридцать, которым не хватило места. Всякий раз, когда дверь открывалась, Джонни сжимал в руках винтовку. Даже несмотря на беспрецедентно высокие ставки, он так и не знал до конца, сможет ли нажать на курок.

Пять минут одиннадцатого. Десять. Решив, что Стилсон почему-то задержался, Джонни с облегчением подумал, не отменил ли тот визит, но тут распахнулась дверь, и благодушный голос громко произнес:

— Всем привет! Как поживает славный Джексон, штат Нью-Хэмпшир?

По залу прокатился довольный гул. Кто-то исступленно выкрикнул:

— Грег! Как жизнь?

— У меня все путем! — тут же отозвался Стилсон. — А что у вас?

Аплодисменты сменились ревом одобрения.

— Ну что ж, отлично! — крикнул Грег и быстро двинулся по проходу к сцене, по пути пожимая руки.

Джонни разглядывал его в щель. На Стилсоне было тяжелое пальто из сыромятной кожи с овчинным воротником, а вместо привычной каски — шерстяная вязаная шапочка с ярко-красной кисточкой. У конца прохода он замедлил шаг и помахал нескольким журналистам, приехавшим

на встречу. Засверкали вспышки фотоаппаратов, и по залу пронеслась вторая волна таких бурных оваций, что задрожали перекрытия.

Джонни Смит вдруг осознал, что наступил момент истины. На него с ужасающей ясностью нахлынули воспоминания о том, что ему привиделось в Тримбулле. В истерзанном болью мозгу раздался сухой деревянный треск, словно столкнулись какие-то предметы, мчавшиеся с бешеной скоростью. Возможно, это был глас Судьбы. Конечно, проще всего помедлить и дать Стилсону возможность выговориться. Проще всего позволить ему ускользнуть, а самому сидеть, обхватив голову руками, и ждать, когда все разойдутся, сторож отключит микрофон и подметет пол. И все это время тешить себя надеждой, что не все еще потеряно и все получится на будущей неделе в другом городе.

Но час пробил, и именно сейчас судьба каждого жителя Земли зависела от того, что произойдет или не произойдет в этом захолустном городишке.

В голове грохотало, будто полюса Судьбы неотвратно сближались.

Стилсон поднимался по ступенькам на сцену. За ним никого не было. Трое охранников в расстегнутых пальто стояли у дальней стены.

Джонни поднялся и выпрямился во весь рост.

6

Казалось, все происходило, как в замедленной съемке.

От долгого сидения ноги затекли, и в коленях щелкнули суставы с таким звуком, словно разорвалась отсыревшая хлопушка. Время остановилось, и аплодисменты продолжались, хотя головы начали поворачиваться, а шеи вытягиваться. Раздался чей-то крик, потому что человек на галерее с винтовкой в руках до мелочей напоминал то, что все много раз видели по телевизору, и ошибки быть не могло. В известном смысле эта картина стала такой же неотъемлемой и узнаваемой частью американского образа жизни, как еженедельная развлекательная телепрограмма «Удивительный мир Диснея». Политик и человек на возвышении с винтовкой в руках.

Грег Стилсон повернул голову в сторону Джонни, и его толстая шея собралась в складки. Красная кисточка на лыжной шапочке взлетела и опустилась.

Джонни вскинул винтовку, и приклад, чуть качнувшись, завис в воздухе и уперся в плечо. Он вспомнил, как однажды в детстве отец взял его на охоту. Они бродили в поисках дичи, но, встретив ее, Джонни так и не смог нажать на курок из-за нервного потрясения. Он никогда и никому не рассказывал об этом, считал такое признание постыдным.

Раздался еще один крик. Одна из пожилых женщин зажала рукой рот, и Джонни бросились в глаза искусственные фрукты на широких полях ее черной шляпы. Лица, повернутые к нему, походили на большие белые зеро, а открытые рты — на маленькие черные. Мальчик в спортивном комбинезоне показывал на Джонни пальцем. Мать пыталась закрыть его своим телом. Увидев Стилсона на линии огня, Джонни вспомнил, что надо снять предохранитель. Охранники в расстегнутых пальто уже вытаскивали что-то из карманов, и Санни Эллиман, сверкая зелеными глазами, заорал:

— На пол, Грег! Ложись!

Но Стилсон продолжал смотреть на галерею: их взгляды встретились и не отпускали друг друга, и снова между ними не осталось никаких тайн. Джонни нажал на курок, и в то же мгновение Стилсон пригнулся. По залу прокатился грохот выстрела, и пуля вырвала из деревянной обшивки сцены целый кусок, оставив на нем светлую пробоину. Одна из разлетевшихся щепок попала в микрофон, и зал наполнился чудовищным воем, перешедшим в

низкое гортанное гудение.

Джонни передернул затвор и снова выстрелил. На этот раз пуля проделала дыру в пыльном ковре, накрывавшем помост.

Толпа заметалась, как обезумевшее стадо. Все рванулись к центральному проходу. Те, кто стоял у дверей, сразу выскочили из зала, а потом у выхода образовалась пробка из напиравших друг на друга и кричавших от ужаса мужчин и женщин.

Со стороны стены, противоположной от галереи, прозвучали сухие хлопки, и перила перед Джонни разлетелись в щепы. Что-то просвистело возле его уха, а затем невидимый палец отогнул воротник рубашки. В руках у троих охранников были пистолеты, а одинокая фигура Джонни на галерее представляла собой отличную мишень. Правда, Джонни сомневался, что, оказавшись он в окружении случайных прохожих, это смутило бы их.

Одна из трех пожилых женщин — из тех, что пришли первыми, — схватила Мучи за руку. Она всхлипывала и пыталась что-то спросить, но тот отшвырнул ее и, зажав пистолет обеими руками, тщательно прицелился. В зале стоял запах пороха. С того момента, когда Джонни обнаружил себя, прошло не больше двадцати секунд.

— На пол, Грег! Ложись!

Стилсон все еще стоял на краю сцены, слегка пригнувшись, и смотрел вверх. Джонни чуть опустил ствол винтовки и поймал Стилсона в прицел. Но тут его самого зацепило в шею, он пошатнулся, и винтовка, дернувшись вверх, послала пулю в окно напротив. Стекло разлетелось вдребезги, и осколки со звоном посыпались на пол. Грудь и плечо Джонни заливала кровь, бившая из шеи.

Ничего не скажешь — удачное покушение, промелькнуло в голове у Джонни, и он шагнул к перилам. Снова передернув затвор, вскинул винтовку к плечу. Стилсону наконец удалось стряхнуть оцепенение, и он рванулся к ступенькам. Оказавшись внизу, Грег снова бросил взгляд на Джонни.

Еще одна пуля просвистела у виска. *Я обливаюсь кровью, как заколотая свинья*, подумал Джонни. *Ну же, соберись и покончи с ним!*

Пробка у выхода чуть рассосалась, и люди повалили наружу. Из дула пистолета вырвался дымок, за ним последовал выстрел, и невидимый палец, отогнувший воротник рубашки мгновение назад, теперь полоснул по щеке Джонни. Но это не имело значения. Важно было только одно — достать Стилсона.

Может, хоть сейчас получится...

Для человека своей комплекции Стилсон двигался удивительно быстро.

Темноволосая женщина, которую Джонни заметил раньше, уже добралась до середины зала, держа сына на руках и стараясь прикрыть его. И тут Стилсон сделал нечто такое, что ошеломленный Джонни едва не выронил винтовку из рук. Он выхватил малыша из рук матери и повернул его в сторону галереи, загораживаясь им. Теперь на линии огня оказался не Стилсон, а маленькое извивающееся тельце

(голубая дымка, по которой пробегают рябью похожие на тигриные желтые полосы)

в голубом комбинезоне с яркими желтыми полосками. Джонни замер от изумления. Перед ним был точно Стилсон. Тигр! *Но теперь его скрывала голубая дымка.*

— Что это значит?! — закричал Джонни, но с его губ не слетело ни звука.

Пронзительно и исступленно закричала мать, но Джонни где-то слышал все это раньше.

— Томми!.. Отдай его, негодяй!

Голова Джонни угрожающе разбухла и, казалось, вот-вот лопнет от напряжения. Перед глазами все плыло. И только прицел выхватывал единственное четкое пятно — грудь мальчика в голубом комбинезоне.

Давай же, Бога ради, иначе он уйдет...

И теперь — хотя, возможно, причиной было помутнение в глазах — голубой комбинезон стал расплываться, а его цвет все более походил на светло-голубые яйца малиновки. И сквозь эту голубизну еще отчетливее проступали темно-желтые полосы, пока не поглотили все полностью.

(Он за дымкой, да, за дымкой, но что это значит? Он что — в безопасности или просто вне моей досягаемости? Что все это...)

Где-то внизу вспыхнул и тут же погас огонь. *Фотовспышка*, мелькнуло в голове у Джонни.

Стилсон оттолкнул женщину и попятился к двери. В глазах, узких, как щелки, был холодный расчет. Он крепко держал извивавшегося мальчугана за шею и промежность.

Не могу! Господи милосердный, прости меня! Я не могу!

В Джонни попали еще две пули: та, что в грудь, отбросила его к стене, вторая вошла чуть ниже ребер и развернула к перилам. Он смутно осознал, что выронил винтовку, и та, ударившись об пол, выстрелила в стену. У Джонни подкосились ноги, и он, перевесившись через перила, полетел вниз. Перед глазами дважды крутанулся зал, и Джонни рухнул на скамьи, круша их с оглушительным треском, и замер. У него были сломаны ноги и позвоночник.

Джонни открыл рот, чтобы закричать, но изо рта вырвался фонтан крови. Он лежал среди обломков, и в голове крутилась единственная мысль:

Все кончено! Я все испортил!

Его грубо схватили и перевернули. Над ним стояли Эллиман, Мучи и еще один охранник. Перевернул его Эллиман.

Подошел Стилсон и оттолкнул Мучи.

— Оставьте его, — хрипло распорядился он. — Найдите сукина сына, который сделал снимок! Разбейте камеру!

Мучи и третий охранник ушли. Где-то совсем рядом темноволосая женщина кричала:

— ...ребенком! Он прикрылся ребенком! Я всем расскажу...

— Заткни ее, Санни! — сказал Стилсон.

— Без проблем. — И тот отошел.

Стилсон опустился на колени рядом с Джонни.

— Мы раньше встречались, приятель? Только не ври. Тебе все равно не выжить.

— Да, — прошептал Джонни.

— На митинге в Тримбулле, верно?

Джонни прикрыл глаза.

Стилсон поднялся, и Джонни, собрав последние силы, ухватил его за лодыжку. Стилсон легко освободился, но этого мгновения Джонни хватило.

Все изменилось!

Вокруг него собирались зеваки: лиц он не видел, только ноги, но это не важно. *Все изменилось!*

Джонни тихо заплакал. На этот раз, прикоснувшись к Стилсону, он ощутил только пустоту. Будто дотронулся до севшей батарейки, до рухнувшего дерева, до безлюдного дома, до пустых книжных полок, до бутылки из-под вина.

Сознание уходило. Джонни слышал возбужденные голоса людей, но слов уже не различал. Только звуки сливались в однообразный, заполнивший все гул.

Джонни увидел темный коридор, из которого когда-то, очень давно вышел. Он выбрался из материнской утробы и попал в этот яркий мир. Только тогда его мама была жива, и отец находился рядом и звал его по имени, пока Джонни не пробился к ним. Теперь пришло время вернуться. Теперь он мог вернуться.

Я сделал это! Не знаю как, но мне удалось!

Он двигался в глубь коридора с темными блестящими стенами, не зная, есть ли что-нибудь в конце. Его вполне устраивало, что рано или поздно он это узнает. Гул голосов постепенно стихал, а яркое мерцание блекло. Он, Джонни Смит, по-прежнему оставался собой — Джонни Смитом.

Надо войти в коридор, подумал он. Что ж, пусть будет так.

Джонни казалось, что, оказавшись в коридоре, он сможет ходить.

Часть III

Записки из мертвой зоны

Портсмут, Нью-Хэмпшир

23 января 1979 г.

Дорогой папа!

Мне предстоит написать ужасное письмо, поэтому постараюсь быть кратким. Когда ты получишь его, меня, наверное, уже не будет в живых. Со мной случилось нечто страшное, и, думаю, началось это задолго до аварии и комы. Ты, конечно, знаешь о моих экстрасенсорных способностях и наверняка помнишь, как перед смертью мама говорила, что все делается по воле Божьей и что Господь возложил на меня особую миссию. Она просила меня не уклоняться от нее, и я обещал, что не буду — не столько всерьез, сколько желая успокоить ее. А сейчас выходит, что она была по-своему права. Я по-прежнему не верю в Бога как в некое существо, которое все за нас решает и раздает задания, будто бойскаутам, проходящим испытания в Великом походе под названием «Жизнь». Но мне так же трудно поверить, что все случившееся со мной — лишь слепой случай.

Летом 1976 года я отправился в Тримбулл на встречу Грега Стилсона с избирателями третьего округа Нью-Хэмпшира. Если помнишь, тогда он баллотировался в первый раз. На пути к трибуне он пожал множество рук; одна из них оказалась моей. Дальше тебе будет трудно поверить, хотя ты имел возможность убедиться в моих способностях. У меня случилось «озарение», хотя правильнее назвать это «прозрением», совсем как описывается в Библии. Во всяком случае, нечто очень близкое к этому. В отличие от предыдущих «видений» изображение было нечетким, но поразительно ярким. Оно казалось затянутым голубоватой дымкой, которой раньше я никогда не видел. Мне открылось, что Грег Стилсон стал президентом Соединенных Штатов. В каком году — сказать затрудняюсь, но он сильно облысел. Думаю, лет через четырнадцать, от силы — восемнадцать. Мой дар заключается в «видении», а не в толковании, но в данном случае мое видение затрудняла какая-то непонятная дымка. Однако того, что я видел, мне хватило сполна. Если Стилсон станет президентом, он ухудшит и без того напряженную международную обстановку. Если Стилсон станет президентом, он развяжет ядерную войну. Мне кажется, что началом послужат события в Южной Африке. И я уверен, что эта короткая, но кровопролитная война не ограничится обменом боеголовками двух-трех держав, а охватит не меньше двадцати стран, не говоря уже о разных террористических группах.

Пап, я понимаю, каким диким это может показаться. Мне и самому это представляется настоящим безумием. Однако я настолько уверен в реальности ужасной картины будущего, что не вижу никакого смысла в поиске других объяснений своего «видения». Ты не знаешь — как, впрочем, не знает никто, — что я сбежал от Четсвортов вовсе не из-за пожара. Мне кажется, я пытался сбежать от Грега Стилсона и того, что мне надлежало сделать. Как Илия, искавший убежища в пещере, или Иона в чреве кита. Я решил, что надо выждать и посмотреть, как будут развиваться события. Убедиться, что условия для такого печального будущего действительно складываются. Вероятно, я наблюдал бы до сих пор, но осенью прошлого года головные боли усилились, а тут еще случилась та история в бригаде дорожников, где я работал. Думаю, наш бригадир Кейт Стрэнг хорошо помнит ее...

Выдержки из свидетельских показаний так называемому Комитету по делу Стильсона под председательством Уильяма Коуэна, сенатора от штата Мэн. Вопросы задает главный юрисконсульт комитета мистер Норман Д. Верайзер. Свидетелем выступает мистер Кейт Стрэнг, проживающий по адресу: дом 1421 по Дезерт-бульвар, Финикс, штат Аризона.

Дата опроса — 17 августа 1979 года.

В. И в то время мистер Смит работал по найму в Департаменте общественных работ Финикса, верно?

С. Да, сэр, именно так.

В. И это было в начале декабря 1978 года?

С. Да, сэр.

В. Вы не припомните, случилось ли что-нибудь примечательное 7 декабря? Нечто, имеющее отношение к Джонни Смигу?

С. Конечно, сэр, еще как помню!

В. Расскажите об этом комитету, пожалуйста.

С. Ну, мне надо было съездить на склад и забрать две бочки по сорок галлонов с оранжевой краской. Понимаете, мы наносим разметку на дорогах. В тот день Джонни, я имею в виду Джонни Смита, работал на Роузмонт-авеню и наносил новые линии для разделения полос движения. Я вернулся примерно в четверть пятого, то есть за сорок пять минут до окончания рабочего дня, и тут ко мне подходит Герман Джоэллин, с которым вы уже беседовали, и говорит: «Кейт, ты бы посмотрел, как там Джонни. С ним что-то неладное. Я пытался с ним поговорить, но он ведет себя так, будто вообще меня не слышит. Чуть не задавил! Нужно привести его в чувство». Это его собственные слова. Я спросил его, в чем дело, а он ответил: «Посмотри сам, похоже, у него крыша поехала». Я поехал по дороге, там сначала все было нормально, а потом — бац!

В. И что вы увидели?

С. Я хочу сказать, еще до того, как увидел Джонни.

В. Да, мы понимаем.

С. Линия, которую он наносил, вдруг ушла вбок. Сначала немного, просто вильнула, потом больше, и, главное, она не была ровной! А Джонни в бригаде был самым лучшим по части разметки. Потом он и вовсе пошел вразнос! Разрисовал все большими петлями и завитками, а в некоторых местах проехал по кругу несколько раз. И еще ярдов сто протянул линию по обочине!

В. И что вы сделали?

С. Остановил его. То есть не сразу, конечно. Подъехал и стал кричать, чтобы привлечь внимание. Причем не раз и не два, а он как будто меня не слышал. Потом вильнул в сторону и помял мне весь бок машины. А она, между прочим, казенная и принадлежит Департаменту дорог. Я нажал на клаксон и заорал изо всех сил, и только тогда он очнулся, остановился и посмотрел на меня. Я спросил у него, какого черта он вытворяет.

В. И что он ответил?

С. Он сказал: «Привет!» И все! «Привет, Кейт». Как будто все было тип-топ!

В. А как отреагировали вы?

С. Если честно, я психанул. А Джонни стоял и озирался, вцепившись в машину, будто боялся упасть. Только тогда я заметил, как плохо он выглядит. Он всегда был худощавым, а тут еще белый как мел, и половина лица... как бы опущена вниз. Сначала он даже не понимал, о чем я говорю. А потом оглянулся и увидел, что натворил на дороге.

В. И что он сказал?

С. Извинился. А потом — даже не знаю — покачнулся и прикрыл лицо рукой. Я спросил, что с ним, а он ответил... Ну, понес всякую бессмыслицу.

Коуэн. Мистер Стрэнг, комитет особенно интересуется все, что произносил мистер Смит и что может пролить свет на последовавшие события. Вы не припомните, что именно он сказал?

С. Ну, сначала... что с ним все в порядке, вот только пахнет жженой резиной. Горящими крышками. А потом добавил: «Аккумулятор взорвется, если «прикурить» его от другой машины». И еще нечто вроде: «Я никуда не спешу, и оба приемника находятся на солнце. Поэтому сил на деревья жалеть не надо». Примерно так. Сами видите, сплошная бессмыслица.

В. А что случилось потом?

С. Он начал падать. Я подхватил его за плечо и за руку, которой он прикрывал лицо, и увидел, что правый глаз у него будто кровью налит. А потом он вырубился.

В. Но перед этим он успел еще что-то сказать, верно?

С. Да, сэр.

В. И что именно?

С. Он сказал: «О Стилсоне, папа, мы будем волноваться позже. Сейчас он в мертвой зоне».

В. Вы уверены, что он произнес именно эти слова?

С. Да, сэр, уверен. Я их никогда не забуду.

...и когда я очнулся, то уже лежал в маленькой каптерке на Роузмонт-авеню. Кейт сказал, чтобы я немедленно обратился к врачу и до этого на работе не появлялся. Я испугался, пап, но вовсе не потому, что, как мне кажется, подумал Кейт. Но я записался на прием к неврологу, которого порекомендовал мне Сэм Вейзак в ноябрьском письме. Я написал ему, что боюсь водить машину, так как у меня часто двоится в глазах. Сэм тут же ответил и посоветовал обратиться к доктору Вэнну. Сэма очень насторожили симптомы, но он не из тех, кто ставит диагноз на расстоянии.

К врачу я тогда обратился не сразу. Полагаю, рассудок может с каждым выкинуть какой-нибудь фокус, и до происшествия с разметкой я считал, что надо подождать и все само собой утрясется. Наверное, я боялся альтернативы и старался не думать о ней. Но случай на дороге стал последней каплей, и я пошел к врачу. Я испугался, но не за себя, а за всех, потому что мне многое открылось в видении.

Я обратился к доктору Вэнну, прошел обследование, и он от меня ничего не утаил. Как выяснилось, времени у меня осталось совсем не так много, как я считал, поскольку...

Выдержки из свидетельских показаний так называемому Комитету по делу Стильсона под председательством Уильяма Коуэна, сенатора от штата Мэн. Вопросы задает главный юрисконсульт комитета мистер Норман Д. Верайзер. Свидетелем выступает доктор Квентин М. Вэнн, проживающий по адресу: дом 17 по Паркленд-драйв, Финикс, штат Аризона.

Дата опроса — 22 августа 1979 года.

Верайзер. Завершив обследование и поставив диагноз, вы пригласили Джона Смита в свой кабинет?

Вэнн. Да, это был трудный разговор. Подобные беседы легкими не бывают.

Верайзер. Вы можете вкратце рассказать, о чем шла речь?

Вэнн. Да. Полагаю, что при таких необычных обстоятельствах я имею право нарушить врачебную этику. Я начал с того, что Джонни пережил ужасное потрясение. Он согласился. Из-за лопнувшего капилляра его правый глаз был по-прежнему налит кровью, но все-таки не так, как раньше. Если вы взглянете на снимок...

(Пояснения из распечатки беседы изъяты.)

Верайзер. И как отреагировал Джонни на ваши объяснения?

Вэнн. Он спросил, что у него «в сухом остатке», именно так и выразился. Должен признаться, что его спокойствие и мужество произвели на меня сильное впечатление.

Верайзер. И что было «в сухом остатке»?

Вэнн. Что? Простите, я подумал, что это и так ясно. У Джона Смита была прогрессирующая опухоль головного мозга в теменной доле.

(Волнение в зале, объявлен короткий перерыв.)

Верайзер. Доктор, прошу прощения за вынужденную паузу. Обращаю внимание присутствующих на то, что здесь проходит заседание комитета, занимающегося расследованием, а не разыгрывается спектакль. Прошу соблюдать порядок, иначе я попрошу парламентского пристава очистить зал.

Вэнн. Я понимаю, мистер Верайзер.

Верайзер. Благодарю вас, доктор. Не скажете ли комитету, как Смит воспринял это известие?

Вэнн. Он сохранял спокойствие. Удивительное спокойствие. Мне кажется, Смит подозревал нечто подобное, и я только подтвердил его опасения. Однако он признался, что испытывает страх, и спросил, сколько ему осталось.

Верайзер. И что вы ответили?

Вэнн. Я объяснил, что пока трудно сказать, поскольку нужно определить, что делать дальше, и высказал предположение о необходимости операции. Хочу подчеркнуть, что на тот момент я понятия не имел о коме и его необыкновенном, если не сказать сверхъестественном, выздоровлении.

Верайзер. И как он отреагировал?

Вэнн. Заявил, что никакой операции не будет. Он держался спокойно, но исключительно твердо. Я выразил надежду, что он изменит решение, так как, отказываясь от операции, подписывает себе смертный приговор.

Верайзер. И что он ответил?

Вэнн. Просил меня сообщить, сколько, по моему мнению, он сможет прожить без операции.

Верайзер. И вы удовлетворили его просьбу?

Вэнн. В общем, да. Я сказал ему, что процесс развития опухоли головного мозга очень индивидуален. Добавил, что у некоторых моих пациентов опухоль не давала о себе знать два года, но такие случаи крайне редки. Я заключил тем, что без операции он скорее всего проживет от восьми до двадцати месяцев.

Верайзер. И даже после этого он не изменил решение?

Вэнн. Да.

Верайзер. Когда Смит уходил, произошло что-нибудь необычное?

Вэнн. Я бы сказал — крайне необычное.

Верайзер. Расскажите, пожалуйста, нам об этом.

Вэнн. Я положил руку ему на плечо, желая задержать его. Понимаете, при данных обстоятельствах мне не хотелось сразу отпускать Смита, и я надеялся поддержать его. Едва я дотронулся до него, как почувствовал... нечто похожее на удар током. Но при этом ощущение было такое, будто из меня выкачивают силы и внутренне опустошают. Понимаю, что это сугубо личное восприятие, но оно важно, поскольку я профессионально занимаюсь научными наблюдениями. Уверяю вас, это ощущение не было приятным... я невольно отпрянул... а он посоветовал мне позвонить жене, потому что Строберри сильно расшибся.

Верайзер. Строберри?

Вэнн. Да, именно так он и сказал. Моего шурина... зовут Стэнбери Ричардс. В детстве мой младший сын всегда звал его «дядя Строберри». Я только вечером сообразил, о ком идет речь, и попросил жену позвонить брату — он живет в городке Гус-Лейк, штат Нью-Йорк.

Верайзер. И она позвонила?

Вэнн. Да, они мило поболтали.

Верайзер. И с вашим шурином мистером Ричардсом все было в порядке?

Вэнн. Да. Но неделю спустя он красил дом и, упав с лестницы, сломал позвоночник.

Верайзер. Доктор Вэнн, вы верите, что мистер Смит предвидел это? Вы верите, что он обладает даром ясновидения?

Вэнн. Не знаю, но допускаю такую возможность.

Верайзер. Спасибо, доктор...

Вэнн. Могу я кое-что добавить от себя?

Верайзер. Разумеется.

Вэнн. Если он действительно отмечен таким проклятием — да, я называю это именно проклятием, — то надеюсь, что Господь проявит милосердие к его измученной душе.

...и я не сомневаюсь, что все сочтут причиной моего поступка опухоль, но ты этому не верь, папа, — это неправда! Опухоль — лишь несчастье, которое, как я понимаю, долго за мной гналось и наконец настигло меня. Опухоль находится в том самом месте, которое я расшиб во время аварии, а еще раньше, в далеком детстве, ударился об лед Круглого пруда, катаясь на коньках. Именно тогда у меня появились первые «озарения», хотя сейчас я не помню ничего конкретного. И еще одно «озарение» было у меня накануне аварии на ярмарке в Эсти. Спроси у Сары — она наверняка помнит. Эта опухоль находится в той части мозга, которую я всегда называл «мертвой зоной». Видишь, название оправдалось. Жаль, конечно. Бог... промысел... рок... судьба... как ни назови, а это «нечто», похоже, протягивает свою неумолимую руку, чтобы все равно сделать по-своему и вернуть весы в равновесие. Не исключаю, что я должен был погибнуть во время аварии или даже еще раньше, когда упал на катке. Но уверен: когда исполню свое предначертание, весы снова придут в равновесие и я окажусь там, где должен был оказаться уже давно.

Папа, я тебя очень люблю. Мучительнее всего, если не считать выстрела из винтовки единственным для меня выходом из тупика, осознание того, какую боль причинит тебе мой уход, не говоря уже о ненависти людей, считающих Стилсона хорошим и достойным человеком...

Выдержки из свидетельских показаний так называемому Комитету по делу Стильсона под председательством Уильяма Коуэна, сенатора от штата Мэн. Вопросы задает заместитель главного юрисконсульта комитета мистер Альберт Ренфрю. Свидетелем выступает доктор Сэмюэл Вейзак, проживающий по адресу: дом 26 по Харлоу-Корт, Бангор, штат Мэн.

Дата опроса — 23 августа 1979 года.

Ренфрю. Мы приближаемся к завершению сегодняшнего заседания, и от имени комитета я хотел бы поблагодарить вас, доктор Вейзак, за участие в этом долгом четырехчасовом разговоре. Ваши ответы позволили во многом прояснить ситуацию.

Вейзак. Рад, что был полезен.

Ренфрю. Я хочу задать вам последний вопрос, доктор Вейзак. Он представляется мне исключительно важным. Это касается обстоятельства, затронутого самим Джоном Смитом в письме отцу — оно зачитывалось в процессе расследования. Вопрос заключается в том...

Вейзак. Нет.

Ренфрю. Простите?

Вейзак. Вы собираетесь спросить, могла ли опухоль стать причиной того, что Джонни нажал на курок в Нью-Хэмпшире, не так ли?

Ренфрю. Собственно говоря, полагаю...

Вейзак. Так вот: мой ответ — нет! Джонни Смит сохранял ясность ума до самых последних дней жизни. Об этом свидетельствуют его письма к отцу и Саре Хазлетт. Он был человеком, наделенным божественной силой или, возможно, проклятием, как выразился мой коллега доктор Вэнн. Но он не был сумасшедшим и не действовал под влиянием галлюцинаций, вызванных внутричерепным давлением, если они вообще возможны.

Ренфрю. Но разве у Чарльза Уитмена, известного как «Техасский снайпер», не было...

Вейзак. Да, у него была опухоль. Как и у пилота «Истерн эрлайнз», самолет которого разбился во Флориде несколько лет назад. Но в обоих случаях никто не высказывал предположения, что причиной трагедий была именно опухоль. Хотел бы обратить ваше внимание на то, что такие печально известные особы, как массовый убийца Ричард Спек, или серийный убийца Дэвид Берковиц, известный как «Сын Сэма», или Адольф Гитлер, совершали свои злодеяния, не имея никаких опухолей мозга. Или тот же убийца из Касл-Рока Фрэнк Додд, разоблаченный Джонни. Комитет может счесть поведение Джонни неадекватным, однако его поступок — деяние человека в здравом уме. Возможно, истерзанного мучительными сомнениями, но, безусловно, абсолютно нормального.

...а главное — не верь, что я сделал это спонтанно, без долгих и мучительных размышлений. Если его убийство даст человечеству четыре года, или два, или даже восемь месяцев на то, чтобы понять, кто такой на самом деле Стилсон, значит, оно оправдано. Я понимаю, что это порочный путь, но он может оказаться единственно верным. Не знаю. Но играть роль Гамлета я больше не намерен. Мне известно, как опасен Стилсон.

Папа, я тебя очень люблю. Поверь.

Твой сын Джонни.

Выдержки из свидетельских показаний так называемому Комитету по делу Стильсона под председательством Уильяма Коуэна, сенатора от штата Мэн. Вопросы задает заместитель главного юрисконсульта комитета мистер Альберт Ренфрю. Свидетелем выступает мистер Стюарт Клоусон, проживающий на Блэкстрэп-роуд, Джексон, штат Нью-Хэмпшир.

Ренфрю. Итак, вы захватили с собой фотоаппарат?

Клоусон. Да! Перед самым уходом. Вообще-то я не собирался туда идти, хотя Грег Стильсон мне нравится, вернее, нравился до того дня. Просто сам вид ратуши почему-то внушал неприязнь.

Ренфрю. Из-за экзамена на водительские права?

Клоусон. Ну да! Провалиться на экзамене — это кого угодно выбьет из колеи! А потом я подумал — какого черта?! И в результате сделал снимок! Думаю, он прославит и обогатит меня. Совсем как «Водружение флага на Иводзиме».

Ренфрю. Надеюсь, вы не считаете, что все случившееся было устроено специально для вас, молодой человек?

Клоусон. Нет, что вы! Я просто хотел сказать... даже не знаю, как выразиться. Понимаете, это произошло прямо передо мной и... в общем, не знаю. Господи, я ужасно рад, что со мной оказалась камера, вот и все!

Ренфрю. Вы щелкнули, когда Стильсон схватил ребенка?

Клоусон. Мэтта Робсона. Да, сэр.

Ренфрю. Это ваш снимок?

Клоусон. Да, мой.

Ренфрю. И что случилось потом?

Клоусон. Ко мне рванулись два бандита. Они кричали: «Парень, брось камеру! Брось ее, су...» В общем, матерились.

Ренфрю. И вы побежали.

Клоусон. Побежал? Не то слово! Припустил со всех ног! Они гнались за мной до самых гаражей. Один из них едва не догнал меня, но поскользнулся на льду и упал.

Коуэн. Молодой человек, позволю себе заметить, что, убежав от бандитов, вы выиграли главный забег в своей жизни.

Клоусон. Спасибо, сэр. А как в тот день поступил Стильсон... наверное, такое трудно представить... но закрываться маленьким ребенком — совсем подло. Теперь в Нью-Хэмпшире его не выберут даже в мусорщики.

Ренфрю. Благодарю вас, мистер Клоусон. Вы свободны.

Наступил октябрь.

Сара долго откладывала эту поездку, но больше тянуть было нельзя. Она это чувствовала. Оставив детей с миссис Эбланэп — Уолт теперь зарабатывал почти тридцать тысяч в год, и у них была служанка и две машины вместо маленького красного «пинто», — она отправилась в Паунал поздней осенью.

Добравшись до места, Сара поставила машину на обочине живописной проселочной дороги и перешла на другую сторону, где находилось небольшое кладбище. На потускневшей маленькой табличке при входе значилось: «Березки». Ухоженное кладбище окружала каменная стена. Несколько выцветших флагов сохранились со Дня поминовения, отмечавшегося пять месяцев назад. Скоро они будут погребены под снегом.

Сара шла медленно, никуда не торопясь, и ветерок трепал подол ее темно-зеленой юбки. Тут покоились поколения Бауденов, целый клан Марстенсов, а вокруг большого мраморного памятника теснились родовые захоронения Пиллсбэри, восходившие к 1750 году.

У задней стены она нашла новую могильную плиту с простой надписью: *Джон Смит*. Сара опустилась на колени и задумчиво провела по ней рукой.

29 января 1979 г.

Дорогая Сара!

Я только что написал отцу очень важное письмо. В нем я изложил все, что хотел, и на это ушло полтора часа. Поэтому на второе такое письмо у меня просто нет сил, и я прошу тебя, не читая дальше, сразу же позвонить отцу.

Теперь ты, наверное, все знаешь. Я собирался сказать тебе, что в последнее время очень много думал о нашей поездке на ярмарку в Эсти. Если бы меня спросили, что именно мне запомнилось о том дне больше всего, я бы назвал две вещи. Мое невероятное везение на «Колесе фортуны» (помнишь, как парнишка приговаривал: «Взгрейте этого барыгу»?) и маску, которую я надел шутки ради. Я хотел тебя развеселить, а ты разозлилась, и наша поездка чуть не сорвалась. Может, тогда я не сидел бы сейчас здесь, а таксист был бы жив по сей день. С другой стороны, от судьбы не уйти, и конец все равно мог оказаться таким же, только с разницей в неделю, месяц или год.

Что ж, мы сделали ставку и пытались выиграть, однако выпало, похоже, двойное зеро. Но я думаю о тебе, Сара, и хочу, чтобы ты это знала. Ты была единственной в моей жизни, а та ночь — самой лучшей...

— Привет, Джонни, — прошептала она, и ветер пошевелил листву в пылающих багрянцем кронах осенних деревьев. Один лист незаметно опустился ей на волосы. — Я здесь. Я пришла.

Ей всегда казалось, что с мертвыми разговаривают только сумасшедшие, да и произносить слова вслух, когда никого вокруг нет, тоже довольно странно. Но Сару вдруг захлестнули такие сильные чувства, что горло перехватило, а пальцы ее судорожно сжались. А может, в таком разговоре нет ничего страшного? Как ни крути, девять лет — немалый срок, и сейчас подводится черта. Потом в ее жизни будут только Уолт и дети, и бесконечные улыбки с кресла за трибуной, с которой выступает муж. Бесконечные улыбки на заднем плане и статьи в воскресных газетах, если надежды Уолта на стремительный политический взлет оправдаются, в чем он сам не сомневался. Будущее добавит ей седины в волосах, грудь потеряет упругость, и придется постоянно носить бюстгальтер. Она станет уделять больше времени макияжу, заниматься в спортзале и ходить по магазинам в Бангоре, водить Денни в школу, а Дженис — в ясли. В будущем ее ждали новогодние вечеринки, когда все надевают на головы смешные колпачки, и научно-фантастические восьмидесятые, когда она вступит в такой неожиданный средний возраст.

Но в ее будущем нет окружных ярмарок.

По щекам скатились первые горячие слезы.

— Господи, Джонни! — воскликнула она. — Разве так все должно было быть? И разве так закончиться?

Она опустила голову, стараясь сдержать рыдания. Свет вдруг распался на множество лучиков, а ветер, только что казавшийся таким теплым и ласковым, каким бывает только в бабье лето, стал холодным и колючим, как в феврале.

— Это несправедливо! — закричала Сара окружавшим ее безмолвным Бауденам, Марстенсам и Пиллсбэри — молчаливым свидетелям того, что жизнь коротка, а смерть есть смерть. — Господи, как же все несправедливо!

И тут ее шеи коснулась рука.

...и тот вечер был для нас самым лучшим, хотя порой мне уже трудно представить, что в семидесятом году при Никсоне, тогда еще президенте, в университетах кипели страсти, еще не появились ни карманные калькуляторы, ни видеомагнитофоны, никто не знал ни Брюса Спрингстина, ни панк-рока. С другой стороны, в отдельные дни это время кажется таким близким, что возникает иллюзия, будто я могу обнять тебя, коснуться твоей щеки или шеи и увлечь за собой в другое будущее, где нет ни боли, ни тьмы, ни горечи выбора.

Что ж, мы все поступаем, как можем, и стремимся к лучшему... а если не выходит, довольствуемся тем, что имеем. Милая Сара, я очень надеюсь, что ты будешь вспоминать меня только добрым словом.

*Желаю тебе самого лучшего,
С любовью,*

Джонни.

Она судорожно вдохнула и выпрямилась — зрачки ее расширились.

— Джонни?..

Тишина.

Видение исчезло. Сара поднялась и обернулась — конечно, там никого не было. Но ей ясно представилось, как он стоит, засунув руки в карманы, с привычной ухмылкой на обаятельном лице. Худой и долговязый, он опирается на памятник или столб у кладбищенских ворот, или дерево, пылающее багрянцем осени.

Все нормально, Сара. Ты что, так и не бросила баловаться кокаином?

Джонни был совсем рядом, может, даже везде.

Мы все поступаем, как можем, и стремимся к лучшему... а если не выходит, довольствуемся тем, что имеем. Ничто на свете не исчезает навечно, Сара. Не существует такого, чего нельзя обрести вновь.

— Все тот же Джонни, — прошептала она и направилась к выходу. Перейдя через дорогу, Сара остановилась и оглянулась. Окрепший ветер пробежал по кронам деревьев, лучи солнца пронизывали яркую листву, а землю покрывали широкие полосы света и тени.

Сара села в машину и тронулась в обратный путь.

notes

Впервые роман «Мертвая зона» вышел в 1979 г. — *Примеч. ред.*

Маргарет Чейс Смит (1897–1995) — первая американка, избранная и в палату представителей, и в сенат США. Прославилась своим активным противостоянием маккартизму. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Рамон Наварро (1899–1968) — романтический идол Голливуда, снимался до начала 30-х гг. XX в.

Спиро Агню (1918–1996) — 39-й вице-президент США. Ушел в отставку в 1973 г. после скандала, связанного с получением им взяток и уклонением от налогов.

Капитан Крюк — персонаж книги Дж. Барри «Питер Пэн». Антигерой, капитан пиратов с острова Нетинебудет, противник Питера Пэна.

Молодежная палата США — неправительственная организация, которая занимается развитием у граждан в возрасте от 18 до 40 лет лидерских качеств, социальной ответственности, чувства товарищества и духа предпринимательства, необходимых для изменения мира к лучшему.

«Ротари интернэшнл» — международная организация бизнесменов и профессионалов, объединенных идеей служения обществу.

«Лайонс клубс интернэшнл» — международное объединение общественных благотворительных организаций-клубов, осуществляющих различные гуманитарные проекты.

Дислексия — комплексное нарушение чтения и письма (письменной речи) у детей с нормальным интеллектом.

15 мая 1972 г. в Лореле, штат Мэриленд, произошло покушение на губернатора Алабамы Джорджа Уоллеса, баллотировавшегося на пост президента.

Неофициальное название штата Нью-Хэмпшир, где с 1825 г. добывают гранит.

Серия скандалов, разразившихся в 1976 г. в связи с получением взяток членами конгресса от южнокорейского бизнесмена Тонг Сун Парка.

Точное слово (фр.).

Персонажи романа Джона Стейнбека «Гроздь гнева».

6 июня 1918 г. там состоялось первое крупное германо-американское сражение. Американцы потеряли 1811 человек убитыми и 7000 ранеными.

Персонаж журнала «Мэд» — инфантильный веснушчатый молодой человек, олицетворяющий неудачника и непроходимого тупицу, известен множеством популярных афоризмов. Его фирменная фраза: «Вы что, думаете, я чем-то обеспокоен?»

С 1978 года величина налога на недвижимость в Калифорнии определяется «Предложением 13» (полное название — «Народная инициатива по ограничению налогов на недвижимость»); оно стало поправкой к конституции Калифорнии.

Фотография времен Второй мировой войны; использовалась на плакатах, призывавших покупать облигации военного займа. Сюжет этой фотографии лег в основу памятника в вашингтонском пригороде Арлингтоне, штат Виргиния.

Персонаж мюзикла «Призрак Оперы», написанного английским композитором Эндрю Ллойдом Уэббером на основе одноименного романа Гастона Леру.